Г-64

М.Я.ГЛОВИНСКАЯ

МНОГОЗНАЧНОСТЬ И СИНОНИМИЯ В ВИДО-ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ГЛАГОЛА

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В.ВИНОГРАДОВА

М.Я.ГЛОВИНСКАЯ

МНОГОЗНАЧНОСТЬ И СИНОНИМИЯ В ВИДО-ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Москва
«Азбуковник»
«Русские словари»
2001

ББК 81
Г 54

4
Г-54

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
90797

Издание книги осуществляется при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 96-04-16152

Гловинская М.Я.

Г 54 Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. — М.: «Русские словари», «Азбуковник», 2001.— 320 с.

ISBN 5-93786-020-9 «Азбуковник»
ISBN 5-93259-020-3 «Русские словари»

В книге устанавливаются (а) типы семантического противопоставления видов в их главных значениях – актуально-длительном НСВ и конкретно-фактическом СВ – в зависимости от семантического класса соответствующего глагола; (б) выявляются семантические компоненты основных частных видовых и видо-временных значений; (в) описываются условия их реализации. Средством экспликации определенного грамматического значения данной видовой формы является ее полное толкование на упрощенном и стандартизованном естественном языке, подобное описанию лексического значения слова в толковом словаре.

Книга рассчитана прежде всего на лингвистов, филологов широкого профиля, а также на преподавателей русского языка, в том числе и как иностранного.

ББК 81

ISBN 5-93786-020-9 «Азбуковник»
ISBN 5-93259-020-3 «Русские словари»

In this book the author (a) establishes types of semantic opposition of aspects in their principal meanings - the progressive meaning of the imperfective and the concrete-factual meaning of the perfective – depending on the semantic class of the respective verb; (b) brings out the semantic components of the basic special meanings of the perfective and imperfective forms; and (c) describes the conditions in which those components are realized. The main device used for explicating a certain grammatical meaning of the given form is its complete definition in a standardized and simplified natural language, similar to the description of a word sense in an explanatory dictionary.

© М.Я. Гловинская, 2001
© «Азбуковник», 2001
© «Русские словари», 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данную книгу вошли работы автора по различным проблемам аспектологии, опубликованные на протяжении 80-х и начала 90-х годов[1]. Тем не менее эти работы составляют нечто целое, поскольку все они основаны на единых теоретических принципах и выполнены с помощью одного и того же метода.

Принципы, о которых идет речь, дает аспектологии и грамматике вообще современная семантика, описывающая все языковые значения на едином метаязыке.

Описание вида на основе принципов современной семантики диктуется не только потребностями аспектологии. Вид является центральной глагольной категорией и одной из центральных категорий в русском языке в целом. Он тесно связан со всеми грамматическими категориями глагола и некоторыми неглагольными морфологическими категориями, например, числом существительного и степенями сравнения прилагательного. Вид связан также с основными явлениями и единицами всех других языковых уровней — словообразовательного, синтаксического, лексического, семантического, прагматического. Наконец, семантика видовых форм взаимодействует с коммуникативной структурой высказывания. Поэтому описание семантики вида оказывается важным и для понимания других категорий русского языка — как грамматических, так и лексических — и тем самым для описания русского языка в целом.

Благодаря перечисленным свойствам вида он оказался в фокусе интересов различных лингвистических дисциплин и направлений, в том числе тех, которые стали энергично развиваться в последние десятилетия. Имеются в виду работы, посвященные связям между лексикой и грамматикой, теории референции, прагматике, коммуникативной структуре высказывания. Общим для этих работ является переход от исследования смысла отдельных единиц разных уровней (лексем, граммем, синтаксических конструкций) к исследованию целостного смысла предложений, высказываний и связных текстов. Особое значение придается формулировке правил и принципов, в соответствии с которыми из смысла отдельных единиц складывается общий смысл высказываний. Возникает необходимость учесть тот вклад, который вносится в общий смысл высказывания граммемами вида. Для этого

[1] Надо отметить, что при объединении публикаций в одно целое возникли некоторые повторения в отдельных местах книги, которые я решила оставить. Это связано с тем, что иногда один и тот же материал рассматривался в разных разделах и статьях под разным углом зрения, и для сохранения целостности картины и самодостаточности изложения удобнее было оставить все на своих местах.

они должны быть описаны на том же семантическом метаязыке, на котором описываются другие языковые и текстовые единицы.

Наша цель состоит в том, чтобы установить, какие семантические элементы (корреляты) соответствуют категориям совершенного вида (СВ) и несовершенного вида (НСВ) в их главных значениях и наиболее важных частных значениях. Более конкретно, в собранных в книге работах ставятся следующие четыре задачи: 1) установить тип (или типы) семантического противопоставления видов в их главных значениях — актуально-длительном значении НСВ и конкретно-фактическом (или точечном) значении СВ; 2) выделить семантические инварианты СВ и НСВ в этих главных значениях; 3) установить семантические компоненты основных частных видовых и видо-временных значений и по возможности полно описать условия их реализации; 4) продемонстрировать взаимодействие видового и лексического значений глагола.

Указанные задачи предопределили набор общих методов исследования и конкретных технических приемов, используемых в данной работе. Главным для нас оказался смысловой, или "интерпретационный" метод — полное толкование видовой формы, представленное на упрощенном и стандартизованном естественном языке и подобное лексикографическому описанию слова в словаре.

Использование толкований как основного средства экспликации грамматических (видовых) значений применительно к массовому материалу позволило получить ряд новых результатов, касающихся: 1) семантического инварианта СВ и НСВ в их главных значениях; 2) типов семантического противопоставления СВ и НСВ в их главных значениях; 3) соотношения между СВ и НСВ по большей / меньшей смысловой сложности; 4) способа разграничения видового и лексического значений в глагольной основе; 5) понятия чисто видовой пары; 6) статуса вида как категории, промежуточной между словоизменением и словообразованием; 7) основных групп частных видо-временных значений; 8) ряда видо-временных значений, ранее не описывавшихся в аспектологии: сказового, интерпретационного, непосредственно предшествующего действия; 9) некоторых специфических способов обозначения действия при повторной дескрипции (литературном пересказе содержания художественного произведения); 10) методики выявления "скрытой" семантики частных видо-временных значений; 11) соотношения главных и частных видо-временных значений.

С момента написания работ, легших в основу данной книги, в аспектологии появилось немало исследований, содержащих новые интересные идеи и результаты. Ср., например, такие книги, как *Козинцева Н. А.* "Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями", Л., 1991; "Семан-

тика и структура славянского вида" (отв. ред. Ст. Кароляк), 1, Kraków, 1995 и 2, Kraków, 1997; *А. В. Бондарко* "Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии", СПб., 1996; *Е. В. Падучева* "Семантические исследования", М., 1996; *И. Б. Шатуновский* "Семантика предложения и нереферентные слова", М., 1996; *Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев* "Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)", М., 1997; "Типология вида. Проблемы, поиски, решения" (отв. ред. М. Ю. Черткова), М., 1998, не говоря уже о большом количестве статей. Условия подготовки данной книги к печати не позволили нам в достаточной мере учесть эти и другие работы. Существенно, однако, что эти новые исследования не отменяют полученные нами результаты. Более того, многие из них прямо опираются на предложенные нами трактовки.

Еще одна причина, которая дает нам смелость предложить читателю эти работы объединенными в одном томе, состоит в том, что все вместе они дают целостное представление о большом фрагменте русской грамматики, проанализированном в рамках единой теоретической концепции.

***

Я глубоко благодарна Ю. Д. Апресяну, с которым имела счастливую возможность обсуждать предложенный текст на разных этапах его создания, за его щедрую научную помощь, а также И. А. Мельчуку, досконально проштудировавшему книгу [Гловинская 1982] и сделавшему ценные замечания, часть из которых мне удалось учесть в данной монографии.

ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ ВИДОВ И ВИДОВЫХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ*

Вопрос о том, что представляет собой категориальное значение каждого из видов, является коренным для аспектологии.

Несмотря на долгую традицию изучения семантики видов и многие замечательные находки в этой области, ни одна из высказанных точек зрения до сих пор не является общепринятой.

По нашему мнению, это объясняется тем, что большинство аспектологов, отлично представляя сложность видовой системы русского языка, стремились, тем не менее, найти единый признак, характеризующий значение каждого вида во всех его возможных употреблениях. Какой бы признак ни предлагался в качестве такого единого, характерного для всех глаголов данного вида, всегда находились опровергающие примеры. Поэтому история аспектологии представляет собой последовательность конкурировавших друг с другом определений семантики видов, каждое из которых отводилось оппонентами с помощью этих опровергающих примеров. Однако, несмотря на смену различных концепций, принцип изучения семантики видов, который условно можно назвать признаковым, до середины шестидесятых годов нашего столетия оставался неизменным.

В последние пятнадцать-двадцать лет в аспектологии, под влиянием других лингвистических дисциплин, прежде всего, семантики, начал складываться новый подход к изучению видов, который, в отличие от признакового, можно назвать интерпретационным, или смысловым.

Ниже будут коротко рассмотрены основные положения признакового и интерпретационного подходов к изучению видов. В нашу задачу совершенно не входит давать сколько-нибудь исчерпывающий обзор взглядов и детально прослеживать историю аспектологической мысли — все это всесторонне охвачено, изучено и описано в целом ряде работ[1]. Мы сосредоточим внимание лишь на тех принципах изучения видов, от которых, по нашему мнению, целесообразно отказаться, и на тех новых предложениях, которые следует принять.

---

*Раздел является "Введением" в докторской диссертации автора [Гловинская 1986б], который, в свою очередь, был основан на соответствующей главе книги [Гловинская 1982].

[1] См., например, [Виноградов 1947: 477-539; Dostál 1954: 11-17; Исаченко 1960: 130-209; Маслов 1959: 157-202; Маслов 1962: 7-32; Маслов 1975: 28-47; Маслов 1977: 23-46; Мучник 1971: 96-109; Шелякин 1975: 5-27; Авилова 1976: 5-42].

Таким образом, наш очерк будет в значительной мере критическим. Мы не будем касаться в нем многих ценных результатов, полученных аспектологией, если это не будет иметь непосредственного отношения к нашей узкой задаче.

Мы не будем строго следовать хронологическому принципу: иногда он нарушается в пользу логической последовательности.

Принципы, от которых, как показывает само развитие аспектологии, пришло время отказаться, могут быть сведены в два пункта: 1) априорное установление инварианта во всех значениях СВ и НСВ; 2) использование признака-названия для описания семантики видов.

1. Признаковый подход к описанию видов

1.1. Вопрос об инварианте в значениях видов

1.1.1. Интерпретация значений СВ

В качестве единого инвариантного значения СВ предлагались такие семантические признаки, как законченность, предельность, результативность, точечность, целостность и некоторые другие.

Законченность действия (Ф. Миклошич, В.А.Богородицкий). Под законченностью подразумевается доведение действия до конца (понятие конца представляется нам очень важным, однако в рамках рассматриваемой концепции оно, к сожалению, остается необъясненным). Как известно, именно эта точка зрения получила наибольшее распространение в школьных учебниках и пособиях по грамматике, хотя она же вызывала более всего полемических замечаний в теоретической литературе [Пешковский 1935: 97; Виноградов 1947: 493; Исаченко 1960: 134; Мучник 1971: 98-101].

По мнению А. М. Пешковского и В. В. Виноградова, под это определение не подходят глаголы со значением начала действия, например: *засуетиться, побежать, запеть*. Действительно, у всех названных глаголов отсутствуют соотносительные формы НСВ со значением процесса, законченность которого могли бы обозначать глаголы СВ, притом отсутствуют неслучайно. Глаголы *засуетиться, побежать, запеть* и т. п. обозначают действия, у которых нет никакой предшествующей фазы, которые начинаются сразу, мгновенно. Поэтому понятие законченности применительно к ним теряет смысл.

Существенным для отвода рассматриваемой концепции нам представляется именно последнее обстоятельство, а не тот факт, что эти глаголы имеют начинательное значение. Значение начинательности само по себе не противоречит значению законченности действия. Если начинательный глагол обозначает действие, у которого есть длящаяся фаза (обычно называемая соотносительным глаголом НСВ), то появ-

ляется возможность рассматривать форму СВ как конец этой предшествующей фазы. Ср. пары *зацветать — зацвести, загораться — загореться, засыпать — заснуть* и т. п.

В свете вывода о том, что понятие законченности не имеет смысла применительно к глаголам, СВ которых обозначает действие без предшествующей фазы, можно существенно расширить список таких глаголов. К ним относятся формы СВ стативных глаголов типа *услышать, увидеть, возглавить;* глаголов так называемого "мгновенного действия" типа *вздрогнуть, очнуться* (на это обратил внимание И. П. Мучник); непредельных глаголов типа *возрасти, увеличиться, расшириться* (*увеличиться* не значит 'кончить увеличиваться') и некоторых других.

Предельность действия (Р. О. Якобсон, В. В. Виноградов; вслед за В. В. Виноградовым это понятие использовали в своих работах Н. С. Авилова, Е. А. Земская, М. В. Панов, А. И. Тихонов). Оно близко к только что рассмотренному понятию законченности действия ("предел" и "конец", безусловно, — родственные понятия), однако в указанных работах его содержание раскрывается с большей полнотой и определенностью. Остановимся на одной его формулировке, которая нам кажется наиболее удачной.

"Наиболее абстрактным значением предела действия является значение внутреннего качественного предела, т. е. такой границы или "критической точки", по достижении которой действие должно исчерпать себя и прекратиться" [Грамматика-70: 337].

Здесь для определения предела используются слова "граница" и "исчерпать себя", которые представляются не менее сложными и поэтому точно в такой же мере нуждаются в истолковании, как и понятие предела. Тем не менее, в этом определении есть важные элементы смыслового анализа значения СВ: момент ("критическая точка"), когда действие должно прекратиться и прекращается. Этих элементов недостаточно для толкования значения СВ, однако все они являются необходимыми, по крайней мере, для одного большого класса глаголов. Мы имеем в виду глаголы, традиционно называемые предельными.

Здесь уместно обратить внимание на то, что термин "предельность" используется в лингвистике в двух разных смыслах. С его помощью характеризуется, во-первых, грамматическое значение СВ, о чем уже говорилось, и, во-вторых, лексическое значение глагола (*засыпать — заснуть* — внутренний предел) или глагольного употребления (*читать — прочитать книгу* — внешний предел).

Грамматическое понятие предельности, в сущности, относится только к лексически предельным глаголам. В самом деле, чтобы СВ мог обозначать достижение предела, представление о пределе должно

входить в лексическое значение глагола (естественно, в обеих видовых формах).

Таким образом, указание на предел не является универсальным свойством значение СВ. Существуют не только отдельные глаголы, но целые группы глаголов, СВ которых не обозначает действия, доведенного до качественного предела (или до конца). Таков, например, большой класс глаголов, обозначающих изменения свойства или положения в пространстве и имеющих толкование 'стать более каким-то': *возрасти, повысить(ся), удлинить(ся), уменьшить(ся), ускорить(ся), утоньшить(ся)* и т. д.

В отличие от предельных глаголов, чей СВ в самом деле обозначает действие, которое далее не может продолжаться (*лечь, надеть, сесть, умереть, упасть* и т. д.), вышеприведенные глаголы обозначают действие, которое может быть продолжено; ср. семантическую неправильность **Он уже надел пальто и продолжает его надевать* и нормальность *Цены уже очень повысились (понизились) и продолжают повышаться (понижаться)*.

Для понимания специфики этих глаголов необходимо лучше представить себе их семантическую структуру. Для этого в свою очередь необходимо обратить внимание на то, как они образованы.

Семантически все перечисленные глаголы можно считать производными от качественных прилагательных: *углубиться* = 'стать глубже', *уменьшиться* = 'стать меньше', *расшириться* = 'стать шире' и т. п. В [Апресян 1974: 65-66] все качественные прилагательные делятся на два больших класса — предельные и непредельные.

Предельными называются прилагательные, обозначающие такое градуируемое свойство, для которого возможна максимальная степень. Таковы, например, прилагательные цвета, формы, субстанции, оценки, а также "параметрические" прилагательные со значением малого полюса соответствующей шкалы, например: *желтый, низкий, крепкий, мелкий, слабый.* Внешне предельность качественных прилагательных проявляется в том, что они сочетаются с наречиями типа *совсем, совершенно, абсолютно,* обозначающими полную (предельную) степень признака.

Типичным примером непредельных прилагательных являются параметрические прилагательные со значением большого полюса шкалы, например: *высокий, длинный, глубокий.* Действительно, размеры физического объекта в высоту (в длину, в глубину) могут увеличиваться до бесконечности, не достигая никакой предельной точки. И именно поэтому нельзя сказать **совсем высокий, *абсолютно длинный, *совершенно глубокий.* К числу непредельных относятся и сравнительные степени любых качественных прилагательных; ср. неправильность **совсем выше, длиннее, глубже, ниже, мельче.*

Существует следующая зависимость между предельностью-непредельностью глагола и предельностью-непредельностью прилагательного, от которого он семантически образован [Апресян 1974: 86-87, 240]. Если в семантическую структуру глагола входит, помимо глагольного компонента, предельное прилагательное, то глагол является предельным: *крепнуть* = 'становиться крепче или крепким'; *мелеть* = 'становиться мельче или мелким'; *желтеть* = 'становиться желтее или желтым'. Это проявляется в его способности сочетаться с наречиями полной степени признака типа *совсем, совершенно, абсолютно*; ср. *совсем окреп, обмелел, пожелтел.* Если в семантическую структуру глагола входит, помимо глагольного компонента, лишь сравнительная степень, т. е. непредельное прилагательное, то и глагол является непредельным (см. примеры выше). Это проявляется в том, что такой глагол не сочетается с наречиями полной степени признака: невозможно **совсем повысился, <удлинился, увеличился>*.

В статье [Бондарко 1986: 17] предлагается интерпретировать примеры непредельных глаголов из [Гловинская 1982: 9] как выражающие значение относительного предела. Понятие относительного предела вводится А. В. Бондарко с целью сохранить представление о пределе как об универсальном свойстве значения СВ.

При относительном пределе (*Цены на нефть повысились*) "говорящий, употребляя форму СВ, представляет в полноте осуществления именно данное и только данное проявление действия (то, что он заметил)" [Бондарко 1986: 17]. В этой формулировке остается неясным, что такое "полнота осуществления данного проявления действия", в чем она выражается. При абсолютном пределе (= "предел" в понимании В. В. Виноградова) "исчерпанность" действия проявляется в том, что оно дальше не может продолжаться. А в данном случае?

Важно также отметить, что абсолютный и относительный пределы — это два разных понятия, характеризующих различные группы глаголов. Общим у них является лишь указание на некую временну́ю границу действия, которую А. В. Бондарко называет "пределом в самом общем смысле". Сходное представление о пределе содержится в [Грамматика-60: 424]. Значение временно́й границы, действительно, можно усмотреть во всех глаголах СВ. Ср. замечание Р. О. Якобсона о видовой корреляции в сфере глагола, "характерная особенность которой состоит в указании границы действия" [Якобсон 1985: 146]. Аналогичные соображения высказываются в [Bogusławski 1972], где в качестве семантической надбавки глаголов СВ указывается граница. Ср. также компонент 'начать' как инвариант СВ в концепции А. Вежбицкой и в данной работе (о том и другом см. ниже). Однако понятие временно́й границы и традиционное аспектологическое понятие предела отнюдь не совпадают. Вряд ли целесообразно использовать ста-

рый устоявшийся термин для обозначения другого, более широкого понятия.

Результативность действия [С. О. Карцевский, И. П. Мучник]. Глагол СВ обозначает действие, достигшее результата.

И. П. Мучник писал о близости или даже тождественности понятий результативности и предельности [Мучник 1971: 97, 104]. Между тем, это два различных понятия. Чтобы показать их нетождественность, воспользуемся следующими тройками глаголов (или глагольных выражений), которые были введены в научный обиход авторами модели "Смысл ⇔ Текст" в связи с лексическими функциями Perf и Result [Мельчук 1974].

вставать	— *встать*	— *стоять*
садиться	— *сесть*	— *сидеть*
ложиться	— *лечь*	— *лежать*
падать	— *упасть*	— *лежать*
засыпать	— *заснуть*	— *спать*
заболевать	— *заболеть*	— *болеть*
умирать	— *умереть*	— *мертв(-ым быть)*
воскресать	— *воскреснуть*	— *жив(-ым быть)*.

Первый элемент в каждой тройке — глагол НСВ — обозначает процесс (действие); второй элемент — парный глагол СВ — обозначает тот конечный момент этого процесса (конец, предел), в который возникает результат, т. е. новое состояние или положение вещей. Третий элемент — глагол или глагольное выражение — обозначает само это новое состояние. Таким образом, глагол СВ, как двуликий Янус, обращен одновременно и к процессу, конец которого он обозначает, и к состоянию — результату этого процесса, — начало которого он обозначает. *Лечь* — это одновременно и достичь предела действия ложиться и начать лежать.

Условно соотношения между такими глаголами можно представить с помощью следующей схемы:

НСВ	СВ	
процесс	конец процесса и начало состояния	состояние (результат)

Видимо, при определении значения СВ в одних случаях акцентировалось первое свойство (называемое законченностью, предельностью), в других — второе (называемое результативностью). В обоих случаях имеется в виду один и тот же момент, но в первом случае он характеризуется с точки зрения того, что ему предшествует, а во втором случае — с точки зрения того, что за ним следует. Очевидно, что,

хотя речь идет об одном и том же моменте, понятия предельности и результативности не тождественны друг другу.

Результативность, будучи универсальным свойством СВ[2], тем не менее не является о т л и ч и т е л ь н ы м значением СВ, т.к. существуют глаголы НСВ, также имеющие значение достигнутого результата. Это глаголы, "обозначающие такие действия, которые даже будучи взяты в сколь угодно краткий момент своего протекания, не могут мыслиться как оставшиеся "неэффективными, безуспешными": *видеть, слышать, ощущать, чувствовать, лгать* и т.д." [Маслов 1948: 314], а также класс непредельных глаголов (*увеличиваться, удлиняться*), приведенный выше. Кроме того, значение достигнутого результата имеют формы НСВ в некоторых частных видо-временных значениях (общефактическое значение *Я смотрел фильм "Летят журавли"*, интерпретационное *Что же вы правило нарушаете?*, т.е. уже нарушили, и др. — см. ниже).

Т о ч е ч н о с т ь, н е п р о т я ж е н н о с т ь д е й с т в и я (К. Бругман, А. Мейе, А. Мазон, А. М. Пешковский). Глагол СВ обозначает "действие, в котором конец сливается с началом".

А. М. Пешковский обосновывал тезис о "точечности" действий, обозначаемых глаголами СВ, фактом их несочетаемости с фазовыми глаголами типа *начинать, продолжать, кончать:* "В нашем толковании мы будем исходить из того замечательного факта, что формы совершенного вида не мирятся с идеями начала, продолжения и конца процесса. Эта несочетаемость идеи течения процесса с совершенным видом а б с о л ю т н о в с е о б щ а, т.е. нельзя указать ни о д н о г о инфинитива совершенного вида, который мог бы сочетаться с глаголами *начинаю, продолжаю, бросаю, прекращаю, прерываю, кончаю* и т.д. ... Поэтому мы принимаем, что значение категории совершенного вида сводится к н е п р о т я ж е н н о с т и, н е д л и т е л ь н о с т и того процесса, который обозначен в корне глагола, причем эту непротяженность приходится понимать не как о т р и ц а т е л ь н ы й признак, а как п о л о ж и т е л ь н ы й, потому что несовершенный вид является только отрицанием этого "отрицательного" признака. Название punktuell ("точечный") идеально выражает и значение нашего совершенного вида" [Пешковский 1935: 98-99].

В этом определении принципиально важным представляется выделение двух моментов в характеристике действия, обозначаемого глаголом СВ, — начала и конца. Однако сам по себе факт несочетаемости СВ с фазовыми глаголами не свидетельствует о том, что моменты начала и конца действия обязательно совпадают. В сущности, рассматриваемое определение выделяет только один узкий подкласс глаголов,

[2] О случаях недостаточной наглядности этого признака в значении некоторых глаголов см. в данной книге в статье "Видовой инвариант как фикция и как реальность".

у которых начало действия может мыслиться как совпадающее с концом, а именно: глаголы так называемого мгновенного действия (*вздрогнуть, взорваться, вспыхнуть, хлопнуть* и т. д.).

Большинство же глаголов СВ обозначает действие, у которого начало явным образом не совпадает с концом. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что основная часть глаголов СВ свободно сочетается с наречиями типа *постепенно, медленно,* указывающими на растянутость действия во времени (*постепенно привык, полюбил; медленно подошел, прочел; мало-помалу высох, понемногу вырос* и т. д.). Особенно наглядно факт несовпадения начала и конца действия обнаруживается у пердуративов и делимитативов (ср. *проспал два часа; погулял с двух до четырех*).

Целостность действия[3] (Л. П. Размусен, Ф. де Соссюр, А. Достал, А. В. Исаченко, Р. Ружичка, Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко).

Это понятие использовалось в разное время в разных смыслах. В том виде, какой ему придал Размусен, понятие целостности включает указание на начало, середину и конец действия. Глагол СВ обозначает "действие, рассматриваемое как одно целое (начало, середина и конец — совокупно)" [Размусен 1891: 379].

Форму *напишу* Размусен представляет как "начал писать, пишу и допишу" [указ. соч.: 388]. В таком виде понятие целостности является семантически содержательным и может послужить основой для объяснения факта несочетаемости глаголов СВ с фазовыми глаголами.

Однако, как и в предыдущих случаях, сомнение вызывает его универсальность. В частности, весьма сомнительна применимость этого понятия к непарным начинательным глаголам типа *запеть, засуетиться* и пр. Если *зацвести* можно представить как начало, середину и **конец** зацветания, то *запеть, засуетиться* невозможно представить как начало, середину и конец соответствующего действия по причине, которая указывалась выше: эти действия начинаются сразу, мгновенно, без всякой предшествующей фазы. *Запеть* не может иметь другого значения, кроме как 'начать петь'. Размусен ясно понимает это, однако, желая сохранить понятие целостности, пишет, что в *запеть* "действие начала ... представляется как одно целое" [указ. соч.: 382]. Тогда, в соответствии с его определением целого, действие начала = 'начало начала + середина начала + конец начала'. Определение становится бесконечным, потому что в его правой части вновь появляется слово 'начало', которое по-прежнему нуждается в истолковании.

Позднее понятие целостности действия стало использоваться метафорически: "комплексность", "неделимая целостность действия",

[3] О возникновении и развитии этого определения см. работы [Маслов 1959: 309-312; Исаченко 1960: 131-136].

"непредставимость действия в виде фаз" и пр. (любопытно, что последняя формулировка кажется противоречащей определению Размусена). Эти формулировки не содержат элементов смыслового анализа.

Было предложено считать также, что целостность действия — это то свойство глаголов СВ, которое не позволяет им сочетаться с "фазовыми" глаголами типа *начать, продолжать, кончить* [Маслов 1959: 221-222; Бондарко 1971: 12]. В этом случае необходима дополнительная семантическая экспликация понятия целостности, поскольку указывается не его содержание, а лишь его сочетаемостное проявление. Мы уже говорили, что А. М. Пешковский тот же факт интерпретировал как свидетельство того, что глаголы СВ обладают признаком "точечности".

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что разные определения значения СВ отводятся с помощью одних и тех же фактов. Это вызвано тем, что, по существу, все авторы анализируют только предельные глаголы и глаголы в предельном употреблении, в которых видовое противопоставление воплощено наиболее ярко. Затем найденный признак распространяется на все глаголы СВ. Естественно, что опровергающие примеры черпаются из оставшихся за бортом непредельных глаголов или глаголов, не имеющих соотносительных форм НСВ со значением предшествующей фазы. Ср. замечание Ю. С. Маслова: "... противоположение "действие в процессе его осуществления — готовый факт, скачок", казалось бы, настолько типично и характерно, что именно его многие клали в основу определения семантики видов. Однако, нетрудно убедиться, что и оно не охватывает всех пар" [Маслов 1948: 304].

Таким образом, изучение семантики СВ характеризовалось тем, что т и п и ч н о е представлялось как у н и в е р с а л ь н о е. Признаковое описание СВ в последнее время не обогащается. В тех редких случаях, когда предлагаются какие-то новые признаки, они оказываются при ближайшем рассмотрении другим названием для старых (например, признак "тотальность", предложенный для описания СВ в [Телин 1978], в сущности не отличается от рассмотренного выше признака целостности).

1.1.2. Интерпретация значений НСВ

При поиске инвариантного значения СВ аспектологическая традиция обычно ограничивается анализом одного главного (т. н. конкретно-фактического) значения СВ, которому и приписываются законченность, предельность, точечность, результативность и т. п. (см. выше). У СВ (в определенных условиях) есть и другие значения, например,

потенциальное: *Есть в близости людей заветная черта, / Ее не перейти влюбленности и страсти* (А. Ахматова); *Ни слов своих, ни поступков обратно не возьмешь* (Н. Ильина);

узуальное: *Вышивала барыня, давно уж выпивать приучилась: выпьет, заест мятным пряником и заснет* (А. Ремизов); *Бывало, придешь к нему, а сынишка его говорит: "Батя на сеновал мыслить отправился"* (Вс. Иванов); *Иной человек правду скажет, так она горше небылицы. А иной соврет — гляди, и работа у тебя пошла веселее* (К. Паустовский) и другие значения.

Однако эти значения имеют периферийный характер и обычно не принимаются в расчет при изучении противопоставления СВ и НСВ (о соотношении таких значений СВ с его главным значением см. раздел о частных видо-временных значениях в настоящей монографии).

Описание основного значения СВ вызывает, как мы видели выше, многочисленные разногласия, что наталкивает на мысль о его семантической неоднородности.

Иначе обстоит дело с НСВ. У него есть не одно, а несколько непериферийных значений, учитываемых аспектологией. Назовем их.*

Актуально-длительное — главное значение[4]: *И — трое мы бредем. Лежит пластами пыль* (А. Блок); *Как кот, я выкрадывался из квартиры, держа подмышкой тяжелую рукопись* (М. Булгаков); *Уже поздно ночью, когда Лиза засыпала, он появился у постели — в халате и мягких туфлях* (К. Федин).

Общефактическое: *Где я обрывки этих речей / слышал уж как-то порой прошлогодней?* (Б. Пастернак); *Да, я это замечала, — сказала графиня Марья* (Л. Толстой).

Многократное или фреквентативное: *В этом году туристические слеты проводились у Орлиной горы.*

Узуальное: *Нынче взяток не берут* (М. Зощенко); *Со временем эта церемония вошла в привычку, мы шли <...> в кафе, угощал я* (Д. Гранин).

Потенциальное: *Дитя еще едва выговаривало слова, а может быть, еще вовсе не выговаривало, даже не ходило* (И. Гончаров).

Описание каждого из этих значений в отдельности не вызывает особых разногласий, что, может быть, свидетельствует об их большей семантической однородности. Даже в тех случаях, когда какое-то значение НСВ формулируется разными авторами несколько по-разному, это различие носит число внешний характер, значат же такие форму-

---

* Мы называем здесь собственно видовые значения, которые могут выражаться всеми временными формами. Кроме того, имеется несколько видо-временных значений (например, настоящее историческое, настоящее запланированного действия и др.).

[4] В работе [Forsyth 1970: 3-6] значения НСВ упорядочены иначе; главным считается не (актуально-)длительное, а общефактическое и так называемое двунаправленное. См. об этом ниже.

лировки по существу одно и то же. Ср., например, формулировку актуально-длительного значения: 1) продолжительность (продолженность), длительность действия; 2) линейность, протяженность действия; 3) действие в его течении, не стесненное мыслью о пределе процесса в целом.

Сложность возникает при определении инвариантного значения НСВ. Дело в том, что НСВ в своих отдельных значениях может обозначать как действие "незаконченное, не достигшее предела" (актуально-длительное), так и действие "законченное", "достигшее предела", "результативное" (ср. общефактическое, настоящее историческое и др.). Большинство аспектологов склоняется к мысли, что категории НСВ невозможно приписать никакого общего семантического признака в качестве инвариантного значения, ср. "для всех перечисленных частных значений невозможно найти общую положительную формулировку" [Маслов 1959: 308].

Поэтому в качестве общей предлагается отрицательная формулировка. У разных авторов она выглядит по-разному. Одни характеризуют НСВ как нейтральный, безразличный по отношению к значению СВ, другие — как выражающий отсутствие специфического значения СВ, третьи — как выражающий отрицание значения СВ. Некоторые идут еще дальше и делают крайний вывод о полном отсутствии аспектуальной семантики у граммемы НСВ. Это отсутствие специфического значения и приписывается грамме НСВ в качестве ее инварианта. Подробно этот вопрос освещается в цитированных обзорах [Маслов 1975, Шелякин 1975, Маслов 1977].

С выделением такой семантически совершенно опустошенной видовой граммемы никак нельзя согласиться. Эта семантическая пустота не является языковой реальностью: форма глагола НСВ всегда имеет либо одно, либо другое, либо третье значение и никогда не имеет пустого значения, которое приписывается НСВ в целом.

Конечно, можно считать, что семантически пустая граммема — это не реальная единица языка, а конструкт, и что реальные употребления граммемы получаются из него с помощью разных семантических приращений в разных контекстуальных условиях. Однако такой конструкт не дает никакого полезного теоретического обобщения. Нет смысла говорить, что ряд значений имеет то общее, что они не имеют ничего общего. Это способно лишь открыть путь к произволу: тогда у сколь угодно далеких значений, имеющих единое внешнее выражение, можно усмотреть пустой общий элемент.

Не менее важно и то, что, оперируя этой фиктивной единицей, невозможно построить естественные правила употребления видов. Ср. справедливое замечание А. В. Бондарко: "Категориальное значение морфологических форм мы рассматриваем как такую семантическую величину, которая не только устанавливается в системе языка <...>, но

и реально существует, действительно выражается в речи, при функционировании данной формы" [Бондарко 1978: 4].

Из сказанного можно сделать вывод, что исходной единицей изучения и описания видовой системы должен быть не СВ или НСВ в целом, а отдельные значения этих граммем.

Что касается семантических инвариантов, то в этом отношении мы целиком разделяем точку зрения А. А. Зализняка и Е. В. Падучевой: к поискам инвариантного значения грамматического противопоставления естественно переходить после того, как проведено исследование его вариантов [Зализняк, Падучева 1974]. Ср. также аналогичное мнение в [Бондарко 1971: 98-99].

1.2. Соотношение СВ и НСВ на основе различительных признаков

Как говорилось выше, каждый из видов имеет по нескольку значений.

ИРЯ
институт русского языка
им. В. В. виноградова

В литературе не содержится прямых указаний о том, какие именно значения СВ и НСВ подлежат сопоставлению. Однако складывается впечатление, что из всех значений СВ для сопоставления избирается одно — основное — которое, возможно, считается входящим во все другие его значения, а НСВ представлен либо актуально-длительным, либо (в других работах) сразу несколькими значениями (актуально-длительным, общефактическим, настоящим историческим, узуальным).

47.67 Ст

Сопоставление видов в их основных значениях представляется вполне естественным. Попарно должны сравниваться не только основные, но и прочие значения СВ и НСВ, например, их потенциальные значения, которые обладают рядом интересных сходств и различий. Наблюдения над некоторыми сходными значениями СВ и НСВ содержатся в [Рассудова 1968, Forsyth 1970, Бондарко 1971, Galton 1976, Маслов 1984, Гловинская 1983а] и других работах.

Что касается сопоставления СВ и НСВ в совокупности их значений, то это приводит к затруднениям, которые мы изложили в предшествующем разделе.

1.2.1. Отдельные признаки как основа описания соотношения видов

О смысловом соотношении СВ и НСВ существуют различные, иногда прямо противоположные мнения. Бегло остановимся на них.

1. Оппозиция видов является эквиполентной. Каждый из видов обладает положительным признаком: СВ обозначает результативное, недлительное действие, НСВ — длительное, нерезультативное действие [Мучник 1971: 102-105].

www.ruslang.ru

Однако, как говорилось выше, некоторые глаголы НСВ выражают результативность в любых видовых значениях, в том числе и в главном

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР

(*видеть, слышать* и пр.: ср. у Б. Окуджавы: *Вы слышите, грохочут сапоги?*). С другой стороны, имеются такие глаголы НСВ, которые вообще не выражают длительности, т. е. не имеют актуально-длительного значения (см. примеры таких глаголов в [Маслов 1948 и Апресян 1988]: *приходить, приводить, приносить* и др.).

Тем самым, названное соотношение характеризует не все видовые пары.

2. Оппозиция видов является привативной. Положительным признаком обладает только СВ, он является маркированным членом видовой оппозиции, НСВ не обладает никаким самостоятельным признаком и характеризуется только отсутствием положительного признака. Например, СВ обозначает точечность, целостность действия, НСВ характеризуется отсутствием указания на точечность, целостность, что и приводит в конечном счете к характеристике НСВ как элемента, имеющего пустое, фиктивное значение. Эту точку зрения разделяет большинство аспектологов (подробнее см. выше).

3. Оппозиция видов является привативной. Ее маркированный член — НСВ. Эту точку зрения развиваст Г. Галтон (Galton 1976), полагая, что СВ выражает нормальное течение событий во времени, а НСВ — искусственную задержку нормального течения событий во времени. Эта точка зрения очень слабо аргументирована[5].

По нашему мнению, говорить о единой и универсальной оппозиции СВ и НСВ сразу во всех их значениях невозможно: эти значения слишком разнородны и соотносятся друг с другом более сложным образом, чем это предполагается представлением о привативной оппозиции. Мы надеемся, что материал, проанализированный в нашей работе, подтвердит это положение. Сошлемся также в этой связи на интересное рассуждение Дж. Лайонза, основанное на фактах не только русского и славянского видов, но и на материале романских и германских языков [Lyons 1982: 115-116][6].

---

[5] Более подробное описание этого подхода, а также справедливые критические возражения против него см. в цитированном обзоре [Маслов 1975: 44].

[6] "С тех пор, как Якобсон <...> предложил свой анализ глагольных категорий русского языка, стало обычным применять пражское понятие маркированности к анализу вида не только в русском и в других славянских языках, но и более широко. Гораздо меньше замечалось то обстоятельство, что маркированность, понимаемая как семантическая специфичность и статистически меньшая употребительность, не абсолютна, но релятивизована временем и способом изображения действительности. Обычно считается, например, что СВ является маркированным членом оппозиции СВ/НСВ в русском и других славянских языках <...> Однако вряд ли можно сомневаться в том, что в прошедшем повествовательном времени именно НСВ маркирован по отношению к СВ, подобно тому, как имперфект маркирован по отношению к простому прошедшему в литературном французском, имперфект по отношению к перфектному историче-

1.2.2. Набор дифференциальных признаков как основа описания соотношения видов

Не один семантический признак, а целый ряд признаков предлагает учитывать при определении значений видов А. В. Бондарко [Бондарко 1971: 11-21]. Ср. также более поздний, близкий к данному подход в [Барентсен 1995].

Очевидно, набор признаков вместо одного признака используется не для лучшего различения видов (для различения в принципе достаточно и одного дифференциального признака), а для того, чтобы полнее представить их "семантический потенциал" (выражение А. В. Бондарко). В этом случае весьма существенно то, какие именно признаки выбираются для описания.

В качестве признаков в концепции А. В. Бондарко выступает сочетаемость глаголов СВ и НСВ с аспектуально значимыми словами, поразному относящимися к СВ и НСВ: целостность (несочетаемость с фазовыми глаголами), процессность (сочетаемость со словом *всё*)[7], локализованность во времени (сочетаемость с обстоятельствами типа *однажды, как-то раз* и т. д.), длительность (сочетаемость с обстоятельствами типа *долго, два часа* и пр.), внезапное наступление действия (сочетаемость со словом *вдруг*), одновременность действия и последовательность действия. По-видимому, полезно было бы добавить к этому перечню показатели завершенности действия *совсем, полностью* и некоторые другие упоминавшиеся в литературе слова подобного рода[8]. По-разному сочетаются разные классы глаголов обоих видов и с такими словами и словосочетаниями, как *чуть не, едва не, еще недавно* и др. Ср., например, *Еще недавно я читал книгу,* но не **Еще недавно я прочел книгу; Он чуть не подбил меня поехать,* но не **Он чуть не подбивал меня поехать.*

скому <...> в латыни, и прошедшее прогрессивное по отношению к простому претериту в английском. Что касается анализа английского языка, стало вполне обычным трактовать прогрессив как маркированный член по отношению к непрогрессивным формам, даже если для этого нет других оснований, кроме морфологических. Следует, однако, отметить, что в высказываниях, имеющих референцию в подлинно настоящем времени, прогрессив выбирается в качестве немаркированного члена для всех английских глаголов, кроме стативных. После этого нельзя говорить без дальнейших уточнений, что прогрессив является семантически маркированным членом оппозиции прогрессив/непрогрессивные формы в английском".

[7] Слово *всё* полностью включает в себя смысл фазового глагола *продолжать* (*Он все читает* ≅ *Он продолжает читать*) и так же, как фазовые глаголы, сочетается только с НСВ. Поэтому слово *всё* фактически не задает нового признака.

[8] Перечень многих таких слов или классов слов см. [Маслов 1965: 67; Мазон 1962: 93-94; Кошмидер 1962: 145-147].

Рассмотрим дифференцирующую силу предложенных А. В. Бондарко сочетаемостных признаков.

Признак "локализованность во времени" не является дифференциальным для сочетаемости СВ и НСВ, потому что, как справедливо отмечает сам автор, оба вида достаточно легко сочетаются с наречиями *однажды, как-то раз*. В большей мере дифференцирующей является сочетаемость с показателями повторяемости действия *иногда, порой, часто* и т. п.[9]

Признак длительности обладает большей, но тоже не абсолютной дифференцирующей силой: не все глаголы НСВ обладают им. Так, если у глагола НСВ нет актуально-длительного значения (*вспыхивать, приходить, приносить, прибегать* и т. д.), то такой глагол в утвердительной форме не может сочетаться с показателями длительности: сочетания **Он долго приходит*, **Свет два часа вспыхивает* неправильны.

То же самое можно сказать о признаке "внезапное наступление действия", который оказывается характерным не только для СВ. Сам А. В. Бондарко сформулировал ряд условий (настоящее историческое и прошедшее время повторяющегося действия), когда НСВ сочетается с показателями "внезапного наступления действия". Эти условия нуждаются в еще большей детализации.

Во-первых, для некоторых глаголов НСВ такая сочетаемость сомнительна даже в настоящем историческом. Это относится, например, к глаголам, обозначающим интеллектуальные состояния (*мечтать, грезить, знать*), эмоциональные состояния (*волноваться, бояться, радоваться, любить, нравиться*), волевые состояния (*жаждать, желать, хотеть*) и положения в пространстве (*висеть, лежать, сидеть, стоять*). Так, если во второе предложение правильного текста *Учитель входит в класс и вызывает к доске Машу; девочка волнуется, но отвечает быстро и четко* ввести слово *вдруг*, это сразу сделает предложение неправильным: **девочка вдруг волнуется, но отвечает быстро и четко*.

Во-вторых, в прошедшем времени повторяющегося действия такая сочетаемость возможна не в любом употреблении НСВ, а только в многократном результативном. При обозначении повторяющегося длительного действия сочетание с показателем внезапности невозможно. Ср. *Иногда она вдруг писала ему сумасшедшие письма,* но не **По вечерам он вдруг сидел на балконе и смотрел на улицу*.

Помимо этого, названные условия нуждаются в некотором расширении. Можно, например, упомянуть еще одно употребление НСВ в сочетании с показателями внезапности: "*Смотрите внимательно, что*

[9] О контекстных показателях повторяемости действия см. также: [Спагис 1961: 133-236; Рассудова 1968: 47-48].

я делаю. Я иду к двери, открываю ее, внезапно поворачиваюсь, и вы видите, что у меня совсем другое лицо". Это употребление НСВ можно было бы назвать демонстрационным.

Рассмотрим, наконец, последний признак — "Одновременность действий" и "Последовательность действий". Во многих работах обращалось внимание на то, что в большинстве случаев НСВ выражает одновременность действий (*Он сидел, молчал и думал*), а СВ — последовательность (*Я включил свет, разделся и лег*). А. В. Бондарко приводит ограничивающие условия для СВ: он может выражать одновременность при перфектном значении прошедшего времени, показывая одновременные "результативные" состояния (*Он постарел, располнел и обрюзг*), а также при употреблении глаголов делимитативного и начинательного способов действия (*Мы посидели, поговорили, посмеялись*). Ограничивающие условия для НСВ: он может выражать последовательность в настоящем историческом (*Прихожу я вчера домой, ужинаю...*) и в прошедшем времени повторяющегося действия (*В это время он всегда приходил домой, ужинал...*).

Хотя в принципе это кажется совершенно верным, вряд ли такой признак может использоваться в качестве различительного, потому что вид глагола — это не единственное условие для осмысления перечисляемых событий как одновременных или последовательных. Можно найти много примеров, где НСВ не выражает одновременных событий, а СВ не выражает последовательных. Например, в приведенном выше тексте на "демонстрационное" употребление НСВ глагольные формы *иду..., открываю..., поворачиваюсь* обозначают последовательные действия. Последовательные, а не одновременные действия обозначают также глаголы НСВ во фразах *Я смотрел, как директор прочитывал докладные, расписывался и передавал их секретарю; Очерк писался, готовился к публикации, сдавался в печать, когда Бухарин и некоторые другие участники "правотроцкистского блока" еще не были реабилитированы* (В. Амлинский).

Явную неодновременность (хотя и не обязательно последовательность[10]) названных действий выражают формы НСВ в следующих стихотворных примерах: *Все время схватывая нить / Судеб, событий, / Жить, думать, чувствовать, любить, / свершать открытья* (Б. Пастернак); *Сорок лет. Жизнь пошла за второй перевал. / Я любил, размышлял, воевал* (Д. Самойлов).

Что касается глаголов СВ, то они обозначают одновременные действия не только в указанных А. В. Бондарко условиях.

[10] Ср. замечание Галтона о том, что если НСВ используется для передачи последовательности действий, то "связь никогда не будет грамматической, но скорее предстанет как простое перечисление событий, и в описании не будет подлинной динамики, но одна самостоятельная и независимая картина будет следовать за другой" [Galton 1976: 51].

Существенным является также то, относятся ли глагольные формы к одному или к разным субъектам-подлежащим. Если к одному, то глаголы выражают скорее последовательные действия, если к разным — то могут обозначать и одновременные. Ср. *В этом году я сдал экзамены, закончил школу и поступил в институт* и *В этом году я сдал экзамены, моя сестра закончила школу, а брат поступил в институт.* Аналогичным образом эти предложения будут различаться и в том случае, когда глагольные формы будут в НСВ.

Скорее всего, воспринимаются ли действия как одновременные или как неодновременные, зависит не только от вида глаголов, а от целого ряда других условий, в том числе прагматических. В частности, от того, являются ли физически совместимыми действия, обозначенные этими глаголами, и от того, в какой последовательности они обычно выполняются в жизни. Например, если бы было возможно (и принято) одновременно читать, гулять и заниматься какой-либо физической работой, то соответствующие действия во фразе *Сегодня я читал, гулял и выпиливал по дереву* могли бы быть восприняты как одновременные.

Итак, какие выводы о сочетаемости видов можно сделать на основании выделенных автором признаков?

Единственный (и хорошо известный) случай абсолютной несочетаемости — это несочетаемость всех глаголов СВ с фазовыми глаголами, к которым автор добавляет еще слово *всё* (имеющее значение, близкое к *продолжать*). Во всех остальных случаях сочетаемость-несочетаемость ограничена либо лексико-семантическими классами глаголов, либо частными видовыми значениями, либо тем и другим вместе. Таким образом, мы не можем говорить даже о сочетаемостном потенциале каждого вида в целом, потому что сочетаемостные свойства каждого вида в целом противоречивы. Это подтверждает наш вывод о том, что единицей описания должен быть не вид в целом, а отдельные видовые значения.

Необходимо подчеркнуть в заключение еще одно обстоятельство. Хотя изучение сочетаемости всякой значащей единицы очень важно для установления ее значения, тем не менее связь между контекстом, в котором может выступать единица, и ее значением неоднозначна. Поэтому изучение сочетаемости видов само по себе способно дать представление только об их сочетаемостном, а не о семантическом потенциале. Контекст есть средство для изучения семантики вида, но не само значение вида. В самом деле, было бы, например, неправильно включать в значение СВ признак 'внезапное наступление действия' на том основании, что глаголы этого вида сочетаются со словом *вдруг*. Факт сочетаемости с этим словом позволяет лишь предположить, что в значение вида входит такой смысловой компонент, который делает такое сочетание возможным. Чтобы использовать факты сочетаемости для

установления семантики видов, необходимо выяснить, какие именно семантические компоненты видовых значений разрешают, запрещают или ограничивают то или иное сочетание. Для обнаружения семантического различия видов необходимо исследовать непосредственно смысл глаголов СВ и НСВ.

2. Семантические классификации глаголов, существенные для изучения семантики видов

Критика признакового подхода к описанию семантики вида не означает, что дискредитируется сама идея семантических признаков. Семантические признаки нужны, но не как средство проникновения в семантику вида или какой-либо другой категории, а как инструмент классификации материала. С помощью признаков удобно систематизировать различные видовые значения СВ и НСВ (ср. названия "актуально-длительное", "процессное", "точечное" и т. п.). Более того, многие признаки (например, предельность / непредельность) можно с успехом использовать при грамматических классификациях глагольной лексики, в том числе — аспектуальных.

Ниже мы предпримем краткий обзор существующих аспектуальных классификаций глаголов, преследуя три цели:

1) Показать, как связаны в этих классификациях лексическая и аспектуальная семантика.

2) Дать общее представление об основаниях классификаций, выделяемых классах глаголов и терминологии, применяемой разными авторами для обозначения классов. Тем самым в дальнейшем мы будем иметь возможность ссылаться по мере надобности на нужные аспектуально значимые классы и аспектологические понятия, используя соответствующие термины без специальных разъяснений.

3) Охарактеризовать сочетаемостные признаки, на основании которых производится разбиение на классы; многие из них используются в разных целях и в нашей работе.

Семантическая классификация глаголов используется в грамматике давно. Достаточно назвать такие лексические группы, как глаголы речи, глаголы движения (моторно-кратные и моторно-некратные), глаголы чувства и эмоционального состояния, путативные глаголы (*считать, полагать*), фактитивные глаголы (*строить, шить, делать*), каузативные и многие другие, более мелкие группировки, выделяемые на самых разнообразных основаниях (см. классификацию ситуаций в [Апресян 1997: XXX]).

Семантические классификации глаголов нескольких последних десятилетий отличаются от названной двумя особенностями. Во-первых, они являются универсальными: классификационная сетка охватывает все глаголы, в то время как вышеперечисленные лексиче-

ские группы не создают разбиения всех глаголов. Во-вторых, в большинстве своем они являются более лингвистическими: в основу многих положено языковое поведение глаголов, в то время как вышеперечисленные лексические группы ориентированы на более непосредственное отражение действительности.

Между различными классификациями этого типа обнаруживается большое сходство.

2.1. Классификация Ю. С. Маслова

Наиболее "семантичной" из классификаций, о которых пойдет речь ниже, является классификация Ю. С. Маслова, одновременно являющаяся и наиболее ранней [Маслов 1948].

Классификация Ю. С. Маслова ставит своей целью вывести "конкретные особенности видовых значений и видовых свойств рассматриваемых глаголов в русском языке из особенностей их лексической семантики, т. е. из некоторых объективных свойств самих обозначаемых этими глаголами действий" [указ. соч.: 316].

Автор выделяет три больших разряда глаголов: 1) непарные глаголы НСВ, 2) непарные глаголы СВ и 3) пары соотносительных глаголов. Для каждого разряда указывается его общее свойство, проявляющееся в одинаковом видовом поведении всех глаголов, состав разряда (конкретные лексико-семантические группы) и семантический признак, общий для глаголов данного разряда и объясняющий его видовые особенности.

Классификацию Ю.С Маслова можно сокращенно представить следующим образом.

Непарные глаголы НСВ обозначают процессы, лишенные внутреннего предела и не поддающиеся моментализации, например, *быть, существовать, присутствовать, содержать, пахнуть, плотничать, царствовать, стоять, лежать, любить, полагать, плакать, ходить, идти, ждать* и т. д.

Непарные глаголы СВ обозначают внезапные скачки и другие действия, не поддающиеся процессуализации, например, *трахнуть, рехнуться, отобедать, искусать, постоять, возненавидеть* и др.

Парные по виду глаголы имеют менее однородную семантику и делятся на три основные группы.

а) Тип *делать — сделать, ловить — поймать, умирать — умереть.* Глаголы противопоставлены по линии попытка — успех (или тенденция — осуществление). Ср. *ловил, но не поймал.*

б) Тип *видеть — увидеть, говорить — сказать.* Глаголы НСВ обозначают "непосредственный, непрерывный эффект", т. е. такие действия, "которые, даже будучи взяты в сколь угодно краткий момент своего протекания, не могут мыслиться как оставшиеся "неэффективны-

ми", "безуспешными"". Формы НСВ и СВ противопоставлены по значению длительности и мгновенности.

в) Тип *приходить — прийти, колоть — кольнуть*. Глагол НСВ не может быть употреблен в конкретно-процессуальном значении (невозможно **Смотри, он приходит*), глагол СВ обозначает факт скачкообразного, "точечного" перехода к новому качеству.

Внутри каждой группы имеется ряд более дробных рубрик, с которыми мы соотнесем выделенные нами типы видовых противопоставлений (см. вторую главу).

Рассмотренная классификация Ю. С. Маслова во многих отношениях предвосхищает предложенную девять лет спустя классификацию З. Вендлера, которая получила сейчас широкое распространение в общей лингвистике и в аспектологии.

2.2. Классификация З. Вендлера и ее развитие

Первый вариант классификации З. Вендлера был опубликован в 1957 г. Мы изложим ее по более поздней версии [Vendler 1967]. З. Вендлер различает четыре класса глаголов: глаголы исполнения (Accomplishments), например, *писать письмо*, что в русской традиции соответствует предельным глаголам; глаголы деятельности (Activities), например, *писать, бежать*, соответствующие непредельным глаголам; глаголы достижения (Achievements), например, *замечать, находить, приходить;* и глаголы состояния (States), например, *знать, любить, верить*. Разбиение глаголов на четыре класса производится им на основании многих критериев, из которых мы упомянем лишь следующие:

1) Способность-неспособность глагола употребляться в продолженной форме (в русском языке этому соответствует актуально-длительное значение НСВ).

2) Сочетаемость-несочетаемость глаголов с тремя типами обстоятельств: с обстоятельствами длительности типа *долго, два часа;* с обстоятельствами точечности типа *в тот момент, в два часа;* с инклюзивными обстоятельствами времени типа *за три минуты*.

По способности иметь или не иметь актуально-длительное (продолженное) значение глаголы делятся на процессы, которые его имеют, и не процессы, которые его не имеют.

Процессы далее делятся на глаголы деятельности и глаголы исполнения по признаку сочетаемости-несочетаемости с инклюзивными обстоятельствами времени.

Глаголы деятельности не сочетаются с ними: **Я бежал за два часа; *Я рисовал за три минуты.*

Глаголы исполнения сочетаются с этими обстоятельствами: *Я написал письмо за два часа. Я нарисовал кружок за три минуты.*

Не процессы делятся на глаголы достижения и глаголы состояния на основании двух сочетаемостных признаков из числа упомянутых выше.

С обстоятельствами длительности сочетаются глаголы состояния и не сочетаются глаголы достижения: *Я знала его два года. Я много лет люблю его. *Я долго находил письмо. *Я два часа приходил к нему.*

С обстоятельствами точечности, наоборот, сочетаются глаголы достижения и не сочетаются глаголы состояния. *В три часа я достиг вершины. Я заметил его ровно в два часа. *В три часа я знал (любил) его.*

В табличном виде классификацию З. Вендлера можно представить следующим образом:

<table>
<tr><td>Процессы</td><td colspan="2"></td><td colspan="3">Не процессы</td></tr>
<tr><td>возможно ли актуально-длительное (продолженное) значение</td><td colspan="2">+</td><td colspan="3">–</td></tr>
<tr><td>сочетаются ли с инклюзивными обстоятельствами времени</td><td>глаголы деятельности</td><td>глаголы исполнения</td><td>сочетаются ли с обстоятельствами длительности</td><td>глаголы достижения</td><td>глаголы состояния</td></tr>
<tr><td></td><td>–
*Я бежал за два часа</td><td>+
Я написал письмо за два часа</td><td></td><td>–
*Я долго находил письмо</td><td>+
Я долго знаю его</td></tr>
<tr><td></td><td></td><td></td><td>сочетаются ли с обстоятельствами точечности</td><td>+
В три часа я достиг вершины</td><td>–
*В три часа я любил ее</td></tr>
</table>

Не следует думать, что различия между выделенными четырьмя классами глаголов сводятся только к названным признакам. Они обладают и другими семантическими и грамматическими различиями. В частности, З. Вендлер замечает, что глаголы исполнения обозначают негомогенные ситуации, а глаголы деятельности — гомогенные.

Это разграничение было поддержано впоследствии Б. Комри, который противопоставил динамические (негомогенные) ситуации нединамическим (гомогенным). Динамические ситуации (действия, процессы, события) характеризуются хотя бы одним из двух признаков: 1) обязательно изменяются во времени (они состоят из неодинаковых фаз); 2) требуют непрерывного приложения энергии для своего

поддержания. Нединамические ситуации (состояния), напротив, характеризуются однородностью в течение всего времени своего существования и не требуют от субъекта состояния усилий для своего поддержания [Comrie 1976: 49].

Изложенная классификация З. Вендлера в той или иной форме и мере лежит в основе всех современных классификационных работ по глаголу, в частности, тех, которые непосредственно связаны с аспектологией.

С одной стороны, под влиянием работы З. Вендлера изменилось содержание таких давно используемых в грамматике понятий, как действие, процесс, состояние.

Прежняя лексическая классификация к группе "состояние" относила глаголы, обозначающие то, что с физической или физиологической стороны является состоянием (*спать, болеть*).

В вендлеровской и других подобных классификациях, не ориентированных непосредственно на действительность, а построенных на чисто лингвистических основаниях, эти глаголы попадают в группу "деятельность". Зато глаголы *знать, думать, что...*, которые по прежней классификации к состояниям не относились, теперь попадают в группу "состояние". С терминологической точки зрения это создает, конечно, известное неудобство. Однако новое объединение глаголов продвигает аспектологию вперед.

С другой стороны, классификация З. Вендлера обогащается за счет новых критериев и признаков, необходимость которых диктуется тем конкретным грамматическим материалом (в частности, аспектологическим), который появляется в результате новых исследований.

Классификация З. Вендлера обогащается в двух направлениях: 1) дается более глубокая семантическая интерпретация как вендлеровских классов, так и тех, что были выделены позднее; 2) более детально прослеживаются грамматические проявления принадлежности глаголов к тем или иным классам.

Упомянем в этой связи две работы — [Lyons 1977] и [Lubensky 1985].

Дж. Лайонз в своей классификации глаголов иначе, чем З. Вендлер, учитывает признак протяженности во времени и выделяет пять классов глаголов: события, процессы, состояния, действия и деятельности. События — это непротяженные динамические ситуации, которые протекают мгновенно; процессы — протяженные динамические ситуации, которые длятся во времени; состояния похожи на процессы тем, что длятся во времени, но отличаются от процессов однородностью в течение всего времени своего существования. Действия и деятельности — это инициируемые агентом события и процессы соответственно [Lyons 1977: 481 и сл.].

Из пяти предложенных Дж. Лайонзом классов два — события и процессы — нуждаются в дальнейшем обсуждении. Дж. Лайонз под-

черкивает, что дело не столько в объективных временны́х различиях между событиями и процессами, сколько в том, как одна и та же ситуация представляется говорящим: ср. *Он процарствовал 30 лет* (представлено как событие) vs. *Он царствовал 30 лет* (представлено как процесс) [указ. соч.: 710].

Хотя в принципе такая ориентированность на восприятие ситуации говорящими представляется совершенно верной, следует отметить, что из вышеназванных понятий понятие "событие" выглядит недостаточно ясным. В частности, непонятно, почему в упомянутом примере *Он процарствовал 30 лет* данное явление предлагается интерпретировать как не длящееся, мгновенное.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Понятия "процесс" и "событие" по признаку длительность/недлительность задают как будто разбиение глаголов, а не видов, т. е. характеризуют лексическое значение глагола, а не его видовое значение. Между тем, при применении этих понятий к русскому материалу, например, в [Булыгина 1982: 20, 84-85] оказывается, что разделение динамических явлений на события и процессы находится в достаточно систематическом соответствии с различием СВ и НСВ. Значит ли это, что члены видовой пары в подавляющем большинстве случаев предстают как имеющие разные лексические значения, поскольку в НСВ они описываются как процессы (*светать, делать, бриться, писать* (*письмо*)), а в СВ — как события (*рассвести, сделать, побриться, написать* (*письмо*))? Или для русского языка противопоставление "процесс" — "событие" является не лексическим, а видовым?

Сочетаемость большинства глаголов СВ (кроме некоторых способов действия) с наречиями типа *постепенно* также противоречит интерпретации их как обозначающих мгновенные, не протяженные во времени ситуации. Постепенность осуществления ситуации связана с представлением о ряде моментов времени, так же, как и длительность; мгновенность же, напротив, устраняет такое представление.

В работе С. Любенски представляет интерес наблюдение, что один и тот же глагол в одном лексическом значении может входить в разные классы вендлеровской классификации. Она, в частности, показывает, что русские глаголы физического восприятия типа *видеть, слышать* относятся одновременно и к состояниям, и к достижениям (*Я долго слышал его шаги, Я долго видел силуэт корабля — Я видел его в три часа, слышал его голос ровно в три часа*). Это связано с тем, что в семантику глаголов физического восприятия входит значение непрерывного эффекта, НСВ этих глаголов способен выражать значение результата, характерное для СВ [Lubensky 1985: 84].

Сходные соображения о глаголах восприятия содержатся в [Dowty 1979: 66-68] и [Mourelatos 1981: 200].

2.3. Классификация Ф. Данеша

Целостную классификацию глаголов предлагает чешский исследователь Ф. Данеш [Daneš 1971; 1974].

Все глаголы Ф. Данеш делит на динамические (они обозначают протекающие ситуации, ср. *делать, спать, гореть*) и статические (ср. *лежать, болеть*). С другой точки зрения, глаголы делятся на глаголы активного действия (*делать, работать*) и неактивные глаголы (*гореть, лежать*). Динамические глаголы двух последних групп делятся на процессы и события. Процессы не приводят к каким-либо изменениям в ситуации (ср. *веселиться, гореть, работать*), а события — приводят (ср. *чинить, таять*). При этом динамические активные действия-события включают "исходное" и "завершающее" состояния; переход к завершающему состоянию осуществляется при помощи агента.

Всего получается, таким образом, пять семантических классов глаголов: 1) динамические активные процессы или действия, например, *веселиться, работать, танцевать;* 2) динамические активные события, например, *белить, рисовать, чинить;* 3) динамические неактивные процессы, например, *гореть, светить, спать;* 4) динамические неактивные события, например, *таять, гаснуть, замерзать;* 5) статические неактивные ситуации, например, *белеться, лежать.*

Схематически классификацию Ф. Данеша можно представить следующим образом:

<table>
<tr><td rowspan="2">Активные</td><td>Динамические</td><td></td><td>Статические</td></tr>
<tr><td>процессы</td><td>веселиться, работать, танцевать</td><td></td></tr>
<tr><td></td><td>события</td><td>белить, рисовать, чинить</td><td></td></tr>
<tr><td rowspan="2">Неактивные</td><td>процессы</td><td>гореть, светить, спать</td><td rowspan="2">белеться, лежать</td></tr>
<tr><td>события</td><td>гаснуть, замерзать, таять</td></tr>
</table>

Как видим, понятие "события" у Ф. Данеша отличается от разобранного выше "события" у Дж. Лайноза и включает в себя видовую пару целиком (*чинить брюки – починить*).

2.4. Некоторые аспектуально значимые признаки

Указанные классификационные схемы разрабатываются и уточняются для русского материала в работах [Miller 1970, Авилова 1976, Булыгина 1980, Булыгина 1982, Булыгина 1983, Селиверстова 1982, Мелиг 1985, Апресян 1986].

Помимо самих лексико-семантических классов глаголов, выделенных в названных работах, для нас представляют интерес и признаки, лежащие в основе таких классификаций.

Рассмотрим некоторые особенности функционирования видов, для описания которых требуется обращение к подобным классификациям и формирующим их признакам.

Начнем с признака стативности. Он аспектуально значим по крайней мере в двух отношениях.

Во-первых, стативные глаголы не употребляются в актуально-длительном значении, ср. *равняться, соответствовать, зависеть, обладать, владеть,* а также *любить* (*мороженое*), *ненавидеть* (*лицемерие*), *знать* (*математику*), *понимать* (*кое-что в технике*), *полагать, думать, что* (в отличие от *думать о чем-то*), *верить, что, презирать* и т. п. Отсутствие конкретной временно́й локализованности у высказываний, содержащих такие глаголы, проявляется, в частности, в том, что они "не могут (нормально) служить ответом на вопросы типа *Что он сейчас делает? Что он тогда делал? Чем он* (*был*) *занят в это время? Что с ним происходит* (*происходило*)*? Почему он отсутствует?* и т. п., а также соответственно не могут "вставляться" в предложения, начинающиеся оборотами вроде *Он был занят тем, что... Он только и делал, что...*" [Булыгина 1982: 43-44]; см. также [Miller 1970: 491-493].

Отметим, однако, что отвлеченность от конкретного течения времени не одинакова у названных глаголов. Так, для некоторых из них все же можно предложить ограниченное число контекстов, где глагол имеет актуальное значение: ср. *Он никогда так горячо не любил ее* (*не презирал его, не ненавидел лицемерие*), *как в ту минуту. В этот момент я уже твердо знал, что буду моряком. А он сейчас думает, что мы его послушались и остались на даче.*

Интересная видо-временная особенность таких стативных глаголов, как *равняться, преобладать, соответствовать, зависеть* (например, *Дополнение синтаксически зависит от глагола*), состоит в том, что они употребляются преимущественно в абсолютных, вневременных, так называемых "гномических" высказываниях. Ср. замечание М. В. Панова о том, что правило "два, умноженное на два, равняется четырем" не включает никаких временны́х показателей. "Вопросы:

как долго, с какого времени, скоро ли 2 × 2 = 4 — все лишены смысла" [Панов 1967: 20].

Второе аспектуально важное проявление стативности состоит в том, что стативные глаголы в большинстве своем не имеют соотносительных форм СВ, а некоторые неспособны иметь даже способы действия СВ. Это обстоятельство, а также то, что они не имеют актуально-длительного значения, дало возможность некоторым исследователям считать, что такие глаголы стоят вне категории вида: "Важно отметить, что вид нерелевантен для стативных глаголов. Это справедливо в такой степени, что хочется поставить под сомнение правомерность термина "несовершенный вид" применительно к стативным глаголам, невзирая на формальные подобия между стативными и активными глаголами в несовершенном виде" [Miller 1970: 503].

Вопрос о том, отсутствует ли категория вида у всех статальных глаголов, нуждается в специальном изучении. Особого внимания это утверждение заслуживает применительно к вышеупомянутым "вневременным" глаголам, близким по значению к научным понятиям (*равняться, зависеть, соответствовать* и пр.). Относительно глагола *существовать*, например, это можно утверждать с уверенностью, т. к. *существовать* "меньше" по значению, чем видовой инвариант каждого из видов, поскольку элемент 'существовать' входит в толкования обоих видов[11].

Имеются и другие языковые факты, не связанные непосредственно с употреблением видов, но тоже требующие обращения к признаку стативности, см., например, [Lakoff 1966: 490; Miller 1970: 491-493; Селиверстова 1982: 121-127]. Наиболее полная сводка свойств стативных глаголов содержится в [Апресян 1986].

Рассмотрим еще один аспектуально значимый признак, уже упоминавшийся выше при изложении классификации Ф. Данеша, — признак активности-неактивности субъекта предикации. Существует много родственных понятий, связанных с обозначением активности-неактивности субъекта: целенаправленное / нецеленаправленное действие, произвольное / непроизвольное действие, намеренное / ненамеренное действие, одушевленность / неодушевленность субъекта действия, агентивные / неагентивные глаголы, контролируемые / неконтролируемые положения вещей, волевые / неволевые глаголы.

Следует отличать "целенаправленные" и "нецеленаправленные" глаголы от "целевых" и "нецелевых" в смысле Г. Б. Гэрея [Гэрей 1962]. Г. Б. Гэрей в сущности имеет в виду предельные (целевые) и непредельные (нецелевые) глаголы. Целенаправленное же действие — это

[11] Инвариант главного значения НСВ = 'существовать в каждый из ряда последовательных моментов', а СВ = 'существовать в какой-то момент, существовать в один из последующих моментов' (т. е. 'начать'). См. об этом [Гловинская 1982: 105-108, а также с. 127-131 данной работы].

такое, которое совершается субъектом действия ради достижения ц е л и, т.е. желательного для него результата, который он, по его мнению, может достичь имеющимися в его распоряжении средствами и знает, как это сделать (подробнее о понятии "цель" см. [Жолковский 1964: 69-71; Апресян 1974: 129; Grochowski 1980]). С этой точки зрения процесс *худеть*, например, может быть и целенаправленным, и нецеленаправленным, в зависимости от того, совершается ли он намеренно или нет. Результат же его ('худоба' или 'меньший вес') одинаков в обоих случаях. В терминах Г. Б. Гэрея этот глагол в любом случае относится к целевым.

О грамматической существенности признака целенаправленности / нецеленаправленности говорят многие сочетаемостные ограничения. Приведем несколько примеров из работ [Булыгина 1980; Булыгина 1982], в которых предложено понятие контролируемых / неконтролируемых положений вещей.

Так, при упоминавшейся выше невозможности **Знай математику!* нормальны высказывания *Знай, что я тебя презираю; Знай, что я уезжаю,* в которых "каузация получения адресатом соответствующего "знания" находится под контролем говорящего" [Булыгина 1982: 72].

Обращения к признаку контролируемости требует употребление видов в императиве при отрицании. Известно, что для большинства глаголов форма СВ в императиве с отрицанием невозможна (**Не защити диссертацию! *Не сходи за хлебом!*).

У некоторых глаголов эта форма все же может употребляться в данной конструкции (правда, не в запретительном, а в предостерегательном значении): *Не опоздайте на поезд. Не урони стакан.* Оказывается, что не могут выступать в этой конструкции глаголы, обозначающие контролируемые действия, и могут, напротив, глаголы, обозначающие неконтролируемое положение вещей (т. е. не зависящие от воли субъекта действия, хотя предотвращение события может им контролироваться)[12].

Обращения к этому признаку требует объяснение того факта, что одни начинательные предложения могут быть преобразованы в инфинитивные, а другие — нет [Булыгина 1980: 340]. *Она начала хохотать*

[12] Этот факт отмечается также в связи с намеренностью/ненамеренностью действия в [Мелиг 1985: 241]. В работе [Kučera 1985] этот же признак используется для объяснения семантических различий между отрицательным императивом НСВ у глаголов, обозначающих произвольное (контролируемое) действие, и отрицательным императивом СВ у глаголов непроизвольного (неконтролируемого) действия. Если адресат контролирует свои действия, то отрицательный императив естественно интерпретировать как запрещение производить их (*Не пишите!*). Если же ситуация не контролируется адресатом, то отрицательный императив естественно интерпретируется как предостережение (*Не потеряйте ключ!*) [Kučera 1985: 121-122]. Ср. аналогичные соображения в [Chaput 1985: 225].

→ *Она — хохотать!; Мы начали убеждать, уговаривать...*, → *Мы — убеждать, уговаривать;* но не *Дождь начал лить как из ведра* → **Дождь — лить как из ведра, Гром начал греметь* → **Гром — греметь* и т. д.

Такое преобразование возможно только для глаголов, описывающих контролируемое, произвольное, зависящее от субъекта действие (с изменением стилистической окраски и привнесением смысла "интенсивного и внезапного приступа к действию").

Т. В. Булыгина предлагает использовать признак контролируемости и при описании круга глаголов, выражающих формами настоящего времени значение "запланированного будущего". "Это значение могут иметь только предикаты целенаправленного действия, например, *Завтра мы слушаем Рихтера,* но не **Завтра мы слышим Рихтера; Завтра я работаю в библиотеке,* но не **Завтра я болею гриппом*" [Булыгина 1980: 341]; ср. аналогичные соображения в [Бондарко 1971: 155].

Если понимать это ограничение буквально, как условие реализации "настоящего профетического", то следует признать, что оно сформулировано чересчур жестко. "Настоящее профетическое" могут иметь и глаголы, обозначающие нецеленаправленное действие, ср. *С его отъездом я теряю последнего друга.* Предстоящее действие "терять" не относится к числу контролируемых, целенаправленных; оно является следствием другого активного поступка (отъезд друга). Грамматически и в случае *Завтра мы слушаем Рихтера,* и в случае *С его отъездом я теряю последнего друга* реализуется одно и то же видо-временное значение.

Сказанное, однако, не значит, что признак контролируемости действия оказывается в данном случае излишним. Он нужен, но для другого. Глаголы, обладающие этим признаком, в настоящем профетическом будут дополнительно выражать смысл 'действие запланировано' (в отличие от глаголов, не обладающих им). Тем самым это семантическое приращение возникает только в контексте "целенаправленных" глаголов и не входит в собственно видо-временное профетическое значение.

***

В заключение этого обзора подчеркнем еще раз, что в рассмотренных классификациях наиболее важным для нас является определенный методологический принцип. Это — исследование видовых значений в их связи с лексико-семантическими особенностями глаголов. Хотя нашей непосредственной задачей является не классификация глаголов, а изучение семантических типов видовых противопоставлений, тем не менее установить эти типы в отвлечении от лексико-семантических классов глаголов нельзя.

3. Интерпретационный (смысловой) подход к описанию видов

Различие между признаковым и смысловым подходами описывается в современной семантике следующим образом.

Признак — это название определенного параметра в характеристике объекта. Его уподобляют вопросу анкеты. Каждый признак имеет не менее двух значений ("ответов" на вопросы анкеты). Признаковая характеристика объекта не имеет внутренней структуры; в частности, порядок перечисления признаков не имеет значения. Ср. признаковое описание глагола *заснуть*: 'спать + результативность + начинательность' и т. п.

Смысл — это компонент, составная часть объекта, определенным образом связанная с другими его компонентами так, что все они в совокупности образуют структуру. Из этого, в частности, следует, что смысловые компоненты в описании (толковании) объекта нельзя менять местами. Ср. толкование *заснуть* ≅ 'начать спать'.

Рассматривая различные определения видов на основе семантических признаков, мы убедились, что в наиболее эксплицитных из них признаки являются лишь сокращенными обозначениями более развернутых описаний, содержащих элементы толкования видовых значений ("совпадение начала и конца", "критическая точка, по достижении которой действие должно исчерпать себя и прекратиться", "начало, середина и конец действия"). О признаках, которые не сопровождаются такими пояснениями, Э. Кошмидер писал еще в 1934 году, что они "представляют собой лишь более или менее удачно выбранные синонимы "совершенности" и "несовершенности"... Подобно тому, как известные акустические определения звуков в фонетике — "шипящие", "плавные", "твердые" и т. п. — не определяют сущности артикуляции данного звука, так и данные определения не отражают синтаксической сущности категории видов" [Кошмидер 1962: 115]; теперь мы сказали бы — семантической. И далее: "Я считаю абсолютно необходимым провести... понятийный анализ категорий совершенности и несовершенности" [указ. соч.: 116].

Отметим еще и то, что признаковый подход использовался в аспектологии преимущественно при описании главных видовых значений — актуально-длительного НСВ и конкретно-фактического СВ. При описании частных видовых значений почти всегда использовались толкования. Между тем желательно иметь единый семантический язык для интерпретации всех видовых значений.

Таким образом, потребность в смысловом анализе видов назрела внутри самой аспектологии и связана, в частности, с невозможностью найти содержательный признак, единый для всех глаголов данного вида. Последнее, по нашему мнению, обусловлено тем, что предлагавшиеся признаки соответствуют слишком большой части в значении

видовой граммемы и что эта часть повторяется не у всех глаголов в полном объеме. Если общее значение вида "меньше" признака, то уловить его можно только с помощью "толкового" подхода.

Потребность в смысловом описании видов назрела и с точки зрения более общих, теоретических задач лингвистики, о чем уже шла речь в Предисловии. Задача описания смысла целого высказывания, экспликация того, как из смыслов частей складывается значение целого, требуют описания всех единиц на едином семантическом языке. Постараемся показать это на простейшем примере. Возьмем фразу *Девочки любят сладости* и посмотрим, как будет выглядеть ее общий смысл, если лексические и грамматические значения описывать на разных языках: первое — на языке толкований, а второе — на языке признаков:

('Ребенок женского пола' + 'множественность') + ('испытывать склонность' + 'узуальность' + 'гномичность' + 'реальность') + ('сладкое кондитерское изделие' + 'собирательная множественность').

Такое представление совокупного смысла предложения имеет два недостатка. Во-первых, оно не отражает языкового сознания говорящих. Очевидно, что носители языка не могут мыслить и не мыслят такими категориями, как "собирательная множественность" или "гномичность". Во-вторых, оно формально неоднородно, т. к. содержит, наряду с понятными для носителя языка дефинициями, сводящими сложные понятия к более простым, весьма специальные л и н г в и с т и ч е с к и е метапонятия и термины.

Теперь представим в очень огрубленном виде смысл той же фразы на едином языке толкований: 'Всякий ребенок женского пола имеет свойство хотеть есть всякое сладкое кондитерское изделие и испытывать удовольствие всякий раз, когда это происходит'.

Подобные семантические представления, при всем своем несовершенстве, имеют следующие преимущества перед "признаковыми" представлениями.

Во-первых, толкования вернее отражают языковую интуицию говорящих, особенно в тех случаях, когда они сами оказываются вынужденными толковать языковые значения (например, при общении с иностранцем или с ребенком).

Во-вторых, толкования поддаются проверке, потому что могут заменить толкуемую единицу в тексте без разрушения связности последнего; ср. *Ребенок заснул* ≅ 'Ребенок начал спать'. Замена языковой единицы признаковой характеристикой полностью разрушает текст: ср. *Ребенок заснул* = 'Ребенок' + 'спать' + 'предшествование моменту речи' + 'начинательность' + 'результативность'.

В-третьих, будучи семантически однородными, толкования позволяют увидеть механизмы семантического взаимодействия языковых значений в составе связанных текстов.

В частности, именно с помощью толкований был установлен известный семантический закон повторения смыслов в составе предложения и вообще во всяком связном тексте. В приведенной фразе, например, граммемами числа существительного и вида-времени глагола дублируется количественный (кванторный) смысл: 'всякий' — 'всякое' — 'всякий раз' — 'свойство' (то, что существует постоянно, т. е. во всякий момент).

Другое важное явление, которое удалось обнаружить благодаря языку толкований, отражено в понятии семантической области действия одних единиц относительно других (см. об этом, например, [Богуславский 1980]). Если, например, истолковать глагол *заснуть* как 'начать спать' (а не как 'спать' + 'начинательность'), то можно показать, что семантические области действия наречий и частиц, с которыми он сочетается, различны, ср.:

внезапно заснуть	= '(внезапно начать) спать'
крепко заснуть	= 'начать (крепко спать)'
не заснуть	= 'не (начать спать)'

В нашей работе последовательное применение языка толкований при описании и главных, и частных видовых значений важно еще и потому, что позволяет наглядно представить их сходства и различия.

Для формирования интерпретационного подхода в грамматике существенными, помимо названных, оказались еще несколько факторов.

Первый фактор — это влияние на грамматику других дисциплин, таких, как лексическая семантика (см., например, [Fillmore 1969, McCawley 1968, Wierzbicka 1972, Апресян 1974 и другие авторы] и логический анализ языка [Фреге 1977, Остин 1986, Vendler 1967 и др.].

Из лексической семантики в грамматику проникают элементы единого семантического метаязыка и некоторые технические приемы исследования. Из работ по логическому анализу языка в семантику вообще и в грамматическую семантику, в частности, было заимствовано представление о значении как о сложной структуре с неоднородными частями. В значении были выделены пресуппозиции и ассерция, модальная рамка, обязательные и факультативные элементы. Это позволяет прослеживать неочевидные механизмы взаимодействия видового значения с лексическим внутри глагольной словоформы, а также видового значения с разными значениями вне глагольной словоформы, например, с семантикой дополнений и обстоятельств, квантификаторами в широком смысле слова, модальностями, отрицанием и вопросом и т. п.

Вторым фактором, стимулирующим интерпретационное описание видовой семантики, является функциональный и функционально-стилистический подход к грамматике [Шмелев 1977, Бондарко 1983,

1984, 1985 и другие авторы]. Он требует систематизации всех языковых средств выражения данного значения, независимо от того, являются ли они лексическими, морфологическими или синтаксическими. Описание таких средств на едином языке толкований серьезно облегчает решение задач функциональной грамматики.

Третий фактор — это переход от изучения изолированных предложений к изучению высказываний, т. е. предложений, соотнесенных с действительностью. С этой точки зрения важными для изучения видовых значений оказываются: а) денотативные статусы именных групп [см. работы Арутюнова 1976, 1982; Падучева 1985; Булыгина 1982 и др.]; б) коммуникативная организация высказывания; в) различные прагматические факторы, в частности, тип иллокутивного акта, реализованного в данном высказывании (ср. работы Дж. Остина и его последователей). Эти типы информации тоже требуют интерпретационного подхода к описанию грамматических значений.

Итак, развитие теоретической лингвистики вообще и аспектологии в частности подготовило почву для перехода к чисто смысловому, "толковательному" описанию видов.

***

Основы нового подхода к описанию видов были заложены Ю. С. Масловым в уже обсуждавшейся работе [Маслов 1948], где была убедительно продемонстрирована семантическая неоднородность видов. Опираясь на различную синтаксическую сочетаемость глаголов, Ю. С. Маслов показал, что в глаголах разных семантических классов смысловые соотношения СВ и НСВ не одинаковы.

С тех пор техника семантического анализа была серьезно усовершенствована. В частности, современная семантика различает синтаксическую и семантическую сочетаемость единиц, а также синтаксические зависимости и семантические области действия, что позволяет точнее интерпретировать сочетаемостные факты.

Сравним, например, две пары глаголов, попадающие у Ю. С. Маслова в разные подгруппы из группы "тенденция — осуществление": *умирать — умереть* и *становиться — стать*. Основанием для такого распределения послужила невозможность сочетаний **постепенно умер* и, наоборот, допустимость *постепенно стал: листья постепенно стали желтыми, он постепенно стал осторожным* и т. п. Между тем, *умереть* можно истолковать как 'стать мертвым', но сочетание *он постепенно стал мертвым* все равно невозможно. Возникает естественный вопрос — почему? Чтобы ответить на него, рассмотрим другие контексты, внутри которых словосочетание *постепенно стать* оказывается невозможным: **Он постепенно стал мужем (отцом, дядей)*, **Она постепенно стала беременной*, **Он постепенно стал сиротой.*

Интересно, что при этом сохраняется возможность сказать *Он постепенно стал мужем трех жен* (*отцом семерых детей*) и т. п.

Анализ этих примеров показывает, что наречие *постепенно* лишь синтаксически относится к глаголу *стать*, а по смыслу относится к предикативу (именной части сказуемого), обозначающему результат процесса (*Листья постепенно стали желтыми*) или даже к дополнению предикатива (*Постепенно он стал отцом семерых детей*). В том случае, если предикатив обозначает такое состояние, свойство или отношение, которое не может накапливаться (*мертвый, женатый, беременная, отец, сирота, дядя*), сочетание с *постепенно стать* невозможно. Если же предикатив обозначает такое состояние или свойство, которое может накапливаться, проходить через определенные стадии, то это сочетание возможно.

Тогда понятно, почему невозможно **Он постепенно стал отцом* (свойство 'быть отцом' возникает сразу) и возможно *Он постепенно стал отцом семерых детей* (свойство 'быть отцом семерых детей' накапливается постепенно, от ребенка к ребенку). Об области действия наречия *постепенно* подробнее см. в [Апресян 1980б: 80].

Вернемся к глаголу *умереть* = 'стать мертвым'. Свойство 'мертвый' возникает сразу, а не накапливается постепенно, поэтому невозможно **Он постепенно умер*.

Итак, глагол *стать* сам по себе безразличен к возможности сочетаться с наречием *постепенно* и на основании этого чисто сочетаемостного признака он не может быть отнесен ко второй подгруппе.

То же можно сказать о глаголах *достать, отнять* и, по-видимому, еще о некоторых. Нельзя сказать **Он постепенно достал* (*отнял*) *книгу*, хотя по аналогичным причинам возможно *Он постепенно достал* (*отнял*) *все книги*.

***

С позиций современной семантики смысловой анализ видов был впервые предпринят в [Wierzbicka 1967]. В статье рассматриваются две основные темы: 1) значение СВ и НСВ; 2) семантическое согласование видов с глагольными дополнениями (прямой объект) и обстоятельствами времени.

Подход А. Вежбицкой к проблеме значения видов характеризуется тремя методически важными принципами:

1. Автор не ищет семантического инварианта для вида во всех его значениях (функциях), но считает необходимым указывать семантический коррелят для каждого значения (функции вида). Наиболее под-

робному анализу подвергается противопоставление: актуально-длительное значение[13] НСВ — "точечное" значение СВ.

2. Значения видов толкуются, а не характеризуются признаками.

3. Рассматривая видовую пару, А. Вежбицка дает полное толкование каждому из входящих в нее глаголов. Полные толкования глаголов СВ и НСВ создают единственно возможную основу для установления семантического коррелята каждого из видов (это — общая у всех глаголов данного вида часть толкования).

На основании такого подхода А. Вежбицка обнаружила необычное с традиционной точки зрения соотношение по смыслу между глаголами СВ и НСВ, верное, по крайней мере, для одного класса глаголов: глагол НСВ богаче (сложнее) по смыслу, чем соответствующий глагол СВ, т. к. второй целиком входит в толкование первого.

Примеры[14]:

Ян умер = 'Ян перестал жить' = 'Ян начал не жить', *Ян умирал* = 'Ян последовательно проходил состояния такого ряда состояний, что если бы он прошел все состояния этого ряда, то умер бы'.

Ян заснул = 'Ян начал спать', *Ян засыпал* = 'Ян проходил последовательно состояния такого ряда состояний, что если бы он прошел через все состояния этого ряда, он заснул бы'.

Ян сел = 'Ян произвел такие действия (движения), которые привели к тому, что он начал сидеть', *Ян садился* = 'Ян производил такой ряд действий (движений), что если бы он произвел все действия этого ряда, то он сел бы'.

Аналогичным образом соотносятся пары СВ и НСВ у глаголов *ложиться, просыпаться, закрывать* и т. д.

Сомнения вызывают толкования глаголов *умирать* и *засыпать*. В [Булыгина 1983] справедливо отмечается, что *умирать* значит 'быть в состоянии, близком к смерти'. Ср. возможность *Он совсем умирает* при невозможности **Он совсем пишет письмо* [указ. соч.: 36]. Но мы бы предложили сохранить и динамический компонент в толковании: *умирать* = 'быть в состоянии, близком к смерти, и в каждый последующий момент быть ближе к смерти, чем в каждый предшествующий, и, если этот процесс не прекратится, то в какой-то последующий момент на-

[13] Это значение А. Вежбицка называет "значением одновременности": глагол обозначает действие, происходящее 'в этот момент', а 'в этот момент' значит 'в такой момент, когда происходит какое-то другое событие', 'одновременно с этим другим моментом' [указ. соч.: 2236].

[14] Хотя наблюдения А. Вежбицкой относятся к польскому языку, бóльшая часть их справедлива и для соответствующих глаголов русского языка. Поэтому польские примеры мы заменяем их русскими переводами.

чать быть мертвым'. Это подтверждается соответствующей сочетаемостью: *Старик медленно умирал.* Наречия *совсем* и *медленно* имеют своей областью действия разные компоненты толкования. Наречие *совсем* относится к компоненту 'близкий'. *Он совсем умирает* = 'Он в состоянии, совсем близком к смерти'. Наречие же *медленно* означает, что промежутки времени между моментами процесса умирания длинные. Сказанное в полной мере можно отнести и к глаголу *засыпать*: ср. *Он совсем засыпает* и *Он постепенно засыпал.*

Таким образом, смысловым инвариантом для глаголов НСВ (по крайней мере, для выделенного класса глагола) является импликация приведенного выше типа.

Любопытно, что эта импликация сходна с импликацией в характеристике предельных глаголов, данной А. А. Холодовичем: "Зная, что предмет А в данный момент находится в состоянии X, мы можем уверенно сказать, что в какой-то момент или по крайней мере рано или поздно следующим его состоянием будет состояние Y, если только на пути перехода в это состояние не возникнут какие-либо препятствия..." [Холодович 1963: 3]. Глаголы, проанализированные А. Вежбицкой, относятся как раз к классу предельных. Именно для предельных глаголов (притом не всех) и верно указанное соотношение СВ и НСВ. Мы остановимся на этом ниже.

Семантическим инвариантом всех абсолютно глаголов СВ (в "точечном" значении) А. Вежбицка считает элемент 'начало' (beginning), соответствующий традиционному понятию "точечности":

Он уснул — 'Он начал спать'.

Ян получил эту книгу от Павла — 'Павел подействовал так, что Ян начал иметь эту книгу'.

Ян создал новую организацию — 'Ян произвел некоторые действия, которые привели к тому, что начала существовать новая организация'.

Это же значение А. Вежбицка усматривает в глаголах, обозначающих "моментальное действие".

Он кивнул головой — 'Он произвел некоторые движения, которые каузировали, что его голова (но не его тело) опустилась и в следующий момент поднялась...', т. е. 'каузировал, что его голова начала быть ниже, чем была — и в следующий момент — начала быть там, где она была моментом раньше'.

Именно наличием этого элемента в толковании всех глаголов СВ А. Вежбицка объясняет их несочетаемость с фазовыми глаголами [указ. соч.: 2246]. Наличие фазовых глаголов создает повторение одних и тех же смыслов, поскольку во все фазовые глаголы входит элемент 'начинать'. Как известно, *переставать P* = 'начинать не P', а *продолжать P* = 'не переставать P' = 'не начинать не P'. Хотя разгадку не-

сочетаемости с фазовыми глаголами следует искать, видимо, именно в компоненте 'начать', все же природа запрета на повторение одних и тех же смыслов остается неясной. Ведь в принципе повторение одних и тех же смыслов допустимо: ср. нормальное сочетание *начинал засыпать*, хотя в *засыпать* тоже входит элемент 'начинать'.

Перейдем к проблеме семантического согласования видов с приглагольными прямыми дополнениями и обстоятельствами.

А. Вежбицка выдвигает тезис, что семантическая структура объектов при глаголах СВ и НСВ различна. Основанием для этого вывода служат три группы фактов.

А) Глаголы НСВ, обозначающие последовательность единичных актов, не сочетаются в актуально-длительном значении с обстоятельствами типа 'сколько раз'. Нельзя сказать: **Ян тогда (в этот момент) два раза ударял Петра.*

В то же время события, обозначаемые глаголом СВ, могут быть сосчитаны: *Ян ударил Петра два раза.* Отсутствие количественного выражения при дополнении, управляемом глаголом СВ, значимо: оно обозначает одно событие. *Мария поцеловала Петра* значит 'Мария поцеловала Петра один раз'. Последовательность действий, обозначаемая глаголом НСВ, представляет собой «ненумерованное» множество, акты этой последовательности не могут быть сосчитаны.

Б) При глаголе НСВ прямой объект не допускает спецификации посредством меры (количества). Нельзя сказать: **В этот момент он ел немного каши; *Он ел тогда миску каши; *Он пил в этот момент стакан воды.* При глаголе СВ показатель меры необходим: *Он выпил стакан воды; Он съел миску каши.* Если формально показатель отсутствует, семантически он все равно есть: *Он съел кашу* — 'Он съел всю кашу'. *Он выпил молоко* — 'Он выпил все молоко'. На основании этого А. Вежбицка заключает, что семантическая структура объектов в предложениях типа *Он ел кашу* и *Он съел кашу* различна. Слово *кашу* в предложении *Он съел кашу* является сокращением выражения 'всю кашу', слово *кашу* в предложении *Он ел кашу* не является таким сокращением. В предложениях с глаголом НСВ объект трактуется как континуум.

Если же в предложении с глаголом НСВ прямой объект сопровождается числительным, то это числительное не может выражать число объектов, последовательно включаемое в процесс, а только число одновременных объектов:

Он ел тогда две груши = 'Он ел одновременно две груши'.

Он съел две груши ≠ 'Он съел одновременно две груши'.

А. Вежбицка приводит и другие примеры, подтверждающие тот факт, что при НСВ объект не допускает расчленения, измерения, пересчета. Так, родительный партитивный сочетается только с глаголами СВ: *Я купил хлеба,* но не **Я покупал хлеба* (в актуально-длительном

значении). Сам же глагол НСВ, по ее мнению, утверждает только существование объекта (существует каша, которую он ест: квантор существования).

Все эти семантические различия А. Вежбицка целиком относит к семантической структуре объектов при глаголах СВ и НСВ.

По нашему мнению, следует учитывать еще такие факторы, как лексическое значение глаголов и связанные с этим аспектуальные значения СВ и НСВ. Об этом свидетельствует то, что указанное А. Вежбицкой соотношение между объектами возникает не при всех глаголах, а только при таких, которые обозначают в НСВ постепенное накопление результата, охват объекта действием часть за частью. Сравним, например, следующие фразы:

1. а) *Кошка ела мышку — Кошка съела (всю) мышку.*

   б) *Кошка ловила мышку — Кошка поймала мышку*

2. а) *Ученик переписывал задачу — Ученик переписал (всю) задачу.*

   б) *Ученик решал задачу — Ученик решил задачу.*

3. а) *Маша ела компот — Маша съела (весь) компот.*

   б). *Маша варила компот — Маша сварила компот.*

Во всех фразах типа б) название объекта при глаголах СВ не является сокращенным выражением значения 'весь объект', так как в форме НСВ они обозначают только целенаправленное действие, без указания на накопление результата.

Кроме того, невозможность подобной квантификации характеризует не только дополнения при глаголах НСВ, но и обстоятельства меры и степени. Так, можно сказать:

Он погрузился в воду по шею. Он сел вполне удобно, но нельзя:

**В этот момент он погружался в воду по шею.*

**В этот момент он садился вполне удобно.*

Это связано с тем, что в толковании глагола НСВ нет элемента, к которому может относиться квантифицированный объект или обстоятельство (см. главу «Семантические типы видового противопоставления»).

В) При глаголах СВ и НСВ по-разному используются обстоятельства времени. При обсуждении этого вопроса А. Вежбицка исходит из того, что СВ имеет два значения — точечное и неточечное. Точечный СВ обозначает действие, которое имело или будет иметь место в определенный момент, а неточечный СВ — тот факт, что действие или событие вообще имело место. Это второе значение СВ близко к общефактическому значению НСВ.

А. Вежбицка исследует сочетаемость с обоими видами обстоятельств со значением длительности и обстоятельств со значением точечности. Она справедливо замечает, что если глагол СВ сочетается с показателями длительности, это указывает на имплицитное присутствие в соответствующем предложении глагола НСВ, к которому и относится показатель длительности. Так, предложение *Мицкевич написал "Пана Тадеуша" за один год* (*в один год*) включает в себя значение 'Мицкевич писал "Пана Тадеуша" год'.

Эти рассуждения А. Вежбицкой перекликаются с наблюдениями З. Вендлера над поведением инклюзивных обстоятельств времени и обстоятельств длительности (см. 2.2. в настоящем разделе) и могут быть дополнены следующим образом.

Глаголы НСВ в процессном значении сочетаются только с обстоятельством длительности: *Он писал эту статью год* (*два месяца*), но не **Он писал эту статью за год*. Между тем, глаголы СВ сочетаются только с инклюзивным обстоятельством времени: *Он написал эту статью за* (*в*) *один год* (*за два месяца*), но не **Он написал эту статью год*.

Эта избирательная сочетаемость обстоятельств длительности и инклюзивных обстоятельств времени, видимо, объясняется различием в их значениях: *за год, в год* значит примерно 'действие продолжалось в течение года и закончилось', а *год* — 'действие продолжалось или продолжается в течение года'.

Тем самым выбор того или другого из этих двух обстоятельств времени диктуется семантическими требованиями. Если глагол обозначает "законченное" действие, то выбирается инклюзивное обстоятельство времени, т. е. именно то, которое имеет значение "законченности" (за исключением глаголов, относящихся к пердуративному способу действия, для которых в силу их лексического значения беспредложные формы являются прямыми дополнениями). Если же глагол имеет процессное значение (НСВ длительный), то выбирается обстоятельство длительности, не имеющее значения "законченности".

Сказанным объясняется тот факт, что формы НСВ, соотносящиеся по смыслу с главным значением СВ (например, настоящее историческое), способны сочетаться с инклюзивными обстоятельствами времени: *Сегодня у него доклад на заседании комитета. Он встает раньше обычного, завтракает за пятнадцать минут, за полчаса делает все домашние дела и отправляется на работу. В конце XIV века появляются первые механические часы и в несколько лет заполняют рынки Европы.*

***

Принципиально важной для формирования смыслового подхода к видам представляется постановка вопроса о семантике видового противопоставления, данная в работе [Bogusławski 1972].

Автор ставит три вопроса:

а) можно ли соотнести с формальными различиями между глаголами несовершенного и совершенного видов определенные семантические элементы;

б) если да, то какова семантическая структура противопоставленных глаголов несовершенного и совершенного видов с точки зрения большей или меньшей смысловой сложности: равносложны ли они (в случае, если каждый вид имеет свою семантическую надбавку) или сложнее какой-нибудь один из видов (в случае, если только один вид имеет семантическую надбавку);

в) существует ли единый семантический элемент или, по крайней мере, единый функциональный признак, соответствующий всем глаголам несовершенного вида и всем глаголам совершенного вида?" [указ. соч.: 227].

Нам представляется чрезвычайно удачной и общая постановка задачи изучения видов, и конкретные формулировки этих трех вопросов. В сущности, это те вопросы, которые мы подробно рассматриваем в главе "Семантические типы видового противопоставления". Однако ответы А. Богуславского на них в ряде случаев вызывают возражения.

Так, на первый вопрос А. Богуславский отвечает, что для "огромного большинства сопоставлений правилен положительный ответ, однако <...> в некоторых сопоставлениях глаголы несовершенного и совершенного видов семантически ничем не отличаются друг от друга". К последнему заключению автора привел анализ фраз:

(1) *Вчера пришел он в институт...*
Вчера приходит он в институт...

(2) *Всю эту ночь он занимался.*
Всю эту ночь он прозанимался.

(3) *Он посетил ее несколько раз.*
Он посещал ее несколько раз.

Действительно, во всех трех случаях фразы с глаголами разного вида имеют один и тот же или весьма похожий смысл. Однако это не означает, что и данные глаголы СВ и НСВ имеют одно и то же значение.

Так, в примере (2) значение 'определенный промежуток времени' выражено в первом предложении эксплицитно один раз — обстоятельством времени *всю эту ночь*, а во втором — дважды — и обстоятельством времени, и значением самого глагола *прозаниматься* (пердуративный способ действия имеет обязательную валентность на обстоятельство длительности). Глаголы в этих фразах полностью сохраняют свои обычные значения, а синонимичность (или квазисинонимичность) фраз объясняется исключительно контекстуальными условиями.

Точно так же обстоит дело с примером (3). В предложении *Он посещал ее несколько раз* значение многократности выражено дважды: обстоятельством и самим глаголом (*Он посещал ее* само по себе может означать 'несколько раз'). Между тем, *Он посетил ее,* как это уже отмечалось, обозначает только одно событие, и равнозначность фраз возможна только тогда, когда значение 'несколько раз' при глаголе СВ выражено средствами контекста.

Пример (1) с СВ и настоящим историческим показывает, что даже на уровне фраз здесь нет синонимии. Настоящее историческое имеет еще особую изобразительную функцию, которой нет у СВ (подробнее о нем см. в главе "Семантика, прагматика...").

На второй вопрос (какова семантическая структура противопоставленных глаголов НСВ и СВ) А. Богуславский дает следующий ответ: "огромное большинство противопоставлений характеризуется наличием определенной семантической надбавки в одном из членов противопоставления; однако эта надбавка в одних случаях связана с совершенным, а в других — с несовершенным" [указ. соч.: 230]. А. Богуславский не обнаружил ни одной видовой пары, где каждый глагол (и НСВ, и СВ) обладал бы семантической надбавкой, т. е. не обнаружил случаев семантической равносложности видов. Поэтому он склоняется к мысли, что необходимо полностью отказаться от взгляда, будто в видовой паре противостоят друг другу определенные положительные семантические элементы.

С этим последним утверждением А. Богуславского нам не позволяет согласиться наш материал, который показывает, что в видовых парах реализуются все три названные возможности: 1) СВ сложнее, чем НСВ; 2) НСВ сложнее, чем СВ; 3) СВ и НСВ семантически равносложны[15].

На третий вопрос (есть ли семантический инвариант у каждого вида?) А. Богуславский отвечает отрицательно.

Наиболее распространенной семантической надбавкой глаголов СВ он считает указание на определенное состояние, имеющее временну́ю границу t_2, где t_2 — конечный момент времени, занятого процессом изменения. Эта семантическая надбавка характеризует обширный класс глаголов, обозначающий изменение или каузацию изменения (*высохнуть, высушить* и т. п.).

Характерными и широко распространенными надбавками глаголов НСВ А. Богуславский считает элементы 'таков, что' с разными дополнениями, 'все', 'каждый', 'любой' и вообще импликацию. Как видим, эти представления о наиболее типичном значении СВ и НСВ близки к суждениям А. Вежбицкой на этот счет, хотя и не во всем с ними совпадают.

[15] Все три возможности указаны и подтверждены примерами в [Апресян 1974: 83-84].

4. Цель и принципы работы

4.1. Метод исследования

4.1.1. Толкование как основной прием описания

Целью исследования, предпринятого в предлагаемой работе, является ответ на вопрос — какие семантические корреляты соответствуют категориям СВ и НСВ в их главных и наиболее важных частных значениях. Представляется принципиально неверным и практически невозможным искать семантический коррелят для каждого из видов сразу во всей совокупности его значений, исходя из априорного представления о том, что каждый вид обладает семантическим инвариантом (см. раздел 1.1. в этой главе). Необходимо вначале установить смысловое соответствие для каждого из грамматических (главных и частных) значений вида. Извлечь эти компоненты можно только из толкований глаголов НСВ и СВ в соответствующих употреблениях.

Данная работа является первой ступенью в таком исследовании. Во главе "Семантические типы..." анализируется по одному (главному) значению каждого из видов: актуально-длительное значение НСВ и так называемое конкретно-фактическое или "точечное" значение СВ. В главе "Семантика, прагматика..." описываются различные частные значения СВ и НСВ. Найти смысловые корреляты для этих видовых значений и есть конкретная цель данной работы.

Поскольку видовое и лексическое значение выражены в глагольной основе слитно (подробнее об этом см. в главе "Некоторые трудности..."), то, чтобы отделить одно от другого, необходимо толковать оба члена видовой пары. Тогда совпадающая часть двух толкований явится их общим лексическим значением, а различающиеся части — видовыми значениями. Но этого мало. Невозможно сказать заранее, войдет ли в толкование каждого глагола данного вида найденный на основании анализа одной пары семантический коррелят. Необходимо сопоставить между собой видовые значения многих (в идеале — всех) глаголов каждого вида. Если у этих видовых значений окажется совпадающая часть, то она представит собой семантический коррелят — инвариант данного грамматического значения вида. Возможно, что единого инварианта не окажется, а будет несколько инвариантов, каждый из которых будет соответствовать значительной группе глаголов.

Выделение смысловых компонентов, соответствующих виду, возможно только на основе толкования глаголов. Мы пользуемся таким понятием толкования, в соответствии с которым оно является одной из перифраз толкуемого выражения, удовлетворяющей определенным требованиям (см. об этом [Апресян 1974: 56-163] и [Апресян 1979: 512-518]). Главные из них следующие: 1) толкуемое значение должно определяться через более простые; 2) должны быть перечислены все смы-

словые компоненты слова и только они; 3) каждый смысловой компонент должен всегда называться одинаково, независимо от того, в каких толкованиях он встречается, а каждое название должно соответствовать одному смысловому компоненту (в языке толкований не должно быть синонимов и омонимов).

Соблюдение первого требования было в нашей работе строгой необходимостью, т. к. выделить из сложного значения глагольной лексемы ту частичку, которая относится именно к виду, можно только в том случае, если сложное значение представлено как совокупность более простых. Эти более простые значения не обязаны быть элементарными, далее неразложимыми. Степень разложения глагольного значения на более элементарные смыслы определялась самой поставленной задачей: значение должно быть в итоге выражено так, чтобы различие между членами видовой пары сводилось не к глаголам СВ и НСВ (хотя бы и более простым, чем толкуемые), но к каким-то другим элементам. Парные глаголы СВ и НСВ могут использоваться в толкованиях лишь в качестве промежуточных понятий. Так, недостаточно было бы остановиться на толкованиях *заквашиваться* = 'начинать быть кислым' и *закваситься* = 'начать быть кислым', потому что видовое значение НСВ в 'начинать' и СВ в 'начать' не было бы при этом эксплицировано. Очевидно, что 'начинать' и 'начать' должны быть представлены в виде более элементарных смыслов.

Перейдем ко второму требованию. Его соблюдение не было для нас строгой необходимостью: тонкости, заведомо относящиеся к лексическому значению слова, могли быть опущены на данном этапе работы, тем более, что их выявление представляет дополнительные трудности для исследователя. Например, при анализе пары *стирать — выстирать* несущественными для наших целей являются указания на способ трения, характер жидкости и т. д. Достаточным для представления лексического значения в этом случае будет толкование *стирать* = 'обрабатывать в жидкости трением частей предмета друг о друга или об жидкость (обычно с помощью моющего средства) с целью сделать чистым' — *выстирать* = 'сделать чистым в результате обработки в жидкости трением частей предмета друг о друга...'.

Что касается третьего требования, то мы стремились к его соблюдению, поскольку в противном случае обнаружение сходств и различий в толкованиях видовых пар и всех глаголов одного вида было бы серьезно затруднено или даже невозможно. Заметим еще, что на данном этапе работы использование для толкований глаголов формального семантического языка представлялось необязательным. Для выполнения поставленной нами задачи (найти смысловые корреляты СВ и НСВ) достаточно было использовать "упрощенный стандартизированный русский язык, состоящий из ограниченного числа относительно простых слов и конструкций" [Апресян 1979: 514], как это принято в

современной семантике. Если слова естественного языка использовались не в том смысле, который они имеют в русском языке, это специально оговаривалось.

В данной работе мы пользуемся при анализе глагольных лексем почти исключительно толкованиями. Как побочное средство в эвристических целях иногда используется обычное перефразирование, т. е. подбор таких синонимических выражений, в которых более или менее сохраняется лексика исходного выражения, а смысл, выраженный в нем имплицитно, эксплицируется с помощью отдельного слова или слов; ср. *Он поднимается по лестнице за минуту* = 'Он может (способен) подняться по лестнице за минуту'.

Отметим еще одно обстоятельство, связанное со структурой толкований. Мы уже упоминали, что в результате логического изучения значений в толкованиях были выделены различные слои — пресуппозиция, ассерция, модальные рамки и т. п. Мы не ставили перед собой задачи последовательно выявлять структуру всех толкований, в частности, всегда различать пресуппозицию и ассерцию. Это должно стать предметом дальнейшего изучения. Для нас же, на данном этапе, при анализе массового материала были существенны два требования.

Во-первых, нужно было уловить все компоненты, входящие в значение грамматической единицы (это было особенно важно при описании частных видовых значений). Во-вторых, важно было суметь разложить значения видов ровно до такой степени, чтобы никакие элементы, входящие в толкования, не содержали бы сами видовой семантики (эта задача ставилась при анализе главных значений).

4.1.2. Лингвистический эксперимент

Особо следует остановиться на том, как обнаруживались смысловые компоненты, которые должны были войти в толкования, и как они обосновывались. Мы считали невозможным строить толкования только на основании примеров, извлеченных из реальных текстов. В том правильном языковом материале, который содержится в реальных текстах, некоторые смысловые компоненты видовых значений остаются скрытыми. Поэтому во многих случаях средством их обнаружения был лингвистический эксперимент. Во фразе, содержащей анализируемый объект, т. е. видовую форму, могут заменяться, устраняться или добавляться различные языковые единицы. При этом исследователь проверяет, сохраняет ли фраза языковую правильность или утрачивает ее; становится ли эта фраза синонимичной другим фразам; приобретает ли она какие-нибудь другие смыслы. В нашем исследовании применялся весь арсенал этих экспериментальных приемов.

4.2. Единица описания

В качестве единицы описания берется глагол в одном своем лексическом (словарном) значении. Это обусловлено тем, что в разных значениях глагола по-разному проявляется видовое противопоставление.

О так называемой "неполной семантической соотносительности" по виду приставочных образований с исходными глаголами писали [Мучник 1956: 97-98, Быкова 1958: 119, Маслов 1958: 16]. Она состоит в том, что многозначные глаголы в своих разных значениях по-разному проявляют видовое противопоставление. Например, глагол *бить* в значении 'наносить удары' образует форму СВ с помощью префикса *по-* (*бить — побить собаку*), а в значении 'издавать звук' — с помощью *про-* (*часы бьют — пробили полночь*), в значении же 'ударять' (*бить в дверь*) глагол *быть* вообще не имеет соотносительной формы СВ.

Подобные факты, а также случаи, когда глагол в одном из своих значений образует видовую пару, а в другом может оказаться одновидовым, неоднократно отмечались и для пар, образованных имперфективацией [Виноградов 1947: 537; Тихонов 1964: 45; Рассудова 1968: 16; Авилова 1976: 69, 161 и сл.; Гловинская 1982: 40-43].

Наиболее широко представлены следующие три ситуации:

1. Некоторые многозначные глаголы в одних значениях имеют видовую пару, а в других — нет.

а) Отсутствует форма СВ. Это особенно характерно для стативных (в смысле З. Вендлера) значений, например,

Автор изображает / изобразил Россию,
Картина изображает / — пожар.

Он заслуживает упрека / заслужил упрек,
Сообщение заслуживает / — внимания.

Автор изобличает / изобличил взяточников,
Произношение изобличало / — в нем иностранца.

Солдат успевает / успел на поезд,
Ученик успевает / — по математике.

Новичок отличается / отличился по математике,
Кавказ отличается / — здоровым климатом.

Особого упоминания заслуживают многозначные глаголы, которые в НСВ имеют два разных лексических значения — динамическое и стативное. Во фразах *Трава постепенно зеленеет* (*желтеет, краснеет*), *Волк раздирает мясо* глаголы имеют динамическое значение, а во фразах *Вдали зеленеют* (*желтеют, краснеют*) *цветы, Страны НАТО раздирают противоречия* — стативное значение. Эти глаголы имеют форму СВ только в динамическом значении (*Трава постепенно пожелтела, Волк разодрал мясо*) и не имеют формы СВ в стативном зна-

чении (**Вдалеке на лугу пожелтели цветы, *Страны НАТО разодрали противоречия*). См. об этом также в [Золотова 1982: 159-160].

б) Отсутствует форма НСВ.

Выбор пал / падает на него,
Правительство пало / — в октябре.

Она задумалась / задумывается о будущем,
Она не задумается / — выйти замуж.

Он проглядел / проглядывает газеты,
Мы проглядели / — в этом юноше настоящего поэта.

Легко заметить, что основное значение глагола обычно имеет обе видовые формы; отсутствие же одной из форм характерно для переносных значений глагола.

в) В одном из значений отсутствует форма одного вида, а в другом — форма другого вида.

Суд рассматривает / рассмотрел дело,
Я рассматриваю / — ваше поведение как вызов,
В темноте трудно было — / рассмотреть двор.

Публика разглядывала / — в бинокль актрис на сцене,
В темноте он с трудом — / разглядел очертания дома.

2. Многозначный глагол НСВ в одних своих значениях имеет некоторые частные видовые значения, например, может обозначать актуально-длительное действие, а в других — нет. Например, *встречать 1* (*случайно знакомого на улице*) не имеет актуально-длительного (нельзя сказать **Смотри, вон он сейчас встречает ее случайно*), а *встречать 2* (*делегацию на вокзале*) имеет это значение (*Смотри, делегацию на вокзале встречают члены правительства*). См. подобные примеры также в [Рассудова 1968: 30-31].

Легко видеть, что *встречать 1* — это глагол третьего типа (по классификации Ю. С. Маслова), или глагол достижения (по классификации З. Вендлера); им, как мы знаем, противопоказано употребление в актуально-длительном.

3. Видовые формы в разных значениях глагола могут относиться к разным типам видового противопоставления. Такое положение можно отметить, например, для пар *врезáться — врéзаться, вдаваться — вдаться, выступать — выступить*, у которых есть динамичное и стативное значения. У динамичного значения такого глагола различие внутри видовой пары сводится к элементам 'начинать' — 'начать' (см. вторую главу); так, *врезáться* (*Лодка врезается в песок*) ≅ 'режа, начинать быть в чем-л.', *врéзаться* ≅ 'режа, начать быть в чем-л.'. Что касается стативного значения этих глаголов, то у него, по-видимому, сложнее СВ, т. к. он полностью включает в себя толкование НСВ. Так, *Отмель врезается в море* ≅ 'Отмель имеет удлиненную форму с сужаю-

щимся концом'. *Отмель врезалась в море* целиком включает в себя это значение и дополнительно выражает тот смысл, что данное состояние было достигнуто как бы в результате какого-то (природного) процесса. Этим объясняется тот факт, что элемент изобразительности, присущий глаголу *врезаться*, особенно отчетливо ощущается в форме СВ.

Таким образом, все сказанное вынуждает нас выбрать в качестве единицы описания глагол в одном словарном значении.

Отметим, что в своих классификациях Ю. С. Маслов и З. Вендлер исходят из основного значения глаголов и отмечают, что в зависимости от рассматриваемого лексического значения глагол может попадать в различные классы. Тем самым они тоже, в сущности, классифицируют не глаголы, а глаголы в отдельном лексическом значении.

Этот принцип описания глагольных видовых пар был отчетливо сформулирован также в [Богуславский 1963: 18-19].

4.3. Форма толкуемого глагола

Во многих случаях бывает трудно определить, следует ли отнести то или иное свойство глагольной формы к значению видовой граммемы, граммемы времени или граммемы наклонения (подробнее см. главу "Некоторые трудности..."). Поэтому требовалось уравнять каким-то образом для обеих форм влияние времени и наклонения на значение глагольной основы.

Наклонение для толкования форм НСВ и СВ бралось одно и то же — изъяснительное.

На первый взгляд может показаться, что и время для обеих форм следовало бы выбрать одно и то же (а именно — прошедшее). Однако, по нашему мнению, это не так. Для конкретно-фактического значения СВ прошедшее время является, действительно, нейтральным, в отличие, например, от будущего времени, где СВ развивает потенциальное и другие модальные значения. Для актуально-длительного значения НСВ таким нейтральным временем является не прошедшее, а настоящее время. Прошедшее же время влияет на НСВ в сторону перфективности (ср., например, общефактическое значение). Поэтому для форм НСВ избиралось настоящее время как наименее влияющее на вид, а для форм СВ — прошедшее время. Именно в этих формах видовая семантика представлена наиболее рельефно и однозначно.

Рассматриваются формы только действительного залога. Формы страдательного залога, как возвратные (*делается, пишется*), так в особенности и невозвратные (*сделан, открыт, написан* и т. п.), имеют столь значительные семантические особенности [см., например, Типология-1983; Князев 1989], что выпадает из "нормальной" системы видо-временных значений, свойственных действительному залогу. Система видо-временных значений форм страдательного залога должна

быть описана отдельно. Только после этого станет возможно сопоставление и общее описание двух систем видо-временных значений.

4.4. Выбор контекстов

а) Контексты для обнаружения главных видовых значений.

Выше было сказано, что для анализа мы выбираем по одному значению каждого вида. Смысловой инвариант или корреляты этих значений еще неизвестны, нам только предстоит их найти. Как же можно удостовериться, что мы имеем дело именно с актуально-длительным НСВ и точечным СВ?

Актуально-длительное значение характеризует такое действие, которое синхронно с временем данной речи или временем какого-то другого события. Обычно оно устанавливается с помощью особых контекстов. Так, классическим контекстом считается ответ на вопрос Миклошича-Кошмидера "Что ты там делаешь?", где глагольная форма выражает действие в процессе его осуществления в момент речи. Если глагол не имеет актуально-длительного, он "оказывается неспособным служить ответом на вопрос "Что ты там делаешь?"" (Ю. С. Маслов). Примеры таких глаголов (*приходить, приносить, приводить, находить* и др.) отмечались во многих работах [Маслов 1948: 304; Исаченко 1960: 337-338; Бондарко 1967: 83; Forsyth 1970: 48; Булыгина 1982: 43-44; Апресян 1988 и др.]. Ю. С. Маслов применяет и фразы типа *Смотри, вот он..., Я встретил его, как раз когда он..., Он как раз...* К этому можно добавить *Что ты там видишь?, Я вижу сейчас, как он..., В тот момент, когда я вошел, он..., Он постепенно..., но так и не...* (плюс соответствующий парный глагол СВ).

Некоторые глаголы, хотя и имеют длительное значение, тем не менее не могут быть употреблены в качестве ответа на этот вопрос. Нельзя сказать в ответ на *Что ты там делаешь? — Выращиваю новый сорт пшеницы, Донашиваю последнюю пару обуви, Отапливаю дом, Изучаю математику, Устраиваю вечер.* Очевидно, такая невозможность связана с лексическим значением этих глаголов: они обозначают действие, которое нельзя наблюдать непосредственно.

В [Бондарко 1971: 66] такое употребление названо расширенным настоящим и рассматривается как переходное от конкретно-процессного (по другой терминологии — актуально-длительного) к постоянно-непрерывному. Действительно, эти глаголы выражают длительное значение (*Он все еще донашивает эту пару обуви. Уже третью неделю наш дом отапливают*). Однако, в отличие от актуально-длительного, они не допускают точечной актуализации. Это — длительное действие, ни один из моментов которого не может быть выделен как момент наблюдения.

В качестве минимально допустимого времени наблюдения здесь выступает большой промежуток времени, временной период неопределенной длительности, например, *Сейчас он выращивает новый сорт пшеницы.*

Сравнивая фразы *Сейчас он пишет записку* и *Сейчас он пишет роман,* мы видим, что наречие *сейчас* означает в них разное. В первом случае оно обозначает момент времени, во втором — временной период, но и в том, и в другом случае — это единица, необходимая для идентификации данного действия[16]. Для идентификации конкретного действия, которое можно наблюдать непосредственно, достаточно момента (условного, разумеется, не обязательно равного физическому моменту), а для идентификации сложного действия, состоящего из разорванных во времени, может быть, повторяющихся, более элементарных действий, нужен больший интервал времени.

Данное значение, таким образом, можно рассматривать как частный случай актуально-длительного. Парные по виду глаголы, имеющие это значение, обычно относятся к тем же типам видового противопоставления, что и пары, НСВ которых выражает обычное актуально-длительное значение. Например, пара *донашивать — доносить* (*туфли*) относится к первому типу, *изучать — изучить* (*математику*), *устраивать — устроить* (*кого-л. на работу*) — к третьему типу и т. д.

Итак, мы изложили эвристические приемы (отнюдь не теоретические критерии), которыми мы располагаем для обнаружения актуально-длительного значения НСВ.

Что касается так называемого конкретно-фактического или точечного значения СВ, то его идентификация не вызывает затруднений и поэтому специальных диагностических контекстов для его обнаружения не требуется.

б) Контексты для обнаружения видовых различий главных значений СВ и НСВ.

Здесь речь пойдет о тех фразах, с помощью которых можно наилучшим образом вскрыть смысловые различия между членами анализируемой видовой пары. Каким должен быть языковой материал для экспликации чисто видовых различий? Можно ли воспользоваться для этой цели реальными фразами, например, из художественной литературы? В принципе это возможно, но не всегда желательно, т. к. целостное смысловое описание такой фразы в большинстве случаев является сложной семантической структурой, содержащей много смысловых элементов, а при разделении видового и контекстного значений и без того возникают большие трудности.

---

[16] Ср. выделение двух разных компонентов в первом значении у наречия *сейчас* в [Мельчук 1985: 261-262]: "1. 'В момент речи (или в период, включающий момент речи)'".

Исследование главных значений СВ и НСВ проходило в два этапа.

На первом этапе формировалась первоначальная гипотеза о различиях главных значений СВ и НСВ в данной паре глаголов. Для этого этапа мы использовали упрощенный контекст, одинаковый для обоих членов пары. Это — фразы с минимальным числом приглагольных синтаксических позиций (ср. понятие минимальной схемы предложений в [Белошапкова 1978]). Их должно быть достаточно для того, чтобы фраза была правильной, и глагол образовывал видовую оппозицию. Так, для глаголов типа *читать, вязать* брались не абсолютивные конструкции с прямым дополнением *Она вяжет — связала носок, Он читает — прочел книгу,* задающие внешний предел (с соотносительными формами СВ). На роль подлежащего в таких фразах выбирается совершенно нейтральное слово (например, личное местоимение, имя собственное), а не существительное с каким-нибудь узким или нереферентным значением, т.к. подобные факторы влияют на видовое осмысление глагола. Наконец, эти фразы не должны содержать количественных выражений в самом широком смысле слова.

На втором этапе первоначальное представление о значении СВ и НСВ доводилось до полноты и корректировалось на основе более широких, но по-прежнему упрощенных контекстов. Во фразы вводились различные обстоятельства, особенно с временными значениями, и другие элементы, существенные в аспектуальном отношении, в частности, количественные показатели в именных и глагольных группах.

Акцент на упрощенных диагностических контекстах не следует понимать в том смысле, что мы считаем ненужным изучение и описание всех сложностей и тонкостей функционирования видовых форм в реальных текстах. Но прежде чем браться за изучение текстовых тонкостей, необходимо располагать парадигматическим описанием значения каждой видовой формы, полученным в "чистых" условиях.

Упрощенный контекст необходим именно для этого этапа работы, т.к., оперируя таким контекстом, можно быть уверенным, что различия между сравниваемыми фразами действительно относятся к видовым формам глагола, а не к другим элементам контекста.

Итак, в том разделе нашей работы, где анализируются главные значения СВ и НСВ, глагол толкуется в форме СВ и НСВ (по отдельности), в одном словарном значении, в актуально-длительном значении НСВ и конкретно-фактическом значении СВ, в прошедшем времени для СВ и в настоящем времени для НСВ, в действительном залоге, в изъявительном наклонении, в синтаксически минимальном контексте.

в) Контексты для обнаружения частных видовых значений.

При исследовании частных видовых значений диагностическими контекстами были в основном фразы с различными типами обстоятельств, как экспериментальные, так и литературные.

Контекстные условия реализации частных видовых значений настолько индивидуальны и составляют настолько важный элемент их специфики, что эти условия естественно анализировать вместе с соответствующими значениями в соответствующих разделах. Это тем более необходимо, что во многих случаях трудно установить, выражается ли данное значение только видовой граммемой или видовой граммемой в совокупности с данными контекстуальными условиями.

4.5. Материал

Материалом исследования главных значений видов послужили видовые пары глаголов, которые по всем имеющимся критериям оцениваются как чистовидовые. Это — пары, образованные суффиксальной имперфективацией и чередованием гласных. Именно на материале таких пар выявлялись типы видового противопоставления. Затем для анализа были привлечены те приставочные пары, у которых семантическое различие между СВ и НСВ совпадало с одним из установленных типов. В силу этого совпадения они тоже считались чисто видовыми. Так был набран материал для исследования СВ и НСВ в их главных значениях.

Таким образом, предметом рассмотрения не являются непарные глаголы СВ и НСВ, а также те парные глаголы, которые не имеют хотя бы одного из главных значений (например, тип *приходить — прийти*).

При исследовании частных видовых и видо-временных значений использовался более широкий круг глаголов.

Иллюстративный материал набирался из художественных, общественно-политических и других текстов, из толковых словарей и цитируемой литературы; для лингвистического эксперимента использовались специально составленные автором фразы и словосочетания.

НЕКОТОРЫЕ ТРУДНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ ВИДОВ*

Категория глагольного вида является труднейшей в русской грамматике и с точки зрения практического изучения языка (особенно для иностранцев), и с точки зрения научного описания. Об этом последнем свидетельствуют многочисленные аспектологические контроверзы (см. Введение, раздел 1). Трудности научного описания вида обуславливаются, в частности, тем, что значение вида очень тесно сплетено со значением других категорий — лексических и грамматических.

Во-первых, трудно отделить значение вида от лексического значения глагола внутри глагольной словоформы.

Во-вторых, трудно локализовать значение, выражаемое самой видо-временной формой или с ее участием. Во многих случаях бывает непросто определить, какой языковой объект — граммема вида, граммема времени, граммема наклонения, синтаксическая конструкция и т. п. — является реальным носителем данного значения.

Наконец, в-третьих, во многих случаях трудно отделить значение вида от значения контекста.

Рассмотрим эти трудности подробнее.

1. О трудности разделения видового и лексического значения глагола в глагольной словоформе

Общепризнанным является положение, что лексическое значение глагола — это то значение, которое совпадает у обоих членов пары. Различия же между ними относятся к чисто видовым, грамматическим. Однако как установить, какие из элементов смысла глагола в его лексикографическом толковании являются коррелятами вида, а какие можно считать общим лексическим значением обоих членов видовой пары?

Трудность ответа на этот вопрос возникает из-за фузионного строения глагольной словоформы по отношению к виду. Значение глагольной словоформы относительно лица, числа, времени, наклонения строится агглютинативно: значение основы глагола, которое можно истолковать безотносительно к лицу, числу, времени и наклонению (например, в форме инфинитива), плюс одно из значений лица, плюс одно из значений числа, плюс одно из значений времени и т. д. Но нельзя естественным образом истолковать значение глагольной сло-

* Раздел является главой докторской диссертации автора [Гловинская 1986б]; см. также соответствующую главу в [Гловинская 1982].

воформы как лексическое значение глагольной основы, очищенное от значения вида, плюс значение видового показателя: истолковать глагольную основу безотносительно к виду невозможно. При толковании мы неизбежно будем пользоваться другим глаголом, содержащим, кроме своего лексического значения, также и грамматическую семантику того вида, к которому он относится. Например, описывая значение глагола *построить* как состоящее "из лексической семантики беспрификсной основы *строить* 'сооружать, возводить, воздвигать' и чистовидового значения приставки по-" [Тихонов 1962а: 33], мы тем самым выражаем лексическое значение основы строить с помощью глаголов НСВ (*сооружать, возводить, воздвигать*), включающих в себя, естественно, и грамматическую семантику НСВ, а не только лексическое значение основы.

Если тезис о слитности видового и лексического значения глагола верен, то естественно ожидать, что аналогичная фузионность, хотя, быть может, и в ослабленном виде, будет наблюдаться и в основах отглагольных имен, в первую очередь, существительных — имен действий.

1.1. Рефлексы вида в отглагольных существительных

Широко распространенным, хотя и не общепринятым, является представление, что в основах отглагольных существительных видовое противопоставление нейтрализовано. Этой точки зрения придерживались ученые самых различных школ и направлений. В. В. Виноградов, например, писал: "Многие думают, что в отглагольных именах существительных на *-ние* еще сохраняются видовые оттенки глагола, хотя и в ослабленном виде (ср. *чтение — прочтение*). Это представление обманчиво... В отглагольных существительных на *-ние*, не осложненных суффиксами *-ива-, -ыва-, -ва-*, стираются не только залоговые, но и видовые оттенки значения". И ниже: "Легко заметить, что в именах на *-ние*, не содержащих в своем составе глагольно-видового суффикса *-и(ы)ва-, -ва-* (и даже *-а-* в противопоставлении с *-е-*), значение процесса, представляемого как своего рода "предмет", бывает лишено соотносительных оттенков недлительности-длительности, результативности и неограниченного течения" [Виноградов 1947: 118-119].

Подобная мысль высказывалась и позднее в рамках совсем другой лингвистической теории: "Производные (отглагольные) существительные не содержат элементов, которые специфичны для глагола и не появляются в каких-либо других именных группах. Это в особенности относится к виду" [Chomsky 1972: 153].

Высказывалась и противоположная точка зрения, тоже представленная сторонниками разных направлений. А. М. Пешковский, например, пишет: "Познакомившись с тем, что такое виды глагола вообще и совершенный и несовершенный виды в частности, мы легко

откроем эти категории в большей или меньшей степени оформления и не в глаголах, а в том, что мы назвали глагольными существительными, глагольными прилагательными и глагольными наречиями. Само собой разумеется, что все это будут слова, образованные от глагольных корней, обозначающих процесс (действие или состояние). Сравним, напр., *прыжок* и *прыгание*, *скачок* и *скакание*, *хлопок* (в театре) и *хлопанье*, *свисток*... и *свистание*, *свист*, *гудок* и *гудение*, *лет* и *летание*, *шип* и *шипение*, *опоздание* и *опаздывание*, *произнесение* и *произношение*, *выздоровление* и *выздоравливание*, *удвоение* и *удваивание*, *приобретение* и *приобретание*, *смерть* и *умирание*, *сжатие* и *сжимание*, *чтец* и *читатель*, *певец* и *запевала* и т. д. В одних из этих существительных мы находим оттенок процесса, собранного "в точку" (напр., *прыжок*, *скачок*), в других — процесса, разбитого на части и вследствие этого более или менее длительного (*летание, выздоравливание, читатель*), в третьих — начало процесса (*запевала*)" [Пешковский 1935: 100-101].

Очевидно, что некоторые из приводимых А. М. Пешковским примеров сомнительны. Например, существительные *лет, чтец, певец* вряд ли выражает идею СВ, а существительные *сжатие*, *гудок*, *выздоровление* соответствуют не одному, как пишет А. М. Пешковский, а обоим видам. Тем самым оказывается излишне категоричным и основной его тезис. Нельзя, однако, не видеть, что в некоторых приведенных им примерах (ср. *смерть — умирание*) существительные действительно противопоставлены так, как соответствующие им глаголы СВ и НСВ. См. также примеры из [Левин 1941: 28]: *взыскание — взыскивание, наказание — наказывание* и др.

Эти и подобные им видовые различия отглагольных существительных последовательно учитываются и описываются в работах по модели "Смысл ⇔ Текст"; см. [Материалы к толково-комбинаторному словарю русского языка 1970-1976 г.] и составленный на их основе "Толково-Комбинаторный Словарь русского языка" [Мельчук и Жолковский 1984]. Ср. также точку зрения теоретика трансформационной грамматики Сьюрена, который, полемизируя по этому вопросу с Н. Хомским, писал: "... выражением the theft of the jewellery 'кража драгоценностей' обозначается единичное событие (аористический вид), в то время, как the thieving of the jewellery 'воровство драгоценностей' — это многократный вид" [Seuren 1974: 4].

Справедливость второй точки зрения подтверждается не только наличием противопоставленных по видовому значению однокоренных существительных, о которых писал А. М. Пешковский. Среди непарных существительных тоже имеются такие, которые по своему значению соответствуют только одной видовой форме глагола.

У одних отглагольных существительных значение основы совпадает со значением глагола СВ; ср., например, у Б. Пастернака: *Только белых, мокрых комьев / Быстрый промельк маховой.*

Значение только СВ имеют также такие существительные, как *арест, убийство, свержение, женитьба, рождение* и т. п. Это подтверждается, во-первых, соответствующими перифразами:

Арест NN всех удивил = Тот факт, что NN арестовали (не арестовывали!), всех удивил.

Все только и говорили, что об убийстве президента = Все только и говорили о том, что президента убили (не убивали!).

Его женитьба была вынужденной = Его вынудили жениться.

Рождение ребенка было радостью для родителей = То, что родился ребенок, было радостью для родителей.

Во-вторых, это подтверждается соответствующей сочетаемостью: все эти существительные не допускают сочетания с фазовыми глаголами. Вряд ли можно сказать **Арест* (*убийство, женитьба, рождение* и т. д.) *продолжается третий час* (*начинается, заканчивается*). Важно отметить, что глаголу СВ соответствует по значению только единственное число таких существительных; множественное же число соответствует по значению глаголу НСВ: *удар — ударить, удары — ударять; хлопок — хлопнуть, хлопки — хлопать; укус — укусить, укусы — кусать.* Поэтому все названные существительные во множественном числе легко сочетаются с фазовыми глаголами: *Аресты продолжаются третий год, В городе начались убийства.*

У других отглагольных существительных значение основы совпадает со значением глагола НСВ; ср., например, у В. Хлебникова:

*Все ближе конское **дыханье***
*И ниже рог твоих **висенье,***
*И чаще лука **трепетанье,***
Оленю нету, нет спасенья.

Значение только НСВ имеют такие существительные, как *гниение, загнивание, вбивание, ввинчивание, наступление* (воен.), *защита, нанизывание, назревание, нищание, кипячение, роды* и т. д.

Новая упаковка препятствует гниению фруктов = Новая упаковка препятствует тому, чтобы фрукты гнили (не сгнили!).

Успешное наступление наших войск = Наши войска наступают успешно.

Газеты сообщают о назревании кризиса = Газеты сообщают, что назревает (не назрел!) кризис.

Естественно, что все эти существительные сочетаются с фазовыми глаголами: *гниение* (*наступление, созревание* и пр.) *началось* (*продолжалось, прекратилось*).

Эта связь отглагольного существительного с видом сохраняется и в тех случаях (а их подавляющее большинство), когда данное существительное соответствует одновременно глаголам обоих видов[1]. Это, однако, не значит, что в них не выражено значение ни одного из видов (ср. двувидовые глаголы). Так, *Окраска волос стоит дорого* = 'О к р а с и т ь волосы стоит дорого'; *Во время окраски волос она задремала* = 'Когда ей о к р а ш и в а л и волосы, она задремала'. Недаром в словарях такие существительные толкуются как "имя действия по глаголу СВ или НСВ". Другие примеры таких существительных: *размягчение, обеднение, увядание, улучшение, порча, отставание, перемещение, разбег, возникновение, образование, обучение, учение, нанесение (ударов), вдох, выдох, казнь, операция, окраска, обыск, розыск, попытка, встреча, возвращение, испытание, воплощение, гравировка* и т. д.

Соответствие значения отглагольного существительного одному из видов не связано с тем, от какого члена пары оно формально образовано. Например, существительное *защита*, со значением только НСВ, формально образовано от глагола СВ *защитить*, а не от *защищать*. Существительное *наступление* (воен.), также со значением только НСВ, формально образовано не от глагола НСВ *наступать*, а от несуществующего в этом значении глагола СВ *наступить* (невозможно **войска наступили на врага*).

Подчеркнем, что можно говорить только о соответствии значения отглагольного существительного тому или иному виду глагола, а не о видовом значении самого отглагольного существительного, поскольку последнее в русском языке не имеет грамматической категории вида. То значение, которое для глагола является видовым, у существительного предстает как часть его лексического значения.

1.2. Рефлексы вида в отглагольных прилагательных

Итак, аспектуальные значения, хотя и в другом — лексическом — обличьи сохраняются и в основах отглагольных существительных. То же самое следует сказать и об основах отглагольных прилагательных. Например, прилагательные *гнилой, зрелый* соответствуют по значению только СВ (такой, который сгнил, созрел), а *дыхательный (аппарат), летательный, осветительный (прибор)* соответствует только НСВ (такой, с помощью которого дышат, летают, освещают).

---

[1] Ср. [Виноградов 1947: 118]: "Такие слова соответствуют в одинаковой мере инфинитиву совершенного и несовершенного вида. Так, *улучшение:* 1) действие по глаголу *улучшить — улучшать*... и 2) состояние по глаголу *улучшиться — улучшаться*". В БАС для отглагольных существительных принято три типа обозначений: 1) "*нанизка* — действие по значению глагола *нанизать;* 2) *нанимание* — действие по значению глагола *нанимать;* 3) *наем* — действие по значению глагола *нанимать — нанять*".

Интересно, что из всех семантически содержательных глагольных категорий только вид сохраняет свое значение в отглагольных именах: время и наклонение не оставляют в их значении никаких следов.

Лишь такая по преимуществу синтаксическая категория, как залог, обнаруживает в этом отношении сходство с видом. Отглагольные имена в некоторых случаях сохраняют залоговое противопоставление, например, в паре существительных *роды — рождение*: *Легкие роды* (≅ Она рожала/родила легко); *Рождение ребенка* (≅ Ребенок родился ≅ Ребенок рожден). Многие отглагольные существительные соответствуют по своей залоговой семантике и активной, и пассивной форме глагола. Ср. *Посещение товарища* (≅ *Товарищ посещает* или ≅ *Товарищ посещается*); см. обсуждение этого вопроса в [Левин 1941].

Отглагольные прилагательные тоже могут противопоставляться по залоговой семантике, например, *молотильная, дробильная* (*установка*) и *молоченая* (*пшеница*), *дробленый* (*рис*); *мостильный* (*пресс*) и *мощеная* (*улица*) и т. д. Примеры на сохранение залоговой семантики в именах содержатся в специально посвященной этому работе [Петров 1985].

Подытоживая факты, рассмотренные в данном разделе, мы констатируем, что ситуация с отглагольными именами не только не опровергает тезиса о слитности видового и лексического значения в глагольной основе, но и усиливает его.

Из сказанного можно сделать три вывода:

1) При исследовании видовой семантики нельзя толковать глагол через полупустой семантически глагол и отглагольное существительное, например, *купаться* — 'находиться в процессе купания'. *Купание* сохраняет видовое значение глагола, хотя и в лексикализованной форме.

2) Необходимо толковать каждую видовую форму отдельно. Тогда можно ожидать, что лексическим значением глагола будет общая часть двух толкований — формы СВ и формы НСВ.

3) Разложение более сложных элементов на более простые в толковании глагола следует производить до такого уровня, когда в толковании глагола останутся только слова, не содержащие видовой семантики.

2. О трудности "локализации" значений, выражаемых видо-временной формой

В этом разделе речь пойдет о таких случаях, когда определенное значение выражается при наличии целой совокупности условий — морфологических, синтаксических, лексических и др. Тогда мы сталкиваемся с вопросом — какой именно элемент считать носителем данного значения? Интерпретировать ли это значение как лексическое

или как видовое, как значение вида или как значение времени, как значение вида или как значение синтаксической конструкции и т. д.? Рассмотрим несколько подобных случаев.

2.1. Потенциальное значение НСВ — лексическое или видовое?

Потенциальное значение НСВ называет определенное свойство субъекта, а именно, его умение или способность совершать действие.

Она говорит по-французски ≅ 'Она умеет говорить по-французски'.

Тренированный спортсмен поднимается на Эльбрус за два часа ≅ 'Тренированный спортсмен может подняться на Эльбрус за два часа'.

А насчет Миколки угодно ли вам знать, что это за сюжет?... Он и петь, он и плясать, он и сказки, говорят, так рассказывает, что из других мест сходятся слушать (Ф. Достоевский). *А играет — убей меня гром, коли на свете еще кто-нибудь так играл, как Зобар* (М. Горький). *Этот Серра-Каприола был любителем искусств и даже сам гравировал* (Вс. Иванов). *Ишак три рубля стоит — дешевка. А подымает пудов десять* (И. Ильф и Е. Петров).

Потенциальное значение НСВ — объект, весьма трудный для описания. Нельзя указать четкие границы его лексического распространения, условия его употребления. Это значение хорошо иллюстрирует тезис современной лингвистики о том, что в языке имеются участки, которые не поддаются описанию с помощью строгих правил. При описании такого материала приходится довольствоваться формулировкой некоторых общих принципов функционирования языковых единиц, установлением не закономерностей, а тенденций, предпочтений и т. д. Именно в этом смысле надо понимать то, что говорится ниже о факторах, влияющих на употребление глаголов в потенциальном значении.

Способность глагола выражать в НСВ потенциальное значение связана очевидно, с его лексическим значением. Об этом свидетельствует тот факт, что у некоторых глаголов формы НСВ вообще не могут иметь потенциального значения.

Сама формулировка потенциального значения ('у м е н и е или с п о с о б н о с т ь совершать данное д е й с т в и е') показывает, что оно характерно для глаголов, обозначающих ситуации с целесообразно действующим субъектом. Лишь в немногих случаях субъект может быть "нецелесообразным". Это обычно механизмы, устройства, действующие достаточно автономно, а также некоторые стихийные силы. Ср. *Автомобиль развивает* (≅ 'может развить') *скорость до 200 км/час; Новый японский робот поет и играет на гитаре; Такой ветер выворачивает деревья с корнем.* Впрочем, в случаях, когда субъект

является "нецелесообразным", собственно потенциальное значение размывается и сближается со значением свойства.

По указанной причине потенциальное значение совершенно противопоказано безличным глаголам, т. к. они обозначают природные процессы в виде ситуаций с устраненным представлением о субъекте: *Морозит, Смеркалось, В ушах звенело* и т. д.

Но даже у глаголов, обозначающих ситуации с таким субъектом, который в принципе способен к целесообразным действиям (человеком или животным), реализация потенциального значения в чистом виде ограничена рядом факторов.

Во-первых, его имеют только глаголы, обозначающие действия, а не процессы, не состояния, не отношения типа *расти, болеть, уважать*.

Во-вторых, не все глаголы, обозначающие действия, могут выражать потенциальное значение. Его не имеют многие достижения (в смысле З. Вендлера), моторно-некратные глаголы и глаголы, обозначающие обыденные физические и интеллектуальные действия (*брать, давать, смотреть, размышлять, обедать* и т. п.).

Наиболее естественно потенциальное значение приобретают глаголы, обозначающие 1) действие или навык, для овладения которыми необходимо учиться, ср. *Ребенок уже говорит, ходит, плавает, ездит верхом, читает, программирует* с нормальным потенциальным осмыслением, и *Ребенок дышит, кричит, сосет грудь* и т. д., где потенциальное значение затруднено; 2) действия, для выполнения которых нужны значительные физические или интеллектуальные усилия, ср. *поднимать 100 килограммов, выбивать 99 очков из 100.*

Сформулировать более точно семантические свойства глаголов, способных иметь потенциальное значение, пока не представляется возможным. Многие факты выглядят немотивированно и принципиальному объяснению не поддаются. Трудно сказать, например, почему словосочетание *водить машину* легко употребляется в потенциальном значении, а *управлять машиной* — гораздо менее свободно. Почему *водить машину* рассматривается как обозначение умения, а *водить поезд* или *водить теплоход* — не как умение, а как род занятий?

По-видимому, потенциальное значение в ряде случаев подвергается лексикализации. Действительно, некоторые глаголы так часто используются в потенциальном значении и имеют в этом случае настолько характерную сочетаемость и управление, что словари выделяют у них это значение в качестве лексического. Например, в [Ожегов 1968] у глагола *говорить* выделяется значение 'владеть устной речью, пользоваться к-л. языком', ср. *Ребенок еще не говорит, Говорить по-русски.* Аналогично описывается это значение в МАС. В качестве особого лексического значения потенциальное значение отмечается в тех же словарях также для глаголов *ездить* (*на велосипеде*), *плавать* и некото-

рых других. В МАС потенциальное значение приписывается в качестве лексического глаголу *ходить*.

Разумеется, характер осмысления действия как потенциального зависит не только от того, к какому лексико-семантическому классу относится данный глагол, но и от многих других факторов. Упомянем некоторые из них.

а) Полнота реализации модели управления глагола.

Если в омонимичных фразах типа *Он говорит по-французски, Он ездит верхом, Он играет на скрипке,* где потенциальное значение глагола является основным, заполнить еще хотя бы одну глагольную валентность, то глагол во всех случаях будет пониматься прежде всего в узуальном либо актуально-длительном, но не потенциальном значении:

Он говорит с сыном по-французски, Он говорит по-французски о погоде, Он ездит верхом на белой лошади, Он играет на скрипке концерт Брамса.

Правда, некоторые из этих фраз могут иметь потенциальное значение. Например, *Он говорит по-французски о погоде* может значить 'Он умеет говорить по-французски только о погоде'; *Он играет на скрипке концерт Брамса* — 'Он умеет играть на скрипке только концерт Брамса' и т. п. Тем не менее, говорящим по-русски оно не приходит в голову первым, когда им предъявляют эти фразы.

В некоторых случаях расширение конструкции вообще препятствует выражению потенциальности. Фразы *Он вытачивает ложки на маленьком станочке, Ребенок ходит носками внутрь* не могут иметь потенциального значения. По-видимому, чем больше при глаголе обстоятельств, тем больше вероятность осмысления действия как длящегося или повторяющегося. Это и естественно. Ведь потенциальное значение характеризует принципиальную способность субъекта осуществлять данное действие, а при описании принципиальной способности противопоказано упоминание конкретных деталей. Конкретные детали актуализируют действие и неизбежно переводят его в план непосредственно наблюдаемого или обычно происходящего.

б) Денотативный статус именных групп при глаголе.

При конкретно-референтном статусе именных групп, за исключением субъектной, глагол труднее осмыслить в потенциальном значении, чем при их родовом статусе. Ср., например, *Он играет на скрипке* и *Он играет на скрипке Страдивари, Он чинит ботинки* и *Он чинит свой ботинок* и т. д.

в) Различные актуализаторы-деактуализаторы действия и его оценка.

Присутствие в предложении таких точечных актуализаторов действия, как *в три часа, в этот момент* и т. д., естественно, разрешает многозначность глагола в пользу актуально-длительного значения, а присутствие таких деактуализаторов, как *иногда, всегда, обычно, часто, как правило* и т. п. — в пользу узуального значения.

Наличие же при глаголе оценочных слов типа *хорошо, легко, плохо* и т. п. повышает вероятность реализации потенциального значения.

г) Форма предложения.

Все сказанное относилось к утвердительным предложениям.

Поместим, однако, глаголы в вопросительные конструкции. *Вы говорите по-французски?, Вы играете на скрипке?, Вы ездите верхом?, Вы поете?* В этих вопросительных предложениях, если фразовое ударение падает на глагол, наиболее вероятным будет осмысление глагола в потенциальном значении.

Если же говорящий хочет задать вопрос об актуальном или обычном занятии подобной деятельностью, то, чтобы быть верно понятым, он должен, во-первых, расширить формулировку вопроса: *Вы говорите сейчас по-французски?* или *Говорите ли вы сейчас по-французски?; Играете ли вы в последнее время на скрипке?; Ездите ли вы теперь верхом?* Во-вторых, он должен изменить фразовое ударение.

Таким образом, вопросительная форма предложения с фразовым ударением на глаголе способствует потенциальному осмыслению глагола.

По всей видимости, существуют и другие факторы, повышающие вероятность осмысления НСВ как потенциального. В рамках данной работы мы не можем рассматривать ни этих факторов, ни их взаимодействия друг с другом. Мы упомянули некоторые из них только для того, чтобы уяснить, какие условия являются наиболее "чистыми" для реализации потенциального значения, т. е. в каких условиях осмысление НСВ как потенциального зависит от самой глагольной формы.

Очевидно, что такие "чистые" условия возникают при исключении рассмотренных факторов, т. е. в утвердительном предложении, при отсутствии оценочных слов, актуализаторов-деактуализаторов и при такой реализации модели управления, которая допускает осмысление глагола в его потенциальном значении.

Если в этих одинаковых условиях разные глаголы воспринимаются по-разному, то из этого следует, что в рассматриваемом аспекте эти глаголы нужно описывать по-разному.

В свете сказанного возможны три различные описания потенциального НСВ (в тех случаях, когда глагол в принципе способен иметь потенциальное значение).

1. Потенциальное значение всегда приписывается основе глагола как одно из его лексических значений.

Эту возможность мы упоминаем только ради логической полноты. Очевидно, что строить такое описание было бы неразумно, т. к. тогда пришлось бы расщепить каждое значение глагола на два, что привело бы к совершенно неоправданному увеличению словаря. Для большинства глаголов потенциальное значение является бесспорно видовым, т. е. выражается не основой глагола, а граммемой НСВ.

В то же время отсутствие потенциального значения можно оговорить в ряде случаев на основе достаточно регулярных семантических ограничений. В словаре же будет отмечаться только нерегулярное отсутствие потенциального, а не его наличие.

2. Потенциальное значение всегда приписывается граммеме вида (т. е. рассматривается как выражаемое грамматическими средствами). С этой возможностью плохо согласуются некоторые факты, вкратце рассматриваемые ниже.

В тех случаях, когда потенциальное значение является бесспорно видовым, оно неравноправно с актуально-длительным. Актуально-длительное значение — это, безусловно, главное значение НСВ: оно гораздо более употребительно, свойственно большему числу глаголов, обладает более широкой сочетаемостью и реализуется в более широком круге конструкций.

Между тем, если в каком-то контексте языковая единица может иметь одновременно несколько значений, то естественно ожидать, что говорящие в первую очередь воспринимают ее в ее главных, а не периферийных значениях. Поэтому, когда у глагола НСВ имеется омонимия главного (актуально-длительного) и периферийного (потенциального) значений, то такой глагол в первую очередь понимается как обозначающий актуальное, а не потенциальное действие.

Например, фраза *Она читает* подавляющим большинством информантов воспринимается как имеющая прежде всего актуально-длительное значение ('Она читает сейчас, в момент наблюдения'). Очевидно, что данная фраза может иметь и потенциальное значение, например, когда речь идет о маленькой девочке, которая недавно научилась читать. Однако, это значение указывается информантами во вторую очередь, что свидетельствует о его периферийном характере для данного глагола, т. е. о его видовой природе.

Если же омонимичная фраза в первую очередь будет осмыслена в потенциальном значении, то можно заключить, что для такой глагольной лексемы оно не является периферийным (т. е. видовым), а является лексическим.

Например, фраза *Она говорит по-французски* всеми информантами понимается в первую очередь как описывающая умение говорить по-французски, т. е. в потенциальном смысле, и лишь во вторую очередь — в актуальном значении ('сейчас говорит по-французски').

3. Наиболее соответствующей фактам языка представляется третья возможность. В некоторых (немногих) случаях потенциальное

значение приписывается глаголу как одно из его лексических значений (*говорить, играть,* а также некоторые моторно-некратные глаголы типа *плавать, ездить* и др.). В других случаях (их подавляющее большинство) оно приписывается виду и в словаре специально не отмечается[2]. Ответ на вопрос о том, на каком основании для одних глаголов потенциальное значение считается лексическим, а для других — видовым, по существу, содержится в пункте 2.

2.2. Потенциальное значение СВ[3] — значение вида vs. значение времени и инфинитива?

Потенциальное значение СВ — это значение возможности для субъекта совершить действие, названное глаголом СВ. Обычно оно выражается формами глаголов СВ будущего времени (так называемое настоящее-будущее СВ)[4], например,

Впрочем... за пять тысяч нынче и сарая путного не выстроишь (А. Чехов). *Вы знаете, Володя пороху не выдумает, но он честный, смелый, трудолюбивый человек* (А. Куприн). *Маленький, еле видимый городишко... вы обойдете его в десять-пятнадцать минут и того менее... Любой дом купите за пятиалтынный* (А. Ремизов).

Уведи меня в ночь, где течет Енисей,
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.
(О. Мандельштам)

А ваше-то имечко как же, я что-то не пойму, — сказала Настасья Ивановна, — то Леонтий, то Сергей! (М. Булгаков). *Ты что думаешь — я у тебя жену отбиваю? Нет, к сожалению. Ее не отобьешь* (Е. Шварц). *... ни слов своих, ни поступков обратно не возьмешь* (Н. Ильина). *С ним не связывайся, он так ударит, что костей не соберешь* (из разговорной речи).

Кроме того, оно выражается формами инфинитива. Однако инфинитив СВ может иметь потенциальное значение только в двух случаях: в отрицательных конструкциях (самая обычная ситуация), а также в вопросительных конструкциях.

---

[2] В основном, именно такова практика существующих толковых словарей русского языка.

[3] Потенциальному значению этих форм (А. А. Шахматов называл их "потенциальным наклонением") посвящена обширная литература. См. об этом [Шахматов 1952: 105, 107], а также [Бондарко 1971: 104-107].

[4] Разнообразие модальных оттенков, выражаемых формой СВ будущего, очень велико и зависит от лексического значения глагола и контекста. См. большой материал, представленный в [Бондарко 1971: 102-112].

Например,

Антр-репр...енер видит в артисте вещь... мясо для пушек. Он кулак. Ему не понять артиста (А. Чехов). *Помилуйте, — говорю, — на что же мне такой номер, в который не войти* (М. Зощенко).

Не отвязать неприкрепленной лодки,
Не услыхать в меха обутой тени,
Не превозмочь в дремучей жизни страха.
(О. Мандельштам)

Есть в близости людей заветная черта,
Ее не перейти влюбленности и страсти.
(А. Ахматова)

Решить ли ему такую задачку? Поднять ли ему такую тяжесть? (Из разговорной речи).

По-видимому, не у всех глаголов указанные формы могут развивать потенциальное значение.

Потенциальный СВ образует как бы шкалу, на одном конце которой находятся глаголы, имеющие потенциальное значение во всех перечисленных выше формах и конструкциях, на другом — глаголы, не имеющие этого значения ни в одной из них. Промежуточные случаи представляют постепенное убывание у глаголов круга форм и конструкций, выражающих потенциальность. Даже у тех форм, которые могут ее выражать, присутствие модального значения не является бесспорным: фразы с этими глаголами оцениваются носителями языка не одинаково.

По-видимому, легче всего потенциальное значение приобретает СВ глаголов со значением интеллектуального или физического усилия. Все указанные выше формы имеют, например, глаголы *решить, поднять: Он решит эту задачу, Мне не решить этой задачи, Решить ли тебе эту задачу?, Он поднимет этот ящик, Мне не поднять этот ящик, Поднять ли тебе такую тяжесть?*

Потенциальное значение глагола в данных конструкциях выражается намного ярче, если предложение является суждением обобщенного характера и содержит такие элементы обобщения, как, например, глагол в неопределенно-личной форме, местоимения *каждый, любой, всякий, такой, кто-либо* и т. д. Ср. для того же глагола: *Он решит любую задачу, Всякий решит эту задачу, Такую задачу сразу не решить.*

Меньшим числом форм выражают потенциальное значение глаголы со значением восприятия (*услышать, увидеть* и пр.), например, *Он услышит любой шорох, Не услыхать в меха обутой тени,* но не **Услыхать ли тебе этот звук?*

Еще более затруднено выражение потенциального значения у многих глаголов говорения (*заявить, поблагодарить* и т. д.), которые, по-видимому, могут иметь его только в отрицательных конструкциях,

причем наличие потенциальности в значении фразы здесь не столь бесспорно, как в предыдущих случаях.

Таким образом, потенциальное значение возникает при совокупности следующих условий: либо СВ, будущее время (часто в контексте, выражающем обобщение); либо СВ, инфинитив, отрицательная или вопросительная конструкция (часто в контексте, выражающем обобщение).

Посмотрим, в какой грамммеме должно быть локализовано потенциальное значение.

Теоретически имеются следующие три возможности: 1) приписать это значение по отдельности двум разным грамммам — грамммеме будущего времени и грамммеме инфинитива; 2) приписать его двум разным наборам грамммем — будущему времени СВ и инфинитиву СВ; 3) приписать его одной единственной грамммеме — СВ.

В пользу будущего времени и инфинитива говорит то, что обе эти грамммемы, как известно, легко развивают модальные значения. Против можно привести два аргумента. Во-первых, ни будущее время, ни инфинитив сами по себе рассматриваемого значения не выражают. Оно присуще будущему времени и инфинитиву только в формах СВ. Впрочем, этот факт можно было бы описать как грамматическое условие реализации данного значения. Во-вторых, — и этот контраргумент гораздо более серьезен — единое значение пришлось бы делить между двумя разными грамммемами (будущим временем и инфинитивом). Для данного случая их пришлось бы признать абсолютно синонимичными друг другу, что, как будто, не имеет прецедента в грамматических описаниях языка.

Второе решение мало чем отличается от первого. Просто то, что в первом случае рассматривалось как у с л о в и е реализации потенциального значения, теперь включается в число его н о с и т е л е й. Поэтому данное решение имеет то же преимущество и тот же коренной недостаток, что и первое решение.

По-видимому, более всего соответствует фактам третье — традиционное — решение (см., например, [Бондарко 1971: 23]) — приписать потенциальное значение грамммеме СВ. То обстоятельство, что оно не свойственно формам прошедшего времени СВ, равно как и то, что оно есть не только у личных форм СВ, но и у форм инфинитива, должно быть оговорено в виде условий его реализации. Такое описание имеет то преимущество, что позволяет закрепить одно значение за одной грамммемой, а не делить его между двумя грамммемами — будущим временем и инфинитивом.

2.3. Синтаксически связанные модальные значения СВ — значения вида или синтаксической конструкции?

Еще грамматисты прошлого века (Н. П. Некрасов, К. С. Аксаков), а вслед за ними А. А. Шахматов и В. В. Виноградов отмечали, что при бедности синтетических средств выражения модальных значений в русском языке существует многообразие аналитических средств их выражения — "синтаксические наклонения" (см. [Некрасов 1865: 117; Аксаков 1875: 539-540; Шахматов 1952: 98-105; Виноградов 1947: 583-585].

Эти модальные значения сопутствуют употреблению видовременных форм в их так называемых несобственных значениях, главным образом, в разговорной речи. Часто, в отличие от основных значений вида, они в гораздо большей степени зависят от синтаксического и лексического контекста[5]. В этих условиях возникает опасность приписать виду значение синтаксической конструкции или лексического окружения.

Так, А. А. Шахматов в ряде случаев за значение формы глагола склонен был принимать значение самостоятельного элемента контекста. Таким образом им были выделены желательное наклонение (*Лишь бы он не заболел, Как бы ребенок не промок*), недействительное (*Едва ли я вернусь, Он было упал*) и некоторые другие.

Полемизируя с ним, В. В. Виноградов справедливо отмечал, что многие из шахматовских "аналитических" наклонений "выделены не по грамматическим признакам, а на основании разных сопутствующих модальных слов...". "А. А. Шахматов смешал аналитические формы слова с несвободными или полусвободными синтаксическими словосочетаниями. Далеко не все словосочетания такого рода слились в неразложимые по смыслу грамматические единства. Например, едва ли можно видеть в сочетании слов: *Я едва ли вернусь* — аналитическую форму глагола *вернуться*" [Виноградов 1947: 585].

Остановимся на более сложных случаях, когда модальное значение выражается совокупностью условий. Мы имеем в виду два хорошо известных и неоднократно описанных в литературе модальных значения формы СВ: условное значение и близкое к нему значение, которое мы назовем гипотетически-негативным.

2.3.1. Гипотетически-негативное значение

Это значение воображаемого будущего действия. Оно характерно только для разговорной речи [Гловинская 1983: 129-132] и выражается глагольными формами, имеющими референцию к будущему, в

[5] См., например, большой материал по синтаксически связанным видовым конструкциям в [Шведова 1960], а также в работах [Шмелев 1959; Шмелев 1961].

конструкции *Ну P, а R*. В первую очередь это формы прошедшего и будущего времени СВ.

Формы прошедшего времени: *Ну, хорошо, поступил я в институт, а жить на что буду? Мне в институт нельзя; Ну ладно, выполнил он вашу просьбу, а дальше что?*

Формы будущего времени: *Ну, куплю я это пальто, его же носить никто не будет.*

Допустимы также формы будущего и настоящего времени НСВ, хотя они менее типичны в этой конструкции и реже встречаются в узусе. Ср. *Ну буду я с ней заниматься, все равно она к математике неспособна. Ну покупаем мы этот дом, а проблема все равно останется.*

Гипотетически-негативное значение можно описать следующим образом: 'Говорящий готов рассмотреть возможность осуществления будущего действия (события, факта) P; говорящий выражает сомнение в целесообразности P и указывает в качестве причины своих сомнений факт R, определенным образом связанный с P; говорящий не считает, что P будет осуществлено на самом деле'.

В том случае, когда это значение выражается с помощью формы прошедшего времени, первая часть толкования имеет определенную добавку и выглядит следующим образом. 'Говорящий готов рассмотреть возможность осуществления действия (события, факта) P и для этого представляет его себе в момент речи уже свершившимся'.

Поясним, почему представляется необходимым включить в толкование компонент 'сомнение в целесообразности действия'. Это диктуется обязательным присутствием в высказывании противительного по смыслу контекста (очень часто вводимого противительными союзами *а* и *но*), в котором содержится возражение против осуществления данного действия, указывается на нежелательность его последствий: *Ну, рожу я второго, а куда дену его?; Ну, приехали они к нам, где их спать положим?*

Гипотетически-негативное значение реализуется при совокупности следующих свойств контекста:

1) Наличие глагольной формы, имеющей референцию к будущему.

2) Наличие в высказывании второй предикативной части, имеющей эксплицитное или имплицитное противительное значение.

3) Присутствие в высказывании хотя бы одного из следующих факторов:

а) Обратный порядок подлежащего и сказуемого в первой предикативной части высказывания с фразовым ударением на глаголе, причем подлежащее следует непосредственно за глаголом, например: *Уедешь (уехал) ты из Москвы, а что с квартирой?* При прямом порядке будет реализовано скорее обычное временно́е значение глагольной формы, независимо от фразового ударения. Ср.: *Ты уедешь (уехал) из Москвы, а что с квартирой?* (т. е. что будет с квартирой, когда ты уе-

дешь из Москвы, либо что с ней происходит, когда ты уехал из Москвы; впрочем, высказывание с формой прошедшего времени в этом случае труднее осмыслить).

б) Присутствие в высказывании частиц *ну, прекрасно, (ну) хорошо* и др., например: *Ну хорошо, я приеду (приехал) к ним, а дома никого нет.*

4) Особая интонация, с которой произносится фраза с этим значением. Сравним интонации, с которыми может произноситься квазисинонимичная фраза *Ну, родила я второго, а девать нам его некуда*[6]. Она обозначает либо: 1) факт прошлого; 2) негативно оцениваемый воображаемый факт будущего. При первом осмыслении фразы обе части произносятся с ИК-6, а при втором — соотношение ИМ в частях фразы другое: ИК-4 и ИК-3, причем в первой части фразовое ударение падает на глагол, а во второй усиливается фонетическая самостоятельность слова *девать*[7].

Формы будущего СВ и НСВ в гораздо меньшей степени способны к подобной "омонимии" (реальный vs. гипотетический факт в будущем). Это естественно и связано с тем, что основное значение будущего времени отражает не реальный, а всего лишь возможный или вероятный факт. Поэтому в данном случае нет такого яркого противопоставления реального и гипотетического значений. Тем не менее, соответствующие фразы с формами будущего также могут обозначать и факт, который, по мнению говорящего, будет иметь место, и гипотетический факт, возможность которого рассматривается говорящим и оценивается им отрицательно. Например, та же фраза: *Ну ладно, рожу я тебе второго, а девать-то его куда будем?* может значить и намерение (обещание) говорящей (в этом случае противительный контекст указывает на проблему, с которой столкнутся говорящие после осуществления их намерения), и гипотетический факт[8], возможность которого оценивается отрицательно по причине, сообщаемой в противительном контексте.

При этом значение простого будущего не требует обязательного наличия противительного контекста, а гипотетически-негативное значение требует (см. выше).

Возникает вопрос — каков источник данного семантического различия (реальный факт vs. гипотетический)? Очевидно, что приписать его какому-то одному из названных факторов невозможно.

Рассмотренные фразы различаются, например, интонацией, но "списывать" на интонацию такие тонкие семантические различия

---

[6] Омонимии в строгом смысле в рассматриваемой ситуации нет именно потому, что реально произносимые фразы всегда различаются интонацией.

[7] Здесь и ниже номенклатура ИК дается по [Брызгунова 1980: 655].

[8] Ср. замечание А. В. Бондарко о том, что форма будущего СВ в подобном случае "употребляется в значении, близком к семантике сослагательного наклонения" [Бондарко 1971: 104].

нельзя. Один и тот же ИК обслуживает, как известно, много разных типов значений, и соотношение тех же самых ИК-4 и ИК-3 при другом лексическом и грамматическом наполнении может сопутствовать другому семантическому различию. Например, *Ну, приходил он ко мне вчера, а тебе-то что?* Поэтому нельзя жестко закреплять за ИК или за их соотношением столь конкретное значение, как в рассматриваемом случае (ср. [Брызгунова 1980: 231-236]).

Единственным носителем этого различия можно считать всю совокупность условий, которые жестко закреплены только за гипотетически-негативным значением.

2.3.2. Условное значение

Условное значение является одним из наиболее частых модальных значений. Для его выражения используются глаголы обоих видов в различных формах (инфинитив, личные формы всех времен, императив). Приведем примеры условных бессоюзных предложений из разговорной речи, для которой они особенно характерны.

Формы СВ: (а) *Столько ягод съесть — живот заболит;* (б) *Десять классов кончил — в институт можно поступать;* (в) *Чашку разобьешь — убью;* (г) *Во второй вагон сядешь — больше трясти будет;* (д) *А попроси я ее не опаздывать — разозлится.*

Формы НСВ: (е) *Пол не натирать — он серый будет;* (ж) *Будь я одна — я бы с обоими с ними ладила;* (з) *Танцуй Лешка прилично, не лижись — я бы слова не сказала, а так — не-ет, голубчик;* (и) *Во второй вагон садишься — больше трясет.*

Условное значение в этих предложениях не всегда сводится к обычному 'если А, то Р'. Так, в том случае, когда глагольная форма выражена императивом, высказывание приобретает дополнительную эмоциональную окраску. Этот эмоциональный компонент можно сформулировать как 'говорящему небезразлично данное событие'. При этом событие может быть как желательным, так и нежелательным для говорящего, ср.: *Приди я буквально на минуту раньше — занял бы место; Скажи он ему тогда что-нибудь против — все бы рухнуло* и т. д.

Условное значение, выражаемое с помощью видовых форм, бывает двух типов. Эти два типа могут быть интерпретированы на основе двух семантических противопоставлений: единичность-неединичность событий и реальность-гипотетичность-ирреальность событий (номенклатуру модально-временных планов сложного предложения см. в [Белошапкова 1977: 190-191]). Можно сформулировать следующую закономерность: если названное событие — не единичное (а, например, узуальное), то оно скорее является реальным; если же событие единичное или является свойством, то оно скорее окажется гипотетичным или ирреальным.

Так, в примерах (а), (б), (г), (е), (и) глагольные формы обоих видов обозначают неединичное событие, и модальность высказывания — реальная. В этом случае 'если А, то Р' означает 'всякий раз, когда А имеет место, имеет место и Р'.

В примерах (в), (д), (ж), (з) глагольная форма обозначает единичное событие (предложение (з) можно понять и как обозначающее свойство), и модальность высказывания — гипотетическая, или ирреальная. В этом случае 'если А, то Р' означает, что 'А является условием Р, причем А гипотетично или не может осуществиться, и поэтому Р тоже гипотетично или не может осуществиться'.

Интересно, что этим двум значениям соответствует два разных типа перифраз с союзами *если* и *когда*. В случаях, когда обозначается неединичное реальное событие, значение высказывания можно перифразировать как с помощью союза если, так и с помощью союза когда, например: *Если (когда) съешь столько ягод, живот заболит.*

В остальных случаях значение высказывания может быть передано только с помощью союза *если*, ср. примеры (в), (д), (ж), (з). Перифразы этих примеров с союзом *когда* в современном русском языке либо имеют не условное, а временно́е значение, либо вообще не могут быть осмыслены, ср.: **Когда разобьешь чашку, убью; *Когда я попрошу ее не опаздывать, разозлится.*

Очевидно, это связано со специализацией значения союза *когда* в современном русском языке. Употребление этого союза в условном значении возможно только в том случае, когда речь идет о неединичном реальном событии[9].

Условное значение выражается при совокупности следующих семантических, синтаксических и интонационных свойств контекста:

1) Употребление глагольных форм лишь в определенных видовых значениях (не любых).

Формы НСВ должны быть употреблены либо в своем главном видовом значении (актуально-длительном), либо в узуальном, либо в потенциальном и не могут иметь значения настоящего исторического.

Формы СВ должны быть употреблены либо в своем главном видовом значении (конкретно-фактическом), либо в узуальном и не могут иметь потенциального и наглядно-примерного значений.

2) Двухчастность высказывания, т. е. наличие двух предикативных конструкций, хотя и не связанных союзом, но образующих целое высказывание. Ср. в вышеприведенных примерах:

[9] В художественной литературе XIX века можно встретить случаи употребления *когда* в условном значении при описании единичных гипотетических или ирреальных событий. Все они воспринимаются как устаревшие. Ср.: *Шутить не время. Дай ответ, когда не хочешь пытки новой* (А. Пушкин); *Молчалин вам наскучил бы едва ли, Когда б сошлись короче с ним* (А. Грибоедов).

www.ruslang.ru

Первая предикативная часть	Вторая предикативная часть
а) *Столько ягод съесть*	*живот заболит*
б) *Десять классов кончил*	*в институт можно поступать*
в) *Чашку разобьешь*	*убью*
г) *Во второй вагон сядешь*	*больше трясти будет*
д) *А попроси я ее не опаздывать*	*разозлится*
е) *Пол не натирать*	*он серый будет*

и т. д.

3) Обязательное отсутствие подлежащего при индикативных формах.

Если включить подлежащее в условные бессоюзные предложения с индикативными формами, то такие фразы будут восприниматься как отклонение от нормы разговорной речи, как языковая неправильность, например: **Чашку ты разобьешь — убью; *Десять классов ты кончил — в институт можно поступать.*

4) Обязательное присутствие подлежащего при форме императива (за исключением неопределенно-личного значения последнего), например: *Случись это минутой раньше, я бы не спас его,* но не: **Случись минутой раньше, я бы не спас его.*

Ср., однако, неопределенно-личное: *Попроси у него взаймы, никогда не даст.*

Это условие отмечал еще акад. А. А. Шахматов: "Условное наклонение может быть выражено в обусловливающем предложении 2-м лицом повелительного в соединении с подлежащим, поставленным за этой формой *"Приди он сейчас, что бы было?"*" [Шахматов 1952: 104]; см. об этом также [Виноградов 1947: 598-600; Шмелев 1961: 53-55].

Важно отметить, что в этом случае имеет место несогласование по числу между подлежащим и глагольной формой, т. к. глагол выступает всегда в форме единственного числа, а подлежащее — как в форме единственного, так и в форме множественного, например: *Приди они раньше, ничего бы не было.*

5) Особое интонационное членение высказываний.

Рассматриваемые бессоюзные предложения произносятся, как правило, с разными интонационными контурами для первой и второй предикативной частей. Первая часть — условная — произносится с ИК-3, вторая — с ИК-1 или с ИК-2. Эта смена интонаций вызывает ощущение паузы между частями высказывания, как бы интонационного тире.

Названная совокупность условий, включая интонационный перепад, является обязательной и достаточной для интерпретации двухчастного высказывания как условного. При наличии этого интонационного перепада высказывание понимается как условное даже в том случае, если при его конкретном лексическом содержании условное зна-

чение необычно. Например, если произнести с ИК-3 — ИК-1 следующее высказывание: *Не пойду на работу — голова болит,* то оно будет понято именно так: 'если я не пойду (не хожу) на работу, то у меня болит голова'[9].

Представляется, что в этом случае естественней всего источником условного значения считать факторы 1)-5), т.е. всю синтаксическую конструкцию, а не глагольную форму в соответствующих видовых значениях.

Мы не исключаем, что рассмотренный в этом разделе материал допускает и иную интерпретацию. Нашей целью было не предложить окончательное решение, а обратить внимание на ситуации, когда его объективно трудно выработать.

3. О ТРУДНОСТИ РАЗДЕЛЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ВИДА И ЛЕКСИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА

Проблема отделения значения вида глагольной словоформы от значения контекста не является чисто аспектологической, она сводится к общей семантической проблеме — установлению различия между значением языковой единицы и ее сочетаемостью[10].

3.1. Есть ли у СВ "суммарное значение"?

Провести четкую границу между тем и другим бывает непросто. Ниже мы рассмотрим ряд ситуаций, когда за значение вида принималось значение другой единицы в его ближайшем контексте.

Примером того, как значение контекста приписывается виду, может служить так называемое "суммарное" значение СВ, под которым понимается "повторяющееся действие, сведенное к единству" [Мазон 1962: 102-104], "обозначение суммы конкретных фактов" [Бондарко

[9] В том же случае, когда обе предикативные части имеют одинаковый интонационный рисунок (ИК-2), названная совокупность условий не является дифференциальной: она может выражать не только условное значение, но и некоторые другие значения, например: причинно-следственное (*Не пойду на работу, голова болит*), уступительное (*из кожи вылезь, ничего не докажешь*) и т. п. Не исключено, что выбор значения формы в этих случаях диктуется не языковыми средствами, а ситуацией, и тогда мы имеем дело не с языковой многозначностью, а с ситуативной неопределенностью.

[10] Подробнее об этом см. [Апресян 1974: 60-67]. Вопрос об отделении грамматических значений от значений контекста в принципе давно обсуждается в литературе, но, главным образом, на материале падежных, а не видовых значений. См., например, [Пешковский 1913: 14; Пешковский 1935: 261; Якобсон 1985: 143-146; Курилович 1962: 183]; из более поздних работ назовем [Клобуков 1979: 87-95].

1971: 24], например, *Алексей мигнул пять раз.* Ср. иную точку зрения в [Милославский 1975: 357-358; Гловинская 1982: 67], где отрицается существование суммарного значения СВ, однако без специальной аргументации. О суммарном значении и лексических ограничениях, накладываемых на его реализацию см. также [Рассудова 1982: 38-40] и [Lubensky 1985: 81].

Рассмотрим этот вопрос подробнее.

За счет чего вообще возникает целостное значение словосочетания или предложения? Как известно из работ по лексической семантике, здесь возможны три основных случая: 1) аддитивное сложение значений (значение целого является простой суммой значений составляющих его элементов); 2) повторение некоторых семантических компонентов в значениях сочетающихся частей (в порядке семантического согласования), возможно, с зачеркиванием дублирующегося компонента в целостном семантическом представлении данного словосочетания или предложения; 3) замена одного семантического компонента (обычно более слабого) другим (обычно более сильным) [Апресян 1980: 57-74].

Те же три случая возможны и в области грамматической семантики. Мнение [Ломов 1977], будто частное значение видовой формы и аспектуальный контекст всегда взаимодействуют на основе аддитивного принципа, не подтверждается. Проиллюстрируем эти случаи на аспектологическом материале.

1) Аддитивное взаимодействие значений, ср. *Она одевается медленно* (*быстро*).

2) Повторение семантических компонентов у сочетающихся частей. В качестве иллюстрации приведем пример из [Белошапкова 1977: 189]. Она отмечает, что для предложений соответствия с союзом *по мере того как* значение неограниченной длительности выражается и союзом, и формами несовершенного вида, например, *По мере того как мы шли лесом, впереди все светлело, светлело;* ср. невозможность в этом предложении словоформ *пошли* и *посветлело.*

3) Замена одного семантического компонента другим. При взаимодействии значений обычна замена более слабого, факультативного компонента более сильным — выраженным явно и предпочтительно лексическими средствами. Постараемся показать, что именно эта ситуация имеет место в случае так называемого "суммарного" значения.

Постулирование у формы СВ "суммарного" значения предполагает, что во фразах типа *Алексей мигнул пять раз* форма *мигнул* сама по себе значит 'несколько раз'. Разновидность того же самого значения выражается и обстоятельством *пять раз.* Тем самым в словосочетании *мигнуть пять раз* пришлось бы усматривать повторение смыслов. Ср. словосочетания типа *проспать три часа,* где и в значении глагола, и в значении дополнения повторяется идея 'отрезок времени'.

В действительности общий смысл этих словосочетаний складывается по разным принципам. Фраза *Алексей мигнул* сама по себе, без адвербиального оборота, значит 'Алексей мигнул один раз'. Если бы у СВ было "суммарное" значение, т. е. если бы форма СВ сама по себе могла значить 'несколько раз', фразы типа *Алексей мигнул* были бы многозначны, как многозначны фразы с НСВ; ср. *Я видел этого человека* — 'один раз' или 'несколько'. Однако фразы типа *Алексей мигнул* на самом деле имеют лишь однократное значение.

Это первое соображение, однако, еще не является достаточным основанием для отведения "суммарного" значения СВ. Дело в том, что граммема может иметь такое особое значение, которое реализуется только в определенном контексте. Например, форма будущего СВ в узуальном значении обычно употребляется в контексте слов *вечно, всегда, обязательно* и т. п., указывающих на типичность данного действия: ср. *Обязательно он ворвется как оглашенный* (подробнее об условиях употребления этой формы см. [Гловинская 1983: 119-125], а также ниже: глава "Семантика, прагматика...", раздел 4.1.). Тем не менее, значение узуальности, типичности в данном случае необходимо усматривать у самой видо-временной формы по следующим причинам. Во-первых, общее значение предложения совершенно не равно основному значению данной видо-временной формы плюс значение контекста. Такая сумма обозначала бы действие, которое обязательно произойдет в будущем, и т. д., в то время как имеется в виду действие, типичное для широкого настоящего, и такое, к которому говорящий к тому же относится небезразлично, эмоционально. Во-вторых, форма СВ будущего времени в своем основном значении вообще не сочетается с обстоятельствами *вечно* и *всегда*.

В случаях же типа *мигнул несколько раз* значение целого получается по простому правилу: слабый количественный компонент 'один раз' в основном значении формы СВ заменяется компонентом 'пять раз', более сильным, т. к. он выражается лексическими средствами. Таким образом, идея многократности здесь выражается не за счет СВ глагола, который по-прежнему обозначает один акт действия, а исключительно за счет адвербиального оборота со значением количества. Усматривать здесь суммарное значение вида — значит приписывать виду значение контекста[11].

[11] В литературе было отмечено одно любопытное обстоятельство. Глаголы СВ прошедшего времени сочетаются только с показателями ограниченной кратности (словами и словосочетаниями типа *дважды, трижды, двукратно, трехкратно, два раза, несколько раз* и т. д.) и не могут сочетаться с обстоятельствами типа *всегда, часто, редко, постоянно, изредка, порой, каждый день* и т. д., обозначающими постоянные, обычные, повторяющиеся действия. Нельзя сказать **Изредка мигнул, *Каждый день приехал* и т. д. [Бондарко, Буланин 1967: 54]. В этом отношении русский язык отличается от других славянских языков,

3.2. Обманчивая идентичность контекстов при разных видах

Семантика вида сложным образом взаимодействует с лексическими значениями сочетающихся с ней слов. Поэтому выделение собственно видового значения из таких сочетаний сопряжено с большими трудностями. Разберем несколько примеров.

Сравним два предложения *Простите, что я давно не писал* и *Простите, что я давно не написал.*

Наречие *давно* имеет здесь два разных значения — временно́го отрезка ('долго') и временно́й точки ('раньше'). Этим смысловым различиям соответствует просодическое различие. В первом предложении фразовое ударение падает на глагол, а во втором — на наречие. Общее смысловое различие между фразами примерно следующее:

Простите, что я давно не писал означает, что раньше говорящий уже писал, причем временной отрезок между последним письмом и моментом речи говорящий считает длинным.

Простите, что я давно не написал означает, что говорящий считает, что он должен был написать (по внутреннему побуждению или уговору), причем момент, когда это следовало сделать, намного предшествовал моменту речи.

Таким образом, общее смысловое различие между фразами не целиком списывается на видовые формы, хотя на первый взгляд соблазнительно отнести протяженность к значению НСВ, а временну́ю точку — к значению СВ. В действительности именно это различие связано не с видом, а с тем, что слово *давно* употреблено в этих фразах в двух разных значениях, форма же НСВ употреблена здесь не в длительном, а в общефактическом значении.

Приведем другой пример. Сравним фразы *Больше я не могу писать* и *Больше я не могу написать.*

Как и в предыдущих случаях, смысловые различия между фразами нельзя целиком относить к значению видовых форм, хотя на первый взгляд это касается единственно возможным. Наречие *больше* употреблено в них в двух разных значениях. *Больше я не могу писать* означает, что действие дольше продолжаться не может (потому что субъ-

---

где такие сочетания возможны. Ср. сопоставление в этом плане русского и чешского языков [Широкова 1971: 294-295], а также [Kučera 1985: 126]. Отличается от русского и польский язык, где также широко употребляются формы прошедшего времени СВ в контексте подобных обстоятельств [Grzegorczykowa 1973, Nowak-Frankowska 1975]. Это различие в сочетаемости обстоятельств ограниченной и неограниченной кратности с формами СВ в русском и других славянских языках является, может быть, следствием более глубоких типологических различий между ними, касающихся выражения идеи повторения в самом глаголе или при нем; см. об этом [Eckert 1985].

екту действия некогда, он устал и т. д.). Наречие *больше* имеет здесь временно́е значение (при обычном фразовом ударении).

Больше я не могу написать означает, что написано все, что субъекту действия известно или что он считает возможным сообщить, и писать ему уже нечего. *Больше* имеет здесь объектное значение.

Сам факт, что одно и то же слово сочетается с разными видами в своих разных значениях, конечно, связан и, возможно, иногда обусловлен семантикой видов. Важно здесь не отнести к значению вида значение другого слова, даже если выбор этого значения и обусловлен данным видом.

В заключение этого раздела рассмотрим пример, анализируемый в книге О. П. Рассудовой: "... у видов в форме инфинитива существует вторичная функция — выражение добавочных модальных оттенков. Например, оттенок опасения сопровождает обычно в русском языке форму совершенного вида. Сравните: *Боюсь остаться один* (боюсь, как бы мне не пришлось остаться одному). *Боюсь оставаться один* (боюсь быть, находиться один)" [Рассудова 1968: 54].

Таким образом, смысловое различие между двумя приведенными фразами с глаголом *бояться* О. П. Рассудова целиком относит к видовому различию форм *остаться — оставаться.* С этим невозможно согласиться. Уточним, в чем заключается различие между этими фразами.

Прежде всего, укажем те лексические значения глаголов *бояться* и *оставаться — остаться,* с которыми мы сталкиваемся при анализе этих примеров[12].

Бояться[1], например, *Все люди боятся смерти. А боится В* ≅ 'А находится в отрицательном эмоциональном состоянии, причина которого — та, что А считает вероятным осуществление нежелательного для А события В, которому А не может противодействовать'.

Бояться[2], например, *Некоторые люди боятся темноты. А боится В* ≅ 'Когда имеет место В, А становится страшно' ≅ 'А находится в отрицательном эмоциональном состоянии, причина которого — та, что А считает вероятным осуществление какого-то нежелательного для А события, связанного с тем, что имеет место В, которому А не может противодействовать'.

Оставаться[1], например, *Ребенок оставался дома один* ≅ 'продолжал (= не переставал) находиться где-либо после какого-то события или времени'.

Остаться[1], например, *Ребенок остался дома один* ≅ 'не перестал находиться где-либо после какого-то события или времени'.

---

[12] Мы опираемся на толкования глагола *бояться,* которые даны в [Иорданская 1970] и в [Иорданская 1984], воспроизводя их в упрощенном и сокращенном виде.

Остаться[2], например, *Он остался без денег и без связей, совершенно один* ≅ 'оказаться, очутиться в каком-либо положении или состоянии'.

Теперь рассмотрим значения сравниваемых фраз.

Я боюсь[2] *оставаться*[1] *один* = 'Когда я нахожусь где-то один, мне страшно' ≅ 'Когда я нахожусь где-либо один, я бываю в отрицательном эмоциональном состоянии, причина которого -- та, что я считаю вероятным осуществление какого-то нежелательного для меня события, связанного с тем, что я нахожусь где-то один, и которому я не способен противодействовать'[13] (скажем, если ребенок находится где-то один, то его может страшить возможность появления Бабы-Яги, волка, бандита).

Фраза *Я боюсь остаться один* имеет два осмысления.

1. *Я боюсь*[2] *остаться*[1] *один* = 'Если (когда) я буду находиться где-то один, мне будет страшно'.

2. *Я боюсь*[1] *остаться*[2] *один* = 'Я нахожусь в отрицательном эмоциональном состоянии, причина которого — та, что я считаю вероятным осуществление нежелательного для меня события (оказаться в жизни одному и т. п.), которому я не способен противодействовать'.

Итак, в двух различных осмыслениях фразы *Я боюсь остаться один* глаголы *бояться* и *остаться* употреблены в двух разных лексических значениях. Одно из этих осмыслений (первое) совпадает со значением фразы *Я боюсь оставаться один,* с точностью до видовых различий между формами *остаться — оставаться.*

О. П. Рассудова фактически сопоставляет фразу *Я боюсь оставаться один* не с этим, параллельным значением другой фразы, а с ее вторым осмыслением, в котором оба глагола представлены совсем другими лексическими значениями. И тогда за элемент значения вида принимаются, во-первых, различия в лексических значениях глагола *остаться,* и, во-вторых, различия в лексических значениях глагола *бояться,* с которым сочетаются интересующие ее видовые формы.

Этот пример показывает, с какими тонкими и сложными сплетениями видового, лексического и контекстного значений приходится иметь дело при анализе видовых противопоставлений.

Анализ этих примеров показывает также, что следует с большой осторожностью подбирать «уравненные», одинаковые контексты для видовых пар, в которых могло бы проявиться их чисто видовое различие.

---

[13] Мы не касаемся здесь второго возможного осмысления этой фразы: 'Я не остаюсь один, так как считаю это нежелательным (неприятным, опасным и т. п.)'.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ВИДОВОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ*

1. Вводные замечания

Предметом изучения в данной главе являются видовые пары в их главных значениях. Сформулируем ограничения, накладываемые на материал, которые вытекают из такой постановки вопроса.

Во-первых, поскольку анализируются пары, за пределами исследования оказываются внепарные глаголы СВ и НСВ.

Во-вторых, поскольку анализируются главные значения СВ и НСВ, за пределами исследования оказываются пары, в которых НСВ не имеет актуально-длительного значения. Не будем перечислять такие глаголы. Этому вопросу посвящена довольно большая литература [Маслов 1948: 315; Vendler 1967; Lakoff 1968; Рассудова 1968: 47; Miller 1970; Бондарко 1971: 24-25; Lyons 1977: 712; Булыгина 1982: 29, 38, 43-44, 47, 54-55; Селиверстова 1982: 133-134, 139-141; Мелиг 1985; Апресян 1987].

Как говорилось выше, целью нашего исследования является извлечение из лексикографического описания глагола тех семантических элементов, которые соответствуют виду, т. е. выражают значение видовой граммемы.

Обычные толкования, содержащиеся в словаре, не могут быть использованы для вычленения семантики грамматических элементов. Толковые словари, как правило, дают (и толкуют) одну видовую форму для каждого глагола, причем не в такой единообразной форме, которая вскрывала бы наличие элемента, общего для всех или некоторых глаголов данного вида. Поэтому в большинстве случаев нам приходилось строить собственные толкования, опираясь при этом на описание глаголов в словарях (о требованиях к толкованиям см. главу «Принципы изучения семантики видов...», 4.1.1.).

Толкования в принципе даются в сентенционной форме[1]. Это значит, что толкуется не отдельный глагол в форме инфинитива, как это принято в толковых словарях, а абстрактная схема предложения с глаголом в личной форме и переменными для обозначения его актантных именных групп, например, *X стал P, X становится P*. Дело в том, что в форме инфинитива не всегда можно эксплицировать все существенные элементы аспектуальной (и лексической) семантики. Однако в тех

---

* Раздел является главой докторской диссертации автора [Гловинская 1986б]. См. также [Гловинская 1982: 71-115].

[1] Такая практика была впервые введена в сборнике [МП и ПЛ 1964].

случаях, когда это возможно, мы даем более привычную лексикографическую форму толкований.

При поиске семантических элементов, которые должны войти в окончательное толкование видовой формы, мы, вслед за многими авторами, опирались на ее сочетаемость. Исследуя частные видо-временные значения, мы стремились к полному описанию контекстуальных условий их реализации. Однако при изучении главных видовых значений НСВ и СВ достаточно было ограничиться учетом немногих наиболее типичных контекстов, т. к. в них существенные элементы их видовой семантики проявляются с достаточной полнотой. Тем более, что эти контексты хорошо изучены в существующей литературе; см., помимо работ, упомянутых в начале этой главы и в разделе 4.4. главы «Принципы изучения...», еще [Мазон 1958; Мазон 1962; Маслов 1965; Аникина 1964; Veyrenc 1968a; Veyrenc 1968б; Барентсен 1978; Соколовская 1979; Leinonen 1982; Всеволодова 1975, 1979, 1983].

2. Исходные и промежуточные понятия в толкованиях

Вопрос о том, какие исходные понятия должны лечь в основу толкования главных видовых значений, является ключевым для интерпретационного описания видов. Возможны два способа его решения — дедуктивный и индуктивный.

Дедуктивный подход широко представлен в современной западной лингвистике, изучающей аспектуальные и темпоральные значения. Он уходит своими корнями в теорию грамматического времени, предложенную в [Reichenbach 1947]. В этой книге используются три важных временны́х понятия: время речи (S), время события (E) и временна́я точка отсчета (R)[2]. Первые два понятия давно известны и очевидны. Что касается точки отсчета, то под ней понимается временной ориентир, то есть тот момент или интервал времени, относительно которого оценивается время события. Он может совпадать с временем речи и/или временем события, может предшествовать тому или другому и, наконец, может следовать за ними. В высказывании *Он сейчас делает уроки* все три времени совпадают. В высказывании *Он сделал уроки еще вчера* время события (*сделал*) совпадает с точкой отсчета (*вчера*); и оба этих времени предшествуют времени речи. В высказывании *Вчера к двум часам дня он уже сделал все уроки* время события (*сделал*) предшествует точке отсчета (*вчера к двум часам дня*), а точка отсчета предшествует времени речи.

[2] В большинстве современных интерпретаций (см., например, [Johnson 1981: 150; Leinonen 1982: 149-161; Timberlake 1985: 157; Томмола 1986: 31] R считается либо точкой, либо интервалом времени. В нашей работе этому рейхенбаховскому понятию соответствует понятие момента наблюдения (см. ниже основной текст).

Дедуктивная аспектологическая теория использует в качестве исходных понятий для интерпретации видовых значений главным образом эти три временны́х понятия и поэтому может быть названа темпоральной. Она завоевывает все большее число сторонников. Так, в двух аспектологических сборниках 80-х годов [Синтаксис и семантика 1981; Славянский вид 1985] ее представляют более десятка работ, см. в особенности [Johnson 1981, Smith 1981, Timberlake 1985]; см. также [Падучева 1986; Томмола1986].

Привлекательным в темпоральной аспектологии является то, что предлагается весьма экономная система универсальных исходных понятий, создающих притом единую основу для описания и вида, и времени.

Категории вида и времени разграничиваются следующим образом. Категория времени соотносит время события с временем речи, а категория вида соотносит время события с точкой отсчета; см., например, [Johnson 1981: 148-149; Timberlake 1985: 156].

Кроме того, создается основа для разграничения некоторых видовых и временны́х значений в языках самого разного строя. Так, английский прогрессив и русский НСВ в аспектуально-длительном значении описывают ситуации, в которых точка отсчета находится внутри времени события; ср. аналогичную формулировку в [Isačenko 1962: 132-133]. Английский претерит описывает ситуацию, в которой точка отсчета совпадает с временем события и предшествует времени речи, а английский перфект настоящего времени — ситуацию, в которой точка отсчета совпадает с временем речи и следует за временем события. Русский СВ прошедшего времени отличается в этом отношении от английского Present Perfect. Для него возможны обе эти ситуации: *Я написал письмо вчера* сопоставимо с английским I wrote the letter yesterday, а *Я уже написал письмо* — с английским I have already written the letter[3].

Однако в целом концептуальные возможности, содержащиеся в различных комбинациях трех рейхенбаховских понятий, представляются недостаточными для описания аспектуально сложных языков, таких, как русский. С их помощью даже нельзя эффективно разграничить главные и частные видо-временные значения, не говоря уж об их полной экспликации.

[3] Некоторые авторы, развивающие темпоральную теорию вида, считают, что в русском языке при СВ точка отсчета всегда ретроспективна по отношению к ситуации, обозначаемой глаголом и при этом синхронна итоговому состоянию (результату) ситуации [Падучева 1986]. Этот тезис обнаруживает известное сходство с формулировкой значения СВ в [Růzička 1952: 165; Dostál 1954: 180; Исаченко 1968: 133], где указывается, что процесс, выраженный глаголом СВ, находится целиком в поле зрения говорящего; он обозревается как бы извне.

Поэтому мы считаем, что дедуктивная темпоральная теория должна быть существенно дополнена данными индуктивных теорий, опирающихся на уже накопленный и постоянно пополняющийся аспектуальный материал. Этот материал показывает, что множество исходных понятий для интерпретационного описания видов должно быть существенно расширено.

В своих толкованиях мы используем в качестве исходных (неопределяемых) следующие понятия: 'момент речи', 'момент наблюдения' (в дальнейшем для краткости иногда говорится просто 'момент' — см. сноску 2 в данном разделе), 'предшествующий', 'последующий', 'после' или 'позже'[4], 'существенный', 'признак', 'значение признака', 'действие', 'состояние', 'результат', 'часть', 'быть', 'существовать', 'находиться', 'иметь', 'может', 'больше', 'не', 'каждый', 'если... то'.

Глагольные смыслы 'быть', 'существовать', 'находиться', 'иметь' не содержат видовой семантики: они могут входить (и часто входят) в толкование обоих элементов видовой пары. По той же причине не содержат видовой семантики смыслы 'действие', 'процесс', 'состояние'. Эти смыслы близки к соответствующим русским словам в том их значении, в котором они были заимствованы лингвистической терминологией для обозначения соответствующих лексических групп глаголов. Каждое из них относится к определенному онтологическому классу ситуаций, представленных и в безвидовых языках. В русском они могут быть охарактеризованы и в СВ, и в НСВ. Так, и *делать,* и *сделать* — действия, они оба указывают на активное поведение живого существа (агенса); *разгораться - разгореться* — оба процессы, *болеть - поболеть* (*Зуб поболел и перестал*) — оба состояния и т. д. Круг таких понятий не исчерпывается тремя названными смыслами и в принципе при необходимости может быть расширен (ср. смысл 'отношения', необходимый для характеристики таких предикатов, как *равняться, соответствовать;* 'свойство' и др.).

Между тем, промежуточное понятие 'действовать', определяемое, в частности, через смыслы 'действие' и 'существовать', имеет видовую семантику. Ниже будет объяснено, за счет чего это происходит.

Кроме перечисленных выше понятий, в качестве исходных использовались и некоторые неэлементарные понятия, уже истолкованные другими исследователями: 'цель'[5], 'должно', 'непосредственно', 'пре-

[4] Мы уже говорили («Принципы изучения...», 4.1.1.), что используемый нами семантический язык не содержит синонимов. Это верно со следующей оговоркой: один и тот же смысл может быть представлен разными частями речи, например, 'последующий', 'позже' и 'после'. Это чисто техническое отступление от теоретического принципа предпринимается исключительно с целью сделать толкование удобочитаемым.

[5] О понятии 'цель' см. на с. 32.

кратиться', 'быть близким к чему-л.', 'получить', 'создать' и, возможно, еще некоторые, специально не оговариваемые[6].

Если толкование включает в себя модальную рамку, т. е. упоминание оценки ситуации со стороны говорящего или слушающего, то в ней в качестве исходных (т. е. неопределяемых) используются понятия 'говорящий', 'слушающий', 'считать', а также любые понятия, которые могут потребоваться для описания самой оценки.

Кроме этих исходных понятий используется ряд промежуточных понятий — своего рода блоков, сводимых к более простым понятиям. Мы пользовались ими, чтобы можно было более наглядно представить общие, совпадающие части толкований различных глаголов и чтобы уменьшить громоздкость толкований.

Промежуточные и исходные понятия следует понимать как слова специального языка толкований, часто, но не обязательно совпадающие с ближайшими по смыслу словами русского языка. Для того, чтобы не смешивать их со словами русского языка, они поставлены в одинарные кавычки. Толкования промежуточных понятий мы частично заимствуем из ряда семантических работ, упоминавшихся в предшествующих главах, а частично строим сами. Поясним содержание некоторых промежуточных понятий.

'Начать' — 'начинать'[7].

'Ситуация Р начала иметь место' = 'В какой-то момент наблюдения Р не существовало, в один из последующих моментов Р существует'.

'Ситуация Р начинает иметь место' = '(1) В какой-то момент наблюдения Р не существовало, (2) в один из последующих моментов наблюдения существует часть Р или нечто, имеющее существенные признаки Р, (3) в каждый последующий момент существует бóльшая часть Р или нечто, имеющее больше существенных признаков Р, чем в каждый предшествующий момент, (4) если процесс (3) не прекратится до некоторого момента, то в этот момент начнет существовать Р'[8].

---

[6] В качестве исходных мы пользовались многими понятиями, принятыми в современной семантике и введенными в нее разными авторами в разное время. Авторство в этом случае специально не оговаривалось. Что касается промежуточных понятий, существенных именно для различения видов и анализа конкретных видовых пар, то всякий случай использования чужого толкования оговаривался специально.

[7] Толкование 'начаться' см. в [Апресян 1974: 75, 130]. Ср. также ранее определение из [Щеглов 1964: 51]: «начинать (например, А начинает делать X = в момент t_n А не делал X, а в T_{n+1} он делает X)». В нашей системе понятий это толкование соответствует форме СВ, а не НСВ, как у Ю. К. Щеглова. Толкование НСВ 'начинаться' построено по аналогии с толкованием 'кончаться' в [Апресян 1980а: 15].

[8] Поясним необходимость включить в это толкование компонент 'начать'. Если не включать его, то последняя часть толкования будет выглядеть так: 'в

Как легко заметить, импликация в понятии 'начинаться' отличается от импликации А. Вежбицкой: 'когда пройдет все состояния данного ряда состояний, то...'. Нам кажется, что идея постепенного накопления результата, содержащаяся в импликативной части принятого нами толкования 'начинаться', вернее отражает семантическую суть НСВ у предельных глаголов, чем идея простого прохождения через ряд моментов-состояний.

В конкретных толкованиях эта формулировка может несколько видоизменяться, в зависимости от того, с каким предикатом сочетаются элементы 'начать' — 'начинать', но общая форма толкования остается постоянной. Такими предикатами могут быть 'существовать', 'иметь', 'быть каким-то', 'находиться где-то'. Соответствующие варианты толкования приводятся ниже, при изложении материала.

Для комбинации смыслов 'начать существовать' и 'начинать существовать' можно, естественно, ввести сокращенные обозначения 'начаться' и 'начинаться'.

Семантические элементы 'начать', 'начаться' и 'начинаться' не совпадают по смыслу с соответствующими словами русского языка. Это видно хотя бы из того, что в толкованиях семантических слов нет ничего, что запрещало бы словосочетания с именами событий, соответствующих по смыслу глаголам СВ; ср. **Началась вспышка молнии, *Начался приход гостей;* или с названиями статических ситуаций; ср. **Началось желание;* или, наконец, с самим словом *ситуация;* ср. **Началась ситуация.* Между тем, в русском языке такие словосочетания невозможны. Объясняется это, по-видимому, тем, что русский глагол *начаться* "содержит элемент развития, изменения, развертывания во времени" [Хализева 1976: 76].

Аналогично в словосочетании *начинает одеваться* значение русского глагола не вполне совпадает со значением семантического элемента 'начинать'. Что означает словосочетание *начинает одеваться* в русском языке? Оно имеет значение, близкое к *начал одеваться*, хотя и не столь определенное. Так, *начал одеваться* значит, что уже одевается, а *начинает одеваться* предполагает какой-то подготовительный этап — человек собирает одежду, берет ее в руки и т. д., т. е. может еще и не одеваться в прямом смысле слова. Тем не менее, импликация для *одевается* и *начинает одеваться* в русском языке одна и та же — 'если процесс не прекратится до какого-то момента, то в этот момент будет

этот момент Р существует'. Эта формулировка не выделяет никакого момента: речь может идти о любом моменте существования Р. Между тем нам необходимо выделить среди всех моментов существования Р только один — момент его возникновения. Включение компонента 'начать' создает такую возможность, поскольку 'начать' вводит в толкование представление о предшествующем моменте, когда Р не существовало. Вопрос о формальном правиле включения 'начать' в толкование 'начинать' нуждается в специальном рассмотрении.

одет', а не 'будет одеваться в этот момент'. В то же время для метаязыкового 'начинать Р' ('начинать одеваться') импликатура, в соответствии с толкованием на с. 86, должна будет выглядеть иначе: 'в какой-то момент наблюдения человек не одевается, в каждый из последующих моментов существует большая часть ситуации "одевается", чем в каждый предшествующий; если этот процесс не прекратится до какого-то момента, то в этот момент начнет одеваться'.

'Начало (действия, процесса, состояния)' = 'момент, в который началось (действие, процесс, состояние)'.

'Перестать Р' = 'начать не Р'[9];

'Переставать Р' = 'начинать не Р'.

'Р продолжается' = 'не начинается не Р'[8].

'Р прекратился' = 'начался не Р'.

'Кончить' — 'кончать'.

'Х кончил Р' = 'Х перестал Р в момент, в который в ходе действия, процесса или состояния Р начал существовать некий результат, после чего Р не может или не должно продолжаться'.

'Х кончает Р' = '(1) В какой-то момент наблюдения Х близок к концу Р; (2) в каждый последующий момент Х ближе к концу Р, чем в каждый предыдущий момент; (3) если процесс (2) не прекратится до некоторого момента, то в этот момент Х кончит Р'.

Обратим внимание на несимметричность толкований 'начать' — 'начинать' и 'кончить' — 'кончать'; это касается пункта (1).

'Конец (действия, процесса, состояния)' = 'момент, в который в ходе действия, процесса или состояния начал существовать некий результат, после чего действие, процесс или состояние не может или не должно продолжаться'.

'Становиться' — 'стать'.

'Х стал Р' = 'В какой-то момент наблюдения Х имеет некоторое значение признака Р, в один из последующих моментов Х имеет большее или меньшее значение признака Р'[10].

'Х становится Р' = '(1) В какой-то момент наблюдения Х имеет некоторое значение признака Р; (2) в каждый последующий момент наблюдения Х имеет большее или меньшее значение признака Р, чем в каждый предшествующий'.

Элементы 'становиться' и 'стать' не полностью совпадают по смыслу с соответствующими словами русского языка.

---

[9] См.: [Щеглов 1964: 51].

[10] Легко видеть, что 'стать' сводится к 'начать' — 'Х начал иметь большее или меньшее значение признака Р'. Мы, однако, предпочитаем приведенное в тексте толкование 'стать', потому что оно обнажает параллелизм между 'становиться' и 'стать'.

'Действовать'.

'X действует' = 'Действие X-а существует в каждый из ряда последовательных моментов наблюдения'. Как уже говорилось (с. 85), смысл 'действовать', в отличие от смыслов 'действие' и 'существовать', содержит видовую семантику НСВ. Ей соответствует компонент 'каждый из ряда последовательных моментов'.

Точно так же видовая семантика НСВ присутствует в двух следующих понятиях.

'Быть (находиться) в каком-то состоянии'.

'X находится в каком-то состоянии' = 'Данное состояние X-а существует в каждый из ряда последовательных моментов наблюдения'.

'Иметь свойство'.

'X имеет какое-то свойство' = 'Какое-то свойство X-а существует в каждый из ряда последовательных моментов наблюдения'.

'Постепенно'.

'Что-то происходит постепенно' значит, что имеет место равномерное накопление или исчезновение какого-то свойства: 'в каждый последующий момент наблюдения данного свойства имеется больше или меньше, чем в каждый предшествующий момент, на приблизительно одинаковую величину, причем промежутки времени между моментами наблюдения приблизительно равны'.

Это понятие также не совпадает по смыслу с русским словом *постепенно,* которое включает в себя дополнительно еще смысл 'говорящий оценивает эти промежутки как более или менее значительные'.

Перечисленные понятия используются для описания основных типов видового противопоставления. Очевидно, что при необходимости истолковать какие-то элементы лексического значения глагола могут использоваться понятия, выходящие за пределы этого перечня.

Прежде чем перейти к изложению полученных результатов, сделаем еще два замечания, касающихся толкуемой формы совершенного вида.

Как уже упоминалось, глагол СВ толкуется в форме прошедшего времени. Данная видо-временная форма, говоря словами В. В. Виноградова, обозначает действие, результат которого сохраняется "при отсутствии противопоказаний вплоть "до момента речи"". Эта семантическая особенность формы прошедшего времени многократно отмечалась лингвистами, начиная с А. А. Потебни, и тонко проанализирована В. В. Виноградовым. Однако мы опускаем в толкованиях глаголов СВ компонент 'результат действия сохраняется до момента речи' именно потому, что он характеризует только форму прошедшего времени и тем самым не входит в собственно видовое значение, поиску которого посвящена настоящая глава.

Второе замечание касается целесообразности различать конкретно-фактическое ("точечное") и фактическое значения СВ.

Очевидно, что в таких употреблениях СВ, как *Он писал, писал статью и наконец написал ее* или *Вода долго замерзала и наконец замерзла* глагол СВ включает в себя, помимо указания на результат, также и указание на предшествовавшее ему действие или состояние. Так же очевидно, что в других употреблениях, таких, как *Он написал статью о борьбе с грызунами* или *Вода впервые замерзла в этом озере двадцать лет назад,* глагол СВ имеет более широкое значение: он не включает указания на предшествовавшее ему действие или состояние, а обозначает только существование некоторого результата, сам факт, что событие вообще имело место. Это второе употребление СВ близко по значению к общефактическому значению НСВ, что дало основание некоторым исследователям усматривать в нем особое фактическое значение СВ в отличие от "точечного"[11]. Мы видим здесь не два разных, а одно значение, разные элементы которого могут подчеркиваться контекстом и, возможно, актуальным членением фразы. Это подтверждается тем, что сами по себе фразы *Он написал статью* или *Вода в озере замерзла* не являются двузначными. Ср. замечание В. В. Виноградова о том, что в прошедшем времени СВ "слились и смешались некогда дифференцированные значения перфекта и аориста" [Виноградов 1947: 565].

По указанным причинам мы даем одно толкование для глаголов СВ, имея в виду, что оно может быть использовано при интерпретации обоих этих употреблений.

3. Стандартные типы видового противопоставления

К стандартным типам видового противопоставления мы относим те типы, которые представлены массовым материалом. Прежде чем перейти к их описанию, напомним, что, приводя толкования видовых форм, мы сознательно игнорируем некоторые тонкости лексического значения глагола, заведомо совпадающие у обоих членов видовой пары и не отражающиеся на собственно аспектуальных значениях.

При описании стандартных типов видового противопоставления было две возможности подачи материала: либо после общей семантической характеристики данного типа приводить только списки глаголов, относящиеся к нему, полагаясь на то, что применение общего толкования к конкретным примерам достаточно очевидно; либо сопровождать глаголы хотя бы краткими толкованиями, подтверждающими принадлежность глагола к данному типу, повторяя тем самым много раз сходные формулировки. Первый способ подачи материала вы-

[11] [Wierzbicka 1967: 2247].

глядит голословным, второй — однообразным. Меньшим злом мы сочли второе.

3.1. Первый тип: 'начинать(ся)' — 'начать(ся)'

К этому типу относятся предельные глаголы или глаголы в предельном употреблении[12], которые в НСВ обозначают процесс или действие, частично достигшие результата, а в СВ — полностью достигшие результата (ср. подгруппу 'тенденция' — 'осуществление' в классификации Ю. С. Маслова).

Толкования форм НСВ и СВ в этом типе различны у некаузативных и каузативных нецеленаправленных глаголов, с одной стороны (подтип А), и у каузативных целенаправленных, — с другой (подтип Б).

Подтип А

Рассмотрим сначала некаузативные и каузативные нецеленаправленные глаголы. Формы НСВ и СВ различаются в этой группе смыслами 'начинать(ся)' — 'начать(ся)'.

К группе 'начинаться' — 'начаться' относится несколько классов глаголов.

1) Фазовые глаголы со значением начала: *возникать — возникнуть, наставать — настать, наступать — наступить, начинать — начать, начинаться — начаться, появляться — появиться.* Несмотря на семантические различия между этими глаголами [Хализева 1976], все названные пары по крайней мере в одном из своих лексических значений содержат элементы: 'начинать существовать (иметь место, находиться)' — 'начать существовать (иметь место, находиться)'.

Так, *Миллиард лет назад на Земле еще только возникала* (*появлялась, начиналась*) *жизнь* = '... на Земле начинала существовать жизнь'; *Миллиард лет назад на Земле возникла* (*появилась, началась*) *жизнь* = '... на Земле начала существовать жизнь'; *Наступала* (*наставала*) *трудная пора* = '... начинала иметь место трудная пора'; *Наступила* (*настала*) *трудная пора* = 'начала иметь место трудная пора'.

2) Фазовые глаголы со значением конца: *исчезать — исчезнуть, переставать — перестать, прекращаться — прекратиться.* Эти пары хотя бы в одном их своих лексических значений имеют смысл 'переставать' — 'перестать', т. е. 'начинать не существовать (не иметь места, не находиться)' — 'начать не существовать (не иметь места, не находиться)'.

---

[12] О предельных и непредельных глаголах см., например, [Холодович 1963, Шелякин 1978]; о предельных употреблениях — [Панов 1966: 88; Vendler 1967: 98-103].

Так, *Дождь прекращался* (*переставал*) = 'Дождь переставал' = 'Дождь начинал не иметь места'; *Дождь прекратился* (*перестал*) = 'Дождь перестал' = 'Дождь начал не иметь места'; *Корабль исчезает* = 'Корабль перестает находиться в поле зрения' = 'Корабль начинает не находиться в поле зрения'; *Корабль исчез* = 'Корабль перестал находиться в поле зрения' = 'Корабль начал не находиться в поле зрения'.

3) Большой класс так называемых инхоативных глаголов, обозначающих изменение состояния, сопровождающееся становлением какого-то признака, например, *выздоравливать — выздороветь, замерзать — замерзнуть* (*о воде*), *засыхать — засохнуть, оттаивать — оттаять, согреваться — согреться*[13].

Эти глаголы имеют значение типа 'начинать быть каким-то' — 'начать быть каким-то'. Их толкования имеют следующий вид:

'X начал быть P' = 'В какой-то момент наблюдения X не имеет свойства P, в один из последующих моментов X имеет свойство P'. 'X начинает быть P' = '(1) В какой-то момент наблюдения X не имеет свойства P, (2) в один из последующих моментов X имеет свойство P в каком-то количестве, (3) в каждый из последующих моментов X имеет свойство P в большем количестве, чем в каждый предшествующий момент, (4) если процесс (3) не прекратится до некоторого момента, то в этот момент X начнет иметь свойство P'.

Так, *Белье высохло* = 'Белье начало быть сухим' = 'В какой-то момент наблюдения белье не сухое (влажное), в один из последующих моментов белье сухое'; *Белье высыхает* = 'Белье начинает быть сухим' = '(1) В какой-то момент наблюдения белье не сухое (влажное), (2) в один из последующих моментов белье суше (менее влажное), (3) в каждый из последующих моментов белье суше, чем в каждый предшествующий момент, (4) если процесс (3) не прекратится до некоторого момента, то в этот момент белье начнет быть сухим (= *высохнет*)'. Приведем примеры:

Выздоравливать = 'переставать быть больным' — *выздороветь* = 'перестать быть больным'.

Заболевать = 'начинать быть больным' — *заболеть* = 'начать быть больным'.

Забывать = 'переставать помнить' — *забыть* = 'перестать помнить'.

Загрязняться = 'начинать быть грязным' — *загрязниться* = 'начать быть грязным'.

Замерзать (о воде) = 'начинать быть льдом' — *замерзнуть* = 'начать быть льдом'.

[13] Об инхоативных глаголах см. [Сигалов 1963; Улуханов 1966; Улуханов 1977: 132-139; Балашова 1979].

Заквашиваться = 'начинать быть кислым' — *закваситься* = 'начать быть кислым'.

Закисать = 'начинать быть кислым' — *закиснуть* = 'начать быть кислым'.

Засыхать = 'начинать быть сухим' — *засохнуть* = 'начать быть сухим'.

Затихать = 'переставать звучать' — *затихнуть* = 'перестать звучать'.

Насыщаться = 'начинать испытывать ощущение сытости' — *насытиться* = 'начать испытывать ощущение сытости'.

Омрачаться = 'начинать быть мрачнее или мрачным' — *омрачиться* = 'начать быть мрачнее или мрачным'.

Опошляться = 'начинать быть пошлее или пошлым' — *опошлиться* = 'начать быть пошлее или пошлым'.

Оскудевать = 'начинать быть скуднее или скудным' — *оскудеть* = 'начать быть скуднее или скудным'.

Ослабевать = 'начинать быть слабее или слабым' — *ослабеть* = 'начать быть слабее или слабым'.

Отвердевать = 'начинать быть твердым' — *отвердеть* = 'начать быть твердым'.

Отогреваться = 'переставать испытывать ощущение холода' — *отогреться* = 'перестать испытывать ощущение холода'.

Оттаивать = 'переставать быть замерзшим' — *оттаять* = 'перестать быть замерзшим'.

Превращаться = 'переставать иметь одно свойство и начинать иметь другое' — *превратиться* = 'перестать иметь одно свойство и начать иметь другое'.

Проходить (о боли) = 'переставать ощущаться' — *пройти* = 'перестать ощущаться'.

Размягчаться = 'начинать быть мягче или мягким' — *размягчиться* = 'начать быть мягче или мягким'.

Согреваться = 'переставать испытывать ощущение холода' — *согреться* = 'перестать испытывать ощущение холода'.

Спускать (*шина спускает*) = 'постепенно переставать иметь внутри себя воздух' — *спустить* = 'постепенно перестать иметь внутри себя воздух'.

Угасать (*чувства угасают*) = 'постепенно переставать иметь место' — *угаснуть* = 'постепенно перестать иметь место'.

Углубляться (*в занятие*) = 'начинать заниматься чем-либо внимательно и поглощенно' — *углубиться* = 'начать заниматься чем-либо внимательно и поглощенно'[14].

[14] Некоторые из приведенных глаголов воспринимаются как обозначающие более замедленный процесс, чем другие. В этих случаях мы включаем в толкова-

Предложенная форма толкования 'начать(ся)' благодаря элементам 'в один из последующих моментов' позволяет объяснить сочетаемость глаголов СВ и с обстоятельствами градуальности (типа *постепенно, медленно*), и с обстоятельствами точечности.

В случае, если обстоятельство указывает на мгновенность или точечность действия, толкование 'начаться' позволяет нам представить два момента, в один из которых нечто не существует, а в другой — существует, как следующие непосредственно друг за другом. Например, *Река внезапно (мгновенно) замерзла* означает, что 'в один выделенный момент наблюдения река не была покрыта льдом, а в следующий выделенный момент наблюдения она покрыта льдом'. В случае же, если обстоятельство указывает на растянутость действия во времени, то данное нами толкование позволяет представить те же два момента как отделенные друг от друга рядом других моментов. Так, *Белье постепенно высохло* означает, что 'В какой-то момент наблюдения белье не было сухим; в каждый последующий момент белье становилось суше, чем в каждый предшествующий момент, на приблизительно одинаковую величину, причем промежутки времени между моментами наблюдения приблизительно равны, и говорящий оценивает эти промежутки как более или менее значительные; в один из последующих моментов белье было сухим'. Как легко заметить, данное толкование возникает в результате взаимодействия двух промежуточных понятий — 'начать' и 'постепенно', — с тем небольшим приращением смысла, которое содержится в русском слове *постепенно* по сравнению с его семантическим прототипом.

Большая группа глаголов, обозначающих изменение состояния и различающихся в несовершенном и совершенном видах смыслами 'начинаться' — 'начаться', представляет собой отадъективные образования с приставочным СВ.

Бледнеть = 'начинать быть бледнее или бледным' — *побледнеть* = 'начать быть бледнее или бледным'. Другие примеры — *глупеть — поглупеть, грустнеть — погрустнеть, дурнеть — подурнеть, краснеть — покраснеть* и т. п.

4) Группа приставочных глаголов перемещения. В эту группу входят приставочные глаголы, образованные с помощью различных приставок от глаголов *бежать, идти, ехать, лезть, лететь, плыть, ползти, прыгать* и т. п., а также глаголы типа *возвращаться — возвратиться, приближаться — приблизиться, снижаться — снизиться.*

ние обоих видов элемент 'постепенно' (ср. *угасать — угаснуть*). Очевидно, что этот элемент относится к лексическому значению глагола. Мы допускаем, что 'постепенно' следует включить в большее число пар (ср., например, *оттаивать — оттаять*). Если это верно, то предложенная нами форма толкования позволяет легко это сделать.

Рассмотрим такие глаголы подробнее на примере приставочных образований от *идти*.

Входить = 'идя, начинать находиться внутри чего-либо' — *войти* = 'идя, начать находиться внутри чего-либо'.

Всходить = 'идя вверх, начинать находиться выше на чем-либо' — *взойти* = 'идя вверх, начать находиться выше на чем-либо'.

Выходить = 'идя, начинать находиться вне чего-либо' — *выйти* = 'идя, начать находиться вне чего-либо'.

Заходить (*за угол*) = 'идя, начинать находиться за чем-либо' — *зайти* = 'идя, начать находиться за чем-либо'.

Отходить = 'идя, начинать находиться дальше от чего-либо' — *отойти* = 'идя, начать находиться дальше от чего-либо'.

Подходить = 'идя, начинать быть близко к чему-либо' — *подойти* = 'идя, начать быть близко к чему-либо'.

Расходиться = 'идя в разные стороны, переставать находиться в одном месте (о многих)' — *разойтись* = 'идя в разные стороны, перестать находиться в одном месте (о многих)'.

Сходить = 'идя вниз, начинать находиться ниже или переставать находиться на чем-либо' — *сойти* = 'идя вниз, начать находиться ниже или перестать находиться на чем-либо'.

Особого упоминания заслуживает пара *проходить* (*мимо чего-либо*) — *пройти*. Хотя соотношение между формами НСВ и СВ в этой паре является стандартным, это не очевидно на первый взгляд вследствие особого характера толкований.

Он проходит мимо дома = 'Он находился на некотором расстоянии от дома, приблизился к нему, в какой-то момент находился близко от дома, а затем начинает удаляться от него, причем ближайший к дому отрезок его пути идет вдоль дома' — *Он прошел мимо дома* = 'Он находился на некотором расстоянии от дома, приблизился к нему, в какой-то момент находился близко к дому, а затем начал удаляться от дома, причем ближайший к дому отрезок его пути идет вдоль дома'.

Многие приставочные глаголы перемещения толкуются единообразно. При переходе от одного глагола к другому меняется только указание на способ перемещения ('идя', 'летя', 'плывя', 'ползя' и т. д.) и на пространственную ориентацию, связанную со значением приставки. Поэтому приводить толкование остальных глаголов перемещения мы не будем.

5) Каузативные "нецеленаправленные" глаголы. Каузативы такого типа представлены, например, во фразе *Таблетка, растворяясь, окрашивает* (*окрасила*) *воду в синий цвет* (не путать с "целенаправленными", "волевыми" каузативами; ср. *Маляр окрашивает* (*окрасил*) *стену в синий цвет*).

В этом случае фразы с разными видовыми формами означают:

'Растворение таблетки является причиной того, что вода окрашивается в синий цвет' — 'Растворение таблетки было причиной того, что вода окрасилась в синий цвет'. В этом случае различие между формами *окрашивать — окрасить* сводится к различию между формами *окрашиваться — окраситься* ('начинать иметь цвет' — 'начать иметь цвет').

Рассмотрим еще несколько подобных примеров.

Слезы увлажняют щеки = 'То, что слезы текут по щекам, — причина того, что щеки начинают быть влажными' — *Слезы увлажнили щеки* — 'То, что слезы текли по щекам, — причина того, что щеки начали быть влажными'.

Крем смягчает кожу = 'Крем является причиной того, что кожа смягчается' ('начинает быть мягче') — *Крем смягчил кожу* = 'То, что крем находится на коже, было причиной того, что кожа смягчилась' ('начала быть мягче').

Лекарство успокаивает больного = 'Воздействие принятого лекарства является причиной того, что больной успокаивается' ('начинает быть спокойным') — *Лекарство успокоило больного* = 'Воздействие принятого лекарства было причиной того, что больной успокоился' ('начал быть спокойным').

Рассмотренные примеры показывают, то формы НСВ и СВ у этих глаголов различаются только элементами 'начинаться' — 'начаться'. Таким образом, нецеленаправленные каузативы обозначают, в сущности, те же процессы (изменение состояния), что и некаузативные глаголы. Субъект при этих глаголах указывает не деятеля, а служит сокращенным обозначением ситуации, являющейся причиной изменения состояния: *слезы* = то, что слезы текут по щекам; *крем* = присутствие крема на коже и т. д.

Подтип Б

Перейдем к описанию видового противопоставления в группе каузативов, обозначающих целенаправленное действие, — предельных либо употребленных в предельном значении (если предел задан объектом действия). Целенаправленные каузативы обозначают действие, субъект которого — каузатор этого действия — является активным деятелем. Ср.: *Маляры окрасили стены в голубой цвет; Мать заквасила капусту; Сапожник размягчил кожу.* Видовые значения у "нецеленаправленных" (не "волевых") и "целенаправленных" ("волевых") каузативов выглядят по-разному, и это различие является дополнительным аргументом в пользу гипотезы о двух разных лексических значениях таких глаголов [Апресян 1974: 129, 208].

Представим толкование целенаправленных каузативов в полной форме. Истолкуем для этого видовую пару *делать — сделать*, которая в русском языке имеет наиболее общее каузативное значение и может

быть ситуативно отнесена к действию, обозначаемому любым каузативным глаголом; ср.: *Что ты делаешь? — Пишу письмо, Рублю дрова, Одеваюсь; Что ты сделал? — Написал письмо, Нарубил дров, Оделся.*

X делает P = 'X действует определенным образом так, что начинает существовать P' = '(1) В какой-то момент наблюдения P не существовало, (2) X действует определенным образом так, что в результате действия в какой-то последующий момент существует часть P или существенные признаки P, (3) в каждый последующий момент существует большая часть P или больше существенных признаков P, чем в каждый предшествующий момент, (4) если процесс (3) не прекратится до некоторого момента, то в это момент начнет существовать P (целиком)'.

X сделал P = '(1) В какой-то момент наблюдения P не существовало, (2) X начал действовать определенным образом и действовал так, что в результате действия в какой-то последующий момент существовала часть P или существенные признаки P, (3) в каждый последующий момент существовала большая часть P или больше существенных признаков P, чем в каждый предшествующий момент, (4) X кончил действовать в момент, когда начало существовать P (целиком)'.

Мы видим, что значительная часть толкования формы НСВ — за исключением импликации — входит в толкование формы СВ (т. е. их значения пересекаются). Импликация не нужна для толкования глагола СВ, потому что неопределенность, содержащаяся в ней, снимается последующей частью толкования глагола СВ — 'P начал существовать'.

Если бы импликация не входила в толкование глагола НСВ, то мы могли бы пользоваться этим глаголом для толкования СВ. Чтобы не воспроизводить каждый раз громоздкую часть толкования глагола НСВ, остающуюся после вычета импликации, введем фиктивные глаголы 'делать$_2$', 'писать$_2$', 'рубить$_2$', 'одеваться$_2$' и т.д., являющиеся сокращенными обозначениями нужной нам части толкования. Эти фиктивные единицы являются, по существу, непредельными глаголами (т. к. идея предельности выражена импликацией), воплощающими собственно лексическое значение пары. В ряде случаев им соответствуют реально существующие непредельные (так называемые абсолютивные) употребления глаголов: *Он читает, Он пишет, Она шьет* (*вяжет*), *Он ест* (*пьет*).

Таким образом, толкование *сделать* в сокращенной форме будет выглядеть следующим образом:

X сделал P = 'X начал делать$_2$ P, делал$_2$ и кончил делать$_2$ P в момент, когда P существует (целиком)'.

Рассмотрим еще некоторые пары.

Очевидно, что компонент 'действовать определенным образом' в полном толковании каждого конкретного глагола должен заменяться

подробным описанием данного типа действия. Мы, однако, этим вопросом не занимаемся, т. к. он целиком относится к ведению лексической, а не грамматической семантики. Лишь в некоторых случаях для большей наглядности мы указываем в скобках название конкретного типа действия.

В примерах, приводимых ниже, мы ограничиваемся более краткой формой толкования, чем у пары *делать — сделать*, полагая, что произвести все необходимые подстановки, исходя из полных толкований *делать — сделать*, не составит труда.

Вбивать — вбить. Он вбивает гвоздь в доску — 'Он действует определенным образом (ударяет по гвоздю) так, что в результате этого действия гвоздь начинает находиться в доске'. *Он вбил гвоздь в доску* = 'Он начал вбивать$_2$ гвоздь в доску, вбивал$_2$ его и кончил вбивать$_2$ в момент, когда гвоздь начал находиться в доске'.

Втаскивать — втащить. Он втаскивает шкаф в комнату = 'Он действует определенным образом (перемещает шкаф) так, что в результате этого действия шкаф начинает находиться в комнате'. *Он втащил шкаф в комнату* = 'Он начал втаскивать$_2$ шкаф в комнату, втаскивал$_2$ его и кончил втаскивать$_2$ в момент, когда шкаф начал находиться в комнате'.

Погружать — погрузить. Ребенок погружает куклу в воду = 'Ребенок действует определенным образом так, что в результате этого действия кукла начинает находиться в воде'. *Он погрузил куклу в воду* = 'Он начал погружать$_2$ куклу в воду, погружал$_2$ ее и кончил погружать$_2$ в момент, когда кукла начала находиться в воде'.

Читать — прочитать. Он читает книгу = 'Он действует определенным образом (воспринимает зрением или осязанием написанное) так, что в результате этого действия содержащаяся в книге информация начинает быть воспринятой'. *Он прочитал* (*прочел*) *книгу* = 'Он начал читать$_2$ книгу, читал$_2$ ее и кончил читать$_2$ в момент, когда содержащаяся в книге информация начала быть воспринятой'.

Шить — сшить. Она шьет платье = 'Она действует определенным образом (соединяет с помощью швейных принадлежностей куски ткани) так, что в результате этого действия начинает существовать платье'[15]. *Она сшила платье* = 'Она начала шить$_2$ платье, шила$_2$ его и кончила шить$_2$ в момент, когда платье начало существовать'.

[15] Стилистические шероховатости ('Платье начинает существовать') являются обычными в эксплицитных толкованиях (ср. в словаре С. И. Ожегова *создать* = 'сделать существующим'). Мы могли бы заменить стилистически шероховатое толкование более гладким 'получается платье'. Если бы мы на этом остановились, семантический инвариант видового значения не был бы вскрыт, а дальнейшая экспликация этого выражения неминуемо привела бы нас к тому же самому 'начинает существовать'.

Писать — написать. Ребенок пишет букву палочкой на песке = 'Ребенок действует определенным образом (передвигает палочку по песку) так, что в результате этого действия на песке начинает существовать буква'. *Ребенок написал букву палочкой на песке* — 'Ребенок начал писать$_2$ букву, писал$_2$ ее и кончил писать$_2$ в момент, когда она начала существовать'.

Строить — построить. Он строит дом = 'Он действует таким образом, что начинает существовать дом'. *Он построил дом* = 'Он начал строить$_2$ дом, строил$_2$ его и кончил строить$_2$ в момент, когда дом начал существовать'.

Надевать — надеть. Он надевает пальто = 'Он действует определенным образом так, что в результате этого действия он начинает иметь на себе пальто'. *Он надел пальто* = 'Он начал надевать$_2$ пальто, надевал$_2$ его и кончил надевать$_2$ в момент, когда он начал иметь пальто на себе'.

Может быть, предложенное нами толкование нуждается в некотором расширении? Разберем несколько примеров. Глагол *убрать* во фразе *Он сел обедать только после того, как убрал со стола книги* может значить не только 'начал убирать$_2$ и кончил убирать$_2$', но и просто 'кончил убирать$_2$'. Особенно заметно это второе значение в форме будущего времени: *Вот подмету комнату и пойду на работу.* Помимо значения 'начну... и кончу подметать$_2$', эта фраза может означать и просто 'кончу подметать$_2$', т. к. она может быть употреблена не только в ситуации, когда действие еще не началось, но и в ситуации, когда оно находится в процессе выполнения; ср. об этом в [Karcevskij 1927; Виноградов 1947: 569; Булыгина 1982: 74]. В данном случае мы имеем дело с прагматической редукцией толкования и не видим необходимости строить для подобных ситуаций специальное толкование.

Как видим, предельные целенаправленные каузативы СВ включают в свое толкование не только указание на достигнутый результат и предшествующий ему процесс постепенного накопления этого результата, но и указание на начало процесса. Таким образом, глаголы подтипа Б имеют то толкование формы СВ, которое близко к предлагавшемуся Размусеном: 'начать действовать, действовать и кончить действовать'.

Заканчивая обзор первого типа видового противопоставления в целом, отметим, что рассмотренные выше примеры не дают достаточного представления о его объеме. К первому типу видового противопоставления относится большинство видовых пар. Дать полный перечень таких пар в рамках данной работы не представляется возможным. Поэтому мы ограничимся немногими дополнительными примерами, которые приводятся без комментариев и иллюстраций: *возвращать(ся) — возвратить(ся), вставать — встать, забывать — забыть, загораживать — загородить, исполнять — исполнить (пьесу Шопена),*

изготавливать — изготовить, ложиться — лечь, наклонять — наклонить, обрабатывать — обработать, окружать — окружить, окутывать — окутать, опрокидывать — опрокинуть, опускать(ся) — опустить(ся), осматривать — осмотреть, останавливать(ся) — остановить(ся), отделять(ся) — отделить(ся), открывать(ся) — открыть(ся), откусывать — откусить, отламывать — отломить, перевозить — перевезти, переворачивать — перевернуть, передвигать — передвинуть, переезжать — переехать, переходить — перейти, переодевать(ся) — переодеть(ся), перечитывать — перечитать, переворачивать(ся) — перевернуть(ся), подбирать — подобрать, поднимать(ся) — поднять(ся), подтягивать(ся) — подтянуть(ся), появляться — появиться (о пятне), приближаться — приблизиться, прикреплять — прикрепить, приобретать (окраску) — приобрести, раздавать — раздать, разреза́ть — разре́зать, раскрывать(ся) — раскрыть(ся), рассказывать — рассказать, расспрашивать — расспросить, рассчитывать (конструкцию) — рассчитать, садиться — сесть, свертывать(ся) — свернуть(ся), связывать(ся) — связать(ся), снижать — снизить (скорость), собирать(ся) — собрать(ся), соединять(ся) — соединить(ся).

3.2. Второй тип: 'становиться' — 'стать'.

Ко второму типу относятся непредельные глаголы, которые в обеих видовых формах в равной мере обозначают результативный процесс. У непредельных глаголов формы СВ и НСВ не могут быть противопоставлены друг другу, как у предельных. Они не подставляются в контексты типа *решал и наконец решил:* ср. невозможность **Цены повышались, повышались и наконец повысились.* Класс этих глаголов уже упоминался в главе "Принципы изучения..." (раздел 1.1.1) при обсуждении предельности как признака СВ. Напомним сочетаемостные тесты, позволяющие провести границу между предельными и непредельными глаголами. Во-первых, непредельные глаголы в форме СВ, в отличие от предельных, не сочетаются с наречиями полной степени признака типа *совсем, совершенно, абсолютно* (**совсем повысился, *совершенно удлинился, *абсолютно увеличился*). Во-вторых, СВ этих глаголов, в отличие от предельных, обозначает действие, которое может быть продолжено: *Он расширил свои владения и продолжает их расширять.*

Основными семантическим компонентами, на которых построено различие форм НСВ и СВ в этом типе, являются компоненты 'становиться' — 'стать'. Напомним содержание этих понятий.

'X стал P' = 'В какой-то момент наблюдения X имеет некоторое значение признака P, в один из последующих моментов X имеет большее или меньшее значение признака P' (см. сноску 10 на с. 88).

'X становится P' = '(1) В какой-то момент наблюдения X имеет некоторое значение признака P, (2) в каждый последующий момент X

имеет большее или меньшее значение признака Р, чем в каждый предшествующий'. 'Становиться', как видим, не содержит в себе импликации, в отличие от 'начинаться', что связано с непредельным характером глаголов, в состав которых входит это понятие.

Компонент 'признак Р' может относиться к различным параметрам объектов — размеру (ширина, длина, высота, толщина и т. п.), качеству (плохое, хорошее), расстоянию (далекое, близкое), интенсивности, силе, скорости, давлению и т. п., причем названия параметров могут выступать как в прямом, так и в переносном значении.

Начнем с наиболее простых — некаузативных глаголов, обозначающих процессы, и рассмотрим несколько полных толкований видовых пар.

Улучшаться — улучшиться. Результаты спортсмена (раз от разу) улучшаются = 'В какой-то момент наблюдения результаты спортсмена характеризуются каким-то качеством, в каждый последующий момент наблюдения[16] результаты спортсмена лучше, чем в каждый предшествующий момент'. *Результаты спортсмена улучшились* = 'В какой-то момент наблюдения результаты спортсмена характеризуются каким-то качеством, в один из последующих моментов результаты спортсмена лучше, чем в этот предшествующий момент'.

Ухудшаться = ухудшиться. Эта пара толкуется аналогично предшествующей (антонимичной), с той разницей, что 'лучше' заменяется на 'хуже'.

Удаляться — удалиться. Поезд удаляется от нас = 'В какой-то момент наблюдения поезд находится на некотором расстоянии от нас, в каждый последующий момент поезд находится дальше от нас, чем в каждый предшествующий'. *Поезд удалился от нас* = 'В какой-то момент наблюдения поезд находился на некотором расстоянии от нас, в один из последующих моментов поезд находился от нас дальше, чем в этот предшествующий момент'.

Приближаться — приблизиться. Эта пара тоже толкуется аналогично предшествующей, с той разницей, что элемент 'дальше' заменяется элементом 'ближе'.

Приведем еще несколько примеров подобных глаголов, но без подробных толкований.

Падать (о температуре, ценах и т. п.) = 'становиться ниже (меньше)' — *упасть* = 'стать ниже (меньше)'.

Повышаться = 'становиться выше (больше)' — *повыситься* = 'стать выше (больше)'.

---

[16] Напомним, что речь идет о моменте наблюдения, специфическом для каждой ситуации. В данном случае между моментами наблюдения может пролегать значительный временной интервал — день, неделя, месяц, год и т. п. — типичные промежутки между тренировками, соревнованиями и т. д.

Понижаться = 'становиться ниже (меньше)' — *понизиться* = 'стать ниже (меньше)'.

Подскакивать (*У ребенка подскакивает температура*) = 'скачком становиться выше' — *подскочить* = 'скачком стать выше'.

Продвигаться (*Войска с боями продвигаются на запад*) = 'становиться ближе к какой-то находящейся впереди точке, с трудом перемещаясь' — *продвинуться* = 'стать ближе к какой-то находящейся впереди точке, с трудом перемещаясь'.

Разбухать (*Зерна разбухают*) = 'становиться больше в объеме за счет увеличения содержания каких-то веществ в тканях' — *разбухнуть* = 'стать больше в объеме за счет увеличения содержания каких-то веществ в тканях'.

Раздуваться (*Шар раздувается*) — 'становиться больше в объеме за счет увеличения объема вещества, находящегося внутри' — *раздуться* = 'стать больше в объеме за счет увеличения объема вещества, находящего внутри'.

Расти (*Цены растут*) = 'становиться выше' — *вырасти* = 'стать выше'.

Расширяться = 'становиться шире' — *расшириться* = 'стать шире'.

Сокращаться = 'становиться меньше' — *сократиться* = 'стать меньше'.

Сужаться = 'становиться уже' — *сузиться* = 'стать уже'.

Толстеть = 'становиться толще' — *потолстеть* = 'стать толще'.

Увеличиваться = 'становиться больше' — *увеличиться* = 'стать больше'.

Удлиняться = 'становиться длиннее' — *удлиниться* = 'стать длиннее'.

Уменьшаться = 'становиться меньше' — *уменьшиться* = 'стать меньше'.

Утолщаться = 'становиться толще' — *утолститься* = 'стать толще'.

Толкование глаголов НСВ в этой подгруппе полностью включает в себя толкование глагола СВ. Это вполне отвечает интуитивному представлению о таких "непредельных" процессах. Глагол СВ сам по себе в данном случает выделяет только два момента, во второй из которых признак имеет большее или меньшее значение, чем в предшествующий первый. Между тем глагол НСВ описывает целую последовательность моментов, каждая пара которых характеризуется именно таким соотношением.

Перейдем к группе каузативных глаголов: *увеличивать — увеличить, уменьшать — уменьшить, удалять — удалить, приближать — приблизить, улучшать — улучшить, ухудшать — ухудшить, повышать — повысить, понижать — понизить, расширять — расширить, сужать — сузить, поднимать* (*цены*) — *поднять* и т. п.

Хотя целенаправленные и нецеленаправленные каузативы толкуются и в этом случае по-разному, видовое соотношение у них одинаково. Рассмотрим, например, пару *увеличивать — увеличить*. Если этот глагол обозначает целенаправленное действие (*Строители увеличивают / увеличили высоту городской стены*), то толкование имеет следующий вид:

X увеличивает A = 'X действует по отношению к A определенным образом так, что в результате этого действия A становится больше'. *X увеличил A* = 'X действовал по отношению к A определенным образом так, что в результате этого действия A стал больше'[17].

Если же этот глагол обозначает нецеленаправленное действие (точнее, процесс), например, *Распространение ядерного оружия увеличивает опасность войны*, он толкуется иначе:

X увеличивает A = 'X является причиной того, что A становится больше'. *X увеличил A* = 'X был причиной того, что A стал больше'.

В обоих случаях видовое различие сводится к различию элементов 'становиться' — 'стать'.

Таким образом, весь второй тип видового противопоставления характеризуется единым соотношением для всех видовых пар, а именно, противопоставлением элементов 'становиться' — 'стать', из которых первый полностью включает в себя второй.

Глаголы НСВ второго типа, как и многие глаголы первого типа, обозначают постепенное нарастание или убывание какого-то признака. Отличие состоит в том, что этот признак даже в перспективе не является абсолютным, он всегда выражается сравнительной степенью. Поэтому во втором типе даже глаголы СВ — и в этом состоит их отличие от глаголов СВ первого типа — не обозначают начала существования абсолютного признака (т. е. предела процесса). Они обозначают лишь начало существования большей или меньшей степени признака.

3.3. Третий тип: 'действовать с целью' — 'цель реализована'.

К третьему типу относятся предельные глаголы со значением целенаправленного действия. Это, в основном, каузативные глаголы типа *добиваться — добиться, доказывать — доказать, ловить — поймать, решать — решить, склонить — склонять* и т. п. Сюда же входят и некоторые некаузативные глаголы — *выслеживать — выследить, дожидаться — дождаться, осмыслять — осмыслить, отгадывать — отга-*

[17] Как видим, в толковании СВ присутствует компонент 'действовал', содержащий видовую семантику НСВ: 'Действие X-а существовало в каждый из ряда последовательных моментов'. Очевидно, несколько моментов времени, выделяемых в 'действовать', редуцируются в два момента времени, выделяемых в 'стать'.

дать, отыскивать — отыскать и ряд других. В большинстве своем — это интенсиональные глаголы.

В данном типе глаголы НСВ толкуются как 'действовать определенным образом с целью, чтобы в результате этого действия начала существовать ситуация Р'.

Глаголы СВ являются семантически более сложными. Их толкование целиком включает в себя толкование соответствующих глаголов НСВ: 'действовать определенным образом с целью, чтобы в результате этого действия начала существовать ситуация Р, в результате действия ситуация Р начала существовать'[18].

Можно отметить сходство данного типа с глаголами подтипа Б в первом типе (*втаскивать — втащить, писать письмо — написать письмо, читать лекцию — прочитать лекцию*). И в том, и в другом случае речь идет о целенаправленном действии, способном к достижению предела. Ю. С. Маслов, например, объединяет все такие глаголы в один тип, хотя внутри типа они распределяются в несколько разных подтипов.

Отличие третьего типа от первого состоит в том, что глаголы первого типа обозначают накопление результата, в связи с чем в их толкование включается импликация ('если накопление результата не прекратится, то...'). Таким образом, в первом типе идея предела содержится в импликации. Что касается глаголов НСВ третьего типа, то они обозначают действие, о котором неизвестно, достигает ли оно в каждый момент своего протекания частичного результата или нет. Поэтому идея предела в этих глаголах выражается исключительно указанием на цель действия.

Представим толкования некоторых пар.

Доказывать — доказать. Он доказывает нам свою правоту = 'Он действует определенным образом (сообщает нам некоторые факты или умозаключения) с целью, чтобы в результате этого действия для нас начала быть очевидной его правота'. *Он доказал нам свою правоту* = 'Он действовал определенным образом (сообщал нам некоторые факты или умозаключения) с целью, чтобы в результате этого действия для нас начала быть очевидной его правота; в результате этого действия для нас начала быть очевидной его правота' = 'Он доказывал нам свою правоту; его правота начала быть очевидной для нас'.

Заставлять — заставить. Он заставил ее уйти = 'Он действовал по отношению к ней определенным образом с целью, чтобы в результате этого действия она вопреки своей воле ушла'. *Он заставил ее уйти* = 'Он действовал по отношению к ней определенным образом с целью,

[18] Данное в настоящей работе толкование этого класса глаголов опирается на толкования пар *решать — решить* и *догонять — догнать* в [Апресян 1980б; 1995: 59-60]. Там же высказано мнение, что первая часть толкования СВ для таких глаголов, как *решать, доказывать, дожидаться*, имеет статус пресуппозиции.

чтобы в результате этого действия она вопреки своей воле ушла; в результате этого действия она ушла' = 'Он заставлял ее уйти, в результате этого она ушла'.

Ловить — поймать. Он ловит бабочку сачком = 'Он действует определенным образом (производит движения сачком) с целью начать иметь бабочку в сачке в результате этого действия'. *Он поймал бабочку сачком* = 'Он действовал определенным образом (производил движения сачком) с целью начать иметь бабочку в сачке в результате этого действия; он начал иметь бабочку в сачке в результате этого действия' = 'Он ловил бабочку; он начал иметь бабочку в сачке в результате этого действия'.

Будить — разбудить. Он будит сестру = 'Он действует определенным образом по отношению к сестре с целью, чтобы она перестала спать'. *Он разбудил сестру* = 'Он действовал определенным образом по отношению к сестре с целью, чтобы она перестала спать; она перестала спать в результате этого действия'.

Взвешивать — взвесить. Он взвешивает аргументы за и против = 'Он обрабатывает разумом аргументы за и против с целью определить их относительную важность'. *Он взвесил аргументы за и против* = 'Он обработал разумом аргументы за и против с целью определить их относительную важность, в результате этого он определи их относительную важность'.

Отдыхать — отдохнуть. Она отдыхает после тренировки = 'Она действует определенным образом (в частности, бездействует) с целью восстановить силы'. *Она отдохнула после тренировки* = 'Она действовала определенным образом с целью восстановить силы; в результате этого действия она восстановила силы'.

Внешне толкования всех глаголов СВ в данном типе выглядят одинаково: первая часть толкования целиком повторяет толкование соответствующего глагола НСВ, а вторая часть состоит в указании на то, что цель действия реализована. Между тем, логический статус этих двух частей толкования у разных глаголов неодинаков.

По логическому статусу первой части толкования все глаголы можно разбить на два подтипа — А и Б.

В подтипе А первая часть толкования имеет статус пресуппозиции, а вторая — ассерции. Во фразах *Он не добился разрешения на застройку участка, Он не дождался меня, Он не поймал бабочку, Он не доказал нам свою правоту* не отрицается, что он добивался разрешения, дожидался меня, ловил бабочку, доказывал свою правоту. Отрицается лишь то, что цель действия была достигнута.

В подтипе Б все толкование целиком представляет собой ассерцию. Действительно, высказывание *Он не разбудил меня* вполне естественно в ситуации, когда не только цель не была достигнута, но и само действие не было предпринято.

Граница между этими подтипами очень зыбкая. Вряд ли можно назвать канонические примеры каждого из них, т.е. глаголы, которые под отрицанием можно было бы всегда понять в одном и том же смысле. Например, такие контексты, как "Почему вы не...?" или "Напрасно вы не ..." разрушают пресуппозиционный статус первой части толкования СВ даже у глаголов подтипа А. Так, вопросы *Почему он не добился разрешения на застройку участка?, Почему он не дождался меня?* вполне уместны в ситуации, когда он вообще не добивался разрешения, не дожидался меня и т.д. Однако различие между этими двумя подтипами, хотя и не всегда рельефно, тем не менее, достаточно ощутимо, чтобы оправдать их раздельную подачу.

Подтип А

В этому подтипу относятся глаголы, которые мы для удобства изложения разобьем на несколько групп. Они могут обозначать:

1) Воздействие на чужую волю, например, *выбивать — выбить* (*дурь из головы*), *выбивать — выбить* (*гвозди у завхоза*), *всучивать — всучить, выпытывать — выпытать, добиваться — добиться, зазывать — зазвать, отговаривать — отговорить, подбивать — подбить* (*вступить в драку*), *подговаривать — подговорить, принуждать — принудить, склонять — склонить, соблазнять — соблазнить, провоцировать — спровоцировать, уговаривать — уговорить, умолять — умолить, упрашивать — упросить.*

2) Воздействие на чужое сознание, например, *вдалбливать — вдолбить* ('объяснять плохо понимающему'), *вколачивать — вколотить* ('объяснять, применяя принудительные меры воздействия'), *внушать — внушить, втираться* (*в доверие*) *— втереться, втолковывать — втолковать, доказывать* (*правоту*) *— доказать, обманывать* ('говорить неправду с целью ввести в заблуждение') *— обмануть, убеждать — убедить, уверять — уверить.*

3) Воздействие на чужое состояние, например, *задабривать — задобрить, запугивать — запугать, успокаивать — успокоить.*

4) Целенаправленное интеллектуальное действие, например, *доказывать* (*теорему*) *— доказать, отгадывать — отгадать, решать* (*задачу*) *— решить, разгадывать — разгадать, сдавать* (*экзамен*) *— сдать.*

5) Попытку войти в контакт различного рода, например, *дожидаться — дождаться, искать — найти*[19], *ловить — поймать, отыскивать — отыскать, поступать* (*в институт*) *— поступить.*

---

[19] Глагол *искать* считается обычно непарным, поскольку есть морфологически производная пара *найти — находить* и при переводе текста в план настоящего исторического именно *находить* способен заменить СВ. Однако глагол *находить* не имеет актуально-длительного значения, в отличие от *искать*, по-

Подтип Б

К этому типу относятся примерно такие же лексические группы глаголов, что и к подтипу А. Они обозначают:

1) Воздействие на чужую волю, например, *заставлять — заставить, настаивать — настоять (на своем), обращать (в мусульманство) — обратить.*

2) Воздействие на чужое сознание, например, *объяснять — объяснить, растолковывать — растолковать.*

3) Воздействие на чужое состояние, например, *будить — разбудить, подбадривать — подбодрить, приохочивать — приохотить, успокаивать — успокоить, усыплять — усыпить, утешать — утешить.*

4) Целенаправленное интеллектуальное действие, например, *взвешивать — взвесить (аргументы), выбирать — выбрать, выяснять — выяснить, изучать — изучить, обдумывать — обдумать, осмыслять — осмыслить, придумывать (загадку) — придумать, разузнавать — разузнать, узнавать — узнать.*

5) Действия, которые трудно объединить в общий класс: *беречь — уберечь*[20] *(Это сокровище бережет / уберег верный слуга), возбуждать (дело) — возбудить, выбиваться (в люди) — выбиться, выводить (пятно) — вывести, выслеживать — выследить, выслуживаться — выслужиться, защищать — защитить, менять (квартиру) — обменять, основывать (общество) — основать, отдыхать — отдохнуть, прятать — спрятать, предотвращать — предотвратить, приспосабливать — приспособить, разыскивать — разыскать.*

этому можно говорить о тройке *искать — найти — находить*. Ю. С. Маслов считает, что необходимо принципиально отделять пару *ловить — поймать* "от непарного глагола несовершенного вида *искать*, который ни при каких обстоятельствах не может иметь значения *найти*, почему и был назван глаголом "безуспешной попытки"" [Маслов 1948: 313]. Последнее различие *искать* и *ловить* касается скорее их общефактического, узуального, многократного значений. Нам удалось обнаружить результативное употребление глагола *искать* в потенциальном значении, где он обозначает умение именно найти; ср. *Эта собака хорошо ищет наркотики.* Что же касается главных видовых значений, то соотношение у *искать — найти* точно такое же, как у *ловить — поймать*. Поэтому мы включаем их как пару в данный тип.

[20] МАС и БАС дают форму *уберегать*, но даже в БАС, где словарная статья помещается в форме НСВ, не дается ни одного примера на *уберегать*, что подтверждает восприятие этого глагола как устаревшего. По-видимому, в современном русском языке сложилась новая пара *беречь — уберечь*.

3.4. Четвертый тип: 'быть в состоянии' — 'начать быть в состоянии и быть в нем'*

Четвертый тип можно считать аспектуально более периферийным, чем первые три. В ряде случаев он сближается с начинательным и ограничительным способами действия (СД), хотя и не совпадает с ними полностью. К этому типу относятся статальные глаголы (в том числе некоторые стативы по Вендлеру), т. е. глаголы, обозначающие состояния в широком смысле, включая волевые, эмоциональные и интеллектуальные состояния, глаголы местонахождения и положения в пространстве; немногие глаголы со значением физического действия (в частности, контактно-двигательные); перцептивные глаголы.

Четвертый тип представлен двумя основными подтипами — А (близким к начинательному СД) и Б (близким к ограничительному СД). Примеры глаголов подтипа А: *возглавлять — возглавить, воображать — вообразить, обижаться — обидеться, обнимать — обнять* и т. д. Примеры глаголов подтипа Б: *трогать — тронуть, пытаться — попытаться, наслаждаться — насладиться* и т. д. Эти примеры показывают, что в значение СВ глаголов подтипа Б входит указание на прекращение определенного состояния или действия, отсутствующее в значении СВ глаголов подтипа А. Общими для СВ обоих подтипов являются компоненты 'начать быть в состоянии и быть в нем', которые и позволяют объединить их в один тип.

Для всего четвертого типа характерна некоторая расплывчатость — и в отношении лексической, и в отношении аспектуальной семантики. В частности, не всегда отчетливы границы между лексико-семантическими группами со значением 'состояние', 'свойство', 'действие', поэтому иногда отнесение глагола к той или иной группе условно.

Отсутствие конкретной семантики затрудняет и аспектуальный анализ глаголов этого типа: ср. так называемые интерпретационные глаголы (о значении формы НАСТ НСВ таких глаголов см. [Гловинская 1989: 113-114], а также ниже, раздел "Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм..."; см. также Апресян 1997: XX); ср., например, *показывать — показать* (*Он показывает / показал себя молодцом*); *пользоваться — воспользоваться* (*Он пользуется / воспользовался ее неопытностью*); *пренебрегать — пренебречь* (*Он пренебрегает / пренебрег нами*); *обижать — обидеть* (*Вы обижаете /обидели меня*).

Эти глаголы называют не конкретное действие субъекта, а интерпретацию какого-то действия или действий, их оценку как типа поведения. И форма НСВ, и форма СВ в этом случае может относиться и к уже совершенному действию, и к длящейся в момент речи (наблюдения) ситуации. Проиллюстрирую каждый случай. Кто-то отказался

* Этот раздел дополнен на основе статьи [Гловинская 1999].

от приглашения. В ответ приглашающий может сказать: *Вы обижаете меня* и *Вы обидели меня*. НСВ НАСТ будет использован в случае, когда отказ еще не воспринят как окончательный, когда еще могут продолжаться уговоры, и само это высказывание – аргумент в уговорах. СВ ПРОШ рассматривает отказ как окончательный, принятый к сведению и уже вызвавший обиду у говорящего.

Рассмотрим другой пример — пару *пользоваться — воспользоваться*. О ситуации, когда молодой девушке платят слишком мало денег за работу, можно сказать и *пользуются*, и *воспользовались ее неопытностью*. Обе формы будут указывать на интерпретацию длящейся в момент речи ситуации, но форма СВ *воспользовались* будет содержать дополнительный акциональный компонент — указание на какое-то прошлое действие, которое послужило началом этой длящейся ситуации, например, оформление на работу, распоряжение о зарплате и т. д.

Еще большую трудность для анализа представляют переносные, метафорические употребления глаголов. Ср., например, *ослеплять — ослепить* (*Красота хозяйки ослепляет / ослепила гостей*); *покорять — покорить* (*Искренность игры пианиста покоряет / покорила слушателей*). Форма НСВ указывает на состояние, в котором находятся гости и слушатели, воспринимая свойства субъекта. Форма СВ и здесь дополнительно содержит намек на акциональный компонент: красота ослепила гостей, игра покорила слушателей — значит, они как-то выразили свои эмоции.

Даже в случае, когда глагол обозначает конкретное физическое действие, например, *обнимать — обнять*, возникают парадоксальные соотношения НСВ и СВ. У пары *обнимать — обнять* есть динамическое и статальное употребления; ср. *Ребенок порывисто обнимает / обнял мать* vs. *На фотографии ребенок обнимает / обнял мать*. Эти два употребления имеют разные статусы в формах НСВ и СВ.

В динамическом употреблении форма НСВ обозначает действие-движение, достигшее результата; ср. фразу *Ребенок порывисто обнимает мать* в настоящем историческом. При этом результатом действия является поза, для названия которой используется тот же глагол, но в статальном употреблении; ср. *На фотографии ребенок обнимает мать*. Это значит, что статальный смысл 'обнимать' является компонентом толкования формы *обнимать* в ее динамическом употреблении. На этом основании динамическое и статальное употребления формы НСВ *обнимать* должны быть признаны двумя разными лексическими значениями.

Иначе обстоит дело в форме СВ. Ее толкование при любом употреблении включает в себя и динамический, и статальный компоненты; ср. *обнял* = 'двигал руки таким образом, что в результате начал обнимать и обнимает'. Наличие динамического компонента в толковании

обнять подтверждается сочетаемостью этой формы с такими обстоятельствами, как *внезапно*, *порывисто*, с одной стороны, и *в этот момент*, с другой. Наличие статального компонента подтверждается сочетаемостью этой формы с обстоятельствами типа *на фотографии*.

При динамическом употреблении формы СВ в фокусе внимания находится движение рук, приводящее к новой позе, и момент ее возникновения. При статальном употреблении СВ в фокусе находится указание на саму позу, а тот факт, что она — результат предшествующего движения, уходит в тень.

Теперь покажем, что и динамический, и статальный компоненты сосуществуют у формы СВ в рамках одного лексического значения. Это становится очевидным при анализе фраз, в состав которых входит отрицание *не* и статальное обстоятельство типа *на фотографии*. В то время как фразы без отрицания нормальны (*Я рассматривал фотографию, на которой ребенок обнял мать и прижался к ней*), подобные фразы с отрицанием неправильны; ср. **На фотографии ее никто не обнял*. Это объясняется тем, что в них возникает конфликт: *не* отрицает и, тем самым, активирует оба компонента — и динамический, и статальный. Между тем, статальное обстоятельство *на фотографии* "гасит" динамический компонент, т. е. лишает его возможности попасть в сферу действия отрицания.

Из сказанного, в частности, следует, что один и тот же глагол СВ входит в пару и с динамической, и со статальной лексемой НСВ. Это само по себе необычно и также свидетельствует об аспектуальной периферийности данного типа.

Подтип А

В этом подтипе формы НСВ имеют значение 'быть в состоянии', 'иметь свойство', 'действовать', а формы СВ — соответственно 'начать быть в состоянии и быть в нем', 'начать иметь свойство и иметь его', 'начать действовать и действовать'. Ниже все пары будут распределены по трем группам в зависимости от того, обозначают ли они состояние, свойство или действие.

Общей особенностью всех пар этого типа является чрезвычайная близость по смыслу глаголов НСВ и СВ, на чем мы подробнее остановимся ниже. Их нельзя противопоставить друг другу, как это было естественно для первого и третьего типов [Маслов 1948: 314].

1) 'Быть в каком-то состоянии' — 'начать быть в каком-то состоянии и быть в нем'. Напомним, что 'состояние' понимается широко, в том числе и как местоположение.

Такое соотношение встречается у некоторых глаголов со значением физического, социального, эмоционального, волевого или интеллектуального состояния или отношения. Примеры:

Беситься — взбеситься (*Он бесится / взбесился от ревности*).

Беспокоиться — обеспокоиться (*Жена беспокоится / обеспокоилась из-за долгого отсутствия мужа*).

Волноваться — взволноваться (*Студенты волнуются / взволновались из-за расширения программы*).

Любить — полюбить[21] (*Я страстно люблю / полюбил ее*).

Ненавидеть — возненавидеть[21] (*С той минуты я ненавижу / возненавидел этого человека*).

Обожествлять — обожествить (*Они обожествляют / обожествили начальника*).

Сердиться — рассердиться (*Он сердится / рассердился на меня*).

Тревожиться — встревожиться (*Она тревожится / встревожилась из-за этих звонков*).

Верить — поверить (*Я верю / поверила его словам*).

Увлекаться — увлечься (*Он сейчас увлекается / увлекся математикой*).

Интересовать(*ся*) *— заинтересовать*(*ся*) (*Меня интересует / заинтересовала история этой семьи, Я интересуюсь / заинтересовался этой проблемой*).

Воображать — вообразить (*Девочка воображает / вообразила о себе бог знает что*).

Выделять — выделить (*Учитель выделяет / выделил в классе этого ученика*).

Понимать — понять (*Он понимает / понял теорию относительности*).

Признавать — признать (*Младший брат бесспорно признает / признал превосходство старшего*).

Возглавлять — возглавить ('быть главой' — 'начать быть главой', ср. *Разин возглавляет / возглавил восстание казаков*).

Эти глаголы имеют разный уровень статальности. Наиболее статальными оказываются обозначения эмоциональных состояний и отношений (*беситься, беспокоиться, волноваться, любить, ненавидеть, обожествлять, сердиться, тревожиться*). К ним примыкает глагол *интересоваться*. Ни в одном из компонентов их толкования нет указания на какую-либо динамическую ситуацию. С этим связана за-

[21] Относительно возможности для глаголов *любить* и *ненавидеть* выражать актуально-длительное значение есть разные точки зрения. В [Булыгина 1982: 38, 43-44, 54] эти глаголы рассматриваются как не имеющие конкретно-процессного значения: невозможно **Три года сряду любил ее, *Два дня сряду ненавидел его*. В [Селиверстова 1982: 139-140] ситуации, описываемые в языке глаголами *любить* и *ненавидеть*, рассматриваются как динамические и тем самым имеющие актуально-длительное значение: *он любил / ненавидел ее все сильнее и сильнее* (*всеми силами души, весь год, в тот момент, раньше* и т. д.). Выше мы уже признавали наличие актуально-длительного значения у этих глаголов в ограниченных контекстах.

трудненность или просто невозможность их употребления, например, в настоящем историческом; ср. **Он приезжает в деревню, любит ее и женится на ней; *Он поступает в университет и интересуется биологией.*

В меньшей мере статальными являются обозначения интеллектуальных состояний типа *увлекаться, воображать, выделять, признавать, понимать* и глагол *возглавлять.* Так, глагол *понимать* в своих разных лексических значениях (*понимать что-либо* и *понимать, что*) содержит указание не только на то, что человек знает нечто, имеет в сознании истинную информацию, но и на причину в о з н и к н о в е н и я этого знания, т. е. и в форме НСВ в каком-то виде содержит идею начала. Этот факт отражен в разных толкованиях *понимать*; см. [Богуславский 1984: 623; Апресян 1995: 414]. У остальных глаголов толкование, по-видимому, представляет собой дизъюнкцию динамического и статального компонентов. При актуально-длительном употреблении реализуется статальный компонент значения этих глаголов (см. выше), а в настоящем историческом и других результативных употреблениях — динамический; ср. *Он приезжает на Урал и возглавляет завод; Он поступает в университет и сразу же увлекается биологией.*

К этому же подтипу, хотя и с дополнительным наращением в значении СВ, относится группа глаголов с регулярной многозначностью типа 'состояние' — 'переход в это состояние' [Апресян 1974: 210; Ленгрен 1974], например, *заваливать — завалить, загромождать — загромоздить, закрывать — закрыть* и т. д. Эти глаголы в обоих видах имеют три лексических значения: 1) каузативное с "целесообразным" деятелем (*Я заваливал / завалил стол книгами*); 2) каузативное с "нецелесообразным" действием (*Мешки постепенно заваливали / завалили вагон*); 3) статальное (*Мы подошли к пещере, но вход в нее заваливали / завалили камни*). Первые два значения являются динамическими; в этих значениях такие глаголы относятся к первому типу видового противопоставления. В статальном же значении те же пары относятся к четвертому типу видового противопоставления с более сложным СВ: 'быть в каком-то состоянии' — 'начать быть в каком-то состоянии как бы в результате соответствующего процесса и быть в нем'. Выше (в разделе 2.1) уже рассматривалась пара *врезáться — врéзаться*, тоже относящаяся к рассматриваемому типу. Воспроизведем нужное нам рассуждение.

У динамического значения глагола *врезаться* НСВ формально включает в себя толкование СВ: *врезáться* (*Лодка врезается в песок*) = 'режа, начинать находиться в чем-либо'; *врéзаться* = 'режа, начать находиться в чем-либо'. В этом случае различие между видовыми формами сводится к различию 'начинать' — 'начать'.

У статального значения тех же глаголов сложнее СВ, т. к. он полностью включает в себя толкование НСВ. Так, *Отмель врезается в море* = 'Отмель имеет удлиненную форму (с сужающимся концом)'. *Отмель врéзалась в море* целиком включает в себя это значение и дополнительно выражает тот смысл, что описываемое положение было достигнуто (начало иметь место) как бы в результате какого-то (природного) процесса. Этим объясняется тот факт, что элемент изобразительности, присущий глаголу *врезаться*, особенно отчетливо ощущается в форме совершенного вида.

Такие видовые пары обращали на себя внимание еще со времен Ф. Буслаева. В формах СВ этих пар усматривалось значение, близкое к перфекту[22]. В. В. Виноградов отмечает также, что "перфектные значения преобладают в формах СВ главным образом при отнесении их к "неодушевленным" предметам" [указ. соч.: 566]. Интересно, что различия, существующие в данном случае в русском языке, не всегда переводимы на другие языки [Томмола 1986: 157].

Это видовое противопоставление присуще, например, следующим глаголам в их статальном значении:

Возноситься — вознестись (*Над городом возносятся / вознеслись главы собора*).

Выбиваться — выбиться (*волосы выбиваются / выбились из-под шапки*).

Загромождать — загромоздить (*Мебель загромождает / загромоздила комнату*).

Заполнять — заполнить (*Вода заполняет / заполнила бочку до краев*).

Нависать — нависнуть (*Скалы нависают / нависли над берегом*).

Покрывать — покрыть (*Поля покрывает / покрыл пушистый снег*).

У ряда пар этой подгруппы было отмечено интересное семантическое различие между формами СВ и НСВ. Речь идет о некоторых глаголах, значение которых включает в себя в обоих видах указание на определенное расположение пространственного объекта, ср. *Дорога поворачивает / повернула около сторожки.* Форма СВ не только описывает расположение пространственного объекта, но содержит, помимо этого, еще указание на перемещавшегося наблюдателя, глазами которого как бы и воспринимается данный факт [Апресян 1980а: 9]. Такое соотношение отмечено автором для пар *поворачивать — повернуть, кончаться — кончиться, начинаться — начаться, доходить — дойти, обрываться — оборваться.* К этому можно добавить пару *изменять — изменить* (*направление*), а также некоторые производные от

[22] См. об этом в [Виноградов 1947: 564-567]. Здесь же В. В. Виноградов цитирует лучшее, по его мнению, определение перфектного значения, данное С. И. Соболевским: "состояние, последовавшее за действием как его результат и существующее в настоящее время" (с. 564).

глаголов *вести* и *идти*: *подводить — подвести, приводить — привести, выводить — вывести* (*Из лесы выводит другая дорога — Эта дорога вывела нас из леса*), *доводить — довести, заводить — завести, обходить — обойти, отходить — отойти, переходить — перейти, подходить — подойти, проходить — пройти.*

Показательно, что формы СВ таких глаголов в некоторых случаях требуют обязательного формального выражения в предложении смысла 'перемещающийся наблюдатель'; ср.: *Эта дорога вывела нас из леса,* но не **Эта дорога вывела из леса* в отличие от формы НСВ *Дорога выводит из леса.*

Рассматриваемое соотношение СВ и НСВ характеризует не все глаголы, обозначающие расположение пространственного объекта. Не имеют его, например, глаголы *опоясывать — опоясать* (*Дорога опоясывает / опоясала холм*), *нависать — нависнуть, вдаваться — вдаться* (*залив глубоко вдается / вдался в берег*).

Оно отсутствует также в случаях, когда глагол НСВ выступает в тех своих значениях, которые квазисинонимичны СВ, например, в настоящем историческом; ср. *Наконец, мы находим тропинку, которая выводит нас к деревне.* Здесь указание на перемещающегося наблюдателя присутствует и в форме НСВ.

Вообще же, наращение смысла 'движение' в форме СВ свойственно и другим перфективным парам. Так, некоторые глаголы со смысловым компонентом 'быть видным', 'находиться в поле зрения', т.е. включающие в свое лексическое значение представление о наблюдателе, в форме СВ обозначают расположение пространственного объекта, который возник перед глазами наблюдателя в ходе его перемещения: *открываться — открыться* (*С берега открывается / открылся замечательный вид*), *подниматься — подняться, возноситься — вознестись* (*Впереди поднимаются / поднялись <возносятся / вознеслись> зубчатые стены замка*).

Для глаголов с противоположным значением 'препятствовать быть видным', включающих в лексическое значение представление об объекте, преграде и наблюдателе, наращение смысла 'движение' в форме СВ может относиться к любой из этих составляющих [Апресян 1974: 160-161]. Ср. *Автобус загородил мотоциклиста:* двигался либо мотоциклист (объект), либо автобус (преграда), либо сам наблюдатель. Ср. еще *загораживать — загородить* (*Ширма загораживает / загородила диван*), где также возможно перемещение любого из элементов ситуации. Однако чаще движение связывается с преградой, ср.

Закрывать — закрыть (*Крышка плотно закрывает / закрыла банку*).

Заслонять — заслонить (*Высокий дом заслоняет / заслонил вид из окна*).

Застилать — застлать (*Тучи застилают / застлали небо*).

Для этих случаев также имеет силу оговорка о том, что данное наращение смысла возможно и у форм НСВ в его "результативном" значении.

2) 'Иметь свойство', 'существовать' — 'начать иметь свойство и иметь его', 'начать существовать и существовать'.

К этой подгруппе относится небольшое число глаголов со значением непостоянного свойства; глаголы, обозначающие постоянное, "ахроническое" свойство, как известно, не способны образовывать форму СВ. Примеры:

Воплощать — воплотить (*Это произведение воплощает / воплотило наши идеалы*).

Выделяться — выделиться ('быть заметным чем-то среди остальных' — 'начать быть заметным чем-то среди остальных', ср.: *Он выделяется / сразу выделился среди одноклассников своим талантом*).

Выступать — выступить (*Пятна заметно выступают / выступили на светлом фоне*).

Обнаруживать — обнаружить (*Тренер обнаруживает / обнаружил завидное терпение*).

Сохранять — сохранить (*В свои годы он сохраняет / сохранил любознательность*).

3) 'Действовать' — 'начать действовать и действовать'. Это крайне малочисленная группа. Примеры:

Обнимать — обнять (*Ребенок обнимает / обнял свою мать обеими руками*[23]).

Заниматься — заняться (*Оставь его, он сейчас занимается / занялся математикой*).

Встречаться ('состязаться') — *встретиться* (*За шахматной доской сейчас встречаются / встретились два лучших игрока мира*).

Предъявлять — предъявить (*Шофер предъявляет / предъявил путевой лист*).

Скрывать — скрыть (*Отец скрывает / скрыл правду от всей семьи*).

Подтип Б

Видовое соотношение глаголов этого подтипа характеризуется следующим образом: формы НСВ имеют значение 'быть в состоянии' или 'действовать', а СВ — 'начать быть в каком-то состоянии, быть в нем и перестать быть' или 'начать действовать, действовать и перестать действовать'.

В отличие от подтипа А, подтип Б в чистом виде представлен весьма немногочисленным кругом глаголов.

---

[23] Форма *обнять* может относиться и к ситуации, когда контакт перестает иметь место. Однако эта идея должна быть выражена контекстом; ср. *Он обнял ее и вышел*.

1) 'Быть в состоянии' — 'начать быть в состоянии, быть в нем и перестать быть'. Пример:

Наслаждаться — насладиться (*Мальчик наслаждается / насладился видом поверженного врага*).

2) 'Действовать' — 'начать действовать, действовать и перестать действовать'.

К этой группе относятся некоторые глаголы со значением физического действия (контактно-двигательные). Примеры:

Гладить — погладить (*Мальчик гладит / погладил собаку*).

Трогать — тронуть (*Он трогает / тронул цветок*).

Глагол *пытаться* может подразумевать любое действие — физическое, интеллектуальное и т. д. и употребляется в том случае, когда нельзя быть уверенным в удачном достижении результата. Форма СВ *попытаться* предполагает, что действие прекратилось, так и не достигнув результата; ср. *Пассажиры пытались / попытались столкнуть машину с места.*

Глагол *заботиться* подразумевает деятельность, состоящую из ряда более простых действий, которые могут носить как физический, так и нефизический характер. Форма СВ *позаботиться* предполагает, что ряд этих действий уже завершен. Ср. *Кто заботится / позаботится о нашем ночлеге?*

Промежуточный подтип

Соотношение внутри некоторых видовых пар, относящихся к четвертому типу, трудно охарактеризовать точно из-за неясности значения глагола СВ.

Из примеров, которые мы приводим ниже, видно, что глагол СВ обозначает начало состояния, о котором нельзя с полной определенностью сказать, что оно продолжается в момент наблюдения. Возможно, что речь идет о состоянии, которое прекратилось, но и это не является обязательным. Такие пары мы считаем промежуточными между подтипом А и подтипом Б.

К промежуточному подтипу относятся следующие группы глаголов.

Некоторые глаголы активного и пассивного восприятия:

Глядеть — поглядеть (*Девушка глядит / поглядела на пришельца*).

Видеть — увидеть (*Я вижу / увидел волка*).

Слышать — услышать (*Он слышит / услышал шаги*).

Казаться — показаться (*Мне кажется / показалось, что ты чем-то расстроен*).

Чудиться — почудиться (*Чудится / почудилось, будто река вылита из стекла*).

Мерещиться — померещиться (*Ей мерещится / померещилось что-то в углу*).

Ощущать — ощутить (*Он ощущает / ощутил легкое прикосновение*).

Чуять — почуять (*Я чую / почуял чье-то присутствие*).

Чувствовать — почувствовать (*Я чувствую / почувствовал, что в комнате кто-то есть*).

Некоторые глаголы эмоционального состояния или отношения:

Нравиться — понравиться (*Мне нравится / понравился этот спектакль*).

Огорчаться — огорчиться (*Мать огорчается / огорчилась из-за болезни сына*).

Восхищаться — восхититься (*Зрители восхищаются / восхитились игрой актеров*).

Жалеть — пожалеть (*Она жалеет / пожалела сироту*).

Форма СВ этих глаголов может содержать, помимо эмоциональной составляющей, и акциональный компонент: восхититься игрой актеров значит и выразить свое восхищение соответствующим образом (аплодисментами, восклицаниями и т. п.); пожалеть сироту значит и сделать что-то для нее (взять к себе в дом, платить за учебу и т. п.). Идея прекращения может быть связана с этим акциональным компонентом и не касаться эмоционального компонента. Отсюда — эта промежуточность в аспектуальной характеристики.

Некоторые "нецеленаправленные" каузативы:

Подлежащее при этих каузативах обозначает причину состояния, главным образом эмоционального. Каузатив НСВ имеет значение 'Ситуация X является причиной того, что А находится в каком-то состоянии', а каузатив СВ — 'Ситуация X является причиной того, что А начал находиться в каком-то состоянии: при этом остается неизвестным, прекратилось ли это состояние в момент наблюдения или сохраняется'. Приведем несколько примеров.

Веселить — развеселить (*Ее наивность веселит / развеселила присутствующих*).

Восхищать — восхитить (*Игра актеров восхищает / восхитила зрителей*).

Удивлять — удивить (*Меня удивляет / удивило общее равнодушие*).

Льстить — польстить (*Его внимание льстит / польстило ей*).

Возмущать — возмутить (*Поведение аспиранта возмущает / возмутило его научного руководителя*).

Обижать — обидеть (*Ваш отказ обижает / обидел меня*).

Огорчать — огорчить (*Твой поступок огорчает / огорчил меня*).

Оскорблять — оскорбить (*Недоверие матери оскорбляет / оскорбило сына*).

Кроме того, к промежуточному подтипу относятся и отдельные глаголы, например,

со значением физического действия: *поддерживать — поддержать* (*Санитар поддерживает/поддержал раненого*);

со значением физического процесса: *потеть — вспотеть* (*Смотри, от жары он потеет/вспотел*).

Сюда же входит глагол *думать* в обоих своих значениях — интеллектуального действия и интеллектуального состояния. Об отнесении *думать, что...* к стативам, а *думать о...* — к действиям писал З. Вендлер [Vendler 1967: 110].

Думать о... — подумать (*Мать думает/подумала о сыне*).

Думать — подумать, что... (*Я думаю/подумала, что ты шутишь*).

Периферийный характер четвертого типа

Подытоживая наблюдения над четвертым типом, подчеркнем еще раз его периферийный характер по сравнению с первыми тремя типами видового противопоставления. Это проявляется по крайней мере в следующих его особенностях: 1) уже названной лексической и аспектуальной расплывчатости; 2) обилии приставочных производных; 3) крайней нерегулярности видовых пар или, точнее, отсутствии у многих НСВ соотносительных парных глаголов СВ; 4) близости к различным способам действия. Охарактеризуем теперь подробнее три последних особенности.

1) О б и л и е п р и с т а в о ч н ы х п р о и з в о д н ы х. Ср. приставочные производные на *вз-* (*вс-, воз-, вос-*), *за-, о-, по-, раз-* (*рас-*), *с-* (*со-*), *у-*: *беситься — взбеситься; ненавидеть — возненавидеть; интересовать*(*ся*) *— заинтересовать*(*ся*); *беспокоить*(*ся*) *— обеспокоить*(*ся*); *думать — подумать; любить — полюбить; веселить — развеселить; сердить — рассердить; видеть — увидеть; слышать — услышать.*

Каждая из названных приставок и многие образуемые ими пары были предметом длительных аспектологических дискуссий. Однако попытки выяснить, каков видовой статус этих приставок и образуемых ими пар, до сих пор не привели ни к каким окончательным решениям.

Рассмотрим в качестве примера пары *видеть — увидеть* и *слышать — услышать*. В [БАС, Ушаков 1940, Ожегов 1968] они даются как чисто видовые. Точно так же они трактуются в [Маслов 1948: 305; Мучник 1956: 100; Спагис 1969: 45; Тихонов 1970: 28] и в более поздней работе [Lubensky 1985: 76], посвященной специально этим двум глаголам. Другой полюс оценки глаголов *видеть* и *слышать* представлен в [Авилова 1976: 85-86] и [Грамматика-80: 592-593], где они отнесены к разряду imperfectiva tantum. Соответственно, глаголы *увидеть* и *услышать* считаются начинательным способом действия [Теленкова

1964: 208; Авилова 1976: 277]. Между этими двумя полюсами располагаются оценки, содержащиеся в [Виноградов 1947: 123; Тихонов 1968: 152; Forsyth 1970: 43]. В этих работах пары *видеть — увидеть, слышать — услышать* рассматриваются как видовые, но с "неполной формализацией" (В. В. Виноградов), с "неполной грамматикализацией префикса" (А. Н. Тихонов), с "дополнительным значением начала" (Дж. Форсайт).

Отдельно следует заметить, что глаголы *увидеть* и *услышать* иногда относят к т. н. ингрессивному подтипу начинательного способа действия. В ингрессивном подтипе, в отличие от инхоативного, выражается "значение достижения результата в самом начале действия" и "начало действия и его результат слиты воедино" [Авилова 1976: 202-203]. Поэтому именно ингрессивный подтип многими трактуется как видовое соответствие; см. примеры в [Маслов 1948: 314; Тихонов 1962а, б, 1964, 1968, 1970].

В рамках нашей работы интерес представляет не столько оценка префикса *у-* и конкретных пар *видеть — увидеть* и *слышать — услышать* как чистовидовых или не чистовидовых, сколько оценка всего типа в целом. Каковы бы ни были возможные различия между приставками, в пределах данного типа они нивелируются. Так, в парах *ненавидеть — возненавидеть, любить — полюбить* семантические отношения между НСВ и СВ одинаковы (подтип А). Более того — и это самое главное — одни и те же семантические отношения обнаруживаются в разнообразных приставочных парах, с одной стороны, и парах, образованных каноническими средствами видообразования (суффиксальной имперфективацией и т. п.), — с другой. Ср. *беситься — взбеситься, беспокоиться — обеспокоиться, сердиться — рассердиться* и *обижаться — обидеться, обожествлять — обожествить, увлекаться — увлечься, врезáться — врéзаться* (подтип А); *пытаться — попытаться* и *наслаждаться — насладиться* (подтип Б); *потеть — вспотеть, нравиться — понравиться, видеть — увидеть, слышать — услышать* и *восхищаться — восхититься, ощущать — ощутить* (промежуточный класс).

Поэтому решение должно приниматься для всего типа в целом, а не для отдельных приставок или отдельных пар. Однако нельзя не признать, что само обилие приставочных производных в этом типе наводит на мысль о том, что в нем представлено не столь чистое видовое соотношение, как в первых трех типах.

2) Нерегулярность видовых пар. Большинство глаголов, относящихся к четвертому типу, имеет статальное (в частном случае — стативное) значение. Как известно, это значение в принципе препятствует формированию парного к НСВ глагола СВ. Парные статальные глаголы немногочисленны и образуются нерегулярно.

Например, в ряду близких по смыслу глаголов *возглавлять, заведовать, командовать, руководить, править* (*государством*) парную форму СВ имеет только один глагол — *возглавлять — возглавить.*

При наличии пары *выделяться — выделиться* (*своим умом среди окружающих*) нет пар СВ к близким по смыслу глаголам *выдаваться, отличаться* (*от других*).

При наличии пары *встречаться* ('состязаться') — *встретиться* нет пар СВ к глаголам *бороться, конкурировать, соперничать, соревноваться, состязаться.*

При наличии *восхищаться — восхититься* нет пары к *восторгаться.*

В ряду глаголов *смеяться* (*над кем-л.*), *глумиться, издеваться, измываться, насмехаться* только первый имеет пару СВ — *посмеяться* (*над кем-л.*).

Тот факт, что в близких по смыслу рядах глаголов парную форму СВ имеют лишь некоторые, а систематически она отсутствует, тоже является свидетельством отклонения четвертого типа от канонического видового соотношения.

3) Близость к способам действия. Подтип А сближается с начинательным способом действия (инхоативный тип), а подтип Б — с ограничительным (*побегать, поспать*). Хотя границу между глаголами, относящимися к четвертому типу и к названным способам действия (СД), провести не всегда просто, постараемся понять, в чем состоит различие между теми и другими.

Семантические отличия формы СВ данного аспектуального типа от способов действия

Подтип А. 'Начать быть в состоянии и быть в нем' (и пр.) vs. начинательный СД

Обратим внимание на отличие толкования этого подтипа от нашей прежней дефиниции [Гловинская 1982: 91]. В нынешнее толкование включен новый компонент 'длящаяся ситуация', который в разных лексических группах глаголов воплощается по-разному: 'быть в каком-то состоянии', 'иметь признак', 'существовать', 'действовать' и т. д.

Сравним такие пары с начинательным способом действия (инхоативный тип). На первый взгляд кажется, что значение формы СВ и смысловое соотношение форм НСВ и СВ у них одинаковое: *забегал* (начинательный СД) — начал бегать и, следовательно, сейчас бегает, *возглавил* — начал возглавлять и, следовательно, сейчас возглавляет.

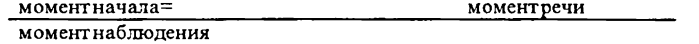
Обращает на себя внимание прежде всего различие в характере лексического значения у тех и других глаголов. Глаголы инхоативной

начинательности обозначают в основном конкретные, непосредственно наблюдаемые действия — движения (*задвигался, забегал, заходил, засуетился*), звукоизвлечение и звукопроизводство (*застучал, запел, заговорил*), природные процессы (*зацвести, запылать*), реже — эмоциональные состояния (*заскучала, затосковала*) и совсем редко — отвлеченные действия (*Завод заработал*). В отличие от них аспектуальные пары, о которых идет речь, имеют часто отвлеченную семантику: носят интерпретационный характер, представляют переносные значения, а иногда и просто неполнозначны; ср. глаголы типа *обращает (обратила) на себя внимание последняя работа художника.*

Из этого обстоятельства вытекают смысловые различия между СВ начинательного способа действия и данного аспектуального типа. Для описания этих различий воспользуемся понятиями 'момент (время) начала', 'момент (время) наблюдения', 'момент речи' и 'длящаяся ситуация'. Подчеркнем, что 'момент (время) наблюдения' не означает обязательно времени физического восприятия, т. е. зрительного и т. п. наблюдения, но может подразумевать и то, что в какое-то выделенное время кто-то что-то знает, считает, понимает и т. д.

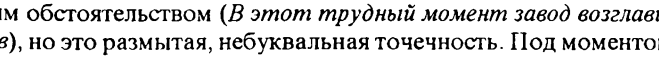
У начинательного СД момент наблюдения совпадает с хорошо наблюдаемым моментом начала действия и всегда предшествует моменту речи. Ср. примеры из [Авилова 1976]: *В окнах мезонина задвигались тени* (А. Чехов); *Зазвонили малиновые колокола в соборе* (А. Толстой); *Огонь запылал.* В фокусе у этих пар находится именно начало действия, подчеркнут именно этот элемент.

Схематически это можно изобразить так:

Иначе обстоит дело в парах, которые мы рассматриваем. Вследствие отвлеченной семантики глагола названная ситуация не может быть наблюдаемой непосредственно, и момент начала не находится в фокусе, он не подчеркнут, как у СД, хотя указание на него присутствует в толковании; в частности, он может быть специфицирован точечным обстоятельством (*В этот трудный момент завод возглавил Иванов*), но это размытая, небуквальная точечность. Под моментом здесь подразумевается какой-то период времени, как это обычно бывает для глаголов неконкретной семантики. Момент начала в этом случае предшествует моменту наблюдения, а момент наблюдения совпадает с моментом речи. Ср. *За что ты меня возненавидел <полюбил>? Он скрыл от матери правду; Новое правительство возглавил бывший вице-премьер.*

Схематически это можно изобразить так:

Второе отличие касается статуса компонента — 'длящаяся ситуация (которая возникла)'. У аспектуального подтипа А этот компонент, во-первых, относится к ассерции, во-вторых, именно он находится в фокусе внимания. Между тем у начинательного СД этот компонент является прагматической импликатурой, выводом, т. е. вообще не входит в толкование. Об этом свидетельствует различная сочетаемость глаголов СД и аспектуального типа с так называемыми наречиями сохранения результата. Эти наречия и предложно-именные группы типа *навек(и), навечно, навсегда, надолго, ненадолго, насовсем* обозначают не длительность протекания самого действия, а длительность сохранения возникшего результата; ср. *пришел ненадолго, приехал навсегда* и т. д. [Кржижкова 1966]. Подобные наречия легко сочетаются с глаголами СВ данного аспектуального подтипа и невозможны в сочетаниях с глаголами начинательного СД. Ср. *Он возглавил завод на три года; Она навсегда признала его превосходство; Они на мгновенье прижались друг к другу,* но не **Он запел на целый час; *Мячик надолго покатился по дороге. *Он на мгновение засуетился.*

Именно последнее обстоятельство заставляет усомниться в правильности распространенного взгляда на начинательный СД как включающий представление о длительной фазе продолжения моментального действия, хотя бы и отодвинутой на второй план. Эта точка зрения аргументируется примерами следующего типа.

Из [И. Крекич 1989: 44]:

(1) *Ребенок снова заплакал, настойчиво, без пауз.*

(2) *И Люся закричала. Она кричала страшные какие-то слова.*

(3) *Маленькие ножки в розовых башмачках быстро, легко и мерно задвигались в такт музыке.*

(4) *Княгиня, увидав их, задышала часто.*

(5) *Старик часто-часто заморгал.*

Из [Баренцсен 1995: 10]:

(6) *Протяжно (хрипло) запел.*

Однако в примерах (1) и (2) элементы контекста, указывающие на продолжительность этой фазы, синтаксически не связаны с глаголом и поэтому не свидетельствуют о наличии такого компонента в его толковании. Так, в примере (1) наречия *настойчиво, без пауз* являются обособлениями, в примере (2) глагол *кричала* вообще относится к другому предложению, нежели *закричала*. В примерах (3)-(6) обстоятельства характеризуют не вторую фазу действия, а вместе с исходным глаголом НСВ обозначают целую ситуацию: *протяжно (хрипло) петь, мерно двигаться, часто дышать, часто моргать*. Глагол начинательного СД обозначает мгновенное начало этой уже охарактеризованной

ситуации. Особенно ясно это видно на примере ситуаций 'часто задышать' и 'часто заморгать'. Человек и раньше дышал и моргал, началось именно частое дыхание и моргание.

Тем самым толкования сравниваемых форм выглядят следующим образом:

У начинательного СД: *Он забегал по комнате* = В момент наблюдения он начал бегать по комнате. 'В момент наблюдения X начал делать P'.

У аспектуального подтипа: *Он занялся решением шахматной задачи* = Он начал решать задачу и решает ее. 'Он начал действовать и действует в то время, о котором идет речь'.

Третье отличие вытекает из первых двух и состоит в том, что глаголы НСВ и СВ аспектуального подтипа обнаруживают бóльшую смысловую близость между собой, чем глаголы начинательного СД и соответствующие им исходные глаголы. О ""вещественной" тождественности сообщаемого факта" у глаголов НСВ и СВ такого рода см. [Маслов 1948: 314]. Действительно, фразы *Напрасно ты обижаешься на меня* и *Напрасно ты обиделся на меня, Теперь ты признаешь, что я прав?* и *Теперь ты признал, что я прав?* почти полностью синонимичны, в отличие от фраз *Зачем ты заговорил с ней?* и *Зачем ты говоришь с ней?, Что это ты забегал туда-сюда?* и *Что это ты бегаешь туда-сюда?*

Синонимичность приведенных фраз достигается за счет того, что толкование НСВ ('быть в состоянии обиды') не только входит в толкование СВ, но и составляет ту часть его ассерции, которая находится в фокусе внимания, в то время как дифференцирующий элемент 'начало' в фокусе не находится. У начинательного СД синонимии форм СВ и исходного глагола НСВ препятствует, во-первых, подчеркнутость элемента 'начало' у СВ и, во-вторых, отсутствие эксплицитного указания на продолжающееся существование возникшего результата.

В качестве теста для разделения парного аспектуального подтипа А и начинательного СД может быть использована способность или неспособность глагола сочетаться с названными выше наречиями сохранения результата.

Подтип Б. 'Начать действовать, действовать и перестать действовать' vs. ограничительный СД

Этот подтип сближается с т. н. ограничительным способом действия, который выражает ограничение действия временны́ми пределами (*поспать, побегать, погулять, проговорить, перезимовать*).

Особую трудность представляет отграничение подтипа Б от ограничительного способа действия с приставкой *по-* (т. н. делимитативные глаголы). Приставка *по-* привносит в значение глаголов этого способа действия представление о недолгой длительности: ср. воз-

можность *недолго* (*немного*) *поспал, побегал, походил* и затрудненность или даже невозможность **долго поспал, пожил* и т. д. Случаи *довольно долго поговорил с ним* (Л. Толстой) или *поживя долго безвыездно в Москве...* (Л. Толстой) воспринимаются как отклоняющиеся от нормы.

Глаголы с приставками *про-* (т. н. пердуративные) обозначают заполнение определенного промежутка времени действием или состоянием, что выражается обязательным прямым дополнением при первых (*проспать всю ночь*). При этом длительность может быть любой — *пролюбить всю жизнь одного, пробыть вместе всего одно мгновенье*, хотя чаще она оценивается как значительная; ср. типичные сочетания *проспал всю ночь без снотворного, прождал битый час*.

Таким образом, глаголы СВ ограничительного способа действия выражают представление о какой-то длительности. Что же касается аспектуального подтипа Б, то относящиеся к нему глаголы СВ представляют ситуацию как мгновенную (ср. Маслов 1948: 314). При этом реально она может занимать определенный промежуток времени, однако если представление о ее длительности и возникает, то, в отличие от способа действия, только как прагматическая импликатура, а не как компонент толкования.

"Моментальность" глаголов СВ подтверждается следующими фактами: 1) они сочетаются с точечными обстоятельствами типа *в это мгновенье, в эту минуту, в такой момент* и т. д.; 2) не сочетаются с обстоятельствами длительности типа *недолго, немного, долго, всю жизнь, несколько минут*, в отличие от данных способов действия; 3) не сочетаются с инклюзивными обстоятельствами длительности, как глаголы СВ других аспектуальных типов; 4) не сочетаются с наречием *постепенно*, указывающим на растянутость действия во времени. Ср. *В эту минуту я насладился его унижением*, но не **Я недолго насладился его унижением, *Я насладился за несколько минут его унижением* или **Я постепенно насладился обедом*; *В этот момент он попытался изменить позу*, но не **Несколько минут он попытался изменить позу, *Он попытался изменить позу за несколько минут* или **Я постепенно попытался понять его*[24].

***

В заключение укажем некоторые сходства и различия между первым и четвертым типами. Глаголы СВ подтипа Б в обоих типах вклю-

[24] Подчеркнем, что такая сочетаемость невозможна в случае, если речь идет о промежутке времени, целиком заполненном данным действием. В случае, если те же обстоятельства указывают на промежуток времени, в который погружено данное действие, то такая сочетаемость возможна, поскольку на длительность самого действия никак не указывается; ср. *За несколько минут он лишь изменил позу*.

чают в себя указание на начало и прекращение действия. Различие состоит в том, что в четвертом типе ни глаголы НСВ, ни глаголы СВ не включают в себя идеи накопления результата и конечной точки этого накопления.

3.5. Заключительные замечания о стандартных типах видового противопоставления

Проанализировав четыре стандартных типа видового противопоставления, мы можем отметить их неравноценность для видовой системы русского языка.

Подавляющее большинство видовых пар относится к первому типу видового противопоставления. Кроме того, с ним семантически связаны остальные три типа, что мы постарались показать выше при описании каждого из них. Их семантическое сходство с первым типом существенно больше, чем их сходство друг с другом. Таким образом, и по количеству представителей, и по своему месту среди других типов первый тип занимает центральное положение в видовой системе русского языка.

С другой стороны, — и это мы тоже попытались показать выше, — наиболее удален от центра, наиболее связан со способами действия четвертый тип. Через этот тип видовая система непосредственно связывается со словообразованием и постепенно переходит в него.

4. Некоторые случаи нестандартного видового противопоставления

Нестандартным мы считаем такое видовое противопоставление, которое имеет место у ограниченного круга глаголов либо у отдельных пар. Обычно нестандартные соотношения возникают на базе стандартных, обладая и чертами сходства с ними, и чертами отличия от них. Приведем примеры нестандартных противопоставлений.

Некоторые пары с нестандартным соотношением примыкают к третьему стандартному типу. Рассмотрим, например, несколько глагольных пар, производных от *пускать — пустить: впускать — впустить, выпускать — выпустить, пропускать — пропустить, допускать — допустить*[25].

НСВ этих глаголов обозначает приблизительно следующее: 'непосредственно создать для кого-то некую возможность, связанную с перемещением в пространстве'; СВ значит: 'создать для кого-то непосредственную возможность, связанную с перемещением в пространстве; эта возможность реализована'.

[25] Все эти глаголы имеют приводимое ниже нестандартное видовое соотношение форм НСВ и СВ только в одном из своих лексических значений.

Впускать — впустить. X впускает A в B = 'X создал для A непосредственную возможность начать находиться в B'; *X впустил A в B* = 'X создал для A непосредственную возможность начать находиться в B, и A начал находиться в B'. Например, фраза *В кинотеатр уже впускают зрителей* значит, что в кинотеатр уже можно входить, хотя, возможно, никто из зрителей еще и не вошел, а фраза *В кинотеатр уже впустили зрителей* значит, что в кинотеатр можно было входить и что зрители вошли в него.

Выпускать — выпустить. X выпускает A из B = 'X создал для A непосредственную возможность перестать находиться в B'; *X выпустил A из B* = 'X непосредственно создал для A возможность перестать находиться в B и A перестал находиться в B'. *Мальчик выпускает птицу из клетки* значит, что мальчик создает или создал для птицы возможность вылететь из клетки. *Мальчик выпустил птицу из клетки* значит, что он создал для птицы возможность вылететь из клетки и что она вылетела из нее.

Точно такое же соотношение предоставлено в парах *пропускать — пропустить* (*Сегодня в театр пропускают / пропустили детей без родителей*), *отпускать — отпустить* (*Барин отпускает слугу / отпустил слугу на все четыре стороны*), *допускать — допустить* (*Сегодня к больному допускают / допустили посетителей*).

Подтверждением того, что в толковании формы СВ должен быть компонент 'P реализовано', служит невозможность следующих фраз: **Я его впустил, а он не вошел*; **Билетер пропустил нас в театр, но мы не вошли*; **Мальчик выпустил птицу, но она не вылетела.*

В то же время формы НСВ в таких фразах вполне уместны: *Я его впускал, а он не вошел; Билетер пропускал нас в театр, но мы не вошли; Мальчик выпускал птицу, но она не вылетела.*

Сходство этих пар со стандартным третьим типом заключается в общей структуре толкования СВ. Последнее состоит из двух частей, Одна, как и у стандартных пар, полностью повторяет толкование НСВ, а вторая содержит указание на реализацию той ситуации, которая описывается формой НСВ.

Отличие этого типа от стандартного касается, во-первых, значения глагола НСВ: он обозначает не тип целенаправленного действия, а некую возможность, уже созданную целенаправленным действием. Во-вторых, форма СВ обозначает не реализацию цели, а реализацию созданной возможности.

Соотношение этих двух частей в толковании такое же, как в стандартном подтипе Б: обе части входят в ассерцию. *Он не выпустил пти-*

цу из клетки означает, что он, во-первых, не создал такой возможности, а во-вторых, что птица не улетела[26].

Близкой к четвертому типу является пара *давать — дать* в том значении, которое представлено, например, во фразе *Сумма этих чисел дает сто*. Сравним две фразы:

Сто плюс сто дает двести = 'Сто плюс сто равно двумстам'.

Сто плюс сто дало двести = 'Результат подсчета показал, что сто плюс сто равно двумстам; возможно, что говорящий или слушающий ранее этого не знали'.

Форма НСВ *дает* обозначает здесь постоянное свойство, ее значение в большей мере гномично, чем у глаголов со значением свойства, входящих в четвертый тип (подтип А). Казалось бы, она не должна вообще иметь в этом значении видовой пары (таков, например, глагол *равняться*). Тем не менее, форма СВ у этого глагола есть. Эта форма отличается от значения формы СВ стандартного типа тем, что не обозначает начало существования этого свойства. Форма *дало* содержит указание на акциональный компонент — кто-то произвел подсчет. Кроме того, она отражает тот факт, что говорящий или слушающий узнал (начал знать) результат подсчета.

Совершенно особняком стоит пара *продолжать — продолжить*.

Продолжать — продолжить. X продолжает P = 'X не перестает P' [Щеглов 1964: 51]. *X продолжил P* значит не 'X не перестал P', а примерно 'X вновь начал P после перерыва в P', т. е. возобновил P. Ср. *Он продолжил работу над своей статьей* = 'Он вновь начал работать над статьей после перерыва в работе над ней'. *Спортсмены продолжат тренировки в Москве* = 'Спортсмены вновь начнут тренировки в Москве после их прекращения в другом месте'. Хотя формально *продолжать — продолжить* выглядит как видовая пара, семантические различия между ее членами так велики, что их следует, вероятно, считать отдельными глаголами.

5. Некоторые теоретические выводы из рассмотренного материала

5.1. Вопрос о видовых инвариантах

На основе предложенного описания типов видового противопоставления можно поставить вопрос о том, каково инвариантное значение актуально-длительного НСВ и конкретно-фактического СВ.

[26] Нестандартным является соотношение именно актуально-длительного НСВ с глаголом СВ. В своих "результативных" значениях, близких к значению СВ, НСВ тоже содержит компонент 'P реализовано'.

Воспроизведем все толкования видовых значений, соответствующие четырем рассмотренным типам. Толкования будем давать в развернутом виде, заменяя по мере необходимости все промежуточные понятия их собственными толкованиями.

Первый тип

А. *Больной выздоравливает — Больной выздоровел.*

НСВ = '(1) В какой-то момент наблюдения Р не существовало, (2) в один из последующих моментов существует часть Р или нечто, имеющее существенные признаки Р, (3) в каждый последующий момент существует бóльшая часть Р или нечто, имеющее больше существенных признаков Р, чем в каждый предшествующий момент, (4) если процесс (3) не прекратится до некоторого момента, то в этот момент начнет существовать Р'.

СВ = 'В какой-то момент наблюдения Р не существовало, в один из последующих моментов Р существует' = 'Р начал существовать'.

Б. *Она вяжет шапочку — Она связала шапочку.*

НСВ = '(1) В какой-то момент наблюдения Р не существовало, (2) определенное действие Х-а существует в каждый из ряда последовательных моментов так, что в результате этого действия в какой-то последующий момент существует часть Р или нечто, имеющее существенные признаки Р, (3) в каждый последующий момент существует бóльшая часть Р или нечто, имеющее больше существенных признаков Р, чем в каждый предшествующий момент, (4) если процесс (3) не прекратится до некоторого момента, то в этот момент начнет существовать Р'.

СВ = '(1) В какой-то момент наблюдения Р не существовало, (2) определенное действие Х-а начало существовать, существовало и было таково, что в результате этого действия в какой-то последующий момент существовала часть Р или нечто, имеющее признаки Р, (3) в каждый последующий момент существовала бóльшая часть Р или нечто, имеющее больше существенных признаков Р, чем в каждый предшествующий момент, (4) определенное действие Х-а кончило существовать, когда начало существовать Р'.

Второй тип

Цены повышаются — Цены повысились.

НСВ = '(1) Свойство Х-а иметь некоторое значение признака Р существует в каждый из ряда последовательных моментов так, что (2) в какой-то момент наблюдения Х имеет некоторое значение признака Р, (3) в каждый последующий момент наблюдения Х имеет большее или меньшее значение признака Р, чем в каждый предшествующий'.

СВ = '(1) В какой-то момент наблюдения X имеет некоторое значение признака P, (2) в один из последующих моментов X имеет большее или меньшее значение признака P' = 'X начал иметь большее или меньшее значение признака P'.

Третий тип

Ученик решает задачу — Ученик решил задачу.

НСВ в обоих подтипах = '(1) Определенное действие X-а существует в каждый из ряда последовательных моментов наблюдения, (2) целью X-а является то, чтобы в результате этого действия начала существовать ситуация P'.

СВ в обоих подтипах = '(1) Определенное действие X-а существовало в каждый из ряда последовательных моментов наблюдения, (2) целью X-а было то, чтобы в результате этого действия начала существовать ситуация P, (3) в результате этого действия ситуация P начала существовать'.

Четвертый тип

А. *Он возглавляет завод — Он возглавил завод.*

НСВ = 'Состояние, свойство или действие X-а существует в каждый из ряда последовательных моментов наблюдения'.

СВ = 'Состояние, свойство или действие X-а начало существовать в момент наблюдения и существует в каждый из ряда последовательных моментов'.

Б. *Он наслаждается унижением своего врага — Он вполне насладился унижением своего врага.*

НСВ = 'Состояние или действие X-а существует в каждый из ряда последовательных моментов'.

СВ = 'Состояние или действие X-а начало существовать, существовало и начало не существовать'.

Сравним между собой все приведенные выше толкования каждого вида в его главном значении.

Во всех толкованиях, соответствующих формам СВ, выделяется элемент 'начать'. Напомним его содержание. 'Начать' = 'не существовать в какой-то момент наблюдения, существовать в один из последующих моментов'. Будем считать его инвариантом конкретно-фактического (точечного) значения СВ. Наш анализ, таким образом, подтверждает предположение А. Вежбицкой на этот счет[27].

[27] Не следует путать присутствие элемента 'начать' в толковании глагола СВ с так наз. "начинательностью". Начинательными глаголами в аспектологии называют такие, которые описывают первую фазу действия (*зазвонить*, *забегать* и под.; см. с. 120 и сл.). Между тем, выше уже шла речь о том, что элемент

В толкованиях НСВ выделяется общая часть 'существует в каждый из ряда последовательных моментов наблюдения'. Этот смысл является семантическим инвариантом актуально-длительного значения НСВ[28].

Итак, видовое противопоставление СВ и НСВ в их главных значениях сводится к противопоставлению смыслов 'не существовать в какой-то момент наблюдения, существовать в один из последующих моментов' — 'существовать в каждый из ряда последовательных моментов'.

Предложенная формулировка инвариантов главных значений СВ и НСВ в сущности является смысловой экспликацией тех определений, которые связывают основное значение СВ с представлением о временно́й границе, основное значение НСВ — с "протеканием" действия, процесса и т. д.

Помимо видовых инвариантов и тех совпадающих элементов, которые, как будет показано ниже, можно считать частью лексического значения глагола, некоторые видовые толкования содержат еще определенные наращения. Так, толкование подтипа А НСВ в первом типе содержит дополнительно идею накопления Р ('в каждый последующий момент существует бо́льшая часть Р или нечто, имеющее больше существенных признаков Р, чем в каждый предшествующий момент') и импликацию. В первом типе Б толкование НСВ содержит дополнительно импликацию, а толкование СВ — элементы 'начать' и 'кончить'. Идея накопления в этом случае входит в лексическое значение глагола, т. к. включается в толкование обоих видов.

По-видимому, эти наращения, характеризующие большие классы глаголов, могут быть получены с помощью правил модификации инвариантного видового значения, применяемых для соответствующих классов глаголов[29]. Так, импликация и указание на накопление результата должны будут добавляться к видовому значению формы НСВ у предельных некаузативных глаголов и каузативных нецеленаправленных глаголов. Импликация будет добавляться к видовому значению НСВ у предельных каузативных целенаправленных глаголов. Элементы 'начал' и 'кончил' войдут в видовое значение формы СВ тех же самых глаголов.

'начать' входит и в такие глаголы, как *кончить*, *продолжить* и т. д. Подробнее о различных способах вхождения 'начать' в толкование СВ см. статью "Видовой инвариант как фикция и как реальность" в наст. сб.

[28] Ср. замечание Э. Кошмидера: "Ответ на вопрос: "Что ты делаешь?" обозначает, что в момент речи мы находимся в процессе осуществления действия, выражаемого данным глаголом. Мы констатируем, следовательно, что только что были и в дальнейшем будем заняты" [Кошмидер 1962: 129].

[29] См. систему "поправок к толкованию" в [Материалах к толково-комбинаторному словарю русского языка 1970-1979].

Для применения таких правил модификации соответствующие глаголы должны снабжаться в словарях семантическими признаками предельности, каузативности, целенаправленности.

Подытожим данный раздел. "Актуально-длительный НСВ" и "конкретно-фактический (точечный) СВ" имеют каждый, помимо инвариантного видового значения, еще и вариантные смысловые реализации, различные для разных лексических классов глаголов. Эти вариантные видовые реализации складываются из соответствующего видового инварианта и некоторых смысловых надбавок.

5.2. Соотношение СВ и НСВ по большей / меньшей смысловой сложности

Мы будем говорить, что один из видов семантически сложнее другого, если толкование второго целиком вкладывается в толкование первого. Если же толкование видов пересекаются, т. е. имеют как общие, так и различные части, то в таком случае мы будем говорить, что виды семантически равносложны.

Во Введении уже отмечалось, что семантическое соотношение между СВ и НСВ в их главных значениях может быть трояким.

1. НСВ семантически сложнее СВ. Такое соотношение представлено в глаголах первого типа, подтип А, а также в глаголах второго типа.

Первый тип, А

Толкование НСВ формально включает в себя толкование СВ ('начать существовать') в составе импликации ('если..., то начнет существовать'). Напомним, что такое соотношение характерно для предельных некаузативных глаголов типа *засыхать — засохнуть*.

Второй тип

Толкование НСВ полностью включает в себя толкование СВ, т. к. глагол СВ выделяет два момента, во второй из которых признак имеет большее или меньшее значение, чем в предшествующий первый. Между тем глагол НСВ описывает целую последовательность моментов, каждая пара которых характеризуется именно таким соотношением. Тем самым НСВ имеет дополнительное значение 'последовательность' (сравниваемых моментов). Такое соотношение характерно для непредельных глаголов типа *повышаться — повыситься*.

2. НСВ и СВ семантически равносложны. Это соотношение представлено в глаголах первого типа, подтип Б.

Первый тип, Б

Толкования видов пересекаются, т. е. имеют общую часть: '(1) В какой-то момент времени Р не существовало, (2) определенное действие Х-а существует в каждый из ряда последовательных моментов так, что в результате этого действия в какой-то последующий момент существует часть Р или нечто, имеющее существенные признаки Р, (3) в

каждый последующий момент существует бóльшая часть Р или нечто, имеющее больше существенных признаков Р, чем в каждый предшествующий момент'.

За пределами пересекающейся (общей) части у НСВ остается импликация ('если..., то'), а у СВ — значение 'действие начало существовать и кончило существовать в момент, когда начало существовать Р'. Обе эти части не могут одновременно присутствовать в значении глагола одного вида, т. к. неопределенность, содержащаяся в импликации, снимается указанием на возникновение полного результата Р.

Такое соотношение характерно для предельных каузативных глаголов типа *вбивать — вбить,* обозначающих целенаправленное действие.

3. СВ семантически сложнее, чем НСВ. Это соотношение представлено в глаголах третьего и четвертого типов.

Третий тип

Толкование глагола СВ в обоих подтипах полностью включает в себя толкование глагола НСВ и выражает дополнительно смысл 'в результате действия ситуации Р начала существовать'. Таково соотношение в видовых парах типа *убеждать — убедить.*

Четвертый тип

Толкование глагола СВ полностью включает в себя толкование глагола НСВ и содержит дополнительно либо элемент 'начать' (*возглавлять — возглавить*), либо элементы 'начать и перестать' (*трогать — тронуть* (*рукой*)).

5.3. Лексическое значение глагола

В этом разделе мы будем говорить о вычленении лексического значения глагола из толкований словоформ СВ и НСВ. Напомним, что в этих толкованиях лексическое значение присутствует в весьма неполном виде, поскольку в нашу задачу входило исследование видовой, а не лексической семантики глагола. Поэтому точнее будет говорить не о вычленении полного лексического значения глагола, а о вычленении тех элементов толкования, которые относятся к лексическому значению глагола, но не обязательно исчерпывают его.

При вычленении этих элементов мы сталкиваемся с некоторыми неожиданностями.

Выше, исходя из общепринятого положения о том, что члены видовой пары имеют одно и то же лексическое значение, мы сформулировали первоначальное представление о лексическом значении глагола как о той части толкования, которая совпадает у обоих членов пары. Однако, рассматривая толкования СВ и НСВ в каждом из четырех типов, мы замечаем, что во всех этих случаях в общую (совпадающую) часть толкований входит и видовой инвариант одного из видов.

Вследствие этого проблема вычленения общего лексического значения видовой пары предстает в новом, неожиданном и непривычном свете. Мы не можем больше следовать первоначальному огрубленному представлению о лексическом значении глагола как о той части толкований, которая совпадает у обоих членов пары. Ведь тогда пришлось бы отнести к лексическому, а не к видовому значению и этот видовой инвариант.

Следовательно, первое уточнение, которое мы должны внести в первоначальное представление о лексическом значении глагола и которое нельзя было сделать до исследования основных значений СВ и НСВ, состоит в следующем: лексическое значение пары — это не все то общее, что содержится в толкованиях ее членов, а лишь то общее, что остается после вычета из толкования каждого члена пары его видового инварианта. Рассмотрим несколько примеров.

Первый тип, А

Замерзать — замерзнуть. Вода замерзает = '(1) В какой-то момент наблюдения вода не является льдом, (2) в один из последующих моментов существует нечто, имеющее существенные признаки льда, (3) в каждый последующий момент существует нечто, имеющее больше существенных признаков льда, чем в каждый предшествующий момент, (4) если процесс (3) не прекратится до некоторого момента, то в этот момент вода начнет быть льдом'. *Вода замерзла* = 'В какой-то момент наблюдения вода не является льдом, в один из последующих моментов вода является льдом' = 'Вода начала быть льдом'.

К лексическому значению этой пары относятся элементы 'быть льдом', а не все значение формы СВ, хотя именно оно образует общую часть обоих толкований. Полное лексическое значение глагола, разумеется, не исчерпывается ими. В частности, в него входит начинательное значение приставки.

Первый тип, Б

Погружать — погрузить. X погружает Y в Z = '(1) В какой-то момент наблюдения Y не находится в Z-е, (2) определенное действие X-а существует в каждый из ряда последовательных моментов так, что в результате этого действия в какой-то последующий момент часть Y-а находится в Z-е, (3) в каждый последующий момент в Z-е находится бóльшая часть Y-а, чем в каждый предшествующий момент, (4) если процесс (3) не прекратится до какого-то момента, то в этот момент Y начнет находиться в Z-е'. *X погрузил Y в Z* = '(1) В какой-то момент наблюдения Y не находился в Z-е, (2) определенное действия X-а начало существовать, существовало в каждый из ряда последовательных моментов и было таково, что в результате этого действия в какой-то последующий момент часть Y-а находилась в Z-е, (3) в каждый последующий момент в Z-е находилась бóльшая часть Y-а, чем в каждый

предшествующий, (4) определенное действие X-а кончило существовать в момент, когда Y начал находиться в Z-е'.

К лексическому значению глагола относятся элементы '(1) В какой-то момент наблюдения Y не находится в Z-е, (2) в результате определенного действия X-а в какой-то момент часть Y-а находится в Z-е, (3) в каждый последующий момент в Z-е находится большая часть Y-а, чем в каждый предшествующий момент, (4) Y находится в Z-е'. В полном толковании элемент 'определенное действие' должен быть заменен подробным описанием действия.

Второй тип

Расширяться — расшириться. X расширился = 'В какой-то момент наблюдения X имеет некоторое значение признака "ширина", в один из последующих моментов X имеет большее значение признака "ширина"'. *X расширяется* = '(1) В какой-то момент наблюдения X имеет некоторое значение признака "ширина", (2) в каждый последующий момент X имеет большее значение признака "ширина", чем в каждый предшествующий'.

В этом типе к лексическому значению пары относятся только элементы 'иметь некоторое значения признака "ширина"' и 'иметь большее значение признака "ширина" (быть шире)', хотя совпадающая часть равна всему толкованию СВ.

Третий тип

Уговаривать — уговорить. X уговаривает Y-а сделать P = '(1) Определенное действие X-а (говорение) существует в каждый из ряда последовательных моментов наблюдения, (2) целью X-а является то, чтобы в результате этого действия Y согласился сделать P'. *X уговорил Y-а сделать P* = '(1) Определенное действие X-а существовало в каждый из ряда последовательных моментов, (2) целью X-а было то, чтобы в результате этого действия Y согласился сделать P, (3) в результате этого действия Y согласился сделать P'.

Общая часть — все толкование глагола НСВ. После вычета из нее инварианта НСВ остается лексическое значение глагола *уговаривать — уговорить:* 'целью определенного действия (говорения) X-а является то, чтобы в результате этого действия Y согласился сделать P'.

Четвертый тип

В парах четвертого типа в обоих подтипах к лексическому значению глаголов относятся указания на конкретные свойства, состояния и действия. Примеры:

Подтип А

Возглавлять — возглавить. X возглавляет Y = 'X является главой Y-а' = 'Состояние X-а быть главой существует в каждый из ряда последовательных моментов наблюдения'. *X возглавил Y* = 'X начал быть главой Y-а и является им'. Лексическое значение пары — 'быть главой'.

Подтип Б

Наслаждаться — насладиться. X наслаждается Y-ом = 'X испытывает в высшей степени приятные чувства или ощущения от восприятия или использования Y-а'. *X насладился Y-ом* = 'X начал испытывать в высшей степени приятные чувства или ощущения от восприятия или использования Y-а, испытывал их и перестал испытывать'.

К лексическому значению этой видовой пары относится часть толкования 'в высшей степени приятные чувства или ощущения от восприятия или использования Y-а'. Элементы, относимые нами к лексическому значению, и в данном случае нуждаются в раскрытии и уточнении.

Остается выяснить, какую роль играют те элементы, которые входят в общую часть обоих толкований, но не включаются в лексическое значение пары, т. к. представляют собой видовой инвариант одного из членов пары. Ср., например, в четвертом типе (подтип А) в форме СВ компонент 'является' (т. е. 'существует' при переформулировке на более строгий метаязык). 'Существовать' — это инвариант НСВ и в его толковании относится к грамматическому, а не лексическому значению. Каков же статус этого компонента в толковании СВ?

Такие элементы можно рассматривать как семантическое наращение к какому-то основному значению — либо видовое (т. е. как наращение к собственно видовому инварианту), либо лексическое (т. е. наращение к лексическому значению словоформы), либо фразеологизованное словообразовательное (т. е. как наращение к совокупному значению всей словоформы в целом).

От первой возможности откажемся сразу же, т. к. относить к значению одного вида значение противоположного вида кажется нелепостью.

Третья возможность — считать названные элементы фразеологизованным словообразовательным наращением — тоже вызывает сомнение. Под фразеологизованным словообразовательным наращением в словообразовании понимается нерегулярное наращение смысла при соединении морфем в слово. Здесь же мы имеем дело с компонентом, регулярно присутствующим в толкованиях всех форм данного типа. Его появление в толковании можно предусмотреть простыми правилами. Поэтому в данном случае неуместно использовать понятие фразеологизованного словообразовательного наращения.

По-видимому, самым естественным способом описания может считаться второй — отнесение перечисленных элементов к лексическому значению соответствующего члена видовой пары. Имеется определенная аналогия между рассматриваемой ситуацией и ситуацией с отглагольными существительными (см. главу "Некоторые трудности изучения семантики видов"): у отглагольного существительного семантические элементы, соответствующие НСВ или СВ, включаются в его лексическое значение.

Если принять это решение, придется ввести второе уточнение в понятие лексического значения глагола. Необходимо будет разграничить понятия лексического значения видовой пары (глагола в целом) и лексического значения члена пары. Лексическое значение глагола в целом — это общая (совпадающая) часть толкований членов пары после вычета инвариантных видовых значений, а лексическое значение члена пары (т. е. отдельной видовой формы) — это лексическое значение глагола плюс смысловое наращение, получаемое по правилам.

Таким образом, в самом общем виде смысловое строение глагольной словоформы относительно вида и лексического значения можно представить так: лексическое значение пары (лексический инвариант глагола в целом) плюс регулярное семантическое наращение к лексическому значению у одного из членов пары, плюс видовое значение члена пары (видовой инвариант), плюс регулярное видовое наращение у одного из членов пары.

Обнаружив, что члены пары могут иметь регулярные различия в лексическом значении, обсудим некоторые случаи, когда члены пары различаются еще каким-то дополнительными элементами.

Выше, в главе "Принципы изучения семантики видов...", упоминались пары *засыпать —заснуть* и *умирать — умереть*. В них глагол НСВ означает 'быть близко к Р и в каждый последующий момент быть ближе к нему, чем в каждый предыдущий'. Здесь Р в одном случае — 'спать', а в другом, — 'быть мертвым'. СВ же этих глаголов значит просто 'начать Р' и не включает указания на то, что Р начинался от близкого к нему положения. Класс таких глаголов можно расширить. Назовем еще *выигрывать — выиграть, заканчивать — закончить, кончаться — кончиться (запас муки), останавливаться — остановиться*.

Любопытно, что глаголы типа *заканчивать, кончать, умирать* в некоторых работах включаются в класс достижений в смысле З. Вендлера [Vlach 1981: 277 и сл.; Tedeschi 1981: 259]. Хотя буквально это неверно, основанием для такой классификации является именно то, что для достижений характерна концентрация внимания на последней фазе действия[30].

---

[30] Компонент 'быть близко к...' включается в толкование еще нескольких групп глаголов, в частности, завершительного способа действия (с приставкой *до-*), например, *доедать — доесть, дописывать — дописать*, и ряда глаголов с приставкой *под-*, например, *подплывать — подплыть, подходить — подойти* и др. Однако у этих глаголов соотношение у членов пары совершенно стандартно, так как данный компонент входит в толкование обеих видовых форм. Покажем это на примере глагола *подплывать — подплыть*. *Он подплывает к берегу* = 'В какой-то момент он находился близко от берега; плывя, в каждый последующий момент он ближе к берегу, чем в каждый предыдущий; если этот процесс не прекратится до некоторого момента, то в этот момент он начнет быть рядом с берегом'. *Он подплыл к берегу* = 'В какой-то момент он находился в воде близко от

Как же интерпретировать пары типа *засыпать — заснуть, умирать — умереть*? Имеются следующие возможности.

1) Ввести новый стандартный тип видового противопоставления и считать элемент 'быть близко к Р' типовым видовым наращением у НСВ.

2) Рассматривать эти пары как имеющие нестандартное видовое соотношение.

3) Считать эти пары стандартными, относящимися к первому типу видового противопоставления, но содержащими дополнительное лексическое различие между членами пары.

Первое решение должно быть отведено по причине недостаточного количества подобных глаголов. Наш список не является, конечно, исчерпывающим, но столь же очевидно, что класс подобных пар несопоставим по объему со стандартными типами. Кроме того, сам элемент, на который различаются пары, носит явно лексический, а не видовой характер (ср. чистовидовые элементы в характеристике четырех типов, с одной стороны, и лексический элемент 'быть близко к...' в характеристике глаголов на *до-* и *под-*).

Второй путь — рассматривать эти пары как имеющие нестандартное видовое соотношение — в принципе приемлем, хотя последнее соображение свидетельствует и против него.

Третий способ описания нам кажется самым оправданным, тем более, что лексическое значение у членов пары, как мы уже имели возможность убедиться, в принципе может совпадать не полностью.

Приведем еще один пример, показывающий, как взаимодействие видового и лексического значений приводит к тому, что в толковании одной из видовых форм возникает не предусмотренный стандартным соотношением дополнительный элемент.

Рассмотрим пары *встречать — встретить* в том значении, которое представлено во фразе *На вокзале делегацию встречали представители общественности.*

X встречает Y-а в (на) Z-е = 'X находится в (на) Z-е с целью войти в контакт с Y-ом, который, по мнению X-а, в какой-то момент начнет находиться в (на) Z-е'.

X встретил Y-а в (на) Z-е = 'X находился в (на) Z-е с целью войти в контакт с Y-ом, который, по мнению X-а, в какой-то момент должен был начать находиться в (на) Z-е; в результате того, что X находился в (на) Z-е, а также в результате того, что Y начал находиться в (на) Z-е, X вошел в контакт с Y-ом'.

Эта пара может рассматриваться как нестандартная видовая, близкая к третьему типу. Отличие от стандартного типа видового противопоставления у этого глагола вызвано особенностями его лексиче-

берега; плывя, в один из последующих моментов он начал находиться рядом с берегом'.

ского значения, а именно тем, что описываемая глаголом ситуация складывается не только из действия X-а, но и из действий Y-а (реальных или только предполагаемых). Отличие от стандартного типа состоит в том, что в форме СВ элемент 'в результате' присоединяется не к одному, а к двум компонентам толкования, описывающим соответственно действия X-а и действия Y-а. Однако в силу сказанного представляется более естественным усматривать здесь у членов пары не видовое нестандартное соотношение, а лексическое нестандартное соотношение.

Рассмотренный пример еще раз показывает тесную связь лексического и видового значений.

Упомянем также в этой связи особые видовые пары, обозначающие некоторые речевые акты, причем глагол НСВ в них называет только действие говорящего, а глагол СВ, помимо указание на речевое действие говорящего, содержит и указание на реакцию адресата. Ср. *Он уверял меня, что не опоздает* и *Он уверил меня, что не опоздает.* В последнем случает цель достигнута, и адресат верит говорящему (см. об этом [Гловинская 1992] и раздел наст. книги "Русские речевые акты и вид глагола").

5.4. К понятию чистовидовой пары

Попытаемся уточнить понятие чистовидовой пары на основе проведенного выше семантического анализа видового противопоставления. При этом мы коснемся только одного аспекта этой сложной проблемы — а именно, вопроса о формальном и семантическом статусе приставочных видовых пар.

Чистовидовая пара занимает особое место среди прочих категориальных оппозиций, относимых к словоизменительным[31].

В принципе словоизменительные категории образуются морфологической и семантической оппозицией форм слов.

Семантическая оппозиция состоит в том, что значения двух сравниваемых единиц не различаются ничем, кроме категориальной семантики (ср. формы единственного и множественного со значением 'один' и 'больше одного').

Морфологическая оппозиция выражается системой регулярных форм (падежно-числовые флексии, суффиксы степеней сравнения и т. д.). Обычно существуют какие-то более регулярные способы выражения данной позиции и менее регулярные, иногда нестандартные, например, супплетивные формы, являющие собой крайний случай нерегулярности. При этом, если речь идет не о видовой корреляции, то менее регулярные способы формообразования учитываются наряду с основными.

[31] Ниже мы специально коснемся вопроса о словоизменительном статусе вида.

Несколько иначе выглядит ситуация с видовыми парами. Семантический критерий выделения чистовидовых пар формулируется обычно так: чистовидовыми считаются такие пары глаголов, члены которых не выражают никаких семантических различий, кроме видовых.

Естественно, что установить, какие именно пары удовлетворяют этому требованию, можно только с помощью определенного семантического критерия. Парадоксальность ситуации в аспектологии состоит в том, что семантический критерий на деле подменяется формальным: большинство лингвистов считает, что удовлетворяют этому требованию все и только суффиксальные пары, образованные вторичной имперфективацией (типа *закрыть — закрывать*), меной тематической гласной (*бросить — бросать*), меной ударения (*разре́зать — разреза́ть*). За пределы чистовидовых выводятся все или большинство приставочных пар, как не удовлетворяющие семантическому критерию, т.е. содержащие, помимо видовых значений, дополнительные смысловые оттенки. Последнее соображение не сопровождается специальным семантическим анализом, на что справедливо обращали внимание противники этой точки зрения [Богуславский 1963: 20].

Такая ситуация связана с развитием самой аспектологии. Исторически дело обстояло так, что аспектологам пришлось отделять чистовидовые значения от значений так называемых "способов действия", выражаемых главным образом разнообразными приставочными перфективами. Дополнительные значения, которые приставки в этом случае сообщают основному глаголу, не являются чистовидовыми: ср., например, начинательное значение (*забе́гать, побежать*), значение заполнения действием отрезка времени (*проспать два часа, прозаниматься всю ночь*), значение окончания действия (*отцвести, отзвонить*). Во всех этих случаях приставочные глаголы не считаются видовыми парами к исходным глаголам *бегать, бежать, спать, заниматься, цвести, звонить*.

Отмежевываясь от значений, привносимых в категорию вида приставками, некоторые авторы впадают в крайность, отказывая априорно всем приставочным перфективам в способности выражать чистовидовое значение. При этом выдвигаются также и формальные возражения. Вот важнейшие из них.

1. Количество пар, образованных имперфективацией и префиксацией, резко различно. Префиксальные пары малочисленны, имперфективные составляют подавляющее большинство общего количества пар. Вот подсчеты, произведенные на основе цифровых данных, приводимых в работе [Мучник 1971: 112-124]: из 5760 глагольных видовых пар 4960 образованы имперфективацией и лишь 800 — префиксацией.

2. Префиксальные пары характеризуются чрезвычайным разнообразием средств выражения: по данным [Грамматика-70: 340] в видовых корреляциях участвуют 17 приставок. Имперфективные пары образуются более единообразно. Так, суффиксальные корреляции образуются всего тремя суффиксами: *-ива-* (*-ыва-*) — 60% случаев, *-а-* — 31%, *-ва-* — 9% [Мучник 1971: 113].

Следует признать, что, хотя два названных различия весьма существенны, они нисколько не препятствуют интерпретации префиксальных пар как чистовидовых. Ведь многие грамматические значения выражаются наряду с регулярными и единообразными средствами и менее регулярными и даже нестандартными. Так, например, имеется 7 возможных окончаний именных словоформ в винительном падеже множественного числа, причем некоторые из них присоединяются к весьма ограниченному количеству основ. При этом отмечено 140 случаев нестандартного образования данной формы [Еськова, Мельчук, Санников 1971: 40-41, 56-57].

3. Форма приставочного перфектива не предсказуема с помощью общего правила, т. к. "для разных глаголов она образуется с участием самых разных приставок, выступающих в качестве "лексически пустых". Между тем, образование пар этого второго типа (*подписать — подписывать*) осуществляется вполне регулярно, даже ""механически", присоединением суффикса" [Veyrenc 1965], цитируется по обзору [Маслов 1977: 31-32].

Есть, однако, основания считать, что непредсказуемость видовых форм глагола имеет место не только в случае приставочной перфективации, но и при любом способе глагольного видообразования. Ср., например, *вкусить — вкушать*, но *закусить — закусывать; восславить — восславлять*, но *обесславить — обесславливать; подавить — подавлять*, но *сдавить — сдавливать; разредить — разрежать*, но *проредить — прореживать; сопроводить — сопровождать*, но *выпроводить — выпроваживать; воззреть — взирать, призреть — призирать*, но *обозреть — обозревать, прозреть — прозревать; овеять — овевать*, но *провеять — провеивать; рассеять — рассевать* ('сеять в разных местах'), но *рассеять — рассеивать* (прочие значения). Ср. также случаи типа: *заготовить — заготовлять / заготавливать; затопить — затоплять / затапливать; накалить — накалять / накаливать; накопить — накоплять / накапливать; обмерить — обмерять / обмеривать; опорожнить — опорожнять / опоражнивать; отряхнуть — отряхать / отряхивать; переосмыслить — переосмыслять / переосмысливать; простудиться — простужаться / простуживаться* и т. п. (другие примеры вариантных форм см. в [Емельянова 1974]).

Как видим, и в этом случае нельзя говорить о "механическом" присоединении суффикса, хотя степень непредсказуемости здесь, естественно, меньше.

Показательно, что существующие правила построения глагольных морфологических форм не рассчитаны на предсказуемость способа видообразования: при каждом глаголе в грамматических словарях имеется указание на тип видообразования; и правила построения словоформы даются относительно этих типов [Зализняк 1977; Бидер, Большаков, Еськова 1978]. При этом и суффиксальные, и приставочные пары порождаются по правилам, как это предусмотрено, например, в последней цитированной работе.

4. Выражение видового значения является не единственной и не основной функцией префиксов [Мучник 1971: 124]. Хотя само по себе это утверждение не вызывает возражений, вряд ли оно может рассматриваться как аргумент в данной полемике. Непонятно, почему не единственная и не основная функция морфемы не должна была бы приниматься во внимание.

Кроме того, необходимо отметить, что и для суффиксов выражение видового значения — не единственная функция. Так, суффикс *-ива-* (*-ыва-*) имеет еще значение многократности (многократный способ действия — *хаживать, сиживать*). Что касается гласных *-и-, -а-* (*решить — решать*), то они, как и прочие тематические гласные, имеют в качестве главной основообразующую, а не семантическую функцию. Выражение значения вида для них вторично, так же, как, например, для гласных *и — е* вторично выражение значения переходности — непереходности (*белить — белеть*).

Аналогичный пример можно привести и из области имени. Известно, что при основе, называющей народность, суффикс множественного числа имеет в качестве первичного значение совокупности. Слово *грузины* — прежде всего название народности. Образованная от него семантически форма *грузин* обозначает представителя этой народности. И только вторично образованная форма *грузины* (от *грузин*) имеет обычное значение множественного числа. Однако данное обстоятельство никогда не мешало признавать формообразующую роль суффикса *-ы*.

5. Существует так называемая «неполная семантическая соотносительность» по виду приставочных образований с исходными глаголами [Мучник 1956: 97-98; Быкова 1958: 119]. Она состоит в том, что многозначные глаголы в своих разных значениях по-разному проявляют видовое противопоставление. Однако подобное обстоятельство неоднократно отмечалось и для пар, образованных имперфективацией. Этот вопрос мы подробно рассматривали выше (глава «Принципы изучения семантики видов...», раздел 4.2). Здесь воспроизведем цифровые данные из [Тихонов 1965: 97]. Из 1260 суффиксальных корреляций, проанализированных автором, у 1190 глаголов (= 94,5%) формы СВ и НСВ соотносительны во всех значениях, а у 70 глаголов (= 5,5%) — не во всех значениях. Что касается членов префиксальных корреля-

ций, то полная соотносительность имеет место у 83-85%. Как видим, расхождение цифровых данных не носит разительного характера.

Кроме того, подобная семантическая несоотносительность широко представлена и у других словоизменительных категорий. Хорошо известны аналогичные примеры у числа существительных. Так, существительное *хлеб* в значении 'продукт, выпекаемый из муки' (*Они питались хлебом и овощами*) не имеет формы множественного числа; в значении 'изделие из муки' имеет форму множественного числа — *хлéбы* (*накормить пятью хлебами две тысячи человек*); а в значении 'зерновые на корню' — *хлеба́* (*хлеба хорошо уродились*). Ср. также аналогичные примеры в [Тихонов 1965: 98]: *колено* в значении 'часть ноги' имеет множественное число *колени,* а в значении 'особый прием в пении, танцах' и 'поколение в родословной' — *колена.*

Помимо этого, данное соображение совершенно теряет силу аргумента против приставочных пар еще и в связи с тем, что в современных семантических работах в качестве единицы описания принято брать не слово целиком, а слово в одном своем лексическом (словарном) значении, о чем также шла речь выше.

Итак, рассмотрение формальных возражений против приставочных пар показывает, что все они касаются с разных сторон недостаточной регулярности приставочного видообразования. Между тем, как мы убедились, в этом отношении нет принципиального различия между приставочным видообразованием и средствами выражения других словоизменительных категорий. Признавая ведущую роль вторичной имперфективации как формального средства выражения значения вида, естественно было бы отвести приставочному способу видообразования роль второстепенного, менее распространенного и регулярного средства.

Вернемся к семантическому критерию выделения чистовидовых пар. В свете сказанного выше в этой главе очевидно, что он должен применяться независимо от формального, т.к. существуют приставочные пары, которые отличаются друг от друга точно так же, как и классические суффиксальные. Именно таким образом сформулирован в сущности единственный семантический критерий для разграничения парных или непарных глаголов (или, как более точно выразился Ю. С. Маслов, — «парных и непарных глагольных значений»). Это — критерий Ю. С. Маслова, состоящий в замене глагола СВ глаголом НСВ при переводе повествования в плоскость исторического настоящего [Маслов 1948: 306-307], сценического настоящего и при итеративизации глагола [Maslov 1981: 103-106; Маслов 1984: 63-70]. Ю. С. Маслов подчеркивает, что «лексическая семантика глагола принципиально не должна подвергаться при этом ни малейшему изменению».

В большинстве случаев с помощью этого критерия удается установить видовые пары. Особенно успешно он действует на материале пер-

вых трех типов видового противопоставления. Однако иногда при его применении возникают трудности. Так, в некоторых случаях транспозиция может оказаться допустимой для глаголов, которые не образуют чистовидовую пару.

Перевод в настоящее историческое с помощью бесприставочного исходного глагола возможен для некоторых способов действия, прежде всего, начинательного. Например, *Подали энергию и моторы снова заработали – Подают энергию и моторы снова работают; В эту минуту зазвонил звонок и урок кончился – В эту минуту звонит звонок и урок кончается.*

Допускают такую транспозицию и многие глаголы ограничительного способа действия. Например, *Он лег, поспал (проспал) два часа и встал – Он ложится, спит два часа и встает; Мы погуляли недолго и вернулись домой – Мы гуляем недолго и возвращаемся домой; Я поправил немного лошадьми и слез с облучка – Я правлю немного лошадьми и слезаю с облучка.*

Наконец, такую транспозицию допускают и нестандартные видовые пары. Например, *Лектор ответил на вопрос и продолжил доклад – Лектор отвечает на вопрос и продолжает доклад.*

Почему во всех этих случаях транспозиция оказывается возможной? Очевидно, что она допустима не из-за семантического тождества глаголов, а из-за общей синонимии фраз, которая в свою очередь возникает за счет уравнивающего контекста. Так, в случае с начинательным способом действия во фразе *Подают энергию и моторы снова работают* значение начинательности в *работают* возникает из-за перечисления действий, которые могут наступать только последовательно: моторы не могут заработать прежде, чем подадут энергию. Во фразе *В эту минуту звонит звонок* значение начинательности выражено точечным обстоятельством. В примерах с ограничительным способом действия синонимия возникает благодаря присутствию обстоятельств длительности *два часа* и *немного*. Нестандартная пара *продолжать — продолжить,* которая в СВ включает компонент 'после перерыва', уравнивается также за счет контекста: *ответил на вопрос* и есть перерыв в докладе.

Подобные случаи еще раз убеждают нас в том, что верховным судьей должен быть прямой семантический анализ пар. Подвергнув первоначально прямому семантическому анализу бесспорные, канонические пары и установив, какие элементы в значении глагола можно считать чистовидовыми, мы можем проверить затем, какие глагольные пары различаются только этими семантическими элементами.

Подытоживая наблюдения над чистовидовыми приставочными парами, можно констатировать, что, если подходить к ним без предвзятости, то мы не обнаружим теоретических оснований отказывать им в статусе обычного видообразующего средства.

Что же касается практических соображений, то трактовка соответствующих приставочных пар как чистовидовых представляется очень важной. Речь идет о преподавании русского языка и о лексикографической интерпретации видов.

Очевидно, что изучающему русский язык необходимо одновременно давать представление о *делать, строить, шить* и т.д. и о *сделать, построить, сшить* и т.д. именно как о видовых соответствиях: *Делал, делал уроки и наконец сделал; Строил долго дом и наконец построил* и т.д.

Так же необходимо иметь данную информацию и в толковом словаре. Причины, по которым эти пары должны быть отражены в словаре, — те же, по которым словарь помещает имперфективные пары. Образцом в этом отношении может служить "Словарь русского языка" С. И. Ожегова, в котором преодолена длительная традиция неодинаковой трактовки суффиксальных и приставочных видовых пар и наряду с суффиксальными учитываются и приставочные пары[32].

5.5. К вопросу о словоизменительном характере категории вида

Известно, что статус вида как словоизменительной категории время от времени подвергается сомнению. Иногда члены видовой пары рассматриваются не как формы одного слова, а как разные слова, тем самым видовая категория в целом интерпретируется как словообразовательная.

Не вдаваясь в подробности полемики по этому вопросу (обзор различных мнений на этот счет и аргументов за и против см. в [Тихонов 1965; Авилова 1976: 28-42]), отметим лишь то, что имеет в нашей работе непосредственное отношение к нему.

Описанный материал показывает регулярный характер семантического противопоставления видов. Подавляющее большинство видовых пар относится к стандартным семантическим типам видового противопоставления. Таким образом, смысловое соотношение между членами видовых пар как будто не препятствует тому, чтобы считать их формами одного слова, а вид в целом — словоизменительной категорией.

Разумеется, этот вывод не распространяется на случаи нестандартного видового противопоставления, которые, может быть, следует отнести к сфере словообразования.

Сам факт, что имеется несколько типов видового противопоставления, не противоречит трактовке вида как словоизменительной категории. Другие категории, например, число, также имеют более одного типа смыслового противопоставления.

---

[32] Об определении видовых партнеров на функциональной основе см., например, [Lehmann 1980; 1981; 1988].

Трудности состоят в другом.

Одна из них — это проблема троек. Эта проблема в свете подтвержденного семантическим анализом чистовидового статуса многих приставочных пар выглядит особенно серьезной[33]. Теоретическому рассмотрению проблемы троек в лексикографическом аспекте посвящена специальная работа [Апресян 1995а].

Рассмотрим вначале уникальную тройку *искать — найти — находить*, где оба глагола НСВ дополнительно распределены. Все видовые и видо-временные значения, свойственные *искать* (актуально-длительное, настоящее историческое, узуальное, многократное, общефактическое), нерезультативны. У *находить* нет актуально-длительного значения, а все остальные видовые значения (т. е. настоящее историческое, узуальное, многократное и общефактическое) результативны. Правда, оба глагола совпадают в потенциальном результативном значении: *Эта собака хорошо ищет / находит куропаток.* Однако вряд ли это значение возможно без поддержки контекста, в данном случае, оценочного обстоятельства *хорошо.*

Таким образом, оба имперфектива (один супплетивный) претендует на роль чистовидовых соответствий. Являются ли все три глагола формами одного слова? В данном случае можно было бы дать утвердительный ответ на этот вопрос из-за дополнительного распределения между имперфективами.

Рассмотрим другую тройку: *копать (яму) — выкопать — выкапывать.* Пара *копать (яму) — выкопать* выражает чистовидовое соотношение (первый тип). Более того, именно она, как и в предшествующем случае, воплощает противопоставление видов в их главных значениях: *Копал, копал яму и, наконец, выкопал* но не **Выкапывал, выкапывал яму и, наконец, выкопал.* Это *выкапывать* вообще неестественно употреблять в актуально-длительном значении. Оно может выражать узуальное, многократное и т. д. значение.

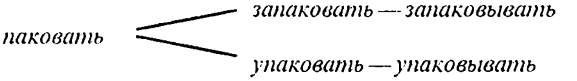
Можно ли считать все три глагола формами одного слова? Утвердительный ответ в данном случае является некоторой натяжкой, поскольку дополнительное распределение глаголов НСВ не имеет строгого характера (оба могут употребляться, например, в настоящем историческом).

Еще хуже обстоит дело с тройками типа *мерить — измерить — измерять.* Семантически парой можно признать как *мерить — измерить,* так и *измерять — измерить.* Ср. *Он меряет длину сада шагами* и *Он измеряет длину сада шагами.* Между *мерить* и *измерить* нет, однако, дополнительного распределения.

---

[33] Она сохраняется также и в случае применения критерия Ю. С. Маслова (см. обсуждение этого в [Маслов 1984: 69]).

Число таких троек достаточно велико [Емельянова 1974, Снопкова 1973, Снопкова 1976]. Иногда эта проблема перерастает в проблему пятерок [Апресян 1974: 174-175]; ср.

В каком отношении находятся друг к другу глаголы *паковать, запаковывать, упаковывать?* Очевидно, что признать их вариантами одного слова невозможно.

Невозможность считать подобные тройки и пятерки формами одного слова и, с другой стороны, невозможность разрешить эту проблему с помощью какого-либо строгого критерия, отсекающего одну из форм, и составляет основное препятствие для интерпретации вида как чисто словоизменительной категории.

Другая трудность связана со смысловым строением глагольной словоформы относительного вида и лексического значения.

Смысловое строение формы слова складывается из следующих трех элементов: 1) лексическое значение основы; 2) инвариантное значение грамматического показателя; 3) конкретное значение грамматического показателя в данном случае. Так, значение словоформы *братья* в словосочетании *его братья* включает в качестве второго элемента значение 'больше одного', а в качестве третьего — 'совокупность чьих-то родственников'.

Смысловое строение производного слова складывается из трех других элементов: 1) лексическое значение производящей основы; 2) инвариантное значение словообразовательного типа; 3) регулярное или (чаще) нерегулярное семантическое наращение к целостному значению производного слова. Так, значение слова *хохотун* включает в качестве второго элемента значение словообразовательного типа 'тот, кто выполняет действие, названное основой', а в качестве третьего — наращение 'тот, кто склонен к выполнению действия'.

Напомним теперь смысловое строение видовой словоформы. Оно складывается из 1) лексического значения пары (лексический инвариант глагола в целом); 2) регулярного семантического наращения к лексическому значению у одного из членов пары; 3) видового значения члена пары (видового инварианта); 4) регулярного (типового) видового наращения у одного из членов пары.

В структуре видовой словоформы третий и четвертый элементы соответствуют второму и третьему элементам смысловой структуры формы слова, а ее второй элемент соответствует второму и третьему элементам структуры производного слова.

Таким образом, смысловая структура видовой словоформы обнаруживает сходство и со словоизменением, и со словообразованием.

Е. Д. Поливанов рассматривал вид с формальной стороны "как нечто промежуточное между словообразованием и словоизменением" [Поливанов 1934: 115].

Наш анализ подтверждает промежуточный характер вида и с точки зрения его семантики: с одной стороны, имеют место регулярные типы видового противопоставления, а с другой, — тесное сплетение лексического и видового значений в основе; неполное совпадение лексического значения у членов пары; тройки глаголов, которые нельзя признать формами одного слова; нестандартные пары; смешанный характер смысловой структуры видовой словоформы.

СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА И СТИЛИСТИКА ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ФОРМ:

ОСНОВНЫЕ КЛАССЫ ЧАСТНЫХ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ*

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Данный раздел посвящен описанию частных видовых и видо-временных значений. В дальнейшем мы не будем терминологически различать собственно видовые и видо-временные значения, а будем говорить просто о частных значениях.

В разделе рассматривается два больших типа видовых и видо-временных форм.

К первому типу отнесены формы, имеющие обычную текстовую функцию, т.е. обозначающие события действительности, реальные или воображаемые. Они сгруппированы в три разряда, в которые включены частные значения с общими компонентами: 1) 'предстоящее действие', 2) 'действие в прошлом, достигшее результата' и 3) 'узуально-потенциальное действие'.

Мы поставили перед собой цель — предложить полные толкования для видо-временных форм, содержащих названные компоненты, обосновать эти толкования, исследовать контекстуальные (семантические, лексические, морфологические и синтаксические) условия реализации данных форм и вывести — там, где это возможно, — их функционально-стилистические особенности из семантических, прагматических и сочетаемостных свойств.

Ко второму типу отнесены некоторые специальные способы передачи уже отраженной действительности, т. е. формы, которые используются не при рассказе о действительности, а при повторной дескрипции — пересказе текстов. Исследуется специфика употребления видо-временных форм в этой метатекстовой — пересказывательной — функции.

Одной из самых глубоких особенностей частных видовых значений является то, что многие входящие в них смысловые компоненты носят неявный, имплицитный характер. Многое в частных видовых значениях относится к области того, что Бодуэн де Куртене назвал "потаенными, скрытыми языковыми представлениями" [Бодуэн де Куртене 1963: 185] и что в современной лингвистике получило наиме-

* Опубликовано в кн. "Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика". Отв. ред. Д. Н. Шмелев, М., 1989, с. 74-145. В данном издании в текст внесены некоторые изменения и дополнения.

нование "скрытых грамматических категорий" [см. Бондарко 1978: 16; Wierzbicka 1980: 49-50; Булыгина 1980: 332-354]. Процитируем в этой связи и следующее глубокое замечание Ю. С. Маслова: "Лингвист, проходящий мимо частных значений и их оппозиций, лишает себя возможности проникнуть в область "подразумеваемого" ("das Gemeinte" Э. Кошмидера), т. е. добраться до того, что собственно, имеет в виду своим высказыванием говорящий" [Маслов 1984: 71].

Другая особенность частных видовых значений состоит в том, что они входят в разнообразные квазисинонимические отношения друг с другом. В аспектологии принято говорить о синонимии или конкуренции видов в случаях, когда взаимная замена форм совершенного вида (СВ) на формы несовершенного вида (НСВ) не приводит к заметному изменению смысла высказывания [Mathesius 1938; Bareš 1956; Křížková 1961; Станков 1976; Рассудова 1982: 30, 38, 67-71; Маслов 1984: 70-84]. Так, сравнивая пары примеров *Он стоял / простоял там целый час*; *Он два раза обернулся / оборачивался*; *Он открывает самые сложные замки / откроет самый сложный замок*; Ю. С. Маслов комментирует их следующим образом: "Оба вида описывают, в сущности, тождественную ситуацию и различаются только тонкими оттенками, так что скорее следует говорить о видовой синонимии" [Маслов 1984: 72].

В предлагаемом ниже описании частных видовых и видо-временных значений мы исходили из представления о том, что "конкурирующие" значения, как бы близки они ни были друг другу, не являются полностью синонимичными. Синонимия возникает здесь за счет контекста, на уровне общего смысла предложения. Сами же глагольные формы не более чем квазисинонимичны, т. е. сохраняют, несмотря на большую смысловую близость, достаточно существенные различия в значении. В последнем примере Ю. С. Маслова, где формы НСВ и СВ имеют потенциальное значение, смысловое различие сохраняется, по нашему мнению, и между предложениями, хотя оно действительно трудно уловимо и, как пишет Ю. С. Маслов, вряд ли может быть передано при переводе на "безвидовые" языки. Нашей целью было как раз эксплицировать подобные семантические различия.

Именно наличие в языке грамматических форм с близкими квазисинонимическими значениями является онтологической основой того подхода к описанию грамматических фактов, который был намечен еще в работах [Brunot 1922, Есперсен 1958, Щерба 1947]. С середины 60-х годов он представлен работами по модели "Смысл ⇔ Текст" [см. Мельчук 1974 и др. работы этого направления], а в последние годы получил широкое распространение и признание под названием функциональной грамматики [см. Бондарко 1967; Шмелев 1977; Маслов 1978; Бондарко 1983; Бондарко 1984; Бондарко 1985; Гак 1985; Шведо-

ва 1985; Шелякин 1985; Слюсарева 1985; Храковский 1985; Долинина 1985; Мартынов 1985 и многие другие работы этого направления].

Третья особенность изучаемого материала состоит в том, что каждый из двух видов обладает богатой полисемией, причем частные значения каждого из видов обнаруживают отчетливое сходство с главным значением того же или противоположного вида. Подобные грамматические единицы в лингвистике издавна изучались с двух точек зрения.

В основе первой лежит понятие семантического инварианта, т. е. такого общего значения грамматической формы, которое является ее основным значением и из которого все частные значения выводятся как контекстуально обусловленные (=контекстные) варианты. При этом само общее значение считается свободным от влияния контекста.

Вторая точка зрения признает многозначность (или мультифункциональность) грамматических форм.

Обе эти точки зрения имеют давнюю традицию в науке. История вопроса хорошо прослежена в [Бондарко 1978, 128-140].

А. В. Бондарко указывает на весьма давнее возникновение первой из этих двух концепций (сформулированной вначале, естественно, не в современной терминологии "вариантов" и "инвариантов"). Так, в отечественной лингвистике эта мысль была высказана еще К. С. Аксаковым и Н. П. Некрасовым [Аксаков 1860: 82; Некрасов 1865: 106]. Еще ранее эта мысль высказывалась Ф. Вюльнером [Wüllner 1827], который писал о необходимости найти в лингвистической форме единственное основное значение довольно высокой степени абстракции, чтобы из него могли быть выведены все конкретные употребления формы [Бондарко 1978: 129].

Современный вид эта концепция получила в ряде работ Р. О. Якобсона, опирающегося, с одной стороны, на взгляды своих предшественников, а с другой, — на результаты, достигнутые в фонологии [Якобсон 1985а: 210-222; Якобсон 1985б: 176-197]. Теория инварианта зародилась в фонологических трудах Казанской лингвистической школы еще в 70-е годы прошлого столетия, а затем получила блестящее развитие в фонологичесих работах Пражской лингвистической школы [Трубецкой 1960; Якобсон и др. 1962; Якобсон и Халле 1962]. На переносе фонологических понятий в морфологию и основана данная теория Р. О. Якобсона[1].

Таким образом, представление о едином общем значении и выводимых из него частных значений существует в науке уже более 100 лет.

[1] Ср. скептическое отношение А. Мазона к объяснительным возможностям фонологических методов для решения аспектологических проблем [Мазон 1958: 36], а также критику М. И. Стеблина-Каменского по поводу "фонологической метафоры", предполагающей изоморфизм незнакового (фонологического) и знакового уровней [Стеблин-Каменский 1974: 80].

Мы подчеркиваем это обстоятельство, поскольку удачных конкретных описаний многозначных форм, выполненных на основе этого принципа, практически не существует. Известная работа Р. О. Якобсона о категории падежа, где общие значения падежей описываются с помощью дифференциальных семантических признаков, не получила развития в лингвистике.

Вторая точка зрения также существует с давних пор. Крайний взгляд принадлежит А. А. Потебне, который вообще отрицал наличие любого общего значения у грамматической формы в языке, сводя все к конкретному речевому, контекстному употреблению [Потебня 1958: 42].

Хорошо сбалансированный взгляд по этому вопросу принадлежит Ф. Ф. Фортунатову. В одних случаях он усматривает у формы общее значение, которое лежит в основе всех ее отдельных значений, ср., например, значение возвратного залога на *-ся* [Фортунатов 1903: 1154]. В других случаях он констатирует многозначность грамматической формы. Ср., например, два значения у формы настоящего времени — «относительно к настоящему времени или же без отношения к определенному времени» [Фортунатов 1956: 160], или несколько значений у творительного падежа [указ. соч.: 162]. Сходный подход к определению значений грамматических форм представлен в других концепциях, см. [Пешковский 1935: 261-272; Виноградов 1947: 169-170; Koschmieder 1965: 168; Кошмидер 1962: 409-416]. Близкую к этому точку зрения развивает и А. В. Бондарко [Бондарко 1978: 163-169].

Несмотря на всю соблазнительность первого подхода, представить частные видовые значения как контекстно обусловленные варианты главных видовых значений для русского языка практически не представляется возможным, по крайней мере на нынешнем этапе развития аспектологических исследований. Трудность состоит в невозможности однозначно сформулировать контекстные условия, в которых исходное значение всегда (!) заменялось бы соответствующим частным и только им. Именно в этом случае была бы достигнута искомая аналогия с фонологическими описаниями.

Можно трактовать выводимость более широко — как правила преобразования исходного, главного значения в данное частное. Такие правила должны включать все необходимые условия и факторы, в том числе коммуникативные и прагматические, которые позволяют нам понимать глагольную форму именно в данном частном значении. Такая выводимость может иметь преимущества перед описанием СВ и НСВ как многозначных граммем в том случае, если правила будут носить достаточно общий и простой характер и если при преобразовании главного значения в частное они оба будут сохранять достаточную смысловую общность. Но если окажется, что при выведении частных значений в полном объеме наращения слишком велики и индивидуальны, а правила слишком сложны и тоже индивидуальны, то выво-

димость будет иметь искусственный и в сущности фиктивный характер. Такая выводимость не будет отличаться в принципе от описания частных значений как отдельных сущностей с указанием условий их реализации.

Впрочем, функционально-стилистический аспект исследования ставит в центр внимания иные вопросы, нежели проблема выводимости. Поэтому мы не углубляемся далее в этот вопрос, предполагая рассмотреть его в другой работе. Здесь же мы описывали частные значения как отдельные сущности.

Перечисленные особенности частных видовых значений — неявность многих смысловых компонентов, входящих в их состав, их разветвленная квазисинонимия и полисемия — в значительной мере предопределили метод их исследования. Наиболее подходящим инструментом семантического исследования таких языковых единиц является метод толкований, сопряженный с лингвистическим экспериментом. Последнее необходимо подчеркнуть особо. Поскольку многие смысловые компоненты частных значений нельзя ощутить непосредственно и они не подтверждаются нашими интуитивными представлениями, то вскрыты они могут быть только с помощью эксперимента.

Переходя к описанию частных видовых и видо-временых значений русского языка, отметим, что им посвящена обширная литература. Сама номенклатура частных значений основывается на следующих работах [Mazon 1914; Маслов 1959; Рассудова 1968; Бондарко 1971]. Из работ, связанных с описанием конкретных частных значений, назовем здесь еще [Пешковский 1935; Кошмидер 1962, Koschmieder 1962; Виноградов 1947; Поспелов 1948; Головин 1950; Бондарко 1959; Бондарко, Буланин 1967; Forsyth 1970; Гаспаров 1978; Калабухова 1980; Гловинская 1981; Бондарко 1983; Маслов 1984 и др.].

Свое изложение мы стремились организовать следующим образом: примеры употребления; толкование и его обоснование; соотношение данного значения с главными значениями НСВ и СВ, т.е. обозначение действия 'в протекании' или 'в результате'[2]; классы глаголов, для которых характерно данное значение; обязательные контекстуальные условия реализации значения; факторы, способствующие или препятствующие его реализации; стилистическая характеристика формы с данным значением.

[2] Ср. замечания О. Даля: «Все, что происходит в мире, может быть описано либо в терминах процесса, либо в терминах события» [Dahl 1974]. См. также [Гловинская 1983а].

2. Грамматические способы выражения значения 'предстоящее действие'

В этом разделе мы рассмотрим следующие способы выражения значения 'предстоящее действие': 1) формы будущего времени СВ и НСВ (*Я прочту*; *Я буду читать*); 2) формы настоящего и прошедшего времени в профетическом значении (*Завтра мы идем в театр*); 3) прошедшее СВ в значении близкого будущего (*Ну, я пошел!*); 4) прошедшее СВ в значении неизбежного будущего (*Мы погибли!*); 5) прошедшее СВ в значении иронического отрицания будущего действия.

Каждая из этих форм неоднократно описывалась в литературе. Тем не менее, рассмотрение сразу целой группы языковых средств, выделенных на основе общего смысла, позволяет обнаружить новое в их значении и яснее представить их сходства и различия.

Статус перечисленных способов выражения предстоящего действия неодинаков. Только формы, для которых обозначение будущего действия является их основным значением, а также формы настоящего и прошедшего профетического можно считать бесспорными носителями значения 'предстоящее действие'. Что же касается трех последних значений, то обилие лексических, морфологических и синтаксических ограничений, сопровождающих их реализацию, наводят на мысль, что эти значения выражаются не видо-временной формой самой по себе, а всей совокупностью условий, в число которых входит эта форма.

2.1. Предстоящее действие, выражаемое формами будущего времени обоих видов

Это наиболее нейтральное обозначение будущего действия; формы будущего времени обозначают то, что может или должно иметь место после момента речи, т. е. предстоящий факт без специфических модальных или экспрессивных добавок. Мы не имеем в виду, естественно, модальности будущего как такового, связанной с тем, что факт еще не наступил и поэтому не стал абсолютной реальностью. Эта модальность одинаково присутствует во всех способах обозначения будущих фактов.

Мы не будем здесь касаться сложнейшей логико-философской и семантической сущности понятия будущего времени. Нас интересует сравнительная характеристика семантики разных способов выражения предстоящего действия, а для этого достаточно уяснить, что значение, выражаемое формами будущего времени, каково бы оно ни было, входит как составная часть в значение всех прочих способов выражения будущего.

Формы будущего времени НСВ (*Я буду читать*) обозначают действие 'в протекании', либо с самого начала отнесенное в будущее, либо

такое, которое в момент речи уже начато и будет дальше продолжено в будущем (Вопрос к читающему человеку: — *Ты что будешь делать?* — *Буду читать*)[3].

Формы будущего времени СВ (*Я прочту эту книгу*) обозначают действие, которое достигнет полного результата, также либо целиком (от начала до конца) отнесенное в будущее, либо такое, которое уже начато в момент речи и будет закончено в будущем (Вопрос к читающему человеку: — *Что ты будешь делать?* — *Вот прочту статью и пойду домой*).

Формы будущего времени наиболее свободно выражают значение предстоящего действия по сравнению с другими способами выражения этого значения.

Так, обычное значение будущего времени имеют любые глаголы, в то время как другие способы обозначения предстоящих событий возможны далеко не у всех глаголов. Например, можно сказать *Министерство торговли будет препятствовать заключению этого договора,* но невозможно употребить глагол *препятствовать* в профетическом значении (или настоящего намерения): **В будущем году министерство торговли препятствует заключению этого договора.*

Возможно обычное будущее глагола *съесть* (*Я съем это яблоко*), но невозможно употребить прошедшую форму этого глагола в значении близкого будущего (ср. *Ну, я пошел,* но не **Ну, я съел это яблоко*).

Формы будущего времени могут употребляться с любыми обстоятельствами будущего времени. В то же время другие способы обозначения предстоящего действия связаны со специальными ограничениями на семантическую и синтаксическую сочетаемость. Например, формы прошедшего СВ в значении близкого будущего не могут сочетаться с обстоятельствами будущего времени: **Ну, через минуту я побежал на работу.*

Обычное будущее имеет все спрягаемые формы, эти формы сочетаются соответственно со всеми личными местоимениями. Другие обозначения предстоящих действий и в этом отношении менее свободны. Так, формы прошедшего СВ в значении близкого будущего не сочетаются с местоимениями 2-го лица в утвердительных предложениях. Предложения типа *Ты пошел на рынок* в значении близкого будущего кажутся очень странными, их трудно осмыслить.

И, наконец, формы обычного будущего, являясь нейтральными стилистически, употребляются совершенно свободно во всех без исключения функциональных стилях и жанрах, в отличие от прочих форм, ограниченных и в этом отношении.

---

[3] О связи будущего действия с планом настоящего в формах будущего времени СВ и НСВ см. [Karcevskij 1927: 153; Виноградов 1947: 569, 574; Исаченко 1960: 445; Кржижкова 1962; Бондарко 1962; Поспелов 1966; Фуксман 1973: 91-102; Шелякин 1980: 9-21].

2.2. Настоящее НСВ предстоящего действия

Остановимся вначале на настоящем предстоящего действия, так называемом praesens propheticum (или «настоящем намерения» или «запланированного будущего»). Приведем примеры:

Решено было, что будущую зиму мы служим вместе в большом приволжском городе, куда он приглашен уже (М. Савина); *Она писала, что укладывается и выезжает в Петроград* (А. Толстой); *Катя сдержанно, но тем же низким и хрипловатым голосом спросила у Рощина: — Вы уезжаете?* (А. Толстой); *Ты жива, жива, ты домой вернулась, а вот теперь уезжаешь* (Е. Шварц); *Он только в последний момент сказал своей супруге: Возникло чувство к другой. Расстаемся. Деньги буду посылать почтой* (М. Зощенко): *Конечно, сейчас штабы, эта дурацкая война, большевики, и Петлюра, и долг, но потом, когда все придет в норму, он бросает военную службу, несмотря на свои петербургские связи, вы знаете, какие у него связи — ого-го... и на сцену* (М. Булгаков); *Моя карта бита. Завтра перехожу наверх к девочкам* (Н. Ильина); *Дал я себе твердое слово — бросаю курить* (А. Маркуша); *Вы слышали / она переходит к нам в сектор //* (Из записей разговорной речи. — Далее РР); *Он идет на базу?; В среду обедаем вместе / да / Саша?; Вы сегодня вечером на концерт идете? Собираемся //* (Из записей РР); *Франция отмечает в августе 40-ю годовщину освобождения от немецко-фашистских захватчиков* (газета «Правда»).

О значении этой формы писали многие лингвисты. Так, у А. М. Пешковского находим следующее определение: «Настоящее вместо будущего для изображения наверное ожидаемых в будущем фактов как бы происходящих в момент речи» [Пешковский 1935: 191]. В. В. Виноградов считал, что «форма настоящего времени в этом случае выражает готовность действия совершиться или потенциальное наличие ближайшего будущего действия. Эти оттенки значения формы настоящего времени возникают на основе субъективного представления будущего действия как уже осуществляющегося, реализующегося в сознании субъекта» [Виноградов 1947: 572]. «Действие осуществится в будущем, но намерение, готовность, решимость его осуществить или уверенность в том, что оно произойдет, проявляются уже в настоящем» [Бондарко 1971: 154].

Предлагаемое толкование опирается на эти суждения, хотя и не вполне с ними совпадает:

'(1) Будет иметь место событие или действие Р;

(2) В момент речи событие Р запланировано или может быть предсказано с высокой вероятностью;

(3) Говорящий оценивает время события Р как близкое будущее'.

От значения простого будущего данное толкование отличается компонентами (2) и (3). Остановимся на них подробнее.

'(2) В момент речи событие P запланировано или может быть предсказано с высокой вероятностью'.

Наличие этого компонента отразилось в названиях данного видо-временного значения — «настоящее намеченного действия» [Пешковский 1935: 190-191], praesens propheticum [Mazon 1914: 125-127], «запланированное будущее» и т. п.

Компонент этот дает о себе знать при сопоставлении данной формы с формой обычного будущего СВ. Ср. невозможность **Каспаров завтра играет хорошо* при нормальности *Каспаров завтра будет играть хорошо* (хорошую игру заранее запланировать нельзя, а предсказать можно). Приведем контекст, где эти формы противопоставлены: *Кутузов дает мне тысячу сабель! Я ухожу в тыл к французам! — Дает? — изумился Бедряга. — Не дает, так даст! — не моргнув глазом, воскликнул Денис* (С. Ермолинский).

В предложения с формой НСВ предстоящего можно ввести наречие *уже*: *Кутузов уже дает нам тысячу сабель* (т. е. его согласие в момент речи уже имеется); *Пригласим их завтра вечером к нам? — Нет, они уже идут в кино* (т. е. в момент речи такой план уже имеется). Семантически это наречие относится к компоненту 'действие запланировано'.

В предложениях с формой обычного будущего СВ наречие *уже* употребить нельзя из-за отсутствия компонента, к которому оно могло бы присоединиться: **Кутузов уже даст нам тысячу сабель*; **Они уже поедут летом на байдарках.*

Это семантическое различие между сравниваемыми формами приводит к некоторым прагматическим различиям в их употреблении. Например, при отклонении приглашения с разной степенью вежливости звучат фразы: *Не могу, я пойду завтра в кино* и *Не могу, я иду завтра в кино.* Вторая фраза воспринимается как более вежливая именно из-за того, что действие представлено как запланированное к моменту речи, и тем самым для говорящего объективно не остается возможности принять приглашение. В первом же случае речь идет об обычном намерении совершить действие, и нежелание отказаться от него может восприниматься как неучтивость.

Реализация второго компонента толкования регулируется следующим правилом: если глагол обозначает целенаправленное действие или результат целенаправленного действия (*По завещанию бабушки она получает часть дома*), то реализуется первый член дизъюнкции: 'действие или событие запланировано в момент речи'; если глагол обозначает процесс, не зависящий от воли человека (*Завтра начинается сезон дождей*), выбирается второй член дизъюнкции — 'событие может быть предсказано с высокой вероятностью'.

'(3) Говорящий оценивает время события как близкое для данной ситуации будущее': ср. «ближайшее будущее действие» у В. В. Виноградова.

Оценка будущего момента как близкого или не близкого для данного события концептуализирована в языке. Роль говорящего состоит в отборе нужного языкового средства, т. е. такой языковой единицы, которая выражает оценку, совпадающую с его собственной оценкой рассматриваемой ситуации.

Обосновывая наличие этого компонента, мы будем пользоваться текстами (фразами), в составе которых есть элементы, противоречащие ему. Эти фразы не являются в прямом смысле грамматически неправильными, они только семантически странны. Более того, каждая из них может быть осмыслена как правильная, хотя и описывающая ситуацию, отличную от привычной для нас. Относительно нашего мира, с принятыми в нем сроками протекания определенных процессов и осуществления различных действий, эти фразы воспринимаются как нелепые, странные. Именно эта семантическая странность и указывает на то, что в тексте есть элемент ('в близком будущем'), семантически несовместимый с явно выраженным противоположным смыслом.

Чтобы понять, что означает 'близкое будущее' рассмотрим следующие фразы:

(1) *Завтра (послезавтра) она работает <занимается> в библиотеке,*

но не

(1а) ?*Через год она работает <занимается> в библиотеке.*

(2) *Решено: через год я поступаю в университет,*

но не

(2а) ?*Решено: через 10 лет я поступаю в университет.*

(3) *Я еду в командировку через месяц,*

но не

(3а) ?*Я иду в библиотеку через месяц.*

(4) *Через десять лет на Земле наступает похолодание,*

но не

(4а) ?*Через десять лет в этом районе наступает похолодание.*

Сопоставляя фразы (1) и (1а), (2) и (2а), мы видим, что данные глагольные формы свободно сочетаются с обстоятельствами, обозначающими более близкое будущее, и менее свободно — с обстоятельствами, обозначающими отдаленное будущее. При этом следует иметь в виду, что понятие близкого будущего является относительным, между близким и отдаленным будущим нет абсолютной временнóй границы. Сопоставление примеров (1а) и (2), (3) и (3а), (4) и (4а) показывает как

раз, что один и тот же момент оценивается языком как близкое будущее для одних ситуаций и как далекое для других, в зависимости от их характера. Так, в примере (3а), когда речь идет о посещении библиотеки (простое действие, целиком зависящее от воли субъекта, не требующее специальных длительных приготовлений), *через месяц* воспринимается как отдаленное будущее, и поэтому фраза *Я иду в библиотеку через месяц* кажется нелепой. Когда же в примере (3) речь идет о командировке (более сложное действие, которое обычно согласуется с другими лицами или учреждениями и планируется задолго до исполнения), *через месяц* означает близкое будущее, и поэтому соответствующая фраза является совершенно нормальной.

Особенно показательны в этом отношении примеры (4) и (4а). Десять лет в истории Земли означает ничтожно малое время, и поэтому обстоятельство *через десять лет* обозначает близкое будущее для всех состояний и изменений, связанных с Землей. Поэтому правильна и соответствующая фраза. В то же время, если речь идет о прогнозе для определенного района, то *через десять лет* обозначает, как легко понять, весьма отдаленное будущее — ведь прогнозы погоды для конкретных географических зон делаются на короткие сроки. Поэтому и соответствующая фраза воспринимается как странная или нелепая.

Компонент 'В будущем, которое говорящий оценивает как близкое будущее' дважды дейктичен. Во-первых, это обычный временной дейксис: время событий оценивается относительно момента речи. Во-вторых, это более дифференцированное соотнесение времени события с моментом речи: один и тот же реальный момент времени оценивается в зависимости от характера события либо как близкое, либо как не близкое будущее.

Мы не включили в толкование компонент 'Говорящий уверен в наступлении события', который предлагался А. М. Пешковским («наверное ожидаемые в будущем факты»); об этом писал также Б. Комри [Comrie 1985: 47-48]. Ранее и мы усматривали этот компонент в значении данной формы [Гловинская 1986а: 25]. Разберем аргументы, содержащиеся в названных нами работах.

Приведем следующее рассуждение Б. Комри: «Мы не утверждаем, что предложение *Поезд отправляется в 5 часов завтра утром* имеет то же самое значение, что и *Планируется, что поезд отправится в 5 часов завтра утром*[4]. В первом предложении утверждается, что поезд действительно отправится в названное время и что, более того, это является результатом планирования; между тем, во втором говорится только, что согласно расписанию 5 часов есть время отправления поезда, но не говорится, что поезд действительно отправится в соответствии с рас-

[4] Английские примеры заменены нами на русские, так как сказанное справедливо и для русского языка.

писанием. Поэтому вполне разумно говорить *Планируется, что поезд отправится в 5 часов завтра утром, но на самом деле он не отправится раньше шести,* между тем как было бы противоречием сказать *Поезд отправляется в 5 часов завтра утром, но в действительности он не отправится раньше шести*» [Comrie 1985: 47-48].

Выражение Б. Комри «действительно отправится» мы рассматриваем как эквивалент более эксплицитного выражения «говорящий уверен в наступлении события» — иначе трудно понять, что может значить «действительно» по отношению к еще не состоявшемуся событию.

Неправильность последней проанализированной Б. Комри фразы еще не свидетельствуют о необходимости данного компонента. Продолжение фразы (... *в действительности он не отправится раньше шести*) несовместимо с первым компонентом значения формы *отправляется* — 'будет иметь место событие Р', т. е. 'поезд отправится в 5 часов'. Возникает противоречивое утверждение 'Поезд отправится в 5 часов, но в действительности он не отправится раньше шести'. Тем самым для объяснения этого случая достаточно предложенного толкования.

В нашей работе необходимость в компоненте 'говорящий уверен' обосновывалась неправильностью фраз с явно выраженной неуверенностью типа **Пожалуй, на будущей неделе мы идем в театр*; **Вряд ли я сейчас отправляюсь за покупками.* Однако для объяснения этого обстоятельства также нет необходимости постулировать компонент 'говорящий уверен'.

Обратим внимание на следующие группы фактов.

1) При совпадении говорящего и субъекта действия данные формы плохо сочетаются и с показателями уверенности, и с показателями неуверенности: ?*Сомневаюсь, что я иду завтра в кино*; ?*Я уверен, что завтра читаю лекцию*; ?*Завтра вечером я наверняка иду в библиотеку.* При этом формы обычного будущего нормально подставляются в подобные фразы: *Сомневаюсь, что я пойду завтра в кино; Я уверен, что завтра буду читать лекцию*; *Завтра вечером я наверняка пойду в библиотеку.*

2) При несовпадении говорящего и субъекта действия данные формы сочетаются и с показателями уверенности, и с показателями неуверенности: *Вряд ли она идет завтра в библиотеку*; *Я уверен, что она завтра идет в библиотеку.*

В подобных случаях говорящий сомневается или уверен не только в наступлении действия, но и в том, что оно к моменту речи в принципе запланировано. Например, *Они наверняка идут на этот кинофестиваль* означает уверенность в том, что посещение кинофестиваля входит в их планы, что у них есть билеты и т. п. *Сомневаюсь, что он сегодня читает лекцию* значит, что у говорящего есть сомнения в том, что на

сегодня назначена лекция. По этой причине нельзя сказать **На сегодня запланирована его лекция, но я сомневаюсь, что он ее читает,* т. к. вторая часть высказывания противоречит первой.

Любопытно, что неправильным оказывается и другое продолжение этой фразы: **На сегодня запланирована его лекция, и я уверен, что он ее читает* (эта фраза неправильна относительно интересующего нас смысла 'предстоящее действие' и нормальна относительно осмысления в актуально-длительном: 'сейчас читает'). Возникает тавтология — компонент формы *читает* дублирует первую часть высказывания; и, по-видимому, характер этой тавтологии таков, что противоречит семантическим условиям сочинения. Возможны были бы следующие продолжения данной фразы: ... *но я сомневаюсь* (или ... *и я уверен*), *что он ее будет читать/прочтет.*

Вернемся к фактам первого рода (говорящий и субъект действия совпадают). Затрудненное выражение уверенности или неуверенности от лица субъекта действия объясняется именно тем, что в сферу действия соответствующей лексемы попадает компонент 'действие запланировано в момент речи'. Поясним это на примере слова *вряд ли*, ср. **Вряд ли я сейчас вызываю врача. Вряд ли* Р = 'Говорящий сомневается, что Р' = 'Говорящий не знает, Р или не Р; говорящий считает, что вероятнее не Р'. Относительно собственных действий говорящий не может не знать, запланировал ли он их или нет.

Если же действие планируется не самим субъектом действия, то выражение неуверенности возможно и от первого лица, например, при обращении школьника к учителю: *Мы, наверное, проводим сегодня собрание, Владимир Миронович?*

Подытожим сказанное. Рассмотренные факты не показали необходимости постулировать компонент 'говорящий уверен в наступлении действия' в толковании НСВ предстоящего.

Выше приводилось мнение А. М. Пешковского о том, что эта форма изображает будущие факты «как бы происходящими в момент речи», и мнение В. В. Виноградова о том, что будущее действие представлено как уже осуществляющееся, реализующееся в сознании субъекта. Вопреки этому мы не включаем в предлагаемое толкование ни компонента 'говорящий представляет событие как бы происходящим в момент речи', ни «живописного» (термин А. М. Пешковского) компонента 'говорящий представляет событие как бы происходящим на его глазах', представленного, в частности, в настоящем историческом, настоящем воображаемом и др. Второй компонент отличается от первого тем, что 'как бы на глазах' не обязательно означает 'как бы в момент речи', а может означать, что говорящий и слушающий мысленно

транспонируются в план прошлого[5] или в план будущего; ср. настоящее воображаемое [Бондарко, указ. соч.: 157-158], где на их глазах и разворачиваются события одно за другим.

Поясним, почему мы не включаем эти компоненты в значение рассматриваемых форм.

Здесь мы сталкиваемся с очень трудной проблемой — найти объективное подтверждение того, входит или не входит в толкование грамемы изобразительный компонент. В некоторых случаях интуиция носителя языка легко может дать ответ на этот вопрос. Например, при использовании в повествовании настоящего исторического или других «живописных» значений носители языка отчетливо ощущают яркую изобразительность формы, особенно при изображении физических действий. С их помощью обычно создается целая картина, где одно действие сменяется другим и все это разворачивается как бы перед глазами говорящего и слушающего: *Конь слушает внимательно, кожей передергивает, фыркает и несет Никишку дальше, все вперед и вперед... Вот и горы пошли... Вытягивает конь шею, прижимает уши, скачет за Никишкой, приседает, щелкают подковы, дрожат ноги* (Ю. Казаков).

Иначе обстоит дело с формой настоящего предстоящего. Изобразительный характер этого значения носителями языка интуитивно не ощущается. Тем не менее, А. М. Пешковский и В. В. Виноградов усматривают в этой форме переносное значение настоящего времени. Это могло быть фактом их языкового сознания, но и могло отражать их лингвистическое сознание, а именно, представление о сохранении главного значения формы во всех ее употреблениях.

В принципе, собственное, основное значение формы совсем не обязательно должно сохраняться в ее несобственном употреблении. Ср., например, сослагательное наклонение, где формы прошедшего времени совершенно не выражают идеи прошлого, или обязательное употребление формы прошедшего времени после союза *чтобы*, также никак не связанной с семантикой прошедшего времени.

Постараемся найти объективные языковые свидетельства того, входит ли в значение этой формы изобразительный компонент.

Прежде всего уясним, к какому слою значения относятся подобные компоненты. Поскольку в них фиксируется фигура говорящего, их следует рассматривать как своего рода модальную рамку.

Типы модальных рамок рассмотрены в работе [Апресян 1988], где названы три типа модальных рамок.

1) Модальные рамки, отражающие отношение говорящего к действительности: оценки типа хорошо/плохо — ср. *застрельщик*

[5] Ср. настоящее историческое; подробнее об этом см. [Бондарко 1971: 142-148; Гловинская 1996]; см. также ниже, раздел 'действие в прошлом, достигшее результата'.

(соревнования) — *зачинщик* (драки); много/мало — ср. *целых пять арбузов* (говорящий считает, что пять арбузов — это много) — *всего пять арбузов* (говорящий считает, что пять арбузов — этот мало) и др.;

2) модальные рамки, отражающие отношение говорящего к содержанию сообщения (оценки по параметру истинности — *якобы, кажется* и т. д.);

3) модальные рамки, отражающие отношение говорящего к адресату: указание на их относительные статусы в какой-то иерархии, на их степень близости и т. д. (например, императивный инфинитив *Встать!* может быть употреблен только сверху вниз).

Рассмотренные выше компоненты, фиксирующие фигуру говорящего, относятся к первым двум типам модальных рамок.

Что же касается изобразительного, живописного компонента, то его нельзя отнести ни к одному из них. Это — новый тип модальной рамки. Она отражает не отношение говорящего к действительности, но особую действительность, созданную его воображением: говорящий **представляет...**

Современная семантика установила, что разные слои смысла по-разному взаимодействуют с элементами контекста. Относительно взаимодействия модальных рамок с элементами контекста была обнаружена следующая закономерность: если элемент контекста противоречит модальной рамке, возникает языковая неправильность: ср. **Почему купили так мало — целых пять арбузов?* [Апресян 1995 / 1978: 144-145].

Опираясь на это, можно привести аргументы в пользу того, что компонент 'действие как бы происходит в момент речи' не входит в значение настоящего предстоящего. Дело в том, что эти формы сочетаются с обстоятельствами будущего времени (*завтра, через 20 минут, вскоре, на будущей неделе* и т. п.). Казалось бы, это естественно, поскольку форма обозначает действие предстоящее. Однако если бы модальная рамка содержала компонент 'говорящий представляет событие как бы совершающимся в момент речи', обстоятельства со значением будущего времени входили бы в противоречие с этим компонентом, что приводило бы к языковой неправильности[6]. Поскольку языковой неправильности в этом случае не возникает, можно заключить, что смысловой элемент 'в момент речи' в модальную рамку не входит.

Имеется объективное языковое подтверждение и того, что «живописный» компонент, представленный, например, в настоящем историческом и настоящем воображаемом ('действие как бы разворачивается на глазах говорящего'), также не входит в значение этой

[6] Примеры такого противоречия можно найти ниже, при описании форм прошедшего времени для обозначения предстоящего действия.

формы. В случае, когда глагол обозначает действие, разворачивающееся реально или как бы на глазах говорящего, этот глагол естественно сочетается с обстоятельствами, характеризующими, как именно протекает действие, например: *Я смотрел, как он медленно переходит улицу* (актуально-длительное значение); *Цезарь неожиданно приводит свое войско к лагерю противника, быстро окружает его и внезапно на рассвете нападает на спящих врагов* (настоящее историческое); *Ольга представляла, как на балу у губернатора она грациозно танцует мазурку с его сыном, а после неторопливо прохаживается с ним по зимнему саду* [настоящее воображаемое; см. Бондарко 1971: 157-158].

Попробуем, однако, таким же образом охарактеризовать предстоящее действие, выраженное формой настоящего НСВ. Это окажется невозможным, в отличие от обычных форм будущего. Ср. нормальность: *Пусть он сегодня не завтракает, зато пообедает* (*обедать будет*) *с аппетитом,* и недопустимость. **Пусть он сегодня не завтракает, зато обедает с аппетитом.* Следовательно, «живописного» компонента в толковании нет.

Правда, это не единственный компонент, который мог бы разрешить подобную сочетаемость. Обусловить ее могло бы и обозначение действия как реально разворачивающегося в будущем, действия 'в протекании'. И если бы сочетаемость форм настоящего предстоящего с данными обстоятельствами оказалась допустимой, то этот факт не свидетельствовал бы об обязательном присутствии «живописного» компонента в толковании. Но недопустимость подобной сочетаемости для рассматриваемых форм показывает, что в их толковании нет ни одного компонента, к которому могли бы быть присоединены подобные обстоятельства, нет в том числе и «живописного».

Укажем на соотношение данного видо-временного значения с главными значениями видов. Как представлено предстоящее действие этой формы — 'в протекании' или 'в результате'?

В зависимости от глагола, ситуации и т. д. возможны разные случаи. В таких фразах, как *Завтра я окончательно перехожу наверх*; *Скоро я совсем бросаю курить*; *Лекция завтра кончается* (*начинается*) *в 5 часов* имеется в виду действие 'в результате', а не 'в протекании'. В подобных случаях обстоятельства характеризуют именно результат действия: *окончательно, совсем* — как полностью достигнутый результат, *в 5 часов* — как момент возникновения результата.

В других случаях действие осмысливается как длительное, например: *Завтра я весь день сижу в библиотеке; Будущую зиму служим вместе.* Однако действие здесь представлено хотя и длительным, но не развивающимся во времени, не протекающим на глазах наблюдателя. Выше уже было показано, что формы настоящего предстоящего не сочетаются с обстоятельствами, характеризующими то, как протекает действие. Длительное действие, не разворачивающееся во времени, —

это процессно-фактическое значение НСВ [см. Гловинская 1982: 124-128]. Если актуально-длительное значение НСВ мы условно обозначили как действие 'в протекании', то процессное значение условно назовем 'действие в его длительности'. В отличие от действия 'в протекании' (=действие существует в ряд последовательных моментов наблюдения), 'действие в длительности' не распадается на отдельные моменты, оно существует как целое, выделенными в нем могут быть только начальная и конечная точка (ср. *Завтра с трех до пяти я читаю лекцию*).

Перейдем к рассмотрению круга глаголов, настоящее время которых может выражать данное значение. В литературе отмечалось, что в этом значении могут употребляться только глаголы, обозначающие целенаправленное действие [Бондарко 1971: 155; Булыгина 1980: 341]. См. примеры этих авторов на невозможность употребления в данном значении предикатов нецеленаправленного действия: **Завтра мы беспокоимся* (*чихаем, помним, ценим*)...; **Завтра мы слышим Рихтера; **Завтра весь день льет дождь.* Аналогичные соображения находим у Б. Комри: «...предложение It rains tomorrow 'Завтра идет дождь' явным образом странное... Причина странности этого предложения состоит в том, что оно требует интерпретации, при которой дождь на завтра запланирован, а наше знание сегодняшнего мира исключает возможность такого планирования» [Comrie 1985: 47-48]. Добавим, что при невозможности **Завтра идет дождь* вполне уместно сказать *Завтра по прогнозу идет дождь*, где *по прогнозу* подчеркивает собственно профетическое значение формы.

Из целенаправленных глаголов глаголы физического действия употребляются в этом значении легче, чем ментальные. Из глаголов физического действия в этом отношении выделяются глаголы движения [Бондарко 1971: 155], притом моторно-некратные. Можно отметить еще, что глаголы в прямом значении легче употребляются в настоящем предстоящем, чем те же глаголы в переносных значениях.

Однако наш материал показывает, что профетическое значение могут иметь не только глаголы целенаправленного действия. Его допускают еще некоторые группы глаголов, включающих в свое значение идею начала или прекращения, в том числе и чисто фазовые:

1) Глаголы, сами не обозначающие целенаправленного действия, но описывающие тем не менее заранее запланированную ситуацию: *Завтра кончается учебный год; Лекция начинается в 10 часов.*

2) Глаголы, обозначающие (невольный) переход субъекта к новой ситуации, что является результатом чужого запланированного действия: *Я лишаюсь единственного места, где еще смутно проглядывалось*

прошлое (Н. Ильина); *С его отъездом я теряю друга* (Из письма); *По бабушкиному завещанию она получает большую долю наследства*[7].

3) Глаголы, обозначающие возникновение такого положения вещей, которое, хотя и связано с деятельностью человека, но специально им не запланировано, и тем не менее может быть прогнозировано с высокой вероятностью, например: *Через несколько дней у нас кончается запас муки; В III тысячелетии на Земле начинается сырьевой голод, а человечество пока к нему не готово.*

4) Глаголы, обозначающие процессы, не зависящие от воли человека, а запланированные, так сказать, природой, в принципе регулярно повторяющиеся и поэтому ожидаемые в данном случае с уверенностью: *Завтра начинается сезон дождей; Через три дня нарождается новая луна; 20 числа рассвет начинается в 3 часа 50 минут; Завтра день сокращается (удлиняется) еще на две минуты.*

Правда, глаголы целенаправленного действия, в отличие от большинства таких глаголов, дополнительно выражают значение запланированного действия. Но вряд ли целесообразно этот тип предстоящего действия считать особым грамматическим значением, отдельным от значения незапланированного действия. Очевидно, должно быть специальное правило семантической модификации, по которому глаголы целенаправленного действия в значении настоящего будут иметь семантическую надбавку 'данное действие запланировано к моменту речи'. Полное толкование для них будет выглядеть следующим образом: 'В будущем, которое говорящий оценивает как близкое для данной ситуации будущее, предстоит событие или действие, запланированное к моменту речи'.

Для глаголов групп 2 и 3 предлагается следующее толкование: 'В будущем, которое говорящий оценивает как близкое для данной ситуации, будет иметь место событие А, если до этого произойдет некоторое другое событие, запланированное к моменту речи, или не прекратится некоторый процесс, актуальный в момент речи'.

Для последней группы (природные процессы) толкование будет иметь вид 'В будущем... предстоит событие, в наступлении которого говорящий уверен, потому что его осуществление предопределено законом природы'.

Остановимся на тех глаголах, которые не могут иметь этого значения. В литературе отмечалось, что это значение не свойственно глаголам, основы которых обозначают интенсивную повторяемость действия [Виноградов 1947: 572]; глаголам, обладающим семантическим признаком «стативности» [Апресян 1980а: 3].

Можно сказать, что твердо не имеют этого значения глаголы, содержащие в своем значении компоненты:

[7] Ср. [Barentsen 1984: 32, 38].

1) 'иметь свойство' — *возвышаться, загораживать, загромождать, покрывать: *Завтра этот шкаф загораживает тахту;*

2) 'иметь мнение' — *считать, думать, полагать: *Завтра я думаю, что он не прав;*

3) 'быть в состоянии' — *белеть, краснеть: *Скоро краснеет земляника;*

4) 'изменять состояние' — *выздоравливать, замерзать, оттаивать, улучшаться, ухудшаться: *Врач сказал, что я скоро выздоравливаю.*

Интересно, что далеко не все глаголы из тех, семантика которых в принципе допускает это значение, способны его выражать. В частности, многие глаголы целенаправленного действия в обычных условиях не имеют его. Например, этого значения нет у таких модальных воле- и целенаправленных предикатов, как *вынуждать, заставлять, препятствовать, принуждать: *Скоро мы заставляем его взять свое заявление обратно; *Завтра мы вынуждаем ее сделать по-нашему; *В ближайшем будущем мы препятствуем заключению этого договора.*

В то же время такие глаголы, как *пробовать, пытаться, стараться,* имеют его: *Завтра с утра я пробую достать покрышки (пытаюсь купить билеты на поезд).*

Остановимся на факторах, способствующих и препятствующих выражению этого значения, кроме тех, которые были уже рассмотрены выше.

Сравним между собой некоторые глаголы перемещения:

Завтра все идут на митинг, но не **Завтра все стекаются (валят) на митинг, а я буду смотреть на них из окошка.*

Завтра опять он идет в колонне впереди меня, но не **Завтра опять он бредет (хромает) в колонне впереди меня.*

Завтра с утра мы едем верхом в город, но не **Завтра с утра мы рысим в город.*

Завтра утром после зарядки мы с тобой бежим два километра, но не **Завтра утром после зарядки мы с тобой трусим два километра.*

Аналогичная картина наблюдается среди глаголов других лексических групп, например, среди глаголов говорения. Можно сказать *Завтра я говорю о вас с профессором,* но не **Завтра я кричу о вас профессору; Завтра он сообщает мне новости,* но не **Завтра он орет (шепчет, бормочет, шепелявит, хрипит) мне новости* и т. д.

Мы видим, что допускают это значение те глаголы, которые являются основным, простым наименованием действия — типа *идти, бежать.* Спецификация действия, содержащаяся в значении глагола, препятствует выражению им значения настоящего предстоящего[8].

Можно сформулировать следующую тенденцию, связанную с наличием этого значения у различных глаголов: чем более маркирован-

[8] Ср. сходное замечание в [Barentsen 1984: 38].

ным, специфицированным является значение глагола, тем меньше вероятность того, что данный глагол будет способен к употреблению в настоящем предстоящем. Само это грамматическое значение маркировано по сравнению с обычным будущим; оказывается, что грамматическая и лексическая маркированности одновременно нежелательны. В то же время обычная форма будущего времени, не маркированная грамматически, у лексически маркированных глаголов не порождает никакой неправильности: *Завтра, когда народ будет стекаться (повалит) на митинг, я буду смотреть на них из окошка; Завтра он будет брести (хромать) в колонне впереди меня.* Наблюденная тенденция хорошо согласуется с некоей общей закономерностью, отмеченной на материале синонимических преобразований Ю. Д. Апресяном [Апресян 1974: 344-345]; она характерна и для других частных видо-временных значений [Маслов 1984: 81-82].

Способствует употреблению глагола в этом значении сочинительный контекст. Многие запреты, о которых шла речь выше, снимаются в условиях сочинения:

**Через год я работаю в библиотеке.* — Но ср.: *Я еду в Париж, первый год занимаюсь языком, а через год работаю в библиотеке.*

**Скоро мы заставляем его взять свое заявление обратно.* Но возможно: *Значит так: он приходит к нам и мы заставляем его взять свое заявление обратно.*

**Завтра мы вынуждаем его сделать по-нашему.* Но ср.: *Завтра мы предъявляем ей улики и вынуждаем ее сделать по-нашему.*

Таковы факторы, способствующие употреблению «настоящего предстоящего».

Иногда данное значение сопровождается некоторыми дополнительными смысловыми оттенками. Например, глагол может обозначать готовность говорящего к немедленному сиюминутному предстоящему действию: *Ну диктуй, я пишу (РР); Иду, иду... ложись; Ну-с, тем не менее все-таки я продолжаю (берет книгу)* (А. Чехов); (два последних примера взяты из [Шелякин 1980: 6]). Иногда эти формы обозначают предложение говорящего совершить действие, а не действие, которое запланировано: *Очень просто! Я выхожу замуж за Николая. Артист женится на тебе, а эти двое сослуживцев тоже составят вполне счастливую пару, служащую в одном учреждении* (М. Зощенко). Это скорее всего не особые значения, а ситуационно обусловленные варианты употребления.

В заключение остановимся на стилистической сфере употребления данной граммемы. Она особенно распространена в разговорной речи, возможна в газетно-информационном жанре (*Более 180 тысяч юношей и девушек впервые переступают в сентябре порог почти 600 профессионально-технических училищ республики*), в деловой речи (*В ближайшее время в ваше распоряжение направляется несколько кораблей для оказа-*

ния помощи потерпевшим). Почти не встречается форма с этим значением в научной литературе. Причиной может быть, в частности, и то, что наука описывает не будущие события, а свойства, явления, факты. Исключением можно считать научное прогнозирование. Но и здесь, когда речь идет о том, что будет, обычно употребляются формы будущего времени, а не настоящее предстоящее, например: *К 2000 году население земного шара возрастет* (?*возрастает*) *в два раза.*

2.3. Прошедшее НСВ предстоящего действия

Иногда формы прошедшего НСВ обозначают действие, предстоящее по отношению к какому-то выделенному моменту в прошлом и тоже относящееся к прошлому, хотя и сдвинутое ближе к моменту речи, чем выделенный момент. Примеры: *В тот день, как приехать князю Василью, князь Николай Андреевич был особенно недоволен и не в духе. Оттого ли он был не в духе, что* ***приезжал*** *князь Василий, или оттого он был особенно недоволен приездом князя Василья, что был не в духе, но он был не в духе* (Л. Толстой); *Затем мы стали прощаться, и нас не удерживали. На перекрестке мы с приятельницей* ***расставались****: ей — налево, мне направо, к станции* (Н. Ильина); *Все мы* ***расставались****: Олег ехал в Крым учительствовать, Ваня* ***отправлялся*** *в экспедицию, я* ***оставался*** *в Москве; С новым султаном Англия подписала договор, по которому* ***выводила*** *из страны войска, но* ***сохраняла*** *за собой ключевые позиции в экономике* (из прессы 80-х гг.).

Во всех этих случаях, как и при настоящем предстоящем, действие должно относиться к достаточно близкому для данной ситуации будущему, если считать от выделенного момента в прошлом. В противном случае такое употребление невозможно. Ср., например: *Спустя два дня мы расставались* но не **Через десять лет мы все расставались; Она не могла прийти на день рождения, потому что на следующий день сдавала экзамен по химии* и **Через десять лет она сдавала экзамен по химии.*

Обычно эта форма употребляется без всяких обстоятельств, отнесение действия к будущему вытекает из общего смысла контекста (см. вышеприведенные примеры). Значение прошлого предстоящего, как мы видим, весьма близко к настоящему предстоящему. Оно характерно для тех же самых классов глаголов. В сущности — это то же предстоящее, перенесенное в план прошлого.

Формы с этим значением употребляются только в живом рассказе — будь то в разговорной речи, в художественной литературе или публицистике. В деловой и научной речи они невозможны.

2.4. Прошедшее СВ в значении близкого будущего (praeteritum propheticum)[9]

Мы имеем в виду значение форм прошедшего времени СВ в таких случаях, как *Ну, я пошел; Все, я побежал;* (показывая на книги) *Так я унес это?; — Съешь еще. — Спасибо, я уже ушел; Ну все, я начала стирать, пошла в ванную* (Из записей РР); Ср. отражение РР в художественной литературе и газетных жанрах: *— Екатерина Павловна здесь, а то я бы сказал, как ты быка у председателя крестил. — Начинается! Ушла-ушла. Даже уши закрываю* (В. Франюк); *— Пошел на работу, — говорит Юрий, целуя по утрам жену и трехмесячную дочурку* (Очерк Б. Земцова в газете «Правда»).

А. М. Пешковский писал об этом значении: «Прошедшее вместо будущего для изображения наверное ожидаемых в близком будущем фактов как бы уже прошедшими» [Пешковский 1935: 191-192].

Приведем предлагаемое нами толкование: '(1) Субъект действия, совпадающий с говорящим, сообщает о своем намерении или готовности совершить действие в какой-то последующий момент, близкий к моменту речи; (2) говорящий не сомневается в осуществлении своего намерения и (поэтому) представляет действие как бы уже совершившимся'.

Приведем обоснование предложенного толкования.

'(1) Говорящий сообщает о своем намерении совершить действие'. Анализируемая форма сочетается только с местоимениями 1-го лица. Нельзя сказать **Ты пошел* с утвердительной интонацией или *— Куда он собирается? — **Он пошел на рынок* в значении предстоящего действия.

Следовательно, эта форма возможна только в устах самого субъекта действия, и этот факт должен быть отражен в толковании. Исключением является контекст вопроса. Можно спросить *Ну, ты пошел?, Вы поехали?* Однако это особый вопрос, совсем не такого типа, как, например, *Вы пойдете в кино?; Ты будешь обедать?,* где говорящий побуждает адресата сообщить ему некоторую информацию. В случаях типа *Так ты пошел?* говорящий уже располагает информацией о том, что адресат собирается уходить (либо с его слов, либо видя его сборы). Фактически это не вопрос, а как бы переспрос, как бы цитирование высказывания, уже сделанного субъектом действия. Этот вопрос означает примерно следующее: 'Субъект действия сообщил о своем намерении или готовности совершить в ближайшем будущем данное действие; видя, что действие еще не осуществлено, говорящий просит субъекта действия подтвердить, что его намерение остается в силе'. Таким образом, вопросительные фразы с местоимением 2-го

[9] Термин предложен в [Мазон 1958: 52] применительно к этому и двум следующим значениям.

лица не только не противоречат этому компоненту толкования, но и сами включают его.

'(2) Говорящий не сомневается в осуществлении этого действия и представляет его как бы уже совершившимся'.

Этот компонент интуитивно не ощущается. Имеются, однако, объективные языковые данные, подтверждающие его наличие в данном значении.

Описываемая форма не сочетается ни с какими обстоятельствами будущего времени. Нельзя сказать: **Я скоро (через 20 минут) пошел; *Я сию минуту побежал.*

Форма с этим значением не может быть использована для ответа на вопрос о будущем действии: *Что ты сейчас сделаешь (будешь делать)? — *Я пошел.*

Невозможно употребление формы, имеющей это значение, и с отрицанием. Нельзя сказать о предстоящем действии **Я не пошел,* хотя вполне возможно *Я не пойду.*

Все эти факты убедительно показывают, что в сознании говорящего данное действие представлено как бы уже совершившимся. Поэтому его нельзя отрицать (ведь действие уже как бы произошло), нельзя помещать в контекст, относящийся к будущему. Тем самым данная форма представляет действие 'в результате', т. е. включает в себя главное значение СВ.

В этом значении реально употребляются только единичные глаголы: *пошел, ушел, доехал, побежал; исчез, начал, кончил.* Окказионально, вероятно, в нем могут встретиться и некоторые другие единичные лексемы. Все эти глаголы обозначают начало или конец физического движения, прохождение временно́й (*я начал, я кончил*) или пространственной точки и характеризуют действие как совершенно не имеющее длительности. Поэтому они не сочетаются с обстоятельствами, характеризующими способ протекания действия и место, где будет протекать действие, хотя могут сочетаться со словами, обозначающими конечный пункт предполагаемого перемещения. Например, можно сказать: *Я пошел на работу; Так я отнес это в двадцать восьмую комнату?* но нельзя **Ну, до свиданья, я поехал на трамвае; *Ну, все, я побежал на работу по Сретенке.* Подчеркнем, что эта глагольная форма в ее основном значении 'действие, относящееся к прошлому' сочетается со всеми подобными обстоятельствами, равно как и форма СВ будущего.

Глаголы, отличные от указанных, невозможно употребить в прошедшем СВ в значении близкого будущего, например: **Ну, я выпил чаю; *А теперь я прочел стихотворение Пушкина.* Все выражения с формами прошедшего СВ в значении близкого будущего являются сугубо разговорными. Это единственная сфера, где они допустимы.

По некоторым косвенным данным можно предположить, что раньше это употребление было только просторечным. Так, имеется любопытное свидетельство К. И. Чуковского о времени его появления в языке: «Во «Всемирной литературе» мы, естественно, интересовались теми неологизмами, которые хлынули тогда в русскую речь. В Чукоккале есть несколько страниц, где мы попробовали зафиксировать этот новый лексикон: *Я пошел* (говорится перед тем, как уйти) = я сейчас уйду» (Чукоккала, запись 1921 г.). Между тем А. М. Пешковский, описывая это значение, приводит примеры еще из пьес Островского, из речи купечества: *Ну, я спать пошла* (Не все коту масленица); *Бери кулек, догоняй, я на рынок пошел* (Горячее сердце). Очевидно, К. И. Чуковский имел в виду широкое распространение таких употреблений в разговорной речи носителей литературного языка, что и было новшеством послереволюционных лет.

2.5. Прошедшее СВ в значении неизбежного будущего

Приведем примеры[10]: *Ну, сохрани Бог, украдут что-нибудь у нас — пропал я! и поделом пропал: зачем не уберег барского добра* (И. Тургенев); *Он клялся честью, что русские погибли, ежели император даст еще дивизию* (Л. Толстой); *Ежели ты идешь на дуэль и пишешь завещание да нежные письма родителям... Ты — дурак и наверное пропал* (Л. Толстой); *Ох, батюшки, — вздыхала за дверью старуха. — Пропала твоя головушка! Быть беде, родимые мои, быть беде!* (А. Чехов); *Отнимите у меня перо — и я помер* (А. Чехов); *Бежать, бежать! Иначе я умер* (К. Федин); *Если я поеду один, то мы, значит, расстались!* (А. Толстой), *Нас окружили немцы. Шлите помощь. Иначе мы погибли* (В. Ставский).

См. также примеры из разговорной речи: *Если она не даст денег, мы погорели!; — У меня козырная дама. — Ну, тогда ты выиграл* (вариант: *Ну, тогда я проиграл*).

То же значение представлено в страдательных причастиях СВ: Ср.: *Мы спасены! Моя жизнь кончена.*

Это значение похоже на предыдущее, и в литературе они часто описываются вместе как единое значение [Пешковский 1935: 192; Виноградов 1947: 544; Бондарко 1971: 133].

Однако между ними есть и различия. Д. Н. Шмелев определяет описываемое значение как «... обозначение еще не наступившего действия (которое чаще всего изображается как «неизбежное» следствие осуществления или, наоборот, неосуществления каких-то условий)» [Шмелев 1960: 9].

---

[10] Приводимые ниже примеры из художественной литературы почерпнуты нами из работ А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Д. Н. Шмелева, А. В. Бондарко.

Остановимся подробнее на этой стороне рассматриваемого значения. Действительно, во всех приведенных выше примерах имеется в виду некоторое событие (иногда оно названо в контексте), которое уже произошло или может произойти в будущем (последнее — в условных предложениях), и именно это событие интерпретируется говорящим как причина, неизбежным следствием которой явится положение вещей (не действие), названное формой глагола прошедшего времени.

В целом значение можно сформулировать следующим образом: '(1) Предстоит событие *P*, которое воспринимается говорящим как неизбежное следствие уже происшедшего (или могущего произойти в будущем) события *P'*; (2) говорящий настолько уверен, что *P'* обязательно повлечет за собой *P*, что представляет себе это будущее событие *P* как бы уже совершившимся в момент речи'.

Этот последний компонент и сближает данное значение с предыдущим. О наличии этого компонента, как и в предшествующем случае, свидетельствует несочетаемость данных форм с обстоятельствами будущего времени: **Через несколько часов мы погибли; *Если вы правы, то завтра мы выиграли.* В остальном, как видим, эти значения не совпадают.

Рассматриваемое значение также соотносится с главным значением СВ. Его могут выражать единичные глаголы, в основном со значением неконтролируемого события (*пропасть, погибнуть, проиграть, выиграть, погореть* и др.).

Следует отметить, что расширяют возможность употребления глаголов в этом значении условная конструкция или другие средства выражения условия, например, контекст слов *иначе, в противном случае.* В вышеприведенных примерах в такой ситуации употреблены глаголы *расстались* (*Если я поеду один, то мы, значит, расстались*), *умер* (*Бежать, бежать! Иначе я умер*). Вне эксплицитного условного контекста они не употребляются в значении неизбежного будущего. Ср. *Я погиб!* и **Я умер!; Все пропало!* и **Все пошло прахом!*

Сфера употребления этого значения — разговорная речь и ее отражение в художественной литературе.

2.6. Прошедшее СВ в значении иронического отрицания будущего действия

Имеются в виду случаи типа *Как же! Пошла я за него замуж!* ('Не пойду'); *Так я и отдал тебе эти деньги — держи карман шире!* ('Не отдам'). Фразы с этими формами обозначают презрительное или ироническое отрицание будущего факта. А. М. Пешковский рассматривал такие случаи как «изображение предполагаемых в будущем фактов как бы уже прошедшими» [Пешковский 1935: 191]. В. В. Виноградов видел в этом употреблении «ироническое изображение отрицаемого

факта уже осуществившимся» [Виноградов 1947: 545]. Специальную работу способам выражения иронического отрицания посвятил Д. Н. Шмелев [Шмелев 1958].

Прежде всего установим различие между этой формой и другими способами выражения иронического отрицания. В принципе воспроизведение любого слова, в том числе любой глагольной формы, любой фразы может при наличии соответствующей интонации (а иногда контекста) выражать не утверждение, как это имеет место при обычной интонации, а ироническое отрицание. Ср., например, ироническое отрицание будущих действий, выраженных формами будущего времени: *Здравствуйте, пожалуйста! У ней, кажется, куча ребятишек, а я на ней буду жениться. Тоже, знаете, нашли простачка* (М. Зощенко); *Здравствуйте, еще не легче. Вот я сейчас с ней запишусь. Держите карман шире* (М. Зощенко).

Точно так же и форма прошедшего времени может выражать ироническое отрицание прошлого факта. Например: — *Ну, что, пошла она за него замуж? — Как же, пошла она!* т. е. 'не пошла' или — *Отдал он тебе эти деньги? — Как же, отдал!* т. е. 'не отдал'. Такой способ иронического отрицания действия не является специфически грамматическим.

С грамматической точки зрения представляет интерес такое ироническое отрицание, которое выражается несобственными формами, например, отрицание будущего действия, выраженное формами прошедшего времени: *Так она тебя и послушалась.* Возможно и обратное — отрицание предполагаемого прошлого действия, выраженное формами будущего действия. — *Ну что, пошла она за него замуж? — Как же, пойдет она!*

Сравним попарно эти случаи:

'прошлое действие' — форма прошедшего и форма будущего СВ;

'будущее действие' — форма будущего и форма прошедшего СВ.

Мы не рассматриваем формы НСВ, т. к. они не допускают замены несобственными временны́ми формами при ироническом отрицании будущего действия: *Ну как, она будет работать? — *Как же, работала она.*

Само название «ироническое отрицание, несогласие» показывает, что описываемые конструкции встречаются только в ответе на вопрос или на утверждение и имеют общую пресуппозицию 'Говорящему известно предположение о возможном осуществлении (в прошлом или будущем) действия *P*'. Будем рассматривать поэтому конструкции с этими формами в диалогической паре.

Отрицание прошлого действия: — *Ну что, послушалась она его? — Как же, послушалась она / Как же, послушается она.* Форма прошедшего времени в ответе относится только к единичному факту, названному в вопросе. Форма же будущего времени не только отрицает этот

единичный факт, но и обозначает некоторое постоянное свойство субъекта (не слушаться). Это подтверждается возможностью замены личного местоимения на обобщающее слово *такой* при форме будущего времени и невозможностью — при форме прошедшего времени: *Как же, такая послушается,* но **Как же, такая послушалась.*

Отрицание предстоящего действия: — *Она останется вечером с ребенком.* — *Как же, останется она / Как же, осталась она.*

Между формами сохраняется то же самое различие: форма будущего времени отрицает и единичное будущее действие, названное в вопросе, и называет свойство ('она такова, что не останется'). Форма прошедшего отрицает возможность лишь единичного будущего факта. Тест со словом *такой* и здесь подтверждает это.

Это различие между формами будущего и прошедшего времени СВ выводимо из набора их значений: лишь форма будущего СВ может иметь значение свойства и потенциальное значение (см. ниже). Есть ли еще какое-нибудь различие в значении форм будущего и прошедшего СВ при отрицании предстоящего действия? Пожалуй, отрицание с помощью формы прошедшего СВ воспринимается как более грубое, категоричное, экспрессивное, чем в случае с формой будущего времени.

Яркую экспрессию в значении этой формы В. В. Виноградов связывает с тем, что отрицаемые в будущем факты представлены как бы уже прошедшими. Обычная наша проверка на сочетаемость с обстоятельствами будущего времени, которая может подтвердить или опровергнуть присутствие этого компонента, в данном случае затруднительна. Дело в том, что проявление этого иронического значения фразеологизовано, подстановка дополнительных элементов приводит к не вполне естественным фразам, которые трудно интерпретировать как правильные или неправильные: ?*Так и отдал он тебе завтра деньги!* ?*Так и построили они дом к осени!*

В свете сказанного вопрос о присутствии этого компонента остается открытым. Правда, есть некоторые дополнительные соображения, говорящие скорее о его отсутствии. Компонент 'Говорящий представляет себе действие уже совершившимся' должен был бы противоречить модальной рамке, явным образом содержащейся в значении всей этой конструкции, — 'Говорящий уверен, что данное действие не будет осуществлено'. Непонятно, как можно одновременно и отрицать предстоящее действие, и представлять его себе как бы осуществившимся. Мы убедились в невозможности этого выше, на примере неправильных фраз **Ну, я не пошел* в значении намерения.

Проявление данного значения ограничено лишь контекстно, но не лексически. Обязательным является контекст частиц *так и..., как же* либо других показателей иронии: инверсии, особой интонации или специальных выражений типа *Держи карман шире, здравствуйте* и др.

Сфера употребления — исключительно разговорная речь и ее имитация в литературных жанрах.

***

Рассмотрев несколько способов выражения значения 'предстоящее действие', подчеркнем еще раз неравноправность в них статусов глагольных форм. В трех последних случаях, когда данное значение выражается не свободно (оно ограничено, помимо видо-временной формы, либо кругом глаголов, либо синтаксическим контекстом), носителем его нельзя считать именно глагольную форму. В качестве носителя значения выступает либо вся конструкция в целом (как в последнем случае), либо определенные лексемы в определенных формах (*Я пошел; Мы погибли*).

3. Грамматические способы выражения значения 'действие в прошлом, достигшее результата'

В этом разделе будут рассмотрены следующие способы выражения названного в заглавии значения:

1) прошедшее СВ (*Солнце вышло из-за туч*);

2) прошедшее НСВ общефактическое (... *Это платье, которое я сама переделывала*... — А. Куприн);

3) прошедшее НСВ в значении «сказового» действия (*Там за стол его сажала, всяким яством угощала*... — А. Пушкин);

4) настоящее историческое (*В конце XIX века появляются первые механические часы*);

5) настоящее НСВ непосредственно предшествующего действия (*Меня зовут обедать*);

6) настоящее НСВ интерпретационное (*Ты преувеличиваешь*);

7) настоящее НСВ экспозиционное (*Платон учит, что идеи вечны*);

8) настоящее НСВ о прошлом факте как неслучайном, типичном, или настоящее «эмоциональной актуализации» (*Я же им ножик давай, они же на меня и накидываются.* — М. Зощенко);

9) будущее СВ о прошлом факте как удивительном, неожиданном (*Напишут ведь!*);

10) будущее СВ или повелительное СВ для обозначения внезапно наступившего действия в прошлом (*Она как остановится; А он возьми и плюнь в нее*).

При интерпретации некоторых из этих значений нам понадобится теоретическое понятие семантически слабого, или факультативного, элемента значения [Апресян 1974: 125, 148], называемого также импликатурой [Comrie 1985: 23, 42-43]. У Б. Комри под этим подразумевается такой неявный элемент смысла, который может быть снят противоре-

чащим ему более сильным (обычно выраженным лексически) элементом текста; ср. [Зализняк 1987].

В аспектуальной семантике типичным примером слабого элемента является «перфектный» компонент в значении формы СВ в прошедшем времени: 'результат действия сохраняется до момента речи'. Например, *Часы недавно починили, а они снова не идут.* Напомним в этой связи замечание В.В.Виноградова о том, что в данном случае «результат действия сохраняется вплоть до момента речи при отсутствии противопоказаний» (разрядка наша. — *М.Г.*). Использование этого понятия позволяет объяснить некоторые факты сочетаемости видо-временных форм.

3.1. Прошедшее СВ

Основным способом выражения значения 'действие в прошлом, достигшее результата' являются формы прошедшего времени СВ. Например, *Я высунулся из окна на прохладу ночного воздуха* (И. Бунин); *Вера уже собрала его в дальнюю дорогу: заштопала носки, пришила нужные пуговицы, сама выгладила белье и несколько раз перепробовала и проверила все вещи, лаская их и завидуя им, что они поедут вместе с ее мужем* (А. Платонов).

Вопросу о значении этой формы посвящена обширная литература. Полное толкование формы предложено нами ранее [Гловинская 1982: 77-101; см. также раздел «Семантические типы...» в данной книге], и мы не будем здесь его повторять. Отметим лишь те компоненты, которые важны для сопоставления данной видо-временной формы с остальными способами выражения описываемого значения. Таких компонентов два: 'момент, когда начал существовать результат' и 'сохранение результата вплоть до момента речи'. Остановимся на них подробнее.

'Момент в прошлом, когда начал существовать результат'

Характерной чертой этого момента является его бóльшая определенность по сравнению с аналогичными моментами, выделяемыми при других способах выражения рассматриваемого общего значения. Эта определенность дает о себе знать в том, что формы прошедшего СВ сочетаются с временны́ми обстоятельствами, имеющими значение определенности, и не сочетаются с обстоятельствами, имеющими значение неопределенности[11]. Например: *Поезд прошел здесь ровно в три*

[11] Отметим следующую особенность сочетания формы СВ с подобными обстоятельствами: начало названного действия должно находиться достаточно близко к моменту возникновения результата во временны́х масштабах той единицы, которая избрана для фиксации момента. Так, если говорить *Я прочел записку в три часа*, то имеется в виду, что начало этого действия очень близко к трем часам. По этой причине нельзя сказать **Я прочел «Войну и мир» в три часа*

часа; Нас пригласили войти в загс в половине второго; Вашу записку я прочел как раз в тот момент, когда он вошел. В то же время невозможно **Ты когда-нибудь прочел его статью о метафоре?*

Правда, имеются случаи, когда при формах прошедшего СВ допустимы выражения, как будто обозначающие временну́ю неопределенность, например: *Неизвестно, когда он вчера пришел; Его семья когда-то переехала в этот город с севера.* При интерпретации таких примеров следует различать определенность-неопределенность и известность-неизвестность. Хотя между этими понятиями есть корреляция, но в общем случае они могут не совпадать. Различие между ними хорошо иллюстрируют местоимения на *-то* и *-нибудь*. Как отмечалось в литературе, *какой-то человек* значит определенный, но неизвестный, а *какой-нибудь человек* — неопределенный (т. е. любой из множества) и неизвестный ср. [Падучева 1985: 219-220]. Однако подчеркнем еще раз, что во многих случаях они совпадают. В приведенных выше фразах речь идет, следовательно, о моментах вполне определенных, хотя и неизвестных говорящему.

'Результат действия сохраняется в момент речи'

На перфектное значение формы СВ внимание обращалось с давних пор. Вслед за А. А. Потебней многие исследователи отмечали, что результат этого прошедшего действия в момент речи остается налицо. В частности, В. В. Виноградов писал: «В прошедшем времени совершенного вида элементы или оттенки «перфектного» значения, выражающего результат или состояние в настоящем, ... явно преобладают над аористическим значением, содержащим простое указание на факт в прошлом... Даже в таких предложениях, как «Пушкин родился в 1799 г.» не в ответе на вопрос «Когда родился Пушкин?», результат прошедшего действия с грамматической точки зрения мыслится пребывающим доныне» [Виноградов 1947: 562-563].

Точнее было бы сказать, что форма прошедшего СВ характеризует результат как актуальный для того времени в прошлом, о котором идет речь, или сохраняющийся до момента речи, в зависимости от описываемой ситуации и типа речи. Ср. *Вчера солнце взошло в четыре часа утра* (результат — 'светло' — сохранялся в течение вчерашнего дня); *Взошло солнце* в описании пейзажа (результат — 'светло' — актуален для того момента в прошлом, о котором идет речь); *Смотри, солнце взошло* в диалоге в разговорной речи (результат актуален для момента речи).

или **Рабочие воздвигли дворец вчера в три часа*, хотя можно *Волшебник воздвиг дворец вчера в три часа*, потому что волшебник мог сделать это сразу. Данный факт свидетельствует о том, что сферой действия точечных обстоятельств является все толкование СВ.

Такая же привязка результата ко времени его существования сохраняется для нарративных аналогов этих моментов во временно́м пространстве художественного произведения. Чтобы убедиться в этом, достаточно представить эти фразы как элементы художественного текста.

В функционально-стилистическом отношении эта форма совершенно нейтральна и может употребляться во всех функциональных разновидностях языка, поскольку она не выражает никакого специального отношения говорящего к описываемому событию.

3.2. Прошедшее НСВ общефактическое[12]

НСВ в общефактическом значении очень широко применяется для выражения смысла 'действие в прошлом, достигшее результата'. Уместно вспомнить, что наличие именно этого значения у НСВ дало повод для представления об НСВ как о немаркированном члене видового противопоставления, безразличном к идее предела, результата.

Статус этого значения иной, нежели у остальных способов выражения описываемого смысла. Его, по-видимому, можно интерпретировать как видовое, а не видо-временное значение. Выражается оно не только формами прошедшего времени, изучаемыми в этом разделе, но также инфинитивом (*На какой остановке мне выходить?*), формами будущего времени (*Где ты будешь покупать зимнее пальто?*) и императивом (*Уходите!*). Хотя смысловые различия между этими формами пока достаточно не изучены, можно надеяться, что все эти случаи удастся описать как модификации одного значения, получаемые по правилам. Отметим еще, что этому значению посвящена обширная литература[13].

Анализ материала показывает, что общефактическое может иметь три разновидности: результативное общефактическое, двунаправленное и нерезультативное [Гловинская 1982: 117-128]. Интересующее нас здесь значение выражается первыми двумя разновидностями. На них мы и остановимся. Общефактическое результативное представлено, например, в следующих фразах:

Может быть, он и исправлял потом «Маскарад», ... но едва ли сделал в нем существенные перемены (М. Лонгинов); *Обложка у меня бу-*

---

[12] Чтобы сохранить цельность картины при сравнительном описании общефактического НСВ, мы вкратце повторим в данном разделе соображения, высказанные в [Гловинская 1982], см. также раздел об общефактическом значении в данной книге.

[13] [Mazon 1914: 220-222; Кошмидер 1962: 122-154; Виноградов 1947: 557-569; Поспелов 1948; Головин 1950; Рассудова 1968: 17-29, 60-63; Forsyth 1970: 6 и сл., 82 и сл., 123 и т. д.; Бондарко 1971: 84-86; Hulanicki 1973; Шелякин 1976; Гуляницкий 1977; Bogusławski 1981; Гловинская 1981; Гловинская 1982; 116-144; Бондарко 1983: 160-189; Маслов 1984: 72-84; Шведова 1984; Падучева 1986].

дет белая, а на ней пятном сядет собака. Будет просто, но хорошо. Рисовал художник Степанов, ярый охотник, изучивший собак до тонкостей (А. Чехов); *Эти «филе и гипюрчики», — я их сама связала, это платье, которое я сама переделывала, ... все это гадость, гадость* (А. Куприн); *Смотрю, Колька идет и яблоки несет... Я его спросил: ты что, яблоки покупал или крал? Покупал* (Д. Хармс); *А этот пассажир просто едет, как и вы. Мы у них ножик одалживали — попросили* (М. Зощенко); *А ты тоже кого-нибудь навещал, Алеша? В Мало-Провальной?* (М. Булгаков); *В трезвом состоянии мозги его работали великолепно, не зря же он к о н ч а л физмат* (С. Каледин). — *Скорость ветра замеряли? — не к месту спросил я у вахтенного штурмана* (очерк из «Комсомольской правды»). *Почему же ты мне не позвонил? Я звонил / но тебя дома не было //; На прошлой неделе я брала у вас деньги //; Мы здесь уже проезжали //; Я не называл тебе это место //* (Из записей РР).

В литературе общефактическим значением обычно называется именно этот первый, р е з у л ь т а т и в н ы й тип общефактического. Этот тип общефактического обозначает закончившееся действие, которое имело результат в прошлом, причем момент (время) окончания действия и начала существования результата является неопределенным: 'результат существовал в некий момент, неважно, или неизвестно, какой именно, и неизвестно, сохранился ли результат или эффект действия до момента речи'. Остановимся подробнее на некоторых компонентах этого толкования.

'(1) Момент (время) окончания действия и существования результата является неопределенным — неважно или неизвестно, когда это было'. Напомним, что СВ характеризует этот момент как определенный.

Наличие этого компонента подтверждается некоторыми фактами сочетаемости. С одной стороны, глагол в общефактическом значении не допускает точных временны́х локализаторов в отличие от форм СВ, ср. *В три часа я вернулся домой* и *В три часа я возвращался домой.* Последняя фраза может быть осмыслена в актуально-длительном или узуальном значении, но не общефактическом. Невозможны также при глаголах в общефактическом значении инклюзивные обстоятельства времени. Нельзя сказать **Я читал «Войну и мир» еще в детстве за (в) несколько дней* или **Я покупал хлеб за полчаса.* Указание на точку (момент окончания действия), которое входит в значение этих обстоятельств, вступает в противоречие с данным компонентом общефактического.

С другой стороны, глагол в общефактическом значении сочетается с обстоятельствами неопределенности, в отличие от форм СВ, ср.: *Ты когда-нибудь покупал хлеб в этой булочной?* и **Ты когда-нибудь купил хлеб в этой булочной?*

'(2) Неизвестно, сохранился ли результат или эффект действия до момента речи'.

Под эффектом действия мы подразумеваем такой результат, который имеет нематериальный, неочевидный характер см., например, глаголы *читать — прочесть, смотреть — посмотреть фильм, предупреждать — предупредить, просить — попросить* и т. д.

Необходимость включения этого компонента в толкование общефактического особенно ясно обнаруживается при сопоставлении общефактического с формами прошедшего времени СВ, которые выражают смысл 'Результат или эффект действия сохраняется до момента речи': *Часы починили* (Часы в порядке) — *Часы чинили* (неизвестно, в каком состоянии часы в момент речи); *Я взял с собой деньги* (деньги со мной) — *Я брал с собой деньги* (неизвестно, есть ли они еще у меня); *Он пригласил меня в гости* (приглашеине актуально в момент речи) — *Он приглашал меня в гости* (неизвестно, по-прежнему ли актуально приглашение).

Данный компонент значения общефактического является слабым. Неизвестность может сниматься контекстом или ситуацией, если из них следует, что результат не сохранился или, наоборот, сохранился до момента речи. Например: *Здесь до войны березы были, я сажала* (в момент речи их нет, результат не сохраняется); *Эти березы я сажала* (из контекста и ситуации ясно, что результат действия — растущие березы — сохраняется в момент речи).

Из различного представления результата действия в формах СВ и НСВ следуют некоторые прагматические различия в употреблении этих форм. Так, вопрос *Где вы покупали апельсины?* при обращении к незнакомому человеку на улице вполне уместен. Вопрос *Где вы купили апельсины?* в той же ситуации прозвучал бы слишком резко. Форма общефактического воспринимается как более вежливая, потому что в ней, в отличие от СВ, внимание не фиксируется на наличии результата (чужих апельсинах), что было бы проявлением неуместного любопытства.

Перейдем к общефактическому двунаправленному[14]. Пример: *Выходит, она действительно приезжала ко мне ради того, чтобы я узнал все это* (Д. Гранин).

В этом случае тоже обозначается действие, закончившееся и имевшее результат в неопределенный момент в прошлом. Но результат этот, по терминологии О. П. Рассудовой, аннулирован противоположно направленным действием. Последнее легко заметить при со-

[14] Это значение НСВ рассматривается в [Кошмидер 1962: 152; Мазон 1958: 51; Исаченко 1960: 324-325; Lyons 1967: 393]; более подробное описание см. в [Рассудова 1968: 26-29; Forsyth 1970: 3-6, 78-82; Гуляницкий 1976; Гловинская 1982]. В работе Дж. Форсайта содержатся списки глаголов, способных иметь это значение (с. 78).

поставлении этого значения со значением СВ: *Я открыл окно* — в момент речи оно открыто, *Я открывал окно* — оно было открыто в какой-то неопределенный момент, а в момент речи закрыто; *Ко мне пришел товарищ* — в момент речи товарищ у меня, *Ко мне приходил товарищ* — пришел, а потом ушел и т. д.

На неопределенность момента возникновения результата также указывает сочетаемость формы в этом значении с неопределенные обстоятельства времени; ср. *Он когда-нибудь приходил к тебе?* и затрудненная сочетаемость с точными временны́ми локализаторами, ср. странность *?Эта книга поступала в продажу вчера.*

Правда, такие запреты могут сниматься противительным контекстом; ср. допустимость *Эта книга вчера уже поступала в продажу, но потом все экземпляры изъяли.*

Кроме того, те из двунаправленных глаголов, которые обозначают ситуации с небольшим интервалом между 'туда' и 'обратно', могут сочетаться с точечными обстоятельствами, например: *Ты проветривал комнату?; Да, я открывал форточку в пять часов; Он приходил к тебе в два часа.* В этих случаях точечное обстоятельство относится не ко всему толкованию в целом, а только к первой его части: *Я встречался с ним в 2 часа* ≅ 'Я встретился с ним в 2 часа, а в более поздний неопределенный момент, близкий к 2 часам, мы расстались'; *Я открывал форточку в 5 часов* ≅ 'Я открыл форточку в 5 часов, а в более поздний неопределенный момент, близкий к 5 часам, я ее закрыл'. Таким образом, и здесь сохраняется некоторая доля неопределенности: второй результат — 'расставание' или 'закрытие' — хотя и близок во времени к названному в предложении определенному моменту, сам по-прежнему связывается с неопределенным моментом.

Двунаправленное общефактическое характерно для глаголов перемещения, изменения состояния или свойства, изменения положения в пространстве. При этом глагол должен обозначать такое действие или процесс, которые допускают представление о противоположно направленном действии или процессе: *брать — отдавать, открывать — закрывать, приносить — уносить, приходить — уходить* и т. п., тем самым оно в первую очередь присуще тем глаголам указанных семантических групп, у которых есть лексические антонимы [Рассудова 1968].

Некоторые глаголы могут иметь как результативное, так и двунаправленное значение. Таковы, например, глаголы, обозначающие изменения состояния, свойства, положения в пространстве: *Эта большая тыква в спектакле «Золушка» превращалась в карету* (двунаправленное, т. к. в момент речи это снова тыква); *Заколдованный карлик в спектакле превращался в прекрасного принца* (результативное). Однако большинство глаголов имеет только результативное значение, на-

пример глаголы «непрерывного эффекта» [Маслов 1948: 314]: *смотреть, слышать, трогать, говорить* и т. д.

Некоторые глаголы имеют только двунаправленное значение. Таковы моторно-кратные глаголы, притом лишь в значении перемещения, имеющего конечную точку или цель, и только в том случае, когда соответствующая валентность реализована, например: *Я ходил сегодня в магазин* (≅'сходил').

Существуют семантические ограничения, препятствующие возникновению у глагола общефактического значения. Его не имеют в первую очередь бесприставочные моторно-некратные глаголы. В типичном для общефактического контексте моторно-некратные глаголы выглядят неестественно: *А он когда-нибудь вообще шел по этому шоссе?* Нормально было бы спросить: *А он когда-нибудь вообще ходил по этому шоссе?*

Затруднено или невозможно также выражение общефактического у статальных глаголов [ср. Рассудова 1968: 26]. Показательно, что у этих глаголов затруднено и выражение главного значения СВ. К числу не имеющих общефактического О. П. Рассудова относит и глаголы, обозначающие нарастающий процесс, такие, как *расти, расширяться, отвыкать, увеличиваться* и т. п. Заметим, однако, что если в предложении дополнительными средствами выражено представление о конечной точке действия, о его кратности или неопределенности, то они легко приобретают результативное или двунаправленное общефактическое значение: *У мальчика когда-нибудь распухали железки?*

Таким образом, семантической основой общефактического значения является представление о дискретности действия (под дискретностью понимается указание на начало или конец), кратности и неопределенности действия. Идея дискретности может быть выражена как в значении самого глагола, так и в его актантах, обстоятельствах и вообще в контексте. Реализация любой из этих возможностей является благоприятным фактором для выражения общефактического значения. Наоборот, идеи длительности, непрерывности и определенности действия, выраженные либо в значении самого глагола, либо в значении его актантов, обстоятельств, в более широком контексте и, наконец, в самой ситуации, препятствуют употреблению глагола в общефактическом значении. Так, неопределенность, свойственная прототипическому общефактическому значению, может быть частично устранена прагматическими или контекстными факторами. Сравним, например, фразы *Ты когда-нибудь обедал в ресторане?* и *Кто помогал тебе заполнять анкету?*

Первая фраза максимально неопределенна: неопределенен момент (когда-нибудь), неопределенным является референциальный статус у именной группы (какой-нибудь ресторан), неопределенной является и ситуация, обозначаемая глаголом: неизвестно, была ли она единич-

ной, или одной из множества подобных. Во втором примере речь идет об определенной конкретной ситуации, результат которой сохраняется в момент речи. Эта определенность сигнализируется, в частности, коммуникативным членением высказывания: глагол, обозначающий уже известное, данное (т.е. определенное), попадает в тематическую позицию; в реме же, в отличие от первого примера, оказывается субъект. Некоторые исследователи в этом случае усматривают значение, отличное от собственно общефактического [см., например, Forsyth 1970: 84; Мелиг 1991, 1997; Падучева 1996: 46-52; ср. также в учебной литературе Рассудова 1968: 37, Лобанова 1975: 18, 19].

Этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании; нам представляется, однако, что данное различие возникает на уровне общего смысла высказывания и объясняется прагматически и контекстуально, а не локализуется в значении видо-временной формы, как в первом случае. Ее же значение можно рассматривать как модификацию прототипического общефактического значения. Подчеркнем, что при любых модификациях неизменной остается неопределенность момента. Форма СВ тоже может при определенных условиях участвовать в выражении несвойственного ей значения неопределенности ситуации; ср. различный референциальный статус глагольных предикаций во фразах *Кто-нибудь когда-нибудь вышел из этой тюрьмы живым?* (неопределенный) и *Кто вышел из этой тюрьмы на прошлой неделе?* (определенный). Но вряд ли на этом основании целесообразно расщеплять его значение на два.

Подробнее условия реализации общефактического значения мы рассматриваем в [Гловинская 1981; Гловинская 1982; см. также соответствующий раздел ниже].

НСВ общефактическое, как и основное значение СВ, универсально с функционально-стилистической точки зрения и используется во всех типах речи.

3.3. Настоящее историческое[15]

Приведем примеры:

И так проходит год и два. И наконец три. И проходит пять лет, и дело приближается к нашим дням. И вот наступает 1933 год... Вот они едут в Ленинград. Заходят в «Асторию». Ковры. Столики. Играет оркестр. Танцуют великолепные пары. Вот они садятся за столик, заказывают себе цыплят и так далее (М. Зощенко); *Позже это стихотворение фигурирует в переписке Кемпбелла со Скоттом* (Изв. АН СССР); *В конце XIX века появляются первые механические часы и начинается*

[15] В основу данного параграфа положена наша статья [Гловинская 1996]. Настоящему историческому посвящена обширная литература, см. обзор ее в [Бондарко 1959; Бондарко 1971: 142-150; Авдеев 1975].

постоянное состязание в техническом совершенстве, сложности прибора («Наука и жизнь»); *Я сижу роюсь в книжном магазине / под прилавком / и вдруг слышу спрашивает / голос молодой / а есть ли у вас письма лейтенанта Шмидта? ... А письма у меня были // Я так вылезаю и спрашиваю / а кому говорю нужны письма? Говорит / мне // Я говорю / а зачем? Ну как зачем говорит / я буду играть //* (Из записей РР).

Существует две формулировки значения praesens historicum:

1) Говорящий (или пишущий) говорит (или пишет) так, как будто он сам находится в том времени, к которому относится его рассказ. Эта трактовка восходит к Дельбрюку [Brugman, Delbrück 1897]; из отечественных лингвистов ее придерживался П. С. Кузнецов [Кузнецов 1949: 24].

2) «Изображение прошедших фактов как бы совершающимися в момент речи перед глазами слушателя или читателя» [Виноградов 1947: 573]. До В. В. Виноградова так описывал значение этой формы А. М. Пешковский [Пешковский 1935: 190-191].

В первом случае говорящий сам как бы переносится в прошлое и оттуда ведет свой репортаж о событиях, во втором случае говорящий как бы переносит прошлое к себе в настоящее. Эти две формулировки долгое время использовались параллельно, не противопоставляясь друг другу. Внимание на их различии заострил А. В. Бондарко [Бондарко 1971: 142-143].

Какое из этих двух описаний переносного, «живописного» компонента в значении видо-временной формы следует предпочесть? На первый взгляд этот вопрос может показаться схоластическим, поскольку обе редакции отражают в равной мере главную идею настоящего исторического, а именно, **ментальную синхронизацию действия и наблюдения**.

Однако, от ответа на этот вопрос зависит не только формулировка настоящего исторического, но и ответ на другой, более общий вопрос, а именно: во всех ли употреблениях видо-временной формы присутствует ее главное значение (в данном случае, настоящего времени), хотя бы и в качестве переносного? Другими словами, есть ли смысловой инвариант во всех употреблениях формы глагола в настоящем времени?

Если верна первая формулировка — 'говорящий как бы переносится в прошлое', — то инварианта в таком объеме нет, если вторая — 'действие как бы происходит в момент речи', — то инвариант налицо (в том, что касается формы настоящего исторического).

Обращение к собственной интуиции как носителей языка помогает ощутить изобразительность этой формы в принципе, но не позволяет сделать выбор между вариантами этой изобразительности. Во многих случаях интуиции бывает вполне достаточно, чтобы понять значение языковой единицы. Например, для интерпретации потенциального

значения НСВ и СВ такой интроспекции достаточно. Просто подумав над фразой *Он поднимается по лестнице за 2 минуты,* мы можем понять, что субъект уже поднимался по лестнице за 2 минуты и поэтому утверждается, что он в принципе способен это делать; а подумав над фразой *Он поднимется по лестнице за 2 минуты,* можем понять, что субъект не поднимался по лестнице, но что какие-то его физические характеристики позволяют утверждать, что он способен это сделать (о потенциальных значениях СВ и НСВ см. ниже).

Попытаемся так же вдуматься в пример с настоящим историческим: *Несколько шагов в сторону берлоги, ударяю ледорубом в твердый наст, и пес прекращает поиски, спешит обратно. Метрах в пятнадцати от входа он начинает хитрить — идет боком... Зверь его не видит, но прекрасно слышит... Разгневанная медведица почти выскакивает из берлоги... Замечает людей и замирает, скованная извечным страхом...* (ж. «Юный натуралист»). Даже если мы ярко представляем себе эту картинку, мы все же не можем судить о том, что происходит в сознании говорящего или слушающего и что именно подвергается транспозиции — сам говорящий или прошлое. Тем более это трудно сделать в случаях, когда употребление этой формы автоматизировано, как в разговорной речи: *Иду вчера, вижу... стоит... Я говорю... Она говорит* и т. д.

Поэтому поищем факты языка, которые могли бы рассматриваться как свидетельство в пользу той или иной гипотезы. Основополагающим является тот факт, что настоящее историческое может сочетаться с обстоятельствами, обозначающими прошлое: *Вчера иду, вижу; Как-то недавно встречаю я его на улице; Много лет назад появляются первые механические часы и с тех пор идет постоянное состязание в усовершенствовании прибора...* Это кажется естественным, поскольку настоящее историческое и обозначает прошлое действие. Однако, если бы модальная рамка содержала элемент 'настоящее', 'момент речи', то обстоятельство со значением 'прошлое' вступало бы в противоречие с этим элементом, и возникала бы языковая неправильность[16]. Поскольку, однако, такой неправильности не возникает, более того, настоящее историческое нормально употребляется именно в контексте таких обстоятельств, приходится заключить, что его модальная рамка не содержит компонента 'действие как бы происходит в момент речи'. Предпочтение следует отдать тому варианту модальной рамки, который содержит компонент 'говорящий мыслит себя в прошлом, и действие как бы происходит на его глазах'.

Существует еще одна неясность, связанная с настоящим историческим. На кого должно быть ориентировано толкование модальной

[16] Пример подобной неправильности рассмотрен выше на материале формы СВ прошедшего времени в значении 'предстоящее действие' (*Ну, я пошел*).

рамки — на говорящего или на слушающего, т. е. на адресата в широком смысле (читателя, слушателя)? Существует две разных формулировки и относительно этой позиции в модальной рамке. Большинство пишет о событиях, разворачивающихся как бы перед глазами говорящего, но некоторые говорят о событиях, как бы совершающихся перед глазами слушающего (ср., например, [Пешковский 1935: 190]). Конечно, их можно объединить: 'как бы перед глазами говорящего и слушающего'. Но вопрос состоит в том, нужно ли вообще включать слушающего.

Это вопрос очень тонкий, и, опять-таки, он может показаться праздным. Ведь если основной функцией языка является коммуникативная, то очевидно, что все служит тому, чтобы говорящий мог передать свои мысли адресату. Тем не менее, единицы, отражающие какое-то специальное отношение говорящего к предмету, т. е. содержащие модальные рамки, могут отражать и специальные установки говорящего относительно адресата. С этой точки зрения модальные рамки почти не изучены.

К сожалению, и на этот вопрос мы не можем ответить с помощью нашей интуиции носителей языка. Поэтому попытаемся применить тот же самый языковой механизм, чтобы проверить, присутствует в значении этот элемент или нет. Подберем жанр речи, где устранено представление об адресате. Таким жанром является внутренняя речь, поток сознания и другие формы обращенной к себе речи. Например, в следующем тексте, где перечисляются прошлые события, уместны только формы обычного прошедшего времени, но не настоящего исторического: *Я повторял себе вновь и вновь: да, я добился всего, чего хотел. Я сделал невозможное: я приехал из деревни, поступил в университет, меня оставили при кафедре, я женился на дочери шефа. Но стал ли я счастливым?* При замене этих форм формами настоящего времени события воспринимаются как относящиеся не к прошлому, а к будущему (т. н. «запланированное будущее»).

С этой точки зрения интересным может оказаться анализ некоторых литературных жанров, например, дневников. Хотя «трудно представить себе, что дневник пишут, думая, что его никто никогда не прочтет. Автор может рассчитывать, что кто-нибудь когда-нибудь разделит его горести и надежды... Дневник для себя — это — в конечном счете — все-таки дневник для других» (В. Каверин, Дневник К. И. Чуковского). Признавая справедливость этого замечания, подчеркнем все-таки разницу между в «конечном счете для других» и «непосредственно адресованные другим», как можно сказать о типичных жанрах, где употребляется настоящее историческое. Это, конечно, требует специального исследования.

Таким образом, есть основания полагать, что модальная рамка настоящего исторического включает представление об адресате. В целом его толкование должно выглядеть следующим образом: 'действие

или событие относится к прошлому, причем говорящий субъект говорит о нем так, как будто он сам находится в том времени, к которому относится действие, и оно как бы разворачивается на глазах у самого говорящего и адресата'.

Формы настоящего исторического могут обозначать и единичное действие (*Ударяю ледорубом*), и многократное действие (*И вот он заводит разные флирты и романы...* М. Зощенко). Единичное действие может быть представлено либо 'в протекании': *Дело приближается к нашим дням; Танцуют великолепные пары; Я сижу роюсь в книжном магазине,* либо 'в результате': *И вот наступает 1933 год. Заходят в «Асторию». Садятся...* В данном разделе нас будет интересовать только последний случай.

Результат, достигнутый действием, которое обозначается формой настоящего исторического, актуален только для какого-то момента в прошлом. Для указания на сохранение результата в момент речи эта форма не используется.

Момент, в который возникает результат, настоящее историческое характеризует как определенный (*Как раз в этот момент приходит...*). Это естественно, поскольку действие происходит «как бы на глазах говорящего».

Очевидно, что «живописный» компонент толкования в таком виде может характеризовать только физические действия, которые могут происходить буквально на глазах наблюдателя. Что касается глаголов с более абстрактным значением (*появляется, начинается, случается* и т.д.), то для них можно предложить некоторую модификацию толкования: 'говорящий представляет себя как бы свидетелем данного события'.

Стилистически-функциональное употребление настоящего исторического хорошо известно — нарративные жанры (историческое или художественное повествование), разговорная речь, «которая переходит на него всякий раз, как превращается из разговора в рассказ» [Пешковский 1935: 190].

3.4. Прошедшее НСВ в значении «сказового» действия

Мы имеем в виду довольно редко встречающееся в современном языке употребление этой формы в том значении, которое было характерно для русского народного эпоса. См. пример из былины:

Было так, на восходе красного солнышка,
Вставал Илья Муромец раньше всех,
Выходил он на Сафат-реку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонким полотном.
Помолился чудну образу.

(«Илья в Киеве»).

Слетал ворон на сине море,
Приносил мертвой и живой воды.
Вспрыскивал Михайла Добрыню мертвой водой, —
Срасталось тело его белое,
Затягивались раны кровавые;
Вспрыскивал его живой водой, —
Пробуждался молодец от смертного сна.
(Там же).

В лингвистической литературе мы не встречали описания этого значения и условно назвали его «сказовым», имея в виду его употребительность в фольклоре. В языке былин эта форма с точки зрения современного носителя русского языка обозначает действие, достигшее полного результата и имевшее место в определенный момент или в определенной ситуации в прошлом (ср. *на восходе красного солнышка*).

В отличие от формы СВ данная форма обозначает не только действие, достигшее результата, но и представляет это действие более растянутым, как бы замедленно протекающим на глазах говорящего и слушающего от начала и до конца. Такое представление действия согласовывалось с общей замедленностью изображаемого течения событий, свойственной былинам.

«Живописный» компонент в значении этой формы хорошо ощущается интуитивно, как и в настоящем историческом. И в том и в другом случае формы НСВ перемежаются формами прошедшего времени СВ, сигнализирующими, в частности, единичность и определенность описываемой ситуации. Ср. пример из «Истории государства Российского» Н. Карамзина: *Царь п р и в е т с т в о в а л и воевод, и воинов, числом более двадцати тысяч; з в а л их к руке; г о в о р и л с ними; х в а л и л за устройство и мужество; угостил всех на лугу Бейском.*

Сказовое, как и настоящее историческое, характеризует момент возникновения результата как определенный, а сам результат — как сохраняющийся до какого-то момента в прошлом, в частном случае, до того момента в прошлом, когда он отменяется очередным действием в цепочке следующих друг за другом действий, так же, как и в случае настоящего исторического.

В языке художественной литературы эта форма является традиционным приемом для создания фольклорного колорита: *Там за стол его с а ж а л а / Всяким яством у г о щ а л а , / Уложила отдыхать / На парчевую кровать*... (А. Пушкин); *Вмиг по речи те спознали, / Что царевну принимали. / Усадили в уголок / П о д н о с и л и пирожок, / Рюмку полну н а л и в а л и , / На подносе п о д а в а л и . / От зеленого вина / О т р е к а л а с я она. / Пирожок лишь разломила / Да кусочек откусила*... (А. Пушкин).

П. И. Мельников-Печерский, описывая жизнь старообрядцев в стилизованно-народной манере, использует формы в «сказовом» значении. Например: — *На ласковом слове спасибо, сударыня, — снова кланяясь Марье Гавриловне, молвила тетка Егориха. Таня была девочка догадливая, о т х о д и л а в сторонку и п у с к а л а с ь вдоль Вражка цветочки рвать. Разговорилась Марья Гавриловна со знахаркой...* Формы СВ прошедшего времени *молвила, разговорилась*, чередующиеся с формами НСВ, исключают возможность понимания последних в узуальном значении.

В песне М. Исаковского «Катюша», написанной в народной песенной манере, использованы также формы с этим значением: *Р а с ц в е т а л и яблони и груши, / Поплыли туманы над рекой, / В ы х о д и л а на берег Катюша, / На высокий берег на крутой. / В ы х о д и л а, песню з а в о д и л а ...* В песне Е. Сергеева, также написанной в стилизованно-народной манере, описываются действия бойца, готовящегося выполнить задание: *Я к своей винтовочке острый штык п р и л а ж и в а л, / За сапог з а с о в ы в а л старенький наган...*

Особый интерес для нас представляет такое использование этой формы в художественной литературе, которое не связано с фольклорной стилизацией. Вот описание движения войска в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»: — *Вишь, их, как плотину прорвало, — безнадежно останавливаясь, г о в о р и л казак. — Много ль еще там? — Мелион без одного! — подмигивая г о в о р и л близко проходивший в прорванной шинели веселый солдат и с к р ы в а л с я ; за ним п р о х о д и л другой, старый солдат... За ним другой солдат ехал на повозке... И этот п р о х о д и л ...*

Формы *скрывался, проходил* (последняя использована здесь автором несколько раз) помогают читателю представить себе движение, совершающееся как бы перед его глазами вплоть до конца, до исчезновения из виду солдат.

Менее прозрачно значение этой формы в следующих примерах:

Потом англичанин приказал вернуться в Форт, уже опустевший, закрывший свои конторы, агентства и банки, побрился в цирульне и неприятно помолодел, п о к у п а л сигареты, з а х о д и л в аптеку (И. Бунин); *А мне виделся Индийский океан... Тихо колышется парусник. Когда-то подует ветер. Когда-то придем ко двору Великого Могола. И капитан корабля в ы н и м а л часы из-за шелкового пояса, смотрел на небо* (Вс. Иванов).

Последний пример представляет собой случай сказового воображаемого действия. Контекст допускает понимание названного действия и как единичного, и как многократного.

— *Воображаю, что было у Каифы! — Да, прокуратор, это вызвало очень большое волнение. Меня они п р и г л а ш а л и немедленно*

(М. Булгаков); — *Позвольте, — кричала скандальная дама, — и тут же рядом пропускают трех малюток в длинных клешах. Я жаловаться буду! — Эти малютки, сударыня, — отвечал Филя, — были костромские лилипуты. Наставало полное молчание. Глаза дамы потухали, Филя тогда, оскалив зубы, улыбался так, что дама вздрагивала. Актер с побледневшим лицом, со страдальческими помутневшими глазами, вдруг навалился сбоку на барьер, шептал: — Дикая мигрень... Филя, не удивляясь, не оборачиваясь, протягивал руку назад, открывал настенный шкафик, наощупь брал коробочку, из нее вынимал пакетик, протягивал страдальцу, говорил: — Водой запей... Слушаю вас, гражданка. Слезы выступали у гражданки, шляпка съезжала на ухо...* (М. Булгаков); *Грузовик дал сигнал и выехал на улицу. Тут же из подъезда театра раздавались резкие звуки тромбонов. Публика с вялым изумлением останавливалась, останавливался и грузовик* (М. Булгаков); *Я стояла у окна и смотрела на них, а Виржинчик в это время дочитывала «Пана» Гамсуна и лукаво спрашивала меня: «Что такое любовь?» — и сама отвечала: « Это ветерок, шелестящий в розах». Я оборачивалась к ней и очень серьезно говорила, что я давно обдумала этот вопрос...* (Н. Берберова); *Ночевал Крымов у Батюка. Батюк, шевеля губами, отсчитывал в рюмочку капли сердечного лекарства, наливал в стакан воду. Позевывая, он рассказал Крымову о делах в дивизии* (В. Гроссман); *И вообще, несмотря на все прощания, я недавно снова к ней приезжал. Выскочил из поезда холодным утром, бежал по бесконечным подземным кафелям, надеясь перехватить ее на пересадке, не успевал. Вбегал в переговорный пункт, все удивлялись моей одежде — все давно уже в пальто и плащах. Ставил монетку вертикально, попадал в щель...* (В. Попов); *Там проиграл я свои пять рублей... Проигрыш уводил нас в новую даль и приводил почему-то на базу спортторга... Стареющий плейбой заводил нас в свой кабинетик, где Павел Петрович разворачивал газетку... Изыканно, даже с искрой накрыл нам щедрый плейбой на гимнастическом коне... И очень заботливо и тактично входил в мое положение добрый зав, и, утешенный, выходил я с Павлом Петровичем далее...* (А. Битов); *Мне не спалось уже и грустно было, что Лапин собирается жениться на этой вот Гале, — мне не нравилась она. Я поднимался, вставал из своего тепла и молча собирал постель* (В. Маканин).

Мы приводили столь длинные контексты, чтобы читателю было ясно, что речь идет о единичном законченном действии во вполне определенной ситуации, а не о повторяющемся или длящемся действии.

В этих примерах форма прошедшего НСВ, хотя и не выражает замедленного действия, как бы протекающего на глазах читателя, но все

же фиксирует внимание не только на результате действия, как форма СВ, но и на самом процессе его протекания. Действие воспринимается как более значительное, важное, иногда — торжественное[17].

Легко заметить, что чаще всего в этом значении употребляются глаголы перемещения. Возможны также фазовые глаголы и глаголы говорения. На глаголах говорения следует остановиться особо. Глаголы типа *отвечал, кричал, шептал, восклицал* и т. д., вводящие прямую речь, как давно отмечалось в литературе, в современном языке используются в тех же условиях и как будто в том же точно значении, что и соответствующие глаголы СВ. На наш взгляд, формы НСВ имеют здесь значение сказового действия, т. е. в отличие от форм СВ концентрируют внимание не только на результате, но и на процессе. Эти формы чаще предваряют реплику или встречаются в ее середине, когда действие еще не закончено, чем в конце (см. вышеприведенные примеры).

Почти единственная сфера употребления формы в этом значении — художественное повествование.

Изредка она встречается и в разговорной речи: А. *Я помирилась с физиком* // Б. *А в чем это выразилось?* А. *Он меня не ругал / п р е д л а г а л листочек с контрольной / я листочек б р а л а* //.

Обычно эти формы употребляются при обозначении последовательных действий; изолированные употребления, за исключением глаголов говорения, вводящих прямую речь, редки и воспринимаются как странность (см. вышеприведенный пример из М. Булгакова *Меня они приглашали немедленно*).

Обозначая последовательность событий, формы прошедшего сказового НСВ, как и формы СВ в главном значении, играют в повествовании роль «событийных двигателей». Этим их функция отличается от обычной функции претеритального НСВ в повествовании, состоящей в фиксации фона, на котором происходит действие[18].

3.5. Настоящее НСВ непосредственно предшествующего действия[19]

Слёнин п р е д л а г а е т мне за Онегина, сколько я хочу (Из письма А. С. Пушкина); ...*Лапшенникова сообщила мне, что редакция*

---

[17] Похожее значение имеет стилистический imparfait в современном французском языке. Во-первых, он тоже выражает завершенность, законченность процесса. Во-вторых, «при употреблении imparfait в центре внимания, словно на замедленном, приостановившемся кадре киноленты, находится сам процесс развертывания действия» [Пицкова 1982: 38-39].

[18] О роли претерита СВ и НСВ в художественном повествовании см. [Forsyth 1970: 9-10; Бондарко 1973: 26-27; Филатова-Хелльберг 1975; Маслов 1984а].

[19] Ср. значение Passé immédiat во французском языке: Il vient de sorti 'Он только что вышел'.

обеспечена материалами на два года вперед и что поэтому вопрос о напечатании моего романа, как она выразилась, о т п а д а е т (М. Булгаков); *Уважаемый Анатолий Эмильевич!.. Получил письмо от Вас, за которое большое спасибо. Писать с а ж у с ь вторично* (Из письма В. Севрина А. Э. Миндлину); *Эй, вы — крикнула вдруг Клара. — Плывите один, капитана я не отпущу. — Видал, — сказал Орлов, — она его уже не о т п у с к а е т.* (Ю. Коваль); *Мама з о в е т обедать; Скоро о б е щ а ю т дать отпуск; Врач п р е д п и с ы в а е т мне много гулять; Я п р и х о ж у к вам как к другу; Г о в о р ю это вам строго по секрету; Я б е р у у вас эту книгу ненадолго; Объясню, почему я п р о ш у совета именно у вас; Родители р а з р е ш а ю т мне пойти в кино* (Из записей РР и из писем).

В этих случаях глагол называет событие, которое осуществляется не в момент речи, хотя и употреблена форма настоящего времени, а осуществилось до момента речи (уже пришел, сказал, взял, попросил и т. д.), причем близко к нему или непосредственно перед ним, так что между данным событием и моментом речи не было другого, отменяющего его события, и поэтому в момент речи результат этого действия остается в силе. Сам момент осуществления действия остается неопределенным.

Выражение 'близко к моменту речи' и 'непосредственно предшествующее действие' обозначают именно отсутствие промежуточного отменяющего события, а не обязательно физическую близость к моменту речи. В различных ситуациях реальный интервал между событием и моментом речи может быть различным, ср.: *Нас приглашают к столу* и *Нас приглашают погостить в деревне.* В первом случае время сохранения результата приглашения и тем самым время, в течение которого может быть употреблена форма настоящего НСВ меньше, чем во втором. Но языковое значение здесь одно и то же.

Фразы с этими формами допускают замену парными формами СВ (*предложил, позвала*).

В данном значении, по сравнению с главным значением СВ в прошедшем времени, особо подчеркивается актуальность результата действия в момент речи. Как мы уже говорили, компонент 'результат действия сохраняется до момента речи' в толковании СВ может быть снят последующим контекстом (*Часы починили, но они опять сломались*). Данная же форма не допускает подобной отмены.

Это значение наиболее характерно для глаголов речи. В этом случае мы имеем дело с метатекстовой ролью видо-временных форм, а именно — анафорической. Значение глагольных форм состоит в прояснении или просто назывании иллокутивной функции какого-то речевого акта, имевшего место до момента речи или до какого-то момента в прошлом (*предлагает, не отпускает, зовет, обещают, шучу* и т. д.). В примере из М. Булгакова *...вопрос о напечатании отпадает* в

сущности тоже названа иллокутивная функция — о т к а з печатать книгу. При этом обозначение иллокутивной функции относится к лексическому значению глагола, а роль отсылки к предшествующему речевому акту выполняют граммемы вида и времени.

Стилистически-функциональное употребление данной формы в основном ограничено диалогами разного типа — научными диспутами, обыденными разговорами, письмами и различного рода информационными жанрами (*Англия предлагает своим партнерам провести совещание...; Техникум объявляет прием учащихся*). Форма НСВ настоящего в этом значении может быть употреблена в течение того времени, пока сохраняется в силе актуальность результата действия.

3.6. Настоящее НСВ интерпретационное

— *Теперь я буду обязан, — сказал я. — Это похоже на взятку. — Ха, разве взятки такие бывают? — сказала Жанна. — Вы нас о б и ж а е т е* (Д. Гранин); [Пионер отказался от участия в мероприятии]. Пионервожатый ему: *П о д в о д и ш ь коллектив. П р е н е б р е г а е ш ь доверием товарищей! У к л о н я е ш ь с я от участия в политическом мероприятии.* (А. Маркуша); *А я не понял. Ты отбросил меня, думаю: под шумок с ч е т ы с в о д и т . . .* (В. Франюк); — *Не баламуть народ, инспектор. Никто с тобой никуда не пойдет... Неужели не понимаешь, что и д е ш ь на п р е с т у п л е н и е ?* (В. Франюк); — *Традиции бывают разные. В некоторых африканских племенах по традиции вдевают в носы кольца. — Что ж вы р а в н я е т е !* (В. Франюк); *Они... сбежали от родителей на БАМ, чтобы пожениться. Вот д а ю т ! Совсем как в книжках* (С. Колесова); А. *Меня никто там не любит* // Б. *Ты п р е у в е л и ч и в а е ш ь* //; А. *Он сказал / что жены нет у него* // Б. *Он тебя о б м а н ы в а е т* //(Из записей РР).

Это значение можно сформулировать примерно следующим образом: 'До момента речи имело место конкретное единичное действие; говорящий, имея в виду это прошлое действие или его результат, в момент речи интерпретирует это действие как некий тип поведения'. Или, в более общем виде: 'Говорящий, имея в виду прошлое действие Р, в момент речи интерпретирует Р как тип поведения R'. Момент, когда произошло интерпретируемое событие, является неопределенным.

В порядке разъяснения данных толкований обратим внимание на то, что в примерах называется или подразумевается какое-то конкретное, часто физическое, действие (скажем, чьи-то слова, поступки). Глагольная же форма настоящего НСВ не обозначает само это конкретное действие, а отсылает к нему, называя тот общий тип поведения, к которому оно относится в интерпретации говорящего. Если отсылка касается какого-то предшествующего высказывания, то мы вновь имеем дело с чисто анафорическим употреблением видо-

временной формы. Близким к анафорическому является и такое употребление, когда интерпретации подвергаются не высказывания, а реальные прошлые поступки.

Элемент обобщения отличает данное значение от НСВ непосредственно предшествующего действия. Второе отличие состоит в том, что здесь подчеркивается не только актуальность результата прошлого действия, но и актуальность обобщения в момент речи.

По-видимому, этот же элемент обобщения запрещает замену интерпретационного НСВ формами СВ: *Идешь на преступление ≠ Пошел на преступление; Вы нас обижаете ≠ Вы нас обидели*[20] и т. д.

Замена данной формы формами прошедшего НСВ также невозможна: *Подводишь коллектив ≠ Подводил коллектив; Пренебрегаешь мнением товарищей ≠ Пренебрегал мнением товарищей* и т. д. В последнем случае исчезает указание на единичность действия, а также на то, что актуальность характеристики действия в момент речи сохраняется.

Некоторые глаголы говорения (*Глупости порешь; ты лжешь; ты преувеличиваешь; шучу, шучу* и т. д.) фактически соединяют в себе и значение непосредственно предшествующего действия, т. к. указывают на актуальность результата, и интерпретационное значение, т. к. дают интерпретацию данному акту речи.

Интерпретационные значения обычно выражаются глаголами интенсиональной семантики, ср.: *Они торопятся с выводами; Ты же ее убиваешь; Вы воскрешаете меня; Ты возвращаешь меня к жизни; Он играет ва-банк; Вы ставите все на карту; Вы берете меня за горло; Значит, вы закрываете глаза на это безобразие?; Ну, ты землю роешь* и т. д. Ср. характеристику интерпретационных глаголов в [Апресян 1997: XX].

Обычно в этом значении употребляются формы 2-го и 3-го лица, и — гораздо реже — первого. Это связано с тем, что говорящий чаще интерпретирует и подвергает оценке чужие поступки, чем свои собственные.

3.7. Настоящее НСВ экспозиционное

Название этого значения предложено Г. Галтоном в [Galton 1976]. Примеры:

Эдгар По... берет самую исключительную действительность, ставит своего героя в самое исключительное внешнее или психологическое положение, и с какою силою проницательности, с какою поражающей верностью рассказывает он о состоянии души этого человека! (Ф. Достоевский); *Соловьев доказывает, что наш земной мир, в отличие от небесного, не есть непосредственное создание Божества*

[20] О различии в значениях этих форм см. выше, с. 109.

(Е. Трубецкой); *Уже в первом произведении Достоевский изображает как бы маленький бунт самого героя против заочного... подхода литературы к «маленькому человеку»* (М. Бахтин); *Цветаева не играет с читателем в равенство; она себя к нему приравнивает — лексически, логически* (И. Бродский); *Дарвин учит, что эволюция видов определяется тремя факторами; Почти все системы индийской философии настаивают на применении йоги как на необходимой практической стороне философии жизни.*

Значение этой формы близко двум последним рассмотренным значениям. Его специфика обнаруживается при сопоставлении с формами прошедшего НСВ и СВ: *Пушкин изображает — изображал — изобразил мелкопоместное дворянство.* Несмотря на большую смысловую близость этих форм, настоящее НСВ, как показал Г. Галтон, отличается от них следующим. Результат названного прошлого действия, т. е. содержание того, о чем «пишет», «говорит», что «изображает» субъект действия, по мнению говорящего, является, во-первых, общезначимым, ценным для многих, во-вторых, сохраняет ценность, актуальность, важность до настоящего времени, даже если говорящий не согласен с утверждением [Galton 1976: 17-18].

Действительно, употребить эти формы было бы странно во фразах, где речь идет о заведомо потерявших свою актуальность тезисах, например, во фразах ?*Птолемей учит, что Солнце вращается вокруг Земли* или ?*Алхимики доказывают, что любой металл можно превратить в золото.* В этом случае, конечно, уместна форма прошедшего НСВ, которая относит актуальность тезиса к тому моменту или периоду в прошлом, о котором идет речь.

Форма настоящего НСВ содержит, таким образом, интеллектуальную (не эмоциональную) оценку. Эта оценка в каждом случае является для говорящего индивидуальной, язык же дает ему возможность выразить ее. Поэтому об одном и том же событии разные говорящие могут говорить по-разному, в соответствии со своей системой ценностей или в зависимости от того, что находится в центре их внимания — какой-то период прошлого, историческая обстановка в этот период или исключительно содержание того, о чем идет речь. Таким образом, сам факт отнесения результата к прошлому не обязательно означает его недостаточную ценность. Это может свидетельствовать и о том, что в центре внимания говорящего — прошлое, когда данный результат начал существовать. При использовании формы настоящего в центре внимания говорящего находится настоящее, в котором этот результат сохраняется материально[21] и сохраняет свою интеллектуальную или художественную актуальность.

[21] Если произведение, о котором идет речь, не сохранилось, то форма настоящего НСВ не может быть употреблена, как бы высоко оно ни оценивалось

Форма настоящего экспозиционного не соотносит данный результат ни с каким моментом в прошлом. Тем самым снимается вопрос об определенности или неопределенности такого момента.

Это значение могут иметь глаголы интенсиональной семантики, притом в первую очередь глаголы, обозначающие творческую деятельность.

Используется во всех типах речи.

3.8. Настоящее НСВ о прошлом единичном факте как неслучайном, типичном (настоящее эмоциональной актуализации)

Приведем примеры этого значения:

Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю... и царь не стыдится в том признаться (Из дневника А. С. Пушкина; пример из работы [Бондарко 1971: 150]); *Я же им ножик давай, они же на меня и накидываются. Душат за горло* (М. Зощенко); *Родного отца не замечает... Дожили!* (Е. Шварц); *С чистым сердцем догонял он друга, а друг отвернулся. Оскорбленному, ему еще бьют под ребра, методом подлой подножки бросают в малину* (Ю. Коваль); *И этот человек говорит мне о порядочности! Пишут же люди! Бывает же так! Кто это тут кошельки раскидывает?;* (рассматривая один рисунок) *Кто это тут так здорово рисует?* (Из записей РР).

Процитируем описание этого значения из [Бондарко 1971: 150-153]: «Факт прошлого подчеркивается, ему придается в данном высказывании принципиальное значение. Он уже не рассматривается как прошедший, а как бы извлекается из прошлого и переносится в плоскость настоящего. Действие предлагается на рассмотрение, демонстрируется. Прошедшее событие переживается и оценивается в настоящем» [Бондарко 1971: 151]. Там же отмечается «эмоционально-экспрессивный оттенок удивления или возмущения», содержащийся в данном значении, а также то, что актуализация основана на обобщении факта (с. 153).

Учитывая процитированное выше описание, предлагаем следующее толкование этого значения: '(1) до момента речи имело место событие (действие); (2) говорящий или участник ситуации небезразличен к этому событию и оценивает его положительно или отрицательно; (3) говорящий считает, что оно неслучайно для субъекта действия (если таковой есть) и что между свойствами субъекта действия и данным действием (событием) имеется связь; (4) говорящий заново в момент речи переживает названное событие'.

говорящим. Странно было бы сказать, например, **В погибшей фреске неизвестный художник изображает «Сошествие во ад».*

Часто при обозначении единичного факта здесь используется форма так называемого гиперболического множественного, что подчеркивает представление говорящего о данном событии как неслучайном, типичном (см. примеры из Зощенко, Коваля, из разговорной речи).

Как видно из приведенных примеров, в момент речи не обязательно сохраняется сам результат действия, обязательным является переживание этого результата. Что касается момента, когда произошло данное событие, то в одних случаях он может быть определенным, в других — неопределенным. Для говорящего это является несущественным.

Функционально-стилистическое употребление этой формы ограничено публицистикой, разговорной речью, письмами, дневниками. В художественной литературе эта форма используется для передачи диалогов и внутренних монологов героев. Ни в научной, ни в деловой речи настоящее эмоциональной актуализации невозможно из-за «эмоционального» компонента толкования.

3.9. Будущее СВ о прошлом факте как удивительном, неожиданном

Они ... смотрели в глаза друг другу, смотрели так любовно и пылко, что от зависти морщины пошли к сердцу. Привалит же людям такое счастье! (Вс. Иванов); *И я даже читала где-то, что разваливаются те семьи, где муж и жена ведут бесконечные дискуссии, а те семьи, где супруги не разговаривают и двадцать минут в день, благополучно существуют. Даже так. Напишут ведь* (Т. Горбулина); (Глядя на рисунок). *Нарисуют же такое!*

Рассматриваемое значение реализуется в конструкциях вида «глагол СВ будущее + *же*», «глагол СВ будущее + *ведь*», где частицы *же* и *ведь* имеют значение, отличное от их основных значений, ср.: *Ведь он пойдет в кино!; Он же поедет за город.* Значение всей этой конструкции можно истолковать следующим образом: '(1) До момента речи имело место событие (действие, доведенное до результата); (2) говорящий или участник ситуации неравнодушно относится к этому событию; (3) считая его удивительным, неожиданным, он в то же время обобщает его как характерное'.

В пользу последнего компонента свидетельствует то обстоятельство, что о единичном событии часто говорится во множественном числе, как если бы оно было типичным.

Результат действия сохраняется в момент речи, ни с каким моментом в прошлом его возникновение не соотносится.

Данное значение СВ характерно для языка художественной литературы, публицистики, особенно фельетонов, а также для разговорной речи.

3.10. Будущее СВ или повелительное наклонение СВ (квазиимператив) для обозначения внезапно наступившего действия в прошлом

Будущее СВ:

Как царица отпрыгнет, / Да как ручку замахнет, / Да по зеркальцу как хлопнет, / Каблучком-то как притопнет! (А. Пушкин); *А больная ко мне лицом лежит, и руки разметала, бедняжка. Я подошел... Как она вдруг раскроет глаза и уставится на меня* (И. Тургенев); *Как вскочит мой Василий Васильич! Словно обожженный!* (И. Тургенев); *Конь мчал, мчал да как остановится враз, точно вкопанный!* (Н. Тихонов); *А он ему как даст! Тут она как чихнет! Тут дождь как польет! А он как развернется, как треснет его!*

Повелительное СВ:

А пиджак ловили всем обществом, еле выловили, а он возьми и окажись весь в керосине (И. Ильф, Е. Петров); *Аннушка, наша Аннушка! С Садовой! Это ее работа! Взяла она в бакалее подсолнечного масла, да литровку-то о вертушку и разбей!* (М. Булгаков); *И не успел он оглянуться, как этот прохвост Катькин возьми и плюнь ему прямо в рыло* (М. Булгаков); *Угля у меня не хватило, я и вернись из-под Крыма... Вдруг подплывает Шариков; ты зачем, говорит, безвременно прибыл?* (А. Платонов).

Обе формы обозначают внезапно наступившее в прошлом действие, результат возникает в определенный момент; он актуален для прошлого и неизвестно, сохраняется ли до момента речи. При этом внезапность действия по-разному представлена этими формами.

Формы будущего СВ представляют действие как быстрое, мгновенное. В конструкции с ним могут быть употреблены лишь глаголы, обозначающие действие, которое может быть моментальным, и недопустимы глаголы, обозначающие постепенное накопление результата: ср. невозможность **А он как накопит денег, как купит дом! *А он как соберет всю картошку в кучу!*

Формы повелительного наклонения СВ представляют действие как неожиданное, но при этом его результат в действительности не обязательно должен возникать мгновенно. Он может накапливаться постепенно; последнее остается неизвестным говорящему или какому-то третьему лицу, он воспринимает результат и в этом случае как неожиданный: *А он возьми и накопи деньжат.* Относительно этой формы многие лингвисты отмечали, что она, как правило, обозначает такое действие, которое произведено некстати, является нежелательным для участников ситуации.

У будущего СВ рассматриваемое значение проявляется только в контексте частицы *как,* обычно в составе сложного предложения [последнее отмечено в Виноградов 1947: 580] и требует специальной интонации.

Формой повелительного наклонения данное значение выражается только в контексте усилительных служебных слов *и, возьми и* и при наличии особой интонации [Пешковский 1935: 194].

Таким образом, можно констатировать, что в обоих случаях значение внезапно наступившего действия в прошлом выражается не одной видо-временной формой, а целой совокупностью условий.

Формы будущего СВ и повелительного СВ для обозначения внезапно наступившего действия в прошлом употребляются только в разговорной и художественной речи, в обоих случаях в повествовании [Veyrenc 1980: 85-129].

* * *

Итак, рассмотренные формы со значением 'действие в прошлом, достигшее результата', по-разному характеризуют момент возникновения результата и момент, в который он сохраняется.

Момент в прошлом, когда результат начинает существовать, может быть представлен как 1) определенный (прошедшее СВ, настоящее историческое, прошедшее НСВ «сказовое»); 2) неопределенный (общефактическое НСВ, настоящее НСВ непосредственно предшествующего действия, настоящее НСВ интерпретационное); 3) либо определенный, либо неопределенный (настоящее НСВ эмоциональной актуализации). Существует, наконец, и четвертая возможность: в значении формы может вообще отсутствовать указание на момент возникновения результата (настоящее НСВ экспозиционное, будущее СВ о прошлом факте как удивительном).

Что касается момента сохранения результата, то здесь также представлен целый спектр характеристик:

1) Результат сохраняется в момент речи или в выделенный момент в прошлом — в реальном или нарративном пространстве (прошедшее СВ; будущее СВ и повелительное наклонение СВ о прошлом факте как неожиданном).

2) Результат сохраняется и оценивается в момент речи (его актуальность в момент речи подчеркивается — настоящее НСВ непосредственно предшествующего действия; в момент речи актуальна оценка прошлого действия как типа поведения — настоящее НСВ интерпретационное; в момент речи результат оценивается как общезначимый и актуальный — настоящее НСВ экспозиционное; в момент речи имеет место непосредственное переживание результата прошлого действия — настоящее НСВ эмоциональной актуализации; в момент речи результат оценивается как удивительный, неожиданный — будущее СВ о прошлом факте как удивительном).

3) Нерелевантно, сохраняется ли результат в выделенный момент в прошлом или в момент речи (может сохраняться, а может и не сохраняться). Это связано с тем, что в фокусе внимания другое — момент

возникновения результата (настоящее историческое; прошедшее сказовое). Показательно, что даже в разговорной речи эти формы не используются для указания на сохранение результата в момент речи.

4) Неизвестно, сохраняется ли результат в момент речи (общефактическое результативное НСВ).

5) Результат аннулирован в момент речи (общефактическое двунаправленное НСВ).

4. Грамматические способы обозначения узуальных и потенциальных действий

4.1. Узуальные действия

Изложение в этом разделе будет строиться по несколько иному плану, чем в предшествующем. Мы обсудим 1) понятие локализованности во времени; 2) типы употребления узуального НСВ; 3) типы употребления узуального СВ; 4) различия и сходства между прошедшим узуальным СВ и будущим узуальным СВ; 5) различия и сходства узуального НСВ и узуального СВ; 6) контекстные условия реализации узуального значения; 7) распределение по типам речи.

4.1.1. Понятие локализованности во времени

При характеристике узуальных действий важную роль играет понятие локализованности во времени.

О локализованности и нелокализованности во времени и об отражении этих понятий в языке много писал Э. Кошмидер. В частности, он отмечал, что ввиду отсутствия в языке «специальной категории вневременности факты без временно́го местоположения обозначаются теми же формами, что и факты, локализованные во времени, причем используются как несовершенные, так и совершенные глаголы» [Кошмидер 1962: 155]. Это утверждение, касающееся польского языка, справедливо и по отношению к русскому языку.

Временна́я локализованность может описываться с двух точек зрения: временна́я локализованность относительно момента речи и временна́я локализованность относительно момента наблюдения (рейхенбаховской точки отсчета).

Относительно момента речи действия могут быть локализованными (формы НСВ узуального) и нелокализованными (формы СВ узуального, гномическое время), примеры см. ниже. Относительно момента наблюдения действия могут быть только локализованными во времени.

Момент, в котором локализуется действие, может быть определенным (ср. актуально-длительное значение НСВ) и неопределенным

(ср. узуальные значения НСВ и СВ, гномическое значение НСВ, для последнего, например, действие имеет место в любой момент наблюдения). Трактовка узуального значения НСВ как описывающего неопределенную временну́ю локализацию совпадает с точкой зрения Т. В. Булыгиной [Булыгина 1982: 18-19]. Ср. иной взгляд в [Бондарко 1971: 6], где данному значению приписывается признак временно́й нелокализованности.

4.1.2. Узуальное значение НСВ

Узуальное значение НСВ имеет две разновидности (или два типа употребления): 'иногда / обычно делать' (собственно узуальное) и 'иметь свойство'.

Примеры типа 'обычно делать':

...я аккуратно сообщаю в «Летопись» обо всех выдающихся городских событиях (И. Бунин); *Шляпы тогда носили реже, чем сейчас* (Вс. Иванов); *Бульвар — место общественного гулянья. ...всякий день, выспавшись после обеда до семи, в семь отправляется Иван Семенович гулять на бульвар. Порасправившись на свежем воздухе, усаживается он где-нибудь на скамейку между рестораном и эстрадою, и сидит развалясь ... и не шелохнется, млеет и насвистывает* (А. Ремизов); *Нельзя возражать, понимаете вы или нет? На Сивцев Вражке не возражают. — То есть как это?! Никто и никогда не возражает? — Никто и никогда, — отстукивая каждое слово, ответил Бомбардов, — не возражал, не возражает и возражать не будет* (М. Булгаков); *Бегала весь день, ела на ходу, иногда не поспевала домой, и вообще весь день не ела, мерзла на трамвайных остановках, работала ночами и при своем слабом сердце все это выдерживала* (Н. Ильина); *Странные люди цыгане! Ранней весной они трогаются в путь, одни едут на поездах, другие — на пароходах или плотах, третьи плетутся по дорогам в телегах... Люди с южной кровью, они забираются в самые глухие северные углы. Внезапно становятся табором под городом, несколько дней слоняются по базару, щупают вещи, торгуются, ходят по домам, гадают, ругаются, смеются...*(Ю. Казаков); *Яковлев начинал рисунок ... с глаза. Глаз отделывал до полной законченности, вырисовывал со зрачком, веками, с тенями и полутенями. За глазом появлялась бровь, второй глаз и переносица* (А. Минчковский).

Примеры типа 'иметь свойство':

Письмо было хорошее, умное, очень приветливое, с несколькими золотыми деталями, которые так любят писатели (Вс. Иванов); *Горький тосковал по-другому, — как тоскует вулкан, лепя скалы из базальта: творя* (Вс. Иванов); *— Просторная, удобная машина? — Да. — Вероятно, закрытая? — Да, она не открывалась* (Д. Голсуорси, пер. с англ.); *Справа от меня сидел некоторый человек Леха Хоботов, тот самый, у которого — по рассказам деда Авери — летала рука* (Ю. Коваль); *Он*

всегда выполняет свое обещание; Вещество, которое превращает амигдалин в масло, содержится в горьком и сладком миндале (Н. Зимин. Пример из [Кожина 1972: 222]).

Обе эти разновидности можно описывать в рамках одного значения 'обычно делать так или иметь свойство так делать, действие представлено в протекании или в результате'. Действительно, узуальное НСВ соотносится с главными значениями обоих видов.

Во фразах *Он все делает медленно — медленно ест, медленно одевается; Больная причесывается с трудом* обстоятельства *медленно, с трудом* характеризуют то, как протекает действие; глагол обозначает обычное, повторяющееся действие в его протекании, т. е. соотносится с главным значением НСВ.

Во фразах *Он всегда одевается по моде, Она причесывается со вкусом* обстоятельства *по моде, со вкусом* характеризуют только результат действия; ср. синонимические результативные перифразы *Он всегда одет по моде, Она всегда причесана со вкусом.* Следовательно, глагол представляет обычное, повторяющееся действие в его результате. В этом случае узуальное значение соотносится с главным значением СВ.

Иногда мы сталкиваемся с ситуацией неопределенности: языковые средства недостаточны, чтобы понять, представлено ли узуальное действие в протекании или в результате, например: *Перед сном он всегда читает газету.* Неясно (и неважно), отводится ли какое-то время перед сном процессу чтения газеты (действие 'в протекании') или газета прочитывается целиком (действие 'в результате').

4.1.3. Узуальное значение СВ

Узуальное значение СВ тоже имеет две разновидности или два типа употреблений — 'иногда / обычно делать' (собственно узуальное) и 'иметь свойство делать'.

Собственно узуальное значение — 'обычно делать' — форма СВ имеет и в прошедшем, и в будущем времени.

Формы прошедшего времени:

Ведь иногда случалось: в бою оплошал человек, растерялся, порой даже не сам, а подчиненные подвели командира, отступили, не выдержали. Что же, сразу к стенке или к вырытой могиле ставить? (В. Карпов); *Он же как всегда? Послушал меня / сел и забыл //; Утром встал / кашку сварил / поел / так хорошо //* (Из записей РР).

Формы будущего времени:

Теперь я знаю каждое ее слово. Она сама вечером прибежит и все расскажет (Л. Толстой); *Если случается гость, он всегда рад гостю, предложит стакан, угостит, потолкует, покажет редкости и честь честью проводит до двери* (А. Ремизов); *...выпивала барыня, давно уж выпивать приучилась: выпьет, заест мятным пряником и заснет*

(А. Ремизов); *Бывало, придешь к нему, а сынишка его говорит: «Батя на сеновал мыслить отправился»* (Вс. Иванов); *Чего-чего только не придет в голову, пока его дождешься. Три раза похоронишь, а девять приревнуешь* (Е. Шварц); *С Катей они часто ходили с корзинами щипать клеверный цвет. Усядутся в клеверище и щиплют. Потом умнут корзину и опять щиплют* (В. Белов); *Перерывы между моими посещениями Переделкина бывали долгими... Один раз за лето я появлюсь в доме Корнея Ивановича, затем надолго исчезну* (Н. Ильина); *Увидит бездомную собаку на улице, подзовет и отдаст ей. Потреплет грязные уши робеющей бедолаги, скажет ей ласковое словечко и пойдет своей дорогой* (Г. Семенов); *Но в общем о ее внутреннем мире мы знаем мало. Иногда прорвет ее и она чем-нибудь поделится. Но это бывает нечасто* (Из письма); *Мы с невесткой по-прежнему друзья, и посмеемся, и по душам поговорим, и в кино сходим* (Из письма читательницы в «Правду»).

Значение 'иметь свойство', в отличие от собственно узуального значения, может выражаться только формами будущего времени: *Старый князь, беспокойно оглядываясь, бросил салфетку и пошел сам. — Ничего не умеют, все перепутают* (Л. Толстой); *Актриса. Талантливая. Вера сказала, а она редко кого похвалит* (А. Цветаева); *Никогда на прямой вопрос не ответит правдиво, всегда вывернется, выскользнет, отшутится* (Н. Оцуп); *Твой-то приймак никогда ног не оботрет... Всегда, как в трактир* (Ю. Трифонов); *Вечно он бестактность ляпнет; Он всегда сдержит свое слово; Она и мухи не обидит; Своими капризами она кого хочешь против себя восстановит; Его обязательно втянут во что-нибудь сомнительное.*

Существуют переходные случаи, когда трудно бывает провести границу между этими двумя употреблениями ('обычно делать' или 'иметь свойство так делать'); ср., например, *Иной человек правду скажет, так она горше небылицы. А иной соврет — гляди, и работа у тебя пошла веселее...* (К. Паустовский); *А она обо всем подумает, позаботится* (Из записей РР).

4.1.4. Сопоставление прошедшего и будущего СВ в узуальном значении

Сопоставляемые формы достаточно близки по значению и могут чередоваться в тексте: *На самой заре встанешь и топчешься-топчешься по избе: и воды надо принесть, и печь растопить... А он, как скинул ноги с кровати, выхлебал баночку молока — только я его и видела* (К. Паустовский, пример из [Князев 1989: 140]).

Обе формы характеризуют действие как не локализованное во времени относительно момента речи; в тексте они могут относиться к любому временно́му плану. Покажем это на примере некоторых фраз.

Действие, которое уже произошло: *Мне там прошлым летом было лучше всех / пришел / кнопку нажал и загорай до обеда* // Возможно и *при-*

дешь... нажмешь... и т. д. *Бывало, действительно, выйдешь утром на работу, вечером явишься, чай попьешь — и спать* (М. Зощенко).

Действие, которое происходит в настоящее время (в широком смысле, т. е. не обязательно в данный момент): *Теперь все так делают / отгулы скопил и неделя в кармане //.* Возможно и *скопишь...* и т. д.

Действие, которое будет происходить: *Вот свекровь приедет поможет / обед сготовила / подала / разве это мало //* Ср. *сготовит, подаст...*

Будущее СВ, кроме того, обозначает действие, которое не соотносится с каким-то определенным временем, но характеризует в принципе свойство субъекта или объекта: *Она всегда что-нибудь невпопад скажет.*

Необходимо подчеркнуть, что перечисленные выше случаи употребления форм прошедшего и будущего СВ отражают не разные временны́е значения этих форм, а разные типы внеязыковых ситуаций, для описания которых они могут быть использованы. Временны́е же значения этих форм более или менее совпадают и, как уже говорилось, могут относить действие к любому временно́му плану[22].

Обе формы характеризуют действие как имеющее неопределенную локализацию во времени относительно момента наблюдения.

Хотя обе формы одинаково характеризуют действие с точки зрения его временно́й локализованности, это не значит, что между ними нет никаких различий. Обратимся вначале к сочетаемостным различиям этих форм.

Форма прошедшего времени подчиняется более тонким сочетаемостным ограничениям, чем форма будущего, имеющая более широкую сферу употребления. Об этом говорит тот факт, что формы прошедшего узуального СВ во всех случаях могут быть заменены формами будущего узуального СВ, в то время как формы будущего далеко не всегда могут быть заменены формами прошедшего[23].

Во фразе *Утром встал / кашку сварил / поел / так хорошо!* формы прошедшего времени легко заменяются формами будущего: *Утром встанешь, кашку сваришь...* и т. д.

В нижеследующих примерах замена форм будущего формами прошедшего невозможна: либо возникает языковая неправильность, либо исчезает узуальный характер действия.

Поставит (**поставил*) *ему Иван Семенович какой-нибудь вопрос по русской истории, ... тот и начнет вилять* (**начал вилять*) (А. Ремизов);

---

[22] См. обсуждение вопроса о значении формы настоящего-будущего времени СВ у В. В. Виноградова. Приводя суждения русских грамматистов, В. В. Виноградов цитирует И. В. Киреевского: «Птица полетит, я выстрелю — это может относиться ко всем временам» [Виноградов 1947: 578].

[23] Этот факт отмечен в [Бондарко 1971: 140-141]. См. также [Широкова 1971: 292-294].

Подобно Новикову-Прибою, который живал у меня на Капри, Алексей Силыч подойдет к любому предмету (**подошел к любому предмету*)... — *и пальцем. Он хотел пощупать этот мир* (Вс. Иванов); *Иногда он придет домой* (**пришел домой*), *сядет* (**сел*) *на скамеечку под вешалкой и сам снять сапоги не может* (Т. Горбушина). *А когда машину купили, сами заложат* (**заложили*) *белье, нажмут* (**нажали*) *на кнопку — хорошо!* (газ. «Правда», 1984 г.).

Примеры из записей разговорной речи: *Они всегда все перепутают* (**Они всегда все перепутали*); *Каждый раз примчится, нашумит, наговорит, и опять исчезнет* (**Каждый раз примчался, нашумел, наговорил и опять исчез*); *А она обо всем подумает* (**подумала*), *позаботится* (**позаботилась*); ... *если она идет в центр Москвы, она обязательно к одним придет, там переночует* (**...пришла, ...переночевала*).

Обобщая эти случаи, можно сказать, что замена невозможна при наличии в предложении кванторных слов (*всегда, иногда, каждый раз, любой, какой-нибудь, все...*), обстоятельств со значением кратности (*часто, иногда...*), а также придаточных времени и условия, союзных или бессоюзных. Союзы *когда, если* во фразах с узуальным значением означают 'всякий раз, когда', 'всякий раз, если', т. е. имеют то же самое кванторное значение. Не вполне понятно, впрочем, какие элементы смысла прошедшего узуального СВ входят в этих случаях в противоречие с контекстом.

Помимо указанного сочетаемостного различия, между формами прошедшего и будущего СВ имеется семантическое различие: формы прошедшего СВ обозначают только узуальное действие и не обозначают свойства, а формы будущего СВ обозначают и то, и другое. Значение свойства у будущего СВ может реализоваться только в контексте кванторных или кванторно-модальных слов типа *всегда, всякий раз, вечно, обязательно, непременно, никогда, ни в коем случае, самый, такой* и т. д., с которыми как раз и не сочетается прошедшее СВ. Например: *Вы всегда все испортите; Он непременно в чужое дело нос всунет; Обязательно он во все вмешается; Вечно он в грязи перепачкается.* Без слов *всегда, непременно, обязательно, вечно* эти фразы будут иметь потенциальное значение или обычное значение будущего времени. Несмотря на семантическое различие, формы прошедшего и будущего СВ не обязательно описывать как имеющие разные значения. Можно описывать их как имеющие общее узуальное значение, а различия фиксировать с помощью специального правила, учитывающего обязательное присутствие кванторных слов для выражения значения свойства и одновременно неспособность форм прошедшего времени сочетаться с этими словами. Такое правило имеет примерно следующий вид: узуальное значение реализуется полностью только в контексте кванторных слов; в противном случае оно не включает в себя компонента 'иметь свойство'.

Обе разновидности узуального СВ ('действие' и 'свойство') связаны с ограничением в функционировании.

О лексических ограничениях, накладываемых на реализацию значения свойства, уже говорилось выше. Из синтаксических факторов наиболее благоприятным для обозначения свойства является специальный порядок слов, при котором кванторное или модальное слово стоит на первом месте во фразе и логическое ударение падает именно на него.

При обозначении собственно узуального действия употребление глагольной формы СВ является синтаксически связанным: глагол не может быть употреблен вне определенного контекста[24]. Чаще всего — это сочинительная конструкция, в которой участвует сам глагол или другой член предложения, например: *Придет всегда измученный, усталый, я его накормлю, обогрею; Я мигом — сбегал, вернулся, и порядок.* Иногда это может быть условная, уступительная или временна́я конструкция, например: *Захотел — пришел на работу; Захочешь есть — придешь домой, поешь.* Благоприятным также является противительный контекст, например: *К ним придешь, а дома никогда никого нет.*

4.1.5. Различие между узуальным СВ и узуальным НСВ

При обозначении собственно узуальных действий НСВ и СВ поразному выражают временну́ю локализованность действия относительно момента речи. НСВ имеет три временны́х формы, причем каждая из этих форм обозначает действие, часто или обычно происходящее именно в названном времени: *По вечерам он читал (читает, будет читать) газеты.* СВ формально различает две временны́х формы, но не выражает временно́й локализованности (см. выше). Поскольку, однако, контекст может относить формы СВ к любому временно́му пласту, в тексте формы одного вида в узуальном значении часто чередуются с формами другого вида, например: *Счастье тем, кто умирает в поле / <...> Подойдет на стон к нему сестрица, / Поднесет родимому напиться. / Даст водицы, а ему не пьется, / А вода из фляжки мимо льется* (Д. Самойлов); *Мяса почти не ест, то, что Катя принесет, тоже раздает* (Н. Амосов); *А на новой квартире Валя все моет, носит, — она ведь даже не приедет* (Из записей РР); *Ничем не занимается, и дома не уберет, не постирает вовремя. Обед не варит. Приходит, лежит и читает книги* (из письма); *Пингвины подойдут близко к домикам, стоят на широких перепончатых лапках и с ненасытным любопытством смотрят в их сторону* («Юный натуралист»).

---

[24] О синтаксически ограниченном употреблении форм будущего СВ в этом значении писали А. А. Потебня, Л. П. Размусен, В. В. Виноградов. См. об этом [Виноградов 1947: 577-580]. См. также [Шмелев 1960: 6].

Что касается значения 'свойство совершать какое-то действие', то различие между НСВ и СВ здесь иное. В литературе отмечалось, что НСВ обозначает происходящее в действительности частое (постоянное) действие, а СВ -- действие, которое, по мнению говорящего, может часто (постоянно) происходить и (или) действительно происходит [Бондарко 1971: 107].

Сравним значение фраз типа *Ты вечно отрываешь меня от дела* и *Вечно ты оторвешь меня от дела; Она всегда говорит что-нибудь некстати* и *Всегда она что-нибудь некстати скажет*. Фразы с глаголом НСВ означают, что данное свойство часто проявляется (в широком настоящем, включающем прошлое). Фразы с глаголом СВ выражают более сложный смысл.

Во-первых, они означают, что данное свойство совершать определенное действие уже проявлялось, возможно, неоднократно. Иными словами, узуальное значение СВ включает в себя и главное значение СВ ('действие, достигшее результата'), и указание на кратность, свойственное узуальному или многократному значению НСВ.

Во-вторых, эти формы выражают уверенность говорящего в том, что данное свойство может осуществляться указанным образом и впредь, постоянно. А. В. Бондарко отмечал, что форма будущего СВ может означать «постоянную потенциальную возможность осуществления действия, представленную как свойство субъекта» [указ. соч.: с. 106-107], в то время как НСВ как нечто постоянное представляет не возможность осуществления действия, а само действие в его неопределенной кратности. Показательно, что глагол НСВ, не содержащий модального компонента, не требует обязательного присутствия кванторных или модальных слов при обозначении свойства. Ср., например: *Он твердо держит свое слово; Я не сую свой нос в чужие дела* и т. д.

Наконец, в-третьих, формы СВ узуального включают компонент 'говорящий небезразлично, эмоционально относится к данному свойству'. Эта экспрессивность будущего СВ отмечалась в литературе[25]. Имеется объективное подтверждение того, что формы СВ будущего со значением свойства выражают экспрессивное, эмоциональное значение. Мы имеем в виду особый порядок слов, при котором реализуется данное значение: вынос модальных и кванторных слов в начало фразы (о чем уже говорилось выше), размещение дополнения перед глаголом и т. д., например: *Обязательно он все игрушки раскидает*. Это значение может реализоваться и при обычном порядке слов, но важно, что особый порядок слов — это норма для его выражения.

[25] В. В. Виноградов выделял следующие экспрессивно-модальные оттенки в значении этой формы: «... выражение решительной, категорической готовности субъекта к действию, воля к действию..., выражение привычности действия...» [Виноградов 1947: 575].

Однако трудно было бы сформулировать точно, в чем состоит экспрессивное значение этих форм. Оно зависит и от лексического значения глагола, и от контекста и, возможно, еще от некоторых условий. Эти формы употребляются в разговорной речи, а для нее вообще характерно, что единицы, употребляющиеся в несобственных значениях, обрастают дополнительными семантическими обертонами — разными в разных контекстах и у разных глаголов и поэтому непостоянными, меняющимися от случая к случаю и вследствие этого трудно определимыми.

Ср.: *Вечно он все испортит — Вечно он все портит; Всегда ты меня отвлечешь, когда не надо — Ты всегда отвлекаешь меня, когда не надо.* В таких случаях формы СВ выражают некое эмоциональное состояние говорящего, отличное от нейтрального, не обязательно прямо соответствующее «плохому» или «хорошему» свойству, обозначаемому глаголом. Установить его без более широкого контекста невозможно.

Мы не остановились еще на одной особенности значения узуального СВ, которую А. Мазон называл партикуляризацией. Партикуляризация — это представление часто повторяющегося или обычного действия как совершившегося однажды, в какой-то один момент [Мазон 1962: 103]. Именно это свойство узуального СВ стало основой для названия «наглядно-примерное значение» [Бондарко, Буланин 1967: 53]. Ср.: «Выделяется один акт повторяющегося действия, который дает наглядное представление о других подобных актах».

В заключение приведем примеры, которые можно интерпретировать как ситуативно обусловленную разновидность данного значения: *— Обедайте, ребята, — кричали повара, — и сдавайте эту валюту! Чего вам зря здесь сидеть? Охота была эту баланду хлебать! Поехал домой, выпил как следует, закусил, хорошо!* (М. Булгаков). *— Зачем мне будильник с собой брать? — Утром вставать — поставил и спи спокойно; Что ты все в форме ходишь? Пришла / сняла / повесила в шкаф //; Ну, почему ты своей ложкой в вазочку лезешь? Взял положил себе на блюдце //* (Из записей РР); *...времени у тебя сейчас больше свободного. Вы с Леной вдвоем. В любое время села передохнуть и черкнула мне хоть пару слов* (Из письма).

В этих фразах глагольные формы СВ прошедшего обозначают некую воображаемую последовательность действий, которую говорящий хотел бы видеть в действительности в качестве повторяющейся, типичной, узуальной. Действие представлено как наглядный пример, образец для подражания, повторения.

4.1.6. Контекстные условия реализации узуального значения[26]

Осмыслению глагольной формы в узуальном значении способствуют такие элементы контекста, которые указывают на типичность данного действия. К числу таких элементов относится, в частности, обобщенно-личное значение субъекта[27].

Например, если глагольная форма СВ имеет определенно-личное значение, то она может быть понята и в своем прямом временно́м значении, и в узуальном. Если же форма прошедшего или будущего СВ имеет обобщенно-личное значение, то вне особого контекста она вообще не может иметь своего прямого временно́го значения, а имеет лишь узуальное (примеры см. выше).

Отметим еще некоторые элементы контекста, способствующие осмыслению глагольной формы СВ в узуальном значении.

К их числу относятся местоимения *ты* и *вы* в обобщенно-личном, нереференциальном значении. Таковы же частицы-актуализаторы *как?, что?, ведь, же,* сигнализирующие актуальное членение. Если в высказывании есть такие частицы или если высказывание находится в противительном контексте, то узуальное значение глагола легко выражается и при личном значении *ты, вы.* Например: *Ты ведь как? Поел и пошел? Ты поел и пошел, а жена посуду мой? Вечером ты что? К одним забежишь, к другим заглянешь, а он зубрит сидит.*

Близким к подобным частицам-актуализаторам является особое употребление кванторных слов, возможное только в разговорной речи. Мы имеем в виду фразы типа *Он всегда / выпьет кофе и пойдет на работу //; Он всегда / намусорит и не уберет //* с ярко выраженной интонационной паузой после слова *всегда,* создающей впечатление «интонационного тире».

Как и частицы, слово *всегда* сигнализирует появление ремы в высказывании. Синтаксически в этом случае оно относится не к одному глаголу, а как бы ко всей рематической части в целом (характеризует всю ситуацию, описанную более чем одним глаголом). В этом высказывании ощущается имплицитное присутствие глагола НСВ: *Он всегда делает так — выпьет кофе и пойдет на работу.*

В таких условиях, когда непосредственная синтаксическая связь между кванторным словом и глагольной формой нарушена, в разго-

---

[26] Этому вопросу посвящены специальные статьи [Спагис 1961; Дольская 1964]. См. об этом также [Бондарко, Буланин 1967: 70-75; Рассудова 1968: 45-51; Маслов 1984: 78-82]. О связи характера глагола, контекста и значения свойства см. [Булыгина 1982: 52-53; Селиверстова 1982: 94-98].

[27] Возможность обобщенно-личного значения у формы прошедшего СВ — «вне прямого сочетания с подлежащим» отмечена в [Шмелев 1960: 9]. Там же указывается, что «обобщенное личное значение формы будущего (простого) сочетается с ее обобщенным временным значением» (с. 10).

ворной речи может быть употреблена и форма прошедшего СВ. Так, можно сказать: *Он всегда (так) — обидел девочку и за мать спрятался; Он всегда — выпил кофе и ушел на работу.*

Узуальный НСВ менее обусловлен контекстом, чем узуальный СВ.

Узуальный НСВ употребляется в любых типах речи. Функционирование СВ узуального в первую очередь характерно для разговорной речи, возможно также в языке художественной литературы, публицистике. Совершенно исключено его употребление в деловой и научной речи.

4.2. Потенциальные действия

4.2.1. Потенциальное значение НСВ

Чтобы обеспечить цельность и связность изложения, мы воспроизведем в этом разделе основные рассуждения о потенциальном НСВ из раздела «Некоторые трудности изучения семантики видов» (п. 2.1).

Потенциальное значение НСВ называет определенное свойство субъекта, а именно, его умение или способность совершать данное действие.

Она говорит по-французски ≅ 'Она умеет говорить по-французски'; *Тренированный спортсмен поднимается на Эльбрус за два часа* ≅ 'Тренированный спортсмен может подняться на Эльбрус за два часа'; *А играет — убей меня гром, коли на свете еще кто-нибудь так играл, как Зобар* (М. Горький); *Наш парикмахер превосходно от запоя лечит* (А. Чехов).

Петя поднимает 100 кг ('может поднимать'). Последняя фраза означает, что (1) Петя уже (неоднократно) поднимал 100 кг. (2) На основании этого говорящий считает, что Петя может, умеет и теперь это делать[28].

Таким образом либо узуальное, либо многократное значение входит в толкование потенциального НСВ[29]. Именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что очень трудно обнаружить примеры на «чисто» потенциальное значение. Обычно в текстах представлено потенциально-узуальное значение (см. ниже «Диффузные видо-временные значения»):

Подобная пора никогда не забывается даже и стариками (И. Забелла); *Похвалой и города берут* (А. Ремизов); *Я пишу очень сжато. Фраза у меня короткая. Доступная бедным* (М. Зощенко); *Небольшая простуда, которую здоровый человек переносит с легкостью, для Горького мог-*

[28] Об обобщении в этом случае какого-то количества актов реализации соответствующего действия см. [Булыгина 1982: 513; Селиверстова 1982: 92]. См. также [Гловинская 1983: 57; Булыгина 1983: 26-27].

[29] В [Маслов 1984: 74-75] потенциальное значение НСВ даже считается разновидностью неограниченно-кратного (узуального) значения НСВ.

ла оказаться гибельной (Вс. Иванов); *Этот Серра-Каприола был любителем искусств и даже сам гравировал* (Вс. Иванов); *Хороший зритель создает хороших режиссеров. И наоборот* (Д. С. Лихачев); *Он мучился, обдумывая какой-нибудь житейский шаг, а Таня все решала мигом, без всяких колебаний* (В. Добровольский).

Посмотрим, как соотносится потенциальное значение НСВ с главными значениями видов.

Во фразах: *Она хорошо (красиво) танцует; Ребенок уже хорошо ходит; Этот актер хорошо уходит со сцены* (т. е. умеет уходить) обстоятельства *хорошо* и *красиво* характеризуют то, как протекает действие. Следовательно, глагол обозначает действие в его протекании. Во фразе *Она хорошо (красиво) рисует (вышивает)* обстоятельства *хорошо* и *красиво* характеризуют результат действия (имеется в виду, что ее рисунки и вышивка красивы), а не то, как протекает процесс рисования и вышивания.

Следовательно, в данном случае НСВ соотносится с главными значениями как НСВ, так и СВ: действие представлено в его протекании или в его результате.

Потенциальное значение НСВ — объект, весьма трудный для описания. Нельзя указать четкие границы его лексического распространения, условия его употребления. Это значение хорошо иллюстрирует тезис современной лингвистики о том, что в языке имеются участки, которые не поддаются описанию с помощью строгих правил. При описании такого материала приходится довольствоваться формулировкой некоторых общих принципов функционирования языковых единиц, установлением не закономерностей, а тенденций, предпочтений и т. д. Именно в этом смысле надо понимать то, что говорится ниже о факторах, влияющих на употребление глаголов в потенциальном значении.

Способность глагола выражать в НСВ потенциальное значение связана, очевидно, с его лексическим значением. Об этом свидетельствует тот факт, что у некоторых глаголов формы НСВ вообще не могут иметь потенциального значения.

Сама формулировка потенциального значения ('умение или способность совершать данное действие') показывает, что оно характерно для глаголов, обозначающих ситуации с целесообразно действующим субъектом. Лишь в немногих случаях субъект может быть «нецелесообразным». Это обычно механизмы, устройства, действующие достаточно автономно, а также некоторые стихийные силы. Ср.: *Автомобиль развивает* (≅ 'может развить') *скорость до 200 км/час; Новый японский робот поет и играет на гитаре; Такой ветер выворачивает деревья с корнем.* Впрочем, в случаях, когда субъект является «нецелесообразным», собственно потенциальное значение размывается и сближается со значением свойства.

По указанной причине потенциальное значение совершенно противопоказано безличным глаголам, т.к. они обозначают природные процессы в виде ситуаций с устраненным представлением о субъекте: *Морозит; Смеркалось; В ушах звенело* и т.д.

Но даже у глаголов, обозначающих ситуации с таким субъектом, который в принципе способен к целесообразным действиям (человеком или животным), реализация потенциального значения в чистом виде ограничена рядом факторов.

Во-первых, его имеют только глаголы, обозначающие действия, а не процессы, не состояния, не отношения (*расти, болеть, уважать*).

Во-вторых, не все глаголы, обозначающие действия, могут выражать потенциальное значение. Его не имеют многие глаголы, относящиеся к классу достижений (в смысле З. Вендлера), моторно-некратные глаголы и глаголы, обозначающие обыденные физические и интеллектуальные действия (*брать, давать, смотреть, размышлять, обедать* и т. п.).

Наиболее естественно потенциальное значение приобретают глаголы, обозначающие 1) действие или навык, для овладения которыми необходимо учиться, ср. *Ребенок говорит, ходит, плавает, ездит верхом, читает* с нормальным потенциальным осмыслением, и *Ребенок дышит, кричит, сосет грудь* и т.д., где потенциальное значение затруднено; 2) действия, для выполнения которых нужны значительные физические или интеллектуальные усилия, ср. *поднимать 100 килограммов, программировать на «Паскале», выбивать 99 очков из 100.*

Сформулировать более точно семантические свойства глаголов, способных иметь потенциальное значение, пока не представляется возможным. Многие факты выглядят немотивированно и принципиальному объяснению не поддаются. Трудно сказать, например, почему словосочетание *водить машину* легко употребляется в потенциальном значении, а *управлять машиной* — гораздо менее свободно. Почему *водить машину* рассматривается как обозначение умения, а *водить поезд* или *водить теплоход* не как умение, а как род занятий? По-видимому, потенциальное значение в ряде случаев подвергается лексикализации.

Некоторые глаголы, действительно, так часто используются в потенциальном значении и имеют в этом случае настолько характерную сочетаемость и управление, что словари выделяют у них это значение в качестве лексического. Например, в [Ожегов 1968] у глагола *говорить* выделяется значение 'владеть устной речью, пользоваться к.-л. языком', ср.: *Ребенок еще не говорит; Говорить по-русски.* Аналогично описывается это значение в МАС. В качестве особого лексического значения потенциальное значение отмечается в тех же словарях также для глаголов *ездить* (*на велосипеде*), *плавать* и нек. др. В МАС потен-

циальное значение приписывается в качестве лексического глаголу *ходить*.

Разумеется, характер осмысления действия как потенциального зависит не только от того, к какому лексико-семантическому классу относится данный глагол, но и от многих других факторов. Упомянем некоторые из них:

а) Полнота реализации модели управления глагола.

Если в омонимичных фразах типа *Он говорит по-французски, Он ездит верхом, Он играет на скрипке,* где потенциальное значение глагола является основным, заполнить еще хотя бы одну глагольную валентность, то глагол во всех случаях будет пониматься прежде всего в узуальном либо актуально-длительном, но не потенциальном значении: *Он говорит с сыном по-французски, Он говорит по-французски о погоде, Он ездит верхом на белой лошади, Он играет на скрипке Концерт Брамса.*

В некоторых случаях расширение конструкции вообще препятствует выражению потенциальности. Фразы *Он вытачивает ложки на маленьком станочке, Ребенок ходит носками внутрь* не могут иметь потенциального значения. По-видимому, чем больше валентностей глагола реализовано сверх некоторого минимума, чем больше при нем обстоятельств, тем больше вероятность осмысления действия как длящегося или повторяющегося, а не как потенциального. Это и естественно. Ведь потенциальное значение характеризует принципиальную способность субъекта осуществлять данное действие, а при описании принципиальной способности противопоказано упоминание конкретных деталей. Конкретные детали актуализируют действие и неизбежно переводят его в план непосредственно наблюдаемого или обычно происходящего.

б) Денотативный статус именных групп при глаголе.

При конкретно-референтном статусе именных групп, за исключением субъектной, глагол труднее осмыслить в потенциальном значении, чем при их родовом статусе. Ср., например: *Он играет на скрипке* и *Он играет на скрипке Страдивари, Он чинит ботинки* и *Он чинит свой ботинок* и т. д.

в) Различные актуализаторы-деактуализаторы действия и оценочные обстоятельства.

Присутствие в предложении таких точечных актуализаторов действия, как *в три часа, в этот момент* и т. д., естественно, разрешает многозначность глагола в пользу актуально-длительного значения, а присутствие таких деактуализаторов, как *иногда, всегда, обычно, часто, как правило* и т. п. — в пользу узуального значения. Наличие же при глаголе оценочных слов типа *хорошо, легко, плохо* и т. п. повышает вероятность реализации потенциального значения.

г) Форма предложения.

Все сказанное относилось к утвердительным предложениям.

Поместим, однако, глаголы в вопросительные конструкции: *Вы говорите по-французски?; Вы играете на скрипке?; Вы ездите верхом?; Вы поете?* В этих вопросительных предложениях, если фразовое ударение падает на глагол, наиболее вероятным будет осмысление глагола в потенциальном значении.

Если же говорящий хочет задать вопрос об актуальном или обычном занятии подобной деятельностью, то, чтобы быть верно понятым, он должен, во-первых, расширить формулировку вопроса: *Вы говорите сейчас по-французски?* или *Говорите ли Вы сейчас по-французски? Играете ли в последнее время на скрипке? Ездите ли Вы теперь верхом?* Во-вторых, он должен изменить фразовое ударение.

Таким образом, вопросительная форма предложения с фразовым ударением на глаголе способствует потенциальному осмыслению глагола.

По всей видимости, существуют и другие факторы, повышающие вероятность осмысления НСВ как потенциального.

НСВ потенциальный употребляется во всех типах речи.

4.2.2. Потенциальное значение СВ[30]

Потенциальное значение СВ — это значение возможности для субъекта совершить действие, названное глаголом СВ. Обычно оно выражается формами глаголов СВ будущего времени (так называемое настоящее-будущее СВ[31]). Например:

Впрочем... за пять тысяч нынче и сарая путного не выстроишь (А. Чехов); *Вы знаете, Володя пороху не выдумает, но он честный, смелый, трудолюбивый человек* (А. Куприн); *Такие кони тебе пробегут хоть сто верст — и ничего им не станет* (А. Куприн); *Маленький, еле видимый городишко... вы обойдете его в десять-пятнадцать минут и того менее... Любой дом купите за пятиалтынный* (А. Ремизов); *Уведи меня в ночь, где течет Енисей, / И сосна до звезды достает, / Потому что не волк я по крови своей / И меня только равный убьет* (О. Мандельштам); *Кто тот человек, который разрешит загадку кинематографов, театров и цирков?* (И. Ильф, Е. Петров); *А ваше-то имечко как же, я что-то не пойму — сказала Настасья Ивановна, — то Леонтий, то Сергей!* (М. Булгаков); *Ты что думаешь — я у тебя жену отбиваю? Нет, к сожалению. Ее не отобьешь* (Е. Шварц); *...ни слов*

[30] Потенциальному значению этих форм (А. А. Шахматов называл их «потенциальным наклонением») посвящена обширная литература. См. об этом [Шахматов 1952: 105, 107, а также Бондарко 1971: 104-107].

[31] Разнообразие модальных оттенков, выражаемых формой СВ будущего, очень велико и зависит от лексического значения глагола и контекста. См. большой материал, представленный в [Бондарко 1971: 102-112].

своих, ни поступков обратно не возьмешь (Н. Ильина). *С ним не связывайся / ударит / костей не соберешь //* (Из записей РР).

Кроме того, оно выражается формами инфинитива. Инфинитив СВ может иметь потенциальное значение только в двух случаях — в отрицательных конструкциях (большинство употреблений), а также (существенно реже) в вопросительных конструкциях, например:

Антр-репр... енер видит в артисте вещь... мясо для пушек. Он кулак. Ему не понять артиста (А. Чехов); *Помилуйте, — говорю, — на что же мне такой номер, в который не войти* (М. Зощенко); *Не отвязать неприкрепленной лодки, / Не услыхать в меха обутой тени, / Не превозмочь в дремучей жизни страха* (О. Мандельштам); *Есть в близости людей заветная черта, / Ее не перейти влюбленности и страсти* (А. Ахматова). *Нырнуть ли ему на такую глубину?*

Истолкуем это значение. Фраза *Петя поднимет 20 кг* в потенциальном осмыслении не означает, что Петя уже поднимал 100 кг, как это было в случае НСВ. Она значит, что (1) говорящий располагает какой-то информацией (например, представлением о Петиных возможностях, о его физической силе и т. д.); (2) на основании этой информации говорящий с уверенностью утверждает, что Петя сможет поднять 100 кг.

Как видим, несмотря на близость потенциальных значений СВ и НСВ, между ними имеется и определенное семантическое различие.

По-видимому, не у всех глаголов СВ указанные формы могут развивать потенциальное значение. Потенциальный СВ образует как бы шкалу, на одном конце которой находятся глаголы, имеющие потенциальное значение во всех перечисленных выше формах и конструкциях, на другом — глаголы, не имеющие этого значения ни в одной из них. Промежуточные случаи представляют постепенное убывание у глаголов круга форм и конструкций, выражающих потенциальность. Даже у тех форм, которые могут ее выражать, присутствие модального значения не является бесспорным: фразы с этими глаголами оцениваются носителями языка не одинаково.

По-видимому, легче всего потенциальное значение приобретает СВ глаголов со значением интеллектуального или физического усилия. Все указанные выше формы имеют, например, глаголы *решить, поднять: Он решит эту задачу; Мне не решить этой задачи; Решить ли тебе эту задачу?; Он поднимет этот ящик; Мне не поднять этот ящик; Поднять ли тебе такую тяжесть?*

Потенциальное значение глагола в данных конструкциях выражается намного ярче, если предложение является суждением обобщенного характера и содержит такие элементы обобщения, как, например, глагол в неопределенно-личной форме, местоимения *каждый, любой, всякий, такой, кто-либо* и т. д. Ср. для того же глагола: *Он решит любую задачу; Всякий решит эту задачу; Такую задачу сразу не решить.*

Меньшим числом форм выражают потенциальное значение глаголы со значением восприятия (*услыхать, увидеть* и пр.), например: *Не услыхать в меха обутой тени; Он услышит любой шорох,* но не **Услыхать ли тебе этот звук?* Еще более затруднено выражение потенциального значения у многих глаголов говорения (*заявить, поблагодарить* и т. д.), которые, по-видимому, могут иметь его только в отрицательных конструкциях, причем наличие потенциальности в значении фразы здесь не столь бесспорно, как в предыдущих случаях.

Таким образом, потенциальное значение возникает при совокупности следующих условий: либо СВ, будущее время (часто в контексте, выражающем обобщение); либо СВ, инфинитив, отрицательная или вопросительная конструкция (часто в контексте, выражающем обобщение).

В отличие от потенциального НСВ, потенциальный СВ употребляется в разговорной речи, художественной литературе и публицистике. Совершенно противопоказано его появление в научной и деловой речи.

5. Грамматические способы обозначения действия при повторной дескрипции (пересказе текстов)

5.1. Типы пересказа и временной дейксис

В предшествующих разделах речь шла главным образом о глагольных формах, обозначающих непосредственно события действительности — реальные или воображаемые. Между тем для функционирования видо-временных форм существенно, каким образом они ориентированы на действительность — прямо (отражают события действительности) или опосредствованно (отражают уже отраженную действительность, т. е. используются в пересказе текста об этой действительности. См. о «реагировании слова на слово» в [Волошинов 1929: 137].

Рассмотрим, например, следующую фразу: *Курьер привез мне... письмо от императрицы, писавшей мне, ...что по приезде моем в Петербург она поставит моего сына на такую ногу, что я останусь довольна; а пока она н а з н а ч а л а его камер-юнкером с чином бригадира. Она благодарила меня за план и устав ливорнского госпиталя* (Е. Дашкова)[32].

[32] Читатель может упрекнуть нас в использовании несовременного примера, к тому же переведенного с французского. Мы сочли возможным привести его, поскольку он соответствует нормам современного литературного языка и дает богатый материал для размышлений.

Какое известное нам видо-временное значение имеет форма НСВ *назначала?* Это явным образом не актуально-длительное значение (этот глагол вообще не может его иметь, ср. **Смотри, министр сидит и назначает его директором*), не процессное (оно тоже невозможно: **Министр два часа назначал его директором*), не общефактическое (т. к. речь идет о конкретной ситуации, а не о событии, имевшем место в некий неопределенный момент). Его вообще нельзя отнести ни к одному из рассмотренных выше «результативных» значений формы прошедшего НСВ. *Назначала* между тем имеет результативное значение. Замена этой формы формой СВ возможна, но переводит повествование из плана пересказа в план рассказа: *Его назначили директором.* Следовательно, единственная функция прошедшего НСВ в приведенном примере является чисто метатекстовой, пересказывательной (Дашкова пересказывает слова императрицы).

Обращает на себя внимание нормальность НСВ и неестественность СВ в следующих примерах, где эксплицитно назван текст, который пересказывается: *В срочной депеше меня вызывали (*вызвали) в Москву; Я получил красивую праздничную открытку. В ней родители поздравляли (?поздравили) меня с Новым годом; В телеграмме спрашивали (*спросили) дату приезда.*

Формы прошедшего НСВ в таком пересказывательном, метатекстовом употреблении используются главным образом не в диалоге, а в повествовании. Важным при этом оказывается и тип пересказываемого текста.

Можно выделить по крайней мере два типа пересказов, различие между которыми коренится в характере пересказываемых текстов. Предметом пересказа могут быть чьи-то слова, сообщения, письма, документы, с одной стороны, или же художественные тексты — с другой. Этим различием определяется различие в наборе пересказывательных средств. Характер исходного текста влияет, во-первых, на круг глаголов, которые используются как сигналы пересказа, и во-вторых, на тип временно́го дейксиса внутри пересказа.

При пересказе нехудожественных текстов в метатекстовой функции могут выступать только глаголы, обозначающие речевые акты. Например: *Я получила телеграмму от сестры, что Иришка моя тяжело больна, при смерти. Меня в ы з ы в а л и приехать* (В. Смирнова); *Он с о о б щ а л Жанне, что ведет переписку с вологодским химиком* (Д. Гранин); *Мне было хуже, чем моему спутнику. Он-то ведь стеснялся ехать к Чуковскому. А я — нисколько. Х в а с т а л а с ь, что отношения прекрасные. Н а м е к а л а, что меня будут рады видеть* (Н. Ильина); *Я получил полное боли и недоумения письмо внучки Рютина. Она р а с с к а з ы в а л а о тюрьмах, лагерях, через которые прошла вся семья, п р о с и л а помочь восстановить доброе имя ее деда* (В. Амлинский).

В то же время при пересказе художественных текстов в специфической метатекстовой функции могут использоваться любые глаголы, имеющие «результативное» прошедшее НСВ (см. ниже).

Что касается временно́го дейксиса, то при пересказе нехудожественных текстов строится такое же временно́е пространство, как при нормальном нарративном режиме. Напомним, что нарративный режим противопоставлен диалогическому (ср. первичные и вторичные речевые жанры в [Бахтин 1979: 239]). Диалогический режим отражает первичную коммуникативную ситуацию — обмен репликами по поводу действительности (реальной или воображаемой). Временно́й точкой отсчета в этом случае является, как известно, момент речи. При нарративном режиме (рассказе, художественном повествовании) точкой отсчета может стать любое из описываемых событий. С этими понятиями соотносятся понятия первичного и вторичного видо-временного дейксиса [Lyons 1977: 579; Апресян 1986: 18].

Письменный литературный пересказ художественных текстов характеризуется дейксисом, который можно было бы назвать третичным. Это относится к пересказу и словесных произведений, и произведений, созданных в других формах, — в словесно-изобразительной (фильм, спектакль), в музыкально-изобразительной (балет, опера). Третичный дейксис состоит в том, что одни и те же события могут быть представлены при пересказе и как факты прошлого, и как факты настоящего, и как факты будущего. Например:

За сутки, в которые заключено действие фильма, Виктору удалось преодолеть путь очищения и пробуждения души. Для Олеси эти сутки тоже не прошли даром. Она многое решила в своих запутанных отношениях с матерью.

За сутки, в которые заключено действие фильма, Виктору удается преодолеть путь очищения и пробуждения души. Для Олеси эти сутки тоже не проходят даром. Она многое решает в своих запутанных отношениях с матерью.

За сутки, в которые заключено действие фильма, Виктор сумеет преодолеть путь очищения и пробуждения души. Для Олеси эти сутки тоже не пройдут даром. Она многое решит в своих запутанных отношениях с матерью.

В ситуации пересказа продуцируется не просто текст, а как бы метатекст (текст о тексте). Вместо обычной дихотомии «говорящий — слушающий» возникает триада «говорящий (автор) — говорящий (интерпретатор) — слушающий (потенциальный читатель, зритель пересказываемого произведения)». Интерпретатор при пересказе может отождествлять себя либо со слушающим, либо с автором, либо сохранять свою собственную точку зрения как наблюдателя. В зависимости от того, какую позицию он избирает, действие обозначается одним из описываемых ниже способов.

То, что пересказывается (книга, фильм и т.д.), может быть представлено с трех точек зрения:

1) Интерпретатор может выступать в роли уже знакомого с текстом наблюдателя, не совпадающего со слушающим. В этом случае события излагаются как факты п р о ш л о г о .

2) Он может отождествлять себя со слушающим. В этом случае события излагаются либо как факты н а с т о я щ е г о (здесь говорящий-интерпретатор и слушающий как бы одновременно знакомятся с данным произведением в момент речи), либо как факты б у д у щ е г о (здесь говорящий-интерпретатор как бы встает на точку зрения того слушающего — читателя или зрителя, который будет воспринимать данное произведение).

3) Говорящий-автор и говорящий-интерпретатор могут совпадать в одном лице. Это имеет место в частных случаях (сценические ремарки, заголовки).

На своеобразие видо-временных форм в некоторых из этих жанров обращалось внимание (например, настоящее и прошедшее сценических ремарок), но они изучались разрозненно и вне контекста той пересказывательной функции, которая их объединяет и представляется нам решающей. Именно эта функция создает целостную систему видо-временных значений, которая как система еще совершенно не изучена. Ниже мы сделаем попытку описать некоторые особенности этой системы.

Изложение будет строиться в соответствии с жанрами пересказа. Вначале будет рассмотрен литературный пересказ-повествование, а затем более частные случаи — сценические ремарки и заголовки.

5.2. Литературный пересказ-повествование

Как упоминалось выше, одни и те же события при пересказе могут быть представлены в любом временно́м плане. В отличие от диалогов, соотнесенных всегда с реальным временем говорящих, или нарративного временно́го плана в художественных текстах, соотнесенных так или иначе с реальным временем рассказчика (автора) или другим както зафиксированным временем, при пересказе выбор того или иного временно́го плана полностью ориентирован на с о з н а н и е — чужое (слушающего) или самого интерпретатора-пересказчика. Вторично отражаемая действительность пересказа ахронична; временны́е точки отсчета, избираемые для пересказа, полностью лежат вне этой действительности.

Остановимся подробнее на каждом из временны́х планов.

5.3. Изображение событий как фактов прошлого

При изображении событий как фактов прошлого обращает на себя внимание особое использование формы прошедшего НСВ, допустимое только при пересказе текста, но невозможное в «первичном» тексте. Такие формы можно обнаружить и правильно интерпретировать в текстах большого объема, а не в отдельных фразах. Поэтому в качестве примеров мы приводим довольно длинные тексты.

С лукавой предупредительностью автор фильма шел навстречу желаниям героя. Мечты Мимино сбывались. Головокружительные грезы режиссер Данелия, как золотая рыбка, мгновенно превращал в доподлинную явь, в реальность... Взамен вертолета-грузовика Мимино п о л у ч а л белоснежный лайнер, взамен старенькой куртки — белоснежный китель («Искусство кино»);

Сперва, узнав, что взломщики связаны с консультантом Белого дома, Хантом, они в недоумении пытались проверить, действительно ли Хант числится там на службе. Тут неожиданно обнаружилось, что он работает на некоего Колсона — а тот о к а з ы в а л с я специальным советником президента! Затем скромная сотрудница Белого дома р о н я л а в беседе, что функции Ханта состоят в сборе порочащих сведений против возможных кандидатов в президенты... Но тут внезапно в с п л ы в а л найденный при взломщиках чек на крупную сумму, выписанный неким почтенным деятелем из комитета по избранию Никсона. Неужели преступников финансировала эта организация? С трудом раздобыв список членов комитета, репортеры п у с к а л и с ь их опрашивать — без результата: напуганные люди хлопали дверьми у них перед носом. Снова расследование в тупике... Но тут в е з л о Бернстайну: одна дверь пусть неохотно, но все же раскрылась перед ним... Он узнал от робкой, замкнутой собеседницы, бухгалтера комитета, о существовании тайного денежного фонда для незаконных операций типа уотергейтской. А дальше с л е д о в а л о ошеломляющее открытие: одним из распределителей фонда о к а з ы в а л с я сам председатель комитета, бывший министр юстиции Митчел! И наконец с помощью бывшего казначея... репортеры у с т а н а в л и в а л и, что всю противозаконную шпионскую и провокаторскую деятельность «президентской рати» направлял ближайший помощник президента Холдеман («Искусство кино». Заметка о двух американских фильмах).

Каково значение выделенных форм НСВ в этих текстах? Как и выше, его нельзя сблизить ни с одним из известных частных значений этой формы. Речь идет в данном случае о единичном действии, доведенном в определенный момент до результата. Тем самым это не может быть, например, ни узуальное или многократное значение НСВ, ни общефактическое значение. Хотя эти значения также характеризуют действие как доведенное до результата, они не совпадают с обсуждае-

мым значением. Многократные и узуальные значения относятся к повторяющимся действиям, а в приведенных выше текстах интересующие нас формы НСВ перемежаются формами СВ, сигнализирующим единичность каждого из перечисленных действий. Общефактическое значение также исключено в этом случае в связи с определенностью момента наблюдения (*внезапно всплывал, ..., тут везло*... и т. д.).

Во всех вышеприведенных случаях, как и выше, форма НСВ может быть заменена формой СВ. Смысл текста от этого совершенно не изменится. Более того, если этот текст понимать не как пересказ фильма, а как рассказ о реальных событиях действительности, в нем будут уместны только формы СВ, имеющие свое обычное (конкретно-фактическое) значение: ... *Тот оказался специальным советником президента!*... *Но тут внезапно всплыл найденный при взломщиках чек*... *Репортеры пустились их опрашивать*... *Тут повезло Бернстайну. Дальше последовало ошеломляющее открытие*... *одним из распределителей фонда оказался сам председатель комитета*... *И наконец репортеры установили*... и т. д.

Возможность взаимозамены форм одного вида формами другого говорит, конечно, об их смысловой близости или даже тождественности в этом случае. Такая свободная взаимозамена допустима только в жанре пересказа, т. е. в метатекстовой функции. Тем самым оказывается, что в изучаемой нами «третичной» системе видо-временных значений складываются совершенно новые формы синонимии. Относительно этой системы в новом свете предстает традиционная проблема конкуренции видов. До сих пор конкуренция видов изучалась на «нормальном» диалогическом и нарративном материале. В этих случаях конкурирующие формы, как мы пытались показать в предшествующих главах, никогда не являются полностью синонимичными. Синонимия при первичном и вторичном дейксисе возникает за счет контекста, на уровне целостного смысла высказывания. При третичном же дейксисе синонимия возникает на уровне отдельных глагольных форм разных видов. Единственное, что различает эти формы, — это метатекстовая функция НСВ.

5.4. Изображение событий как фактов настоящего

Эротические гротески феерической комедии «Клоп» под стать гоголевской «Женитьбе». Пожар на свадебном пиршестве «уничтожает всех действующих лиц». Не отведавший брака Присыпкин оказывается «заморожен в ливне воды пожарных», и его обнаруживают полвека спустя, в 1979 году. После дискуссии «федерация земли» решает воскресить его. «Институт человеческих воскрешений» осуществляет опыт. Вместе с человеком прошлого воскрешают исчезнувшие загадочные недуги... (Р. О. Якобсон);

Любопытный пример типа, когда сюжет развивается на ложной, фабульной линии, -- новелла Амброза Бирса «Приключение на мосту через Совиный ручей»: человека вешают, он срывается в ручей — сюжет развивается далее на ложной фабульной линии — он плывет, убегает, бежит к дому — только там умирает (Ю. Тынянов);

Онегин как бы второй раз переживает свою жизнь: кабинентное затворничество повторяет затворничество в первой главе… чтение повторяет время, когда он «отрядом книг уставил полку, читал, читал, — а все без толку…» (Ю. Лотман);

Вот актер, играющий роль разведчика Журбы, долго исполняет песню перед тем, как отправиться в разведку. Не напевает, исполняет (Из рецензии на фильм);

Римский император Юлий Цезарь прибывает в Египет, преследуя своего бывшего друга Гнея Помпея, ныне ставшего ему врагом. Птолемей, царь Египта, стремясь угодить Цезарю, вероломно убивает Помпея… Жена и сын Помпея… клянутся отомстить за его смерть (Из либретто оперы Г. Генделя «Юлий Цезарь»);

Молоденькая крестьянская девушка Жизель радуется солнцу, синему небу… Она любит и верит в то, что любима. Напрасно влюбленный в нее лесничий пытается уверить Жизель, что ее возлюбленный Альберт — не простой крестьянин, а переодетый дворянин и что он обманывает ее (Из либретто балета «Жизель»).

Значение форм настоящего времени в этих случаях относится к так называемому «живописному настоящему», как, например, настоящее историческое или «настоящее воображаемое». Слушающий представляет себе названное действие (обычно последовательность действий) как бы происходящими в момент восприятия («живописный» компонент значения). В отличие от этих двух форм оно не характеризует действие как реальный факт прошлого (настоящее историческое) или как воображаемое событие, относящееся к будущему (настоящее воображаемое). Как уже говорилось, в рассматриваемом случае действие является фактом особой — отраженной — действительности, фактом образа действительности.

Настоящее пересказа — наиболее нейтральная в стилистическом отношении «пересказывательная» форма, и она используется чаще других в любых видах пересказа как самая естественная.

5.5. Изображения событий как фактов будущего

Примеры, приводимые ниже, взяты нами из различных рецензий на фильмы и спектакли:

В спектакле «Летят журавли» по известной пьесе В. С. Розова режиссер собирает за длинным столом семью Бороздиных, возвратившуюся в Москву после эвакуации. Сначала стол застелют белой крахмальной скатертью, будут долго усаживаться, занимая довоенные

места. Начнется оживленный, почти веселый разговор, возвращающий под вспышки победного салюта жизнь в мирное, привычное русло. Мы, зрители, не будем слышать, о чем говорят собравшиеся после долгой разлуки люди, но именно в этот момент вспомним оставшуюся за спиной войну;

Временные границы действия четко обозначены: тревожный голос Левитана в начале фильма объявит «оперативную сводку за третье июня тысяча девятьсот сорок четвертого года»: в финале восторжествует праздничное настроение свершившейся победы;

Новая работа режиссера — фильм о последних боях войны, о сражениях уже в преддверии близкой победы... В эти дни возникает тревожное чувство между капитаном Никольским и вологодской девушкой Верой. В фильме прозвучат стихи Гейне: «Они любили друг друга так долго и нежно...»;

Нина мужа не понимает, Нина мужа не ценит, к таланту Бузыкина равнодушна, заботится о нем плохо. Андрей — неухоженный. Вот, например, пуговица пришита коричневыми нитками, не в цвет. Алла отпорет и заново как следует пришьет эту пуговицу. Мало того, она, скромная машинисточка, подарит Андрею дорогую импортную куртку.

Мы приводили длинные контексты, чтобы было очевидно, что мы имеем дело не с таксисом, а со специфическим употреблением форм будущего времени при пересказе содержания. Формы будущего времени не обозначают здесь реального факта будущего, не обозначают действия, происшедшего в прошлом после какого-то действия (таксис), а обозначают события особой — отраженной — действительности, которые представлены как факты будущего как бы с точки зрения зрителя, еще не знакомого с данным произведением.

5.6. Сценические ремарки

Сценические ремарки драматических произведений, как указывал Э. Кошмидер, можно трактовать двояким способом. «С одной стороны, они представляют собой указания для актеров, т.е. относятся к вневременным фактам и стоят на одном уровне с другими общими предписаниями (в уставах, правилах употребления, поваренных книгах и т.д.). С другой стороны, для читателя они служат суррогатом действия пьесы, как бы происходящего у него перед глазами, и это сближает их до известной степени с Praesent historicum» [Кошмидер 1962: 162].

Нас интересует только та роль сценических ремарок, которую они выполняют для читателя драматического произведения, а не для актера. То, что Кошмидер назвал суррогатом действия пьесы, и является пересказывательным элементом в общем тексте пьесы. Пересказывается то, что происходит на сцене в данный момент театрального действия. Читатель представляет себе названное действие как бы происхо-

дящим в момент чтения. В сценических ремарках используются формы настоящего НСВ и прошедшего СВ.

Настоящее НСВ

[Чарнота:] *В Париж или в Берлин, куда податься? В Мадрид, может быть? Испанский город... Не бывал. Но могу пари держать, что дыра.* (Присаживается на корточки, шарит под кипарисом, находит окурок.) *До чего греки жадный народ, ведь до самого хвостика докуривает, сукин кот! Нет, я не согласен с ней, наши русские лучше, определенно лучше.* (Зажигает окурок и уходит в галерею) (М. Булгаков, Бег).

[Бургомистр:] *Легче? Ха-ха! Легче! Ха-ха! Легче!* (Впадает в истерическое состояние. Пьет воду. Успокаивается) (Е. Шварц, Дракон).

(Входит Николай, тщательно закрывает за собой дверь на бумажку). [Николай:] *Ну, с добреньким утром!* (Л. Петрушевская, Уроки музыки).

Прошедшее СВ

[Риваль:] *Вы меня будете слушать?* [Мольер (подумав):] *Буду. А их не буду* (как-то нелепо двинул ногой). *Они дураки.* (Вдруг вздрогнул и резко изменился) (М. Булгаков, Кабала святош).

[Суфлер (заглянул в дверь):] *Что происходит?* (Там же).

[Мольер (испугался):] *Что такое?! Какая монашка?* (Там же).

Очевидно, что формы СВ и НСВ в сценических ремарках взаимозаменимы, причем смысл ремарок от этого не меняется. Форма прошедшего времени СВ и настоящего времени НСВ одинаково характеризует действие как происходящее от начала до конца в данный момент сценической действительности.

5.7. Заголовки (подзаголовки)

Заголовки представляют собой в тексте особый слой. Они не относятся непосредственно к тексту повествования, а являются кратчайшим изложением содержания какого-то куска текста, предваряющим этот кусок. При этом, как мы уже говорили, сам автор повествования и является интерпретатором, излагающим содержание.

В заголовках используются все три временны́е плана — форма настоящего НСВ, форма прошедшего СВ и форма будущего СВ.

Настоящее НСВ

Эта форма встречается в заголовках чаще других. Например:

Глава 13. Я познаю истину (М. Булгаков, Театральный роман);

Когда наступает вечер; Мы покидаем село; Мы переезжаем; Котька чинит посуду (В. Беляев, Старая крепость);

Глава девятая, в которой «Альбатрос» преодолевает расстояние в десять тысяч километров и заканчивает перелет великолепным прыжком (Жюль Верн, Робур-завоеватель); *Глава вторая, последние слова которой открывают читателю то, о чем он, вероятно, уже и сам догадался* (Жюль Верн, Гектор Севардак);

Нас предают анафеме; Мы с Джорджем отправляемся на прогулку (Дж. Джером, Трое в одной лодке).

Прошедшее СВ и причастие прошедшего СВ

Дождь прошел; Все пропало; Все прояснилось; Страхи миновали (В. Беляев, «Старая крепость»);

Я забыл, что я рулевой; Что из этого вышло; Как Джордж раз в жизни встал слишком рано; Почему мы не утонули (Дж. Джером, Трое в одной лодке);

О том, как Дон Кихот освободил многих несчастных, которых насильно вели туда, куда они не имели ни малейшего желания идти (М. Сервантес, Дон Кихот);

Глава первая, в которой мир ученых и мир невежд в равной мере приведены в замешательство (Жюль Верн, Гектор Севардак);

Спасены! (Дж. Джером).

Будущее СВ

Эта форма в заголовках используется сравнительно редко. Примеры:

Глава, в которой загадка разрешится; Глава, в которой герой отправится на Север.

Формы прошедшего времени в заголовках отражают собственную позицию автора, знающего содержание главы, предваряемой заголовком. Используя же формы настоящего и будущего, автор встает на точку зрения читателя, который знакомится с событиями в момент чтения (настоящее НСВ), или читателя, которому предстоит познакомиться с этими событиями (будущее СВ). Если настоящее НСВ называет результативное действие, допустима взаимозамена всех трех форм. При этом меняется лишь внешняя ориентация автора на читателя, настоящего читателя на будущего и наоборот.

Заголовок, однако, может представлять собой не пересказ текста, а его характеристику, например: *Глава, которая оставит читателя в прискорбной неизвестности.* В этом случае форма будущего времени заменяется лишь настоящим НСВ (*оставляет*), но не прошедшим СВ (**оставила*), поскольку читателю еще неизвестно содержание главы.

Источником рассмотренных особенностей является, на наш взгляд, своеобразие художественного мира, который служит предме-

том пересказа. В отличие от реального мира, события которого уникальны и неповторимы, локализованы во времени и безвозвратно уходят в прошлое, мир художественного произведения существует постоянно, он создан для многократного воспроизведения. Для него недействительно положение, что в одну и ту же воду нельзя войти дважды. Поэтому пересказывающий и может отождествить себя с любым из читателей — прошлым, настоящим или будущим.

Рассмотренные особенности обозначения действия при повторной дескрипции являются яркими стилистически окрашенными знаками пересказа. Они совсем нетипичны для устного, «домашнего» пересказа, а являются приметами литературного пересказа.

Из рассмотренных форм наиболее нейтральной в стилистическом отношении является настоящее НСВ, возможное в любых видах пересказа любых текстов.

6. Заключительные замечания

Рассмотрев такие квазисинонимические ряды видо-временных форм, мы можем сделать следующие выводы.

Анализ частных видо-временных значений показал, что даже в случае конкуренции видов полной синонимии у форм разного вида не возникает. Исключением является лишь повторная дескрипция, пересказ, где специфические формы НСВ полностью синонимичны формам прошедшего СВ и отличаются от последних лишь дополнительной метатекстовой функцией. В остальных случаях между видо-временны́ми формами сохраняются смысловые различия, хотя и трудно уловимые. Лингвистический эксперимент позволяет их выявить, а толкование служит удобной формой их представления.

В каждом ряду имеется как минимум одна основная форма, выражающая значение ряда «в чистом виде», — его смысловая доминанта без специфических модальных или экспрессивных добавок. Обычно употребление такой формы связано с наименьшими, по сравнению с употреблением других форм этого ряда, ограничениями — семантическими, лексическими, морфологическими, синтаксическими, интонационными, прагматическими и стилистическими (ср., например, употребление формы прошедшего СВ в ряду ‘действие в прошлом, достигшее результата’ или форм будущего обоих видов в ряду ‘предстоящее действие’).

Наряду с основной или основными формами в каждом ряду имеются формы с более специализированным значением, характеризующиеся «скрытой семантикой», обычно включающие в свое толкование информацию о том или ином отношении говорящего к описываемому событию — т. е. разные виды так называемых модальных рамок, например, ‘говорящий (не) уверен, что...’, ‘говорящий небезразлично

относится к тому, что...', 'говорящий (не) сомневается в...', 'говорящий представляет себе действие как бы...' и др.

Как правило, грамматические значения, включающие в себя такие модальные рамки, выражаются менее свободно, чем доминанта синонимического ряда. Глагольные формы, имеющие в толковании модальные рамки, характеризуются различными ограничениями в своем употреблении.

Эти ограничения могут накладываться и на саму форму, и на контекст, в котором она встречается. Так, ограничения, налагаемые на форму в определенном значении, могут быть семантическими или лексическими (если она образуется от ограниченных классов глаголов или даже от единичных глаголов), морфологическими (если она имеет ограниченную парадигму, употребляясь не во всех временах, лицах и числах). Ограничения, налагаемые на контекст, могут быть синтаксическими (видо-временное значение выражается при жесткой совокупности синтаксических условий), лексическими (обязательное присутствие некоторых частиц или служебных слов), интонационными (значение выражается только при некоторых ИК), стилистическими (некоторые видо-временные значения не употребляются в отдельных типах речи). Особые ограничения на стилистическое функционирование налагает присутствие эмоциональной оценки в толковании ('говорящий небезразлично относится к...').

Постараемся охарактеризовать функциональные типы речи с точки зрения употребления в них видо-временных форм.

Начнем с научного типа речи. Оговоримся сразу, что мы имеем в виду «идеальный», «чистый» научный тип речи, а не любой реально возможный стиль научной литературы. Последний, в зависимости от личности автора, может включать в себя и элементы других типов речи (например, публицистического).

В научном типе речи как таковом невозможны грамматические формы, содержащие в толковании эмоциональную оценку, т. е. компонент 'говорящий небезразличен к...'. Значение эмоциональной оценки противоречит установке научного стиля на строго объективное, логическое изложение фактов и следствий из них. Таким образом, невозможными являются следующие формы: прошедшее СВ в значении неизбежного будущего, настоящее эмоциональной актуализации, будущее СВ о прошлом как неслучайном, типичном, будущее СВ узуальное. Между тем, интеллектуальная оценка, т. е. компонент 'говорящий считает, что...' никак не противоречит коммуникативным установкам научного стиля. Поэтому в нем встречаются формы НСВ интерпретационного и настоящего экспозитивного (*Карнап полагает, что λ изменяется непрерывно...*).

Не употребляются в научном типе речи и такие формы, толкование которых включает в себя компонент 'как бы' ('говорящий представля-

ет действие как бы совершившимся', 'как бы протекающим на его глазах' и т. д.): прошедшее СВ в значении близкого будущего, настоящее историческое, настоящее сказовое и др. Переносный, изобразительный характер этих значений противоречит установке научного типа речи на строгое, однозначное, логическое изложение фактов.

Компонент 'говорящий уверен' тоже мешает употреблению формы, содержащей его, в научном стиле (ср., например, настоящее предстоящее). Наука имеет дело с фактами, свойствами, законами, а не с уверенностью автора. В том случае, если по каким-то причинам уверенность необходимо обозначить, для этого будут использованы прямые лексические средства (ср. *Мы можем быть уверены в чистоте данного опыта*), а не грамматическое значение, в скрытой форме включающее в себя такой компонент. Это противоречило бы установке научного типа речи на максимальную эксплицитность.

Официально-деловой тип речи, характеризующийся сухостью, четкостью, стандартизованностью формулировок, избегает всякого намека на экспрессию и изобразительность, и поэтому, естественно, в нем не используются те же самые грамматические значения, что и в научном типе речи, т. е. те, о которых шла речь выше.

Газетно-публицистический тип речи довольно разнороден, в своих разных жанрах он характеризуется разным использованием глагольных форм. Особняком стоят жанры передовых газетных статей, политических обозрений; их стиль приближается к официально-деловому типу речи, в них скупо применяются формы, имеющие переносное, изобразительное значение или содержащие эмоциональную оценку. Остальные газетно-публицистические жанры рассчитаны на живость, непринужденность, экспрессивность речи. Поэтому в них возможны формы, содержащие эмоциональную оценку, выражающие уверенность говорящего в наступлении события, «живописные» формы. Невозможны в публицистическом типе речи лишь такие формы, которые употребляются в диалоге — как ответ на реплику собеседника или как сообщение, рассчитанное на непосредственную реакцию собеседника (например, прошедшее СВ в значении близкого будущего; прошедшее СВ в значении иронического отрицания будущего). Разумеется, в тех случаях, когда в газетно-публицистических жанрах воспроизводятся диалоги, там возможны и эти формы, но эти вставки являются цитированием РР, а не приметой собственно публицистического типа речи.

Наиболее широкий спектр видо-временных значений представлен в разговорной речи и в имитации РР в художественной литературе. Здесь нет никаких ограничений, что связано с многообразными коммуникативными установками РР [Русская разговорная речь 1973]. Некоторые из значений допустимы исключительно в РР (например, те, которые употребляются только в диалоге), некоторые преимущественно используются в РР.

Что касается художественного повествования, то, поскольку оно может воспроизводить по мере необходимости любые типы речи, мы не будем специально на нем останавливаться. Отметим лишь, что прошедшее НСВ сказовое является значением, специфическим для художественного повествования: больше оно нигде не употребляется.

Жанровые (а не просто стилистические) особенности употребления видо-временных форм имеют место при повторной дескрипции — письменном литературном пересказе художественных текстов. Третичный временной дейксис (т. е. выбор любого из трех временны́х планов при пересказе) и форма НСВ прошедшего в значении, полностью синонимичном СВ, являются сигналом этого жанра.

ОБЩЕФАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА

(ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ)*

Данный раздел посвящен нахождению семантического коррелята для общефактического значения НСВ. Метод работы такой же, как и в предыдущем разделе, — извлечение видового значения из общего толкования глагольной словоформы.

С этой целью толкование глагольной словоформы в общефактическом значении НСВ сопоставляется, с одной стороны, с толкованием словоформы НСВ в актуально-длительном значении, а с другой — с толкованием глагольной словоформы СВ в «точечном» или «конкретно-фактическом» значении.

Общефактическое значение рассматривалось многими исследователями, хотя и не так детально, как значение процесса [см. сноску 13 на с. 178].

Большинство признает его важным частным значением НСВ. Исключение представляет Дж. Форсайт, который считает общефактическое значение «единственно существенным и единственно ингерентным значением имперфектива, из которого выводятся» все его остальные значения, в том числе продолженное и повторяющееся [Forsyth 1970: 6].

Обычно общефактическое значение усматривается у четырех форм НСВ: прошедшего времени (*Ты звонил мне вчера?*), инфинитива (*На какой остановке мне выходить?*), будущего времени (*Вы будете сдавать экзамен завтра?*) и императива (*Уходите*). Однако есть некоторые основания думать, что в этих формах представлено не совсем одно и то же видовое значение. В частности, в формах будущего времени, инфинитива и императива противопоставление актуально-длительного и общефактического НСВ выражено значительно менее отчетливо, чем в формах прошедшего времени. Поэтому ограничимся анализом наиболее ярко выраженной формы общефактического — формы прошедшего времени. Мы рассмотрим, во-первых, значение общефактического, и, во-вторых, условия его употребления.

* Опубликовано в [Гловинская 1982: 116-144].

1. ЗНАЧЕНИЕ ОБЩЕФАКТИЧЕСКОГО НЕСОВЕРШЕННОГО

1.1. Три разновидности общефактического значения

Анализ материала показывает, что общефактическое может иметь три разновидности: общефактическое результативное, общефактическое двунаправленное, общефактическое нерезультативное.

1) Общефактическое результативное представлено, например, в следующих фразах:

Я уже рассказывал вам эту историю;

Кто не читал «Войну и мир»!;

Зимний дворец строил Растрелли;

Праздничную витрину оформлял художник Петров;

Они такие между собою приятели, каких свет не производил (Н. В. Гоголь);

— А тебя предупредили по телефону, чтобы ты их никуда не носил? Предупреждали, я тебя спрашивают — Предупрежди ... дали ... дили ... — задыхаясь, ответил администратор (М. Булгаков).

В литературе общефактическим значением НСВ обычно называется именно этот первый (по нашей классификации) тип общефактического, его значение приравнивается к аористическому, которое содержит простое указание на факт в прошлом [Виноградов 1947: 563] «без обозначения связи этого факта прошлого с настоящим» [Поспелов 1948: 116], «безотносительно к его единичности или повторяемости, локализованности во времени или нелокализованности (этот признак оказывается несущественным или по крайней мере не подчеркивается), длительности или краткости» [Бондарко 1971: 84].

Этот тип общефактического обозначает закончившееся действие, которое имело результат в прошлом, причем момент (время) окончания действия и существования результата является неопределенным ('результат существовал в некий момент, неважно или неизвестно, какой именно'), и неизвестно, сохранился ли результат или эффект действия до момента речи. Остановимся подробнее на некоторых компонентах этого толкования.

'Неизвестно, сохранился ли результат или эффект действия до момента речи'

Под эффектом действия мы подразумеваем такой результат, который имеет нематериальный, неочевидный характер (см., например, глаголы *читать — прочесть, смотреть — посмотреть* (*фильм*), *предупреждать — предупредить, просить — попросить* и т. д.).

Необходимость включения этого компонента в толкование общефактического особенно ясно обнаруживается при сопоставлении об-

щефактического с формами прошедшего времени СВ, которые выражают слабый смысл 'результат или эффект действия сохраняется до момента речи'.

Я послал сына в магазин (в момент речи сын в магазине или в пути) — *Я посылал сына в магазин* (неизвестно, где находится сын в момент речи);

Дети остались в школе после уроков (дети в школе) — *Дети оставались в школе после уроков* (неизвестно, по-прежнему ли дети в школе в момент речи или нет);

Хозяйка вымыла террасу (пол вымыт) — *Хозяйка мыла террасу* (неизвестно, в каком состоянии пол в момент речи);

Я предупредил его об опасности (эффект предупреждения — информация о грозящей опасности — сохраняется в момент речи) — *Я предупреждал его об опасности* (неизвестно, сохраняется ли эффект предупреждения в момент речи).

Андрей посмотрел «Ивана Грозного» (предполагается, что впечатление от фильма сохраняется в момент речи) — *Андрей смотрел «Ивана Грозного»* (неизвестно» сохраняется ли впечатление от фильма в момент речи).

По-видимому, именно данному компоненту значения соответствует традиционная формулировка общефактического — «простое указание на факт в прошлом».

Отсутствие указания на сохранение результата до момента речи в форме НСВ глагола и наличие такого указания в форме СВ вызывают иногда ощущение, будто глагол в общефактическом обозначает действие, произведенное в более далеком прошлом, чем действие, названное глаголом СВ. Некоторые информанты, к которым мы обращались с вопросом, есть ли различие в значении фраз *Я читал «Войну и мир»* и *Я прочел «Войну и мир»*, отвечали: «Читал — давно, а прочел — недавно». Представление о давности — недавности факта особенно характерно для тех случаев, когда глаголы обозначают действия, связанные с получением или передачей интеллектуальной информации, т. е. приводящие к не материальному, а интеллектуальному результату (эффекту).

Было бы, однако, неправильно считать 'давно' и 'недавно' элементами значения соответствующих видовых форм. Это следует хотя бы из того, что оба действия могут относиться к одному и тому же физическому времени в прошлом — и близкому, и далекому. *Давно, еще в детстве я читал / прочел «Сказки» братьев Гримм. Мать только что убирала / убрала квартиру, и уже беспорядок.*

В действительности 'давно' и 'недавно' — не элементы значений соответствующих видовых форм, а следствия, извлекаемые из них. Между элементом значения определенной языковой единицы и следствием из нее имеется принципиальное различие, которое можно про-

иллюстрировать на простом примере. Из утверждения *Снег очень белый* следует, что снег — чистый; однако, очевидно, что компонент 'чистый' не является элементом толкования значения 'белый'.

Аналогичным образом представления о давности — недавности действия являются следствиями из смыслов 'неизвестно, сохранился ли эффект действия до момента речи' и 'эффект действия сохранился до момента речи'. Они подкрепляются почерпнутым нами из повседневного опыта знанием, что эффект недавнего действия сохраняется лучше, чем эффект давнего.

Данный компонент значения общефактического может сниматься или проясняться контекстом и в том случае, если известно, что результат не сохранился до момента речи, и в противоположном, когда известно, что он сохранился. Например. *Почему дети так поздно обедают? — Они оставались в школе после уроков* (известно, что дети в момент речи уже не в школе); *О, я вижу, вы мыли террасу. Кто строил этот дом?* (в момент речи видно, что результат действия сохраняется).

Аналогично взаимодействует контекст с соответствующим компонентом СВ: *Он только что посмотрел «Ивана Грозного» и уже ничего не помнит.*

'Момент (время) окончания действия
и существования результата является неопределенным
(неважно или неизвестно, когда это было)'

Напомним, что толкование СВ включает компонент в 'определенный момент'.

Этот компонент в значении общефактического менее очевиден, чем предыдущий. Тем не менее при сравнении фраз *Это мое пальто шил знаменитый парижский портной* и *Это мое пальто сшил знаменитый парижский портной,* где снято различие глагольных форм по компоненту 'результат' (результат действия — сшитое пальто — налицо в момент речи), мы все же ощущаем смысловое различие между фразами. Ср. еще следующий текст из Н. В. Гоголя: «*...отчего же у меня нет такой бекеши! Он сшил ее тогда еще, когда Агафия Федосеевна не ездила в Киев»,* где замена СВ глагола *шить* на НСВ в общефактическом результативном невозможна (возникает актуально-длительное значение), хотя в принципе у глагола *шить* это значение есть.

Смысловое различие между двумя формами состоит в том, что глагол СВ обозначает более определенное действие, чем глагол НСВ. При этом смыслы 'неопределенность' — 'определенность' описывают, в частности, время, к которому относится действие.

Наличие данного компонента подтверждается некоторыми фактами сочетаемости. Так, временные обстоятельства со значением точечности, т. е. обозначающие определенный момент, легко сочетаются с формами СВ и не сочетаются с формами общефактического.

Ср. *В три часа я вернулся домой* и *В три часа я возвращался домой*. Последняя фраза не может быть осмыслена в общефактическом значении, она имеет только актуально-длительное или узуальное значение.

Правда, существуют глаголы, которые, как будто, сочетаются в общефактическом значении с подобными обстоятельствами: *Я встречался с ним в 2 часа. Он приходил в 5 часов.*

Глаголы *встречаться* и *приходить* в общефактическом значении обозначают так называемое двунаправленное действие (о котором см. ниже). *Я встречался с ним* значит примерно 'Я встретился и расстался с ним', а *Он приходил* 'Он пришел и ушел'.

Точечное обстоятельство относится не ко всему толкованию в целом, а только к первой его части. *Я встречался с ним в 2 часа* ≅ 'Я встретился с ним в 2 часа, а в более поздний неопределенный момент, близкий к двум часам, мы расстались'.

Он приходил в 5 часов ≅ 'Он пришел в 5 часов, а в более поздний неопределенный, близкий к пяти часам, момент он ушел'. Таким образом, и здесь сохраняется некоторая доля неопределенности: второй результат — расставание или уход — хотя и близок во времени к названному в предложении определенному моменту времени, но по-прежнему связывается с неопределенным моментом.

Что касается глагола СВ, то с ним точечное обстоятельство сочетается совсем иначе — оно относится ко всему толкованию в целом. Впрочем, далеко не все глаголы, имеющие двунаправленное общефактическое, могут сочетаться с точечными временными обстоятельствами. Например, невозможны в общефактическом значении **В три часа я давал ему словарь; *Я посылал письмо в два часа; *Он брал у меня книгу в 4 часа; *Путешественники останавливались в этой гостинице в 2 часа.* В тех из перечисленных фраз, которые допускаются нормами русского языка, глагол имеет актуально-длительное значение.

Остановимся на одном предполагаемом различии в значении НСВ общефактического и СВ. О. П. Рассудова, сравнивая фразы «*Ну как, вы посмотрели фильм «Девять дней одного года»?*» и «*Вы смотрели этот фильм?*», заметила, что «совершенный вид вносит добавочное представление о том, что данное действие предполагалось» [Рассудова 1968: 20]. Действительно, это значение легко ощутимо в данной фразе, и подобные примеры можно без труда умножить. Учитель спросит детей: «Кто читал "Капитанскую дочку"?» и «Кто прочел "Капитанскую дочку"?» в разных ситуациях. Во втором случае, в отличие от первого, задается вопрос о действии, которое предполагалось заранее (например, было задано прочесть книгу или было известно, что дети ее читают).

Однако это добавочное представление никак не связано с формой СВ, а выражается совсем другими средствами. Так, утвердительная

фраза *Я посмотрел этот фильм* не содержит указания на то, что данное действие предполагалось. С другой стороны, фразы с глаголом НСВ могут выражать значение предполагавшегося, ожидаемого действия; ср. *Смотрели этот фильм Нина и Андрей* (предполагается или известно, что кто-то смотрел, сообщается же — кто именно).

Естественнее всего, как нам кажется, связать значение предполагаемого действия с коммуникативной организацией предложения, а именно с делением предложения на данное и новое либо на тему и рему. Значение предполагаемого действия, естественно, возникает в тех случаях, когда глагол образует данное или часть данного либо тему или часть темы, и не возникает, если глагол — новое или часть нового либо рема или часть ремы. Например:

В концерте *выступали/выступили лучшие пианисты*

данное новое

(значение предполагаемого действия не выражается независимо от вида глагола).

Выступали/выступили в концерте *лучшие пианисты*

данное новое

(значение предполагаемого действия выражается независимо от вида глагола).

Кто *прочел «Капитанскую дочку»?*

рема тема

(известно, что кто-то прочел, выясняется, кто именно).

Кто читал «Капитанскую дочку»?

рема

(выясняется факт в целом, т. е. есть ли кто-нибудь, кто читал «Капитанскую дочку»).

2) Общефактическое двунаправленное представлено, например, в таких фразах, как:

Я открывал окно = 'Окно было открыто мной, а в момент речи оно закрыто',

Ко мне приходил товарищ = 'Товарищ пришел ко мне, а потом ушел',

Ты почему выбегал из дома? = 'Какова причина того, что ты выбежал из дома, а потом вернулся?'

Сходство этого значения с общефактическим результативным состоит в том, что в этом случае тоже обозначается действие, закончившееся и имевшее результат в неопределенный момент (время) в прошлом. Однако в отличие от общефактического результативного в данном случае еще выражается и то, что результат этого действия, по терминологии О. П. Рассудовой, аннулирован противоположно направленным действием (см. примеры).

Значение двунаправленного общефактического становится вполне очевидным при его сопоставлении с основным значением СВ:

Я открыл окно ~ Окно продолжает оставаться открытым в момент речи,

Ко мне пришел товарищ ~ В момент речи товарищ еще у меня,

Ты почему выбежал из дома? ~ В момент речи ты находишься вне дома.

Об этом значении НСВ писали [Кошмидер 1962: 152, Lyons 1967: 393] и — более подробно — [Рассудова 1968: 26-29] и [Forsyth 1970: 3-6,78-82]. См. также: [Гловинская 1977: 41-42]. См. также сноску 14 на с. 180.

В литературе об общефактическом (см. в особенности книгу О. П. Рассудовой) отмечается, что оно характерно для глаголов перемещения, изменения состояния или свойства, изменения положения в пространстве. При этом глагол должен обозначать такое действие или процесс, которое допускает представление о противоположно направленном действии или процессе: *брать — отдавать, открывать — закрывать, приносить — уносить, приходить — уходить* и т. п. Следовательно, оно в первую очередь присуще тем глаголам указанных семантических групп, у которых есть лексические антонимы.

При выделении двунаправленного общефактического важно отличать случаи, когда значение аннулированности результата выражается видовой формой глагола, от случаев, когда то же или похожее значение выражается основой глагола. Таков, например, глагол *приходиться* в предложении *Ему приятно было, что его жена узнает, в какой широкой барской обстановке ему приходилось жить* (А. И. Куприн).

Значение двунаправленности действия описывалось и как специальное значение НСВ, отдельное от обычного общефактического (Дж. Форсайт), и как непосредственно входящее в лексическое значение глагола (О. П. Рассудова).

Выделение двунаправленного в самостоятельное значение, никак не связанное с общефактическим, по-видимому, неоправданно[1], т. к. оба эти значения имеют общую конституирующую часть: «действие имело результат в некий неопределенный момент в прошлом» (см. табл. на с. 241).

[1] Раньше мы принимали эту точку зрения, см. [Гловинская 1977: 41-42].

Описание двунаправленного как непосредственно входящего в лексическое значение глагола вряд ли возможно: ведь оно возникает только у формы НСВ и отсутствует в форме СВ. Другое дело, что оно возникает только у глаголов с определенным лексическим значением. Правда, в этом отношении общефактическое двунаправленное принципиально не отличается от других грамматических значений, хотя лексический класс глаголов, допускающих его, по-видимому, уже, чем, например, для актуально-длительного и др.

3) Общефактическое нерезультативное. Обычно в литературе описывались первые два значения общефактического, однако нам кажется необходимым выделить еще одно значение. Речь идет о видовом значении глаголов в таких фразах, как:

Вы искали коменданта?;

Юноша много раз умолял родителей не заставлять его учиться;

Он пробовал заниматься и живописью, и математикой, но ни на чем не остановился;

Отец пытался устроиться на завод;

Он бросал курить в свое время, но тщетно.

На дворе тоже порядок. Три коровы, лошади две. Одна матка, трех лет, пять сот, говорит, уж давали, да не отдал (И. Бунин).

Постараемся показать, что глаголы *искать, умолять, пробовать, пытаться, бросать, давать* в приведенных фразах имеют особое видовое значение, которое отличается, с одной стороны, от результативной разновидности общефактического, а с другой, — не является актуально-длительным НСВ.

Еще в 1948 в [Маслов 1948: 313] отмечалось, что глагол *искать* ни при каких обстоятельствах не может иметь значение 'найти'[2]. Так, *Я искал белые грибы в этом лесу* не значит, что мне удавалось их найти. В отличие от глагола *искать* глагол *ловить*, схожий с ним в других отношениях, легко выражает значение, близкое к 'поймать'. Например, *Я ловил крупных окуней на водохранилище* означает именно то, что мне удавалось их поймать. Глагол *умолять* также никогда не имеет значения *умолить* в отличие, например, от *уговаривать* (ср.: *Я умолял их не торопиться* и *Он легко уговаривал неопытных девушек наняться в экспедицию*).

Таким образом, в рассматриваемых фразах глаголы *искать* и *умолять* не выражают значения достигнутого результата.

То же самое можно сказать о глаголах *пытаться* и *бросать* в вышеприведенных примерах, хотя в принципе глагол *бросать* имеет и

[2] Это утверждение нуждается в некотором смягчении. Выше, при описании III-его типа видового противопоставления, мы рассмотрели случай результативного употребления глагола *искать* — в потенциальном значении; ср. *Эта собака хорошо ищет наркотики.* Однако в общефактическом глагол *искать* всегда нерезультативен.

двунаправленное общефактическое значение. Так, *Он бросал курить* в свое время может значить и то, что бросить не удалось, и то, что сначала он бросил, а потом опять начал курить.

Весьма интересен также глагол *давать* в том «рыночном» значении, которое представлено в тексте из И. А. Бунина. Он, как и глагол *искать*, может иметь только нерезультативное общефактическое значение. *Давал* всегда обозначает лишь готовность дать определенную сумму за нужный товар и поэтому по своей природе не может предполагать результата, выражаемого соотносительной формой СВ. Этим он отличается от близкого по смыслу глагола *предлагать*: *Пять сотен давали никогда не значит,* что дали, а *Пять сотен предлагали* (результативное общефактическое) значит, что предложили.

Теперь посмотрим, отличаются ли эти примеры от обычных случаев актуально-длительного прошедшего. Чтобы показать, что выделенная нами разновидность общефактического противопоставлена по смыслу и актуально-длительному, рассмотрим фразу *Я увидел ущелье, где геологи искали алмазы.* Эта фраза омонимична: в одном из ее возможных осмыслений глагольная форма имеет актуально-длительное значение (искали в тот момент, когда я увидел ущелье), в другом — общефактическое (я увидел ущелье, в котором геологи когда-то искали алмазы). В первом случае имеется в виду ситуация, когда в момент наблюдения геологи ищут алмазы, а во втором случае — ситуация, когда в момент наблюдения геологи уже не ищут алмазы. Аналогичный пример с глаголом *жить 1* рассматривается ниже. Ср. также широко обсуждавшийся в аспектологической литературе пример омонимичной фразы *На стене справа висела картина* из [Апресян 1980: 33].

Прежде чем сформулировать содержание общефактического нерезультативного, рассмотрим еще один тип примеров. Расширим приведенную выше фразу следующим образом: *Я увидел ущелье, в котором геологи с сентября по ноябрь искали алмазы.* Для этой фразы совершенно исключено первое — актуально-длительное осмысление: геологи искали алмазы не в момент наблюдения, а в другой точно указанный период времени, закончившийся до момента наблюдения. Вместе с тем, если сравнивать значение этой фразы со вторым — общефактическим нерезультативным — значением, то можно заметить, что, в отличие от последнего, действие здесь представлено не просто как факт в прошлом, а как длившийся во времени процесс. Должны ли мы считать, что это — еще одно, особое значение глагола? Обычно такое значение не отделяется от актуально-длительного и рассматривается вместе с ним в рамках так называемого процессного или длительного значения.

Однако различие между собственно процессным и актуально-длительным значениями нам представляется гораздо более важным, чем различие между процессным и общефактическим нерезультатив-

ным. Оба последних значения включают указание на начало и прекращение действия (чего нет в актуально-длительном!). Кроме того, фраза *Я увидел ущелье, в котором геологи с сентября по ноябрь искали алмазы* воспринимается как расширение первой фразы именно в ее общефактическом, а не актуально-длительном значении. Таким образом, можно считать, что актуально-длительное и процессное значения противопоставлены друг другу. Поэтому кажется более естественным объединять процессное значение (если, конечно, оно не выделяется в особое значение глагольной формы) не с актуально-длительным, а с общефактическим нерезультативным. При этом контекст может подчеркивать либо общефактический, либо процессный компонент этого единого значения.

В свете сказанного общефактическое нерезультативное значение может быть сформулировано дизъюнктивно: это — действие, процесс или состояние, прекратившееся в неопределенный момент в прошлом и не приведшее к достижению результата, или то же самое действие (процесс, состояние), протекавшее в течение какого-то времени.

Очевидно, что указание на процессность следовало бы включить в название этого значения (например, назвать его процессно-фактическим). Однако, поскольку в данной работе нас интересует преимущественно его общефактическая ипостась, в дальнейшем мы будем именовать его, по аналогии с другими общефактическими, общефактическим нерезультативным.

Противопоставление общефактического нерезультативного и актуально-длительного возможно не для каждого глагола. В частности, его не имеют моторно-некратные глаголы, которые подробнее обсуждаются ниже, например, глагол идти. Хотя фраза *Я увидел шоссе, по которому он шел в магазин* тоже может быть отнесена к двум разным моментам в прошлом — Он шел в тот момент, когда я смотрел на шоссе и Он шел раньше, до этого момента, но и во втором случае действие представляется как протекающее в определенный, хотя и не названный момент времени в прошлом, и, следовательно, описывается не факт в прошлом, а разворачивающийся во времени процесс.

Сопоставляя общефактическое с другими формами прошедшего времени, мы видим, что общефактическое результативное ближе по значению к СВ, а общефактическое нерезультативное — к актуально-длительному НСВ.

Представим сравнительные характеристики пяти форм прошедшего времени: трех рассмотренных выше, форм общефактического и двух ближайших к ним других форм прошедшего времени — формы СВ и актуально-длительного значения НСВ. Как показал предшествующий анализ, для установления существенных сходств и различий между перечисленными выше пятью формами важны следующие четыре смысловых признака: 1. С каким моментом в прошлом (опреде-

ленным или неопределенным) соотносится действие. 2. Длилось ли действие в выделенный момент в прошлом. 3. Имело ли действие результат в выделенный момент в прошлом. 4. Сохранился ли результат до момента речи.

Сравнительные характеристики интересующих нас пяти форм, построенные на основе названных смыслов, могут быть представлены в виде таблицы (см. табл. на с. 241).

Как видно из таблицы, общефактическое нерезультативное в большей степени сходно с другими типами общефактического (два общих признака — первый и второй), чем с актуально-длительным прошедшим (только один общий признак — третий).

Момент наблюдения, который вводится в характеристику актуально-длительного и общефактического нерезультативного в столбце II, важен для смыслового противопоставления именно этих двух значений и не является существенным для прочих анализируемых значений.

1.2. Распределение трех значений общефактического по семантическим классам глаголов

Пожалуй, не существует таких глаголов, которые могли бы одновременно иметь все три значения общефактического. Одни классы глаголов имеют результативное и двунаправленное значение, другие — результативное и нерезультативное, некоторые глаголы имеют двунаправленное и нерезультативное значения, а некоторые:— только одно из трех значений общефактического.

1) Глаголы, имеющие результативное и двунаправленное значения.

Большой класс глаголов, имеющих одновременно оба значения, — это глаголы, обозначающие изменение состояния, свойства, положения в пространстве. Отсутствие общефактического нерезультативного у них не случайно. Дело в том, что их актуально-длительное НСВ толкуется как 'начинать быть каким-то, где-то' и т. д. или 'становиться каким-то ...', а СВ — как 'начать быть каким-то, где-то' и т. д. СВ этих глаголов обозначает начало некоего состояния (местонахождения и пр.) как результат процесса, а НСВ обозначает процесс накопления этого результата, т. е. такое действие, в каждое мгновение которого имеется промежуточный результат. Поэтому представить данное действие как нерезультативное невозможно. Приведем примеры:

По-моему, эта лужа сегодня уже высыхала (двунаправленное);

У тебя в кухне белье когда-нибудь высыхало? (результативное);

Сегодня ночью в бочке замерзала вода (двунаправленное);

У вас в холодильнике вода когда-нибудь замерзала? (результативное);

Таблица. Сравнительные характеристики форм прошедшего времени

Смысловые признаки / Грамматические формы	I С каким моментом в прошлом — определенным или неопределенным — соотносится действие, процесс, состояние	II Длилось ли действие, процесс, состояние в определенный — неопределенный момент в прошлом	III Имело ли действие, процесс, состояние результат в определенный — неопределенный момент в прошлом	IV Сохранился ли результат до момента наблюдения или момента речи	Примеры
Совершенное прошедшее	С определенным	Закончилось в определенный момент	Имело	Сохранился	*Я уже причесалась*
Актуально-длительное прошедшее	С определенным	Длилось в определенный момент, совпадающий с моментом наблюдения или речи	Не имело	Признак нерелевантен, т. к. результата не было	*Когда они вошли в комнату, я как раз причесывалась*
Общефактическое результативное	С неопределенным	Закончилось в неопределенный момент	Имело	Неизвестно, сохранился ли результат	*Я сегодня причесывалась*
Общефактическое двунаправленное	С неопределенным	Закончилось в неопределенный момент	Имело	Результат не сохранился, т. к. был аннулирован противоположно направленным действием	*Ко мне приходил товарищ*
Общефактическое нерезультативное	С неопределенным	Закончилось в неопределенный момент, до момента наблюдения или речи	Не имело	Признак нерелевантен, т. к. результата не было	*Ему давали за корову пятьсот рублей*

Эта большая тыква в спектакле «Золушка» превращалась в карету (двунаправленное);

А тыква в спектакле превращалась в карету? (результативное).

Другой большой класс глаголов, способных сочетаться и с двунаправленным, и с результативным общефактическим, — это глаголы перемещения типа *выезжать, вылетать, выходить, приезжать, прилетать, приходить, уезжать, улетать, уходить* и т. п. Возможность их употребления в двунаправленном общефактическом была в достаточной мере проиллюстрирована выше. Что касается возможности их использования в результативном общефактическом, то она ограничена одним важным контекстуальным условием: это значение требует контекста отрицательного предложения. Таково, например, предложение: *Машина еще не выезжала из гаража,* произнесенное в ситуации, когда ждущее машину лицо находится вне гаража (например, на даче). Ср. также: *Самолет еще не вылетал из Москвы* (в ситуации, когда ожидающие находятся в другом городе) и другие подобные предложения.

2) Глаголы, имеющие результативное и нерезультативное общефактическое.

Основной класс глаголов, имеющих одновременно оба этих значения, — это глаголы, НСВ которых имеет значение 'действовать определенным образом с целью, чтобы в результате этого действия начала существовать ситуация Р', а СВ — 'действовать определенным образом с целью, чтобы в результате этого действия начала существовать ситуация Р; в результате этого действия ситуация Р начала существовать'. Это глаголы типа *ловить, решать, объяснять, вникать, втолковывать, добиваться, доказывать, убеждать, уговаривать, успокаивать, усыплять, утешать* и т. п. Например,

Он много раз доказывал свою правоту (результативное);

Ты куда-нибудь обращался, кому-нибудь доказывал свою правоту? (нерезультативное);

Я решал и не такие задачи (результативное);

Каким способом ты решал задачу? (результативное и нерезультативное).

3) Глаголы, имеющие двунаправленное и нерезультативное значение.

По-видимому, оба этих значения одновременно могут иметь только единичные глаголы. Выше мы приводили пример с глаголом *бросать: В свое время я бросал курить.* Можно назвать еще глагол *отвыкать,* но без полной уверенности, т. к. омонимия этих двух значений ощущается слабо: *Однажды он уже отвыкал от наркотиков* ('отвык и вновь привык' и 'пытался отвыкнуть, но это ему не удалось').

4) Глаголы, имеющие только одно из значений общефактического.

Только результативное общефактическое значение имеют группы глаголов, обозначающих такие действия, которые «даже будучи взяты в сколь угодно краткий момент своего протекания, не могут мыслиться как оставшиеся «"неэффективными", безуспешными» (Ю. С. Маслов). Это а) глаголы восприятия: *смотреть (что-то), мерещиться, слышать, ощущать, чувствовать, чудиться* и т. п., например: *Я смотрел этот фильм; Я не слышал ни звука;*

б) контактно-двигательные глаголы: *касаться, трогать, щупать, гладить,* например: *Касалась ли когда-нибудь елка потолка в этом месте?; Я гладил в Африке дикого льва;*

в) многочисленные глаголы передачи информации: *благодарить, виниться, возвещать, возражать, воспевать, вопрошать, восславлять, врать, говорить* и т. п., например: *Зачем ты врал матери?; Я говорил ему о лекции.*

Только двунаправленное общефактическое имеют моторно-кратные глаголы, притом лишь в одном своем значении, а именно в значении перемещения, имеющего конечную точку или цель, и только в том случае, когда соответствующая валентность реализована, например: *Я ходил сегодня в магазин (купаться); Он плавал на Кубу.*

Те же глаголы в другом своем значении, а именно в значении перемещения в разных направлениях, а также глаголы, обладающие только этим значением (*блуждать, бродить, кататься*), не могут иметь двунаправленного общефактического[1].

Только нерезультативное общефактическое имеют многие статальные глаголы, в частности:

а) Глаголы со значением 'иметь свойство': *возглавлять, возвышаться, выделяться, выступать, доходить, заваливать, загромождать, закрывать, заполнять, заслонять, загораживать, застилать, покрывать* и т. п.; ср.: *Раньше завод возглавлял Петров; Раньше крышка плотно закрывала банку; Еще недавно дом заслонял вид из окна.*

Два последних примера могут вызвать недоумение: почему значение общефактического у глаголов *закрывать* и *заслонять* считается нерезультативным? Ведь если дом заслонял вид из окна, то результат был налицо — из окна ничего не было видно. Однако представление о таком результате входит непосредственно в лексическое значение данного статального глагола: *X заслоняет P* Z-у = 'Предмет X расположен между наблюдателем Z и предметом P так, что Z-у не видно P'.

б) Глаголы, обозначающие эмоциональные состояния (в том числе чувство, отношение, проявление чувства или отношения): *беспокоиться, возмущаться, волноваться, обижаться, любить, ненавидеть,*

[1] О двух различных подзначениях моторно-кратных глаголов см. [Апресян 1967: 170-171].

жалеть, заботиться, наслаждаться, ссориться, чувствовать и т. п., ср.: *Беспокоился ли ты хоть раз в жизни о ком-нибудь?*

в) Глаголы, обозначающие физическое состояние: *болеть, спать, бредить, бодрствовать* и т. п., ср.: *Я никогда не спал на сене.*

г) Глаголы, обозначающие положение в пространстве: *висеть, лежать, сидеть* и т. п;

д) Моторно-кратные глаголы в значении перемещения в разных направлениях, когда при них не указывается конечная точка или цель движения, а лишь обозначено пространство, в пределах которого совершается действие: *кататься, плавать, блуждать, бродить* и т. п., ср.: *Ты когда-нибудь плавал на лодке?*

е) Наконец, можно назвать отдельные глаголы, не образующие особых семантических классов: *искать, подстрекать, пробовать, пытаться, уверять, умолять* и т. п.

1.3. Семантическая основа общефактического

Существуют семантические ограничения, препятствующие возникновению у глагола общефактического значения.

Присмотримся внимательнее к глаголам, которые не могут иметь общефактического значения. В первую очередь это бесприставочные моторно-некратные глаголы. В типичном для общефактического контексте моторно-некратные глаголы выглядят неестественно: *А он когда-нибудь вообще шел по этому шоссе?* (нормально было бы спросить *А он когда-нибудь вообще ходил по этому шоссе?*).

Объясняется это тем, что бесприставочные моторно-некратные глаголы обозначают недискретное, непрерывное перемещение в пространстве, не ограниченное само по себе ни начальной, ни конечной точкой и поэтому немыслимое как отдельный факт в прошлом. Интересно, что приставочные глаголы направленного перемещения, не отличающиеся от рассмотренной группы глаголов ничем, кроме содержащегося непосредственно в их значении явного указания на начальную или конечную точку движения, легко выражают общефактическое значение, ср.: *Он к вам подходил?; Я никуда не отходил.*

О. П. Рассудова пишет о «невозможности или затрудненности проявления» общефактического значения у некоторых глаголов: «...трудно говорить о значении факта действия у таких, например, глаголов, как *бояться, находиться, казаться* и тому подобных, обозначающих состояние и предполагающих известную длительность. Затруднено проявление фактического значения также у глаголов, обозначающих нарастающий процесс, таких, как *расти, расширяться, отвыкать, увеличиваться* и т. п.» [Рассудова 1968: 26]. Если говорить о статальных глаголах, то эти ограничения относятся только к результативному общефактическому, в принципе же такие глаголы допускают представление о действии, процессе или состоянии как о факте в

прошлом и могут иметь нерезультативное общефактическое значение в том случае, если они обозначают состояние, имеющее естественную или установленную границу, т. е. не исключающие идею дискретности (начала, конца, фазы). Это глаголы типа *болеть, дежурить, пугаться, спать, цвести* и др. Подобные глаголы обозначают состояние, которое является либо каким-то природным, повторяющимся циклом (*спать, отдыхать, цвести*), либо обладает специфически выраженным началом и концом (*болеть чем-либо*), либо мыслимо как квант (*пугаться*). Иными словами, значение этих глаголов не исключает идеи дискретности.

Интересно сравнить с этой точки зрения *жить 1* ('проживать') и *жить 2* ('существовать'). *Жить 1* имеет актуально-длительное и общефактическое (нерезультативное) значения, которые четко противопоставлены в неоднозначной фразе:

Он миновал дом, но потом вдруг остановился; ведь в этом доме жил отец ('жил в тот момент, когда он остановился' — 'жил вообще, когда-то до этого момента').

Для *жить 2* такое смысловое противопоставление актуально-длительного и общефактического нерезультативного гораздо менее отчетливо: фразы с *жить 2* в интересующем нас смысле однозначны и понимаются скорее всего в общефактическом нерезультативном значении, ср.: *Моцарт жил в XVIII веке.*

Это различие между *жить 1* и *жить 2* должно вызываться соответствующим различием в их значении. *Жить 1* мыслится как пребывание в определенном месте, обычно с какого-то момента по какой-то (ср. его ближайший синоним *проживать,* выражающий эту идею более отчетливо). *Жить 2*, выражая абстрактное значение существования, вообще не имеет актуально-длительного значения. Кроме того, он закреплен только за одной временной формой — прошедшего времени. Для выражения той же идеи существования в форме настоящего или будущего времени, а также актуально-длительного значения в любом времени используется прилагательное *жив.* Тем самым, хотя в лексическое значение *жить 2* не входит ни указания на начало состояния, ни указания на его конец, и грамматически, и прагматически идея конца включена в значение этого глагола.

Что же касается глаголов, обозначающих постепенный переход в какое-либо состояние, о которых упоминает О. П. Рассудова, то в изолированном употреблении они действительно не имеют общефактического. Однако, если в предложении дополнительными средствами выражено представление о конечной точке действия, о его кратности или неопределенности, то они могут приобретать результативное общефактическое значение, иногда с дополнительным значением многократности.

Ср.: *Я с грустью смотрел, как старела моя мать* и *В то время женщины, старели к сорока годам. Больной слабел на глазах* и *Ты от жары слабел когда-нибудь?*

Приставочные глаголы со сходной семантикой ('переход в какое-либо состояние') также могут выражать результативное общефактическое значение, поскольку приставка привносит в их значение указание на предел в изменении состояния: *ослабевать, расширяться, устаревать* и т. д.:

Если изделие устаревало, его выбрасывали; Напор воды в истекшем месяце не ослабевал.

Анализ этих и рассмотренных выше примеров показывает, таким образом, что семантической основой общефактического значения является идея дискретности действия (т. е. действия с указанным началом или концом) либо, в частном случае, кратности действия (т. к. кратным может быть только дискретное действие).

Эти идеи могут быть выражены, во-первых, в значении самого глагола; во-вторых, в его актантах, обстоятельствах и вообще в контексте; наконец, в-третьих, в самой ситуации. Реализация любой из этих трех возможностей является благоприятным фактором для выражения общефактического значения.

Наоборот, идеи длительности, непрерывности, некратности, определенности действия[2], выраженные либо в значении самого глагола, либо в значении его актантов, обстоятельств, в более широком контексте, и, наконец, в самой ситуации, препятствуют тому, чтобы глагол мог быть употреблен в общефактическом значении.

Условия, как благоприятствующие, так и препятствующие реализации общефактического значения, могут быть двух типов: языковые и неязыковые. И в том и в другом случае мы остановимся только на первых.

2. Языковые условия, благоприятствующие реализации общефактического значения

2.1. Выражение дискретности, кратности в значении самого глагола

В русском языке имеются группы глаголов, основа которых выражает идею дискретности или, в частном случае, кратности. Назовем три основные группы глаголов, которые имеют более частное значение кратности:

1. Многократные глаголы *говаривать, сиживать, хаживать* и т. д. Показательно, что эти глаголы не имеют ни актуально-длительного

[2] О неопределенном и определенном референциальном статусе подобных глагольных предикаций см. выше, на с. 182-183.

значения, ни формы настоящего времени[3]. В. В. Виноградов, вслед за грамматистами прошлого, считает форму прошедшего времени многократных глаголов «давнопрошедшим временем» [Виноградов 1947: 545-549]. Однако, по нашему мнению, те немногие многократные глаголы, которые сохранились в современном языке, выражают не давнопрошедшее время, а общефактическое значение: *говаривать* — результативное, *хаживать* — двунаправленное, *сиживать, ночевывать* — нерезультативное и т. д. Например: *Сиживал за столом, не беспокойтесь, сиживал, — сказал Кот* (М. Булгаков); *«Эх, не ночевывала ты на снежку под ракитовым кустом — вот что!» — «Не ночевывал и ты, — вдруг ответила Мария, и глаза ее заблестели, — с ребятишками с голодными, не слыхал, как голосят они во сне с голоду!»* (И. Бунин). Здесь *сиживал, ночевывал* значит лишь 'много раз сидел (ночевал) в прошлом', а не 'сидел (ночевал) до того, как произошло какое-то другое действие в прошлом'. Это же подтверждается возможной синонимичностью многократного и простого глаголов: *Меда у него столько, сколько вы не видывали (не видели) за всю свою жизнь*[4].

2. Моторно-кратные глаголы. Как упоминалось выше, общефактическое значение имеют те моторно-кратные глаголы, значение которых включает указание на конечную точку или цель перемещения (*ходить, летать, плавать* и т. д.). Например, *Я ходила в магазин и ездила на рынок.* Когда достигнута конечная точка или цель движения, действие воспринимается как законченное и тем самым дискретное.

3. Группа глаголов, обозначающих «цепь отдельных актов» действия (В. В. Виноградов): *вилять, дрожать, колебаться, махать, плевать, прыгать, трястись, целовать(ся)* и др. Эти глаголы бывают двух типов.

Одни из них могут представлять действие и как цепь отдельных актов, и как единичный акт, например, *прыгать, плавать, целовать(ся).* Фраза *Он целовал ее* может быть понята в обоих этих смыслах. Такие глаголы имеют результативное общефактическое значение, например: *Ты целовал ее?* Другие глаголы представляют действие только в форме последовательности отдельных актов и не могут обозначать единичного акта: таковы, например, *вилять, дрожать, колебаться.* Такие глаголы не имеют результативного общефактического значения. Совершенно очевидно, что глаголы первого типа представляют действие как более расчлененное, дискретное, чем глаголы второго

[3] Правда, Н. С. Авилова в своей книге приводит факты употребления многократных глаголов не только в прошедшем времени. За исключением одного примера, они все относятся к глаголу *бывать*, который представляет собой особый случай [Авилова 1976: 294].

[4] Лексическое значение многократности, по нашему мнению, не противоречит общефактическому значению: многократный глагол обозначает действие как много отдельных фактов в прошлом.

типа, благодаря чему и имеют результативное значение. Глаголы же второго типа обозначают просто некий тип движения (различного типа колебания), в чем можно усмотреть аналогию с *идти, шагать, бежать* и пр., вообще не имеющими общефактического значения.

Значение дискретности, более общее, чем значение кратности, выражают любые предельные глаголы. Значение дискретности вытекает из смысла 'кончить(ся)', входящего в значение всякого предельного глагола. Напомним, что 'кончить Р' значит 'перестать Р в момент времени, в который в ходе действия, процесса или состояния возник некий результат, после чего Р не может или не должно продолжаться'. Это глаголы типа *надевать, снимать, застегивать, расстегивать, окольцовывать, перечитывать, проглатывать* и др., подробно рассмотренные в разделе «Семантические типы видового противопоставления».

2.2. Выражение значения дискретности, кратности, неопределенности актантами глагола

Исходя из изложенного выше представления о семантической основе общефактического, можно ожидать, что реализации глагола в общефактическом значении будет способствовать присутствие слов со значением кратности в актантных группах. Так, присутствие в субъектной или объектной группе слов типа *весь, все, всякий* (в значении 'любой'), *любой, каждый, никакой, ни один, многие, некоторые, один за другим,* а также числительных и родительного падежа в контексте отрицания, действительно, способствует осмыслению глагола в общефактическом значении: *Многие из них видели начало революции; Каждый человек хоть однажды любил.*

Некоторые глаголы, будучи отнесены к единичному или определенному субъекту, обозначают действие или состояние, которое не может повторяться: *задыхаться, тонуть, умирать.* В этом случае они не могут выражать общефактического значения. Например: *Корабль тонул из-за пожара в машинном отделении; Отряд задыхался в дыму; Больной умирал.*

Если же эти глаголы относятся к кратному либо неопределенному субъекту, они приобретают способность выражать общефактическое значение. Например; *Больные один за другим умирали от истощения; Каждый корабль, который тонул в Бермудском треугольнике, предварительно терял радиосвязь с берегом.*

Обратимся к объектной группе. Сравним, например, фразы: *Он читал Шекспира. Он читал всего Шекспира*[5].

Первая фраза может быть осмыслена и в актуально-длительном значении ('в тот, данный, момент он читал Шекспира'), и в общефак-

[5] При анализе этих и следующих фраз мы полностью отвлекаемся от того обстоятельства, что некоторые из них могут иметь узуальное значение.

тическом ('он вообще, в принципе читал Шекспира'). Вторая фраза осмысляется только в общефактическом значении. Таково же соотношение между фразами *Он слушал Баха* и *Он слушал все пьесы Баха; Он сажал деревья в саду* и *Он сажал многие (некоторые) деревья в саду; Суд разбирал жалобу* и *Суд разбирал каждую жалобу; Он смотрел фильм* и *Он не смотрел ни одного фильма.*

Присутствие подобных слов в объектной группе способствует осмыслению глагола в общефактическом значении, т. к., с одной стороны, такие слова семантически хорошо согласуются с этим значением, выражая идею кратности, расчлененности, а с другой, — препятствуют осмыслению глагола в актуально-длительном значении, вступая с ним в семантическое противоречие.

Последнее обстоятельство связано с тем, что глагол НСВ в актуально-длительном значении не допускает при себе объекта, специфицированного «посредством измерения, пересчета, расчленения». На этот факт впервые обратила внимание А. Вежбицка [Wierzbicka 1967: 2241-2242]. Она приводит различные примеры, подтверждающие это: невозможность фраз типа *В этот момент он ел немного каши; Он ел тогда миску каши; Он пил в этот момент стакан воды,* а также несочетаемость genetivus partitivus с глаголами НСВ в актуально-длительном значении, ср.: **Я покупал хлеба* (подробнее об этом см. в разделе «Принципы изучения семантики видов...»).

Особый интерес в этой связи представляет родительный при отрицании в объектной группе. Ср. фразы: Ом *не ел грушу* и *Он не ел груши. Он не писал письмо* и *Он не писал письма.* Глагол в предложениях с винительным падежом осмысляется и в актуально-длительном, и в общефактическом значении, а в предложениях с родительным — предпочтительнее осмысление в общефактическом[6]. В типичном для актуально-длительного значения контексте охотнее употребляется винительный, чем родительный: *В тот момент он все еще не ел грушу.*

Это может быть связано с двумя обстоятельствами. С одной стороны, родительный при отрицании означает 'вообще никакого, ни одного' и тем самым выражает идею кратности, расчлененности объекта. Именно по этой причине затруднено сочетание родительного при отрицании с глаголом в актуально-длительном значении (**Когда мы вошли, он не ел груши*).

С другой стороны, актуально-длительному значению сопутствует значение определенности (момента действия, места, объекта), а общефактическому — неопределенности (действие имело место вообще, в принципе). При отрицании, как известно, винительный падеж выражает определенность объекта по сравнению с родительным, который

[6] Напомним, что мы имеем дело исключительно с нейтральным контекстом (утвердительные фразы, вне противительного контекста и т. д.).

выражает, напротив, неопределенность (если, разумеется, определенность при нем не выражена специальными средствами — местоимением *этот* или индивидуализацией объекта — например, «Война и мир» и т. д.). Это видно из того, что фразы с винительным и родительным падежом при отрицании (при одном и том же общефактическом значении глагола) имеют разный смысл: так, *Он не ел груши* означает 'он не ел никакой груши вообще', а *Он не ел грушу* значит 'Он не ел какую-то одну определенную грушу'.

В связи с вышеизложенным сделаем еще одно небольшое замечание. Оно касается множественного числа имен в объектной группе. Присутствие слов в форме множественного числа в объектной группе нейтрально по отношению и к актуально-длительному значению, и к общефактическому значению. Например, во фразах *Учитель проверял тетради. Он читал пьесы Шекспира, Мы слушали романсы Чайковского* и т. д. глаголы имеют оба эти значения.

2.3. Выражение значения дискретности, кратности, неопределенности сирконстантами глагола

Некоторые группы обстоятельств, согласуясь с теми или иными компонентами значения общефактического, тем самым разрешают омонимию общефактического и актуально-длительного в пользу первого. Приведем в качестве примера обстоятельства меры и степени.

Обстоятельства меры и степени типа (*не*) *полностью*, (*не*) *целиком, по пояс, по щиколотку* и т. д., обозначая степень охвата объекта или субъекта действием, согласуются со следующим компонентом общефактического значения: 'в какой-то момент в прошлом действие закончилось' (см. табл. на с. 241). Фразы с этими обстоятельствами означают, что действие закончилось тогда, когда объект или субъект был охвачен действием в объеме, указанном обстоятельством. Например: *Я читал вашу статью не целиком; Охотник по пояс проваливался в воду, но упрямо шел вперед.*

В этих фразах глагол имеет общефактическое значение.

Хорошо согласуясь с общефактическим значением глагола, подобные обстоятельства одновременно вступают в семантическое противоречие с актуально-длительным значением глагола из-за содержащегося в нем компонента 'действие длилось в выделенный момент в прошлом'. Поэтому невозможны фразы типа: **Я сидел за столом и полностью читал «Войну и мир»; *В этот момент охотник проваливался в воду по пояс.*

Таким образом, присутствие обстоятельств меры и степени в предложении разрешает видовую омонимию глагола в пользу общефактического значения.

2.4. Типы предложения, благоприятные для реализации общефактического значения

Можно назвать два типа предложений, которые способствуют осмыслению глагола в общефактическом значении.

1. Вопросительные предложения. В предложениях со значением вопроса глагол осмысляется в первую очередь в общефактическом значении, при условии, что в предложении не содержится специальных актуализаторов действия. Это относится к предложениям и с общим, и со специальным вопросом[7]. Особенно показательными примерами служат такие предложения, в утвердительной форме которых глагол осмысляется в первую очередь в актуально-длительном, а в вопросительной — в общефактическом. Ср.: *Дождь прекращался* и *Дождь прекращался?; Врач принимал больных* и *Врач принимал больных?*

То же самое наблюдается в предложениях со специальным вопросом: *До какого уровня повышалась температура воздуха?; Когда врач принимал больных?* и т. д.

Однако это утверждение относится не ко всем глаголам; в частности, оно неверно для многих глаголов из числа тех, НСВ которых имеет значение 'действовать так, чтобы в результате этого действия начала существовать ситуация Р'. В вопросительных предложениях *Митя решал задачу? Он ловил уклейку? Ваши дети искали клад?* глагол с равным успехом осмысляется и в актуально-длительном значении, и в нерезультативном общефактическом.

2. Отрицательные предложения. В контексте отрицательных предложений разные глаголы осмысляются по-разному.

Для большинства глаголов в отрицательных предложениях характерно осмысление их в первую очередь в общефактическом значении, Например: *В посаде, куда ни одна нога не ступала, лишь вороженки да вьюги ступала нога...* (Б. Пастернак); *Я сегодня не обедал; Посылку никто не распечатывал; Она ни разу в жизни не слышала выстрела; Я не просил ее приходить.*

Тем не менее для некоторых глаголов ситуация скорее обратная — в отрицательных предложениях они понимаются предпочтительно в актуально-длительном, а не в общефактическом значении, ср.: *Ливень не переставал; Буран не кончался; Шум не прекращался; Работа не прерывалась.*

Дело в том, что все эти глаголы имеют значение 'кончать действие (совсем или на время)', а соответствующий глагол с отрицанием зна-

[7] Еще А. Мазон обращал внимание на роль общефактического НСВ (le preterit imperfectif) в вопросе-ответе. Он считает, что предложения с этой формой обозначают общий вопрос, в отличие от предложений с прошедшим СВ, обозначающим только узко частный вопрос [Mazon 1914: 220-221].

чит 'не кончать действие', т. е. 'продолжать его', и тем самым легко осмысляется именно в актуально-длительном значении.

Что же касается фазовых глаголов со значением начала действия, то они в отрицательных конструкциях легко осмысляются в обоих видовых значениях, например: *Дождь не начинался; Потребность в чтении у этого ребенка не возникала; Солнце не появлялось.*

Эти глаголы выражают оба значения: легко представить себе, что какое-то действие вообще не начиналось (общефактическое значение) или все еще не начиналось (актуально-длительное значение).

2.5. Фактор актуального членения

Иногда омонимия общефактического и длительного значений разрешается средствами коммуникативной организации предложения. Роль этого фактора в общем виде проявляется в том, что один и тот же глагол в позициях темы и ремы чаще всего осмысляется по-разному. Если глагол находится в теме, то он скорее осмысляется в актуально-длительном значении, а если в реме — то в общефактическом. Рассмотрим один, наиболее бесспорный случай. Как известно, рема во фразе может выделяться фразовым ударением. Если фразовое ударение (обычное логическое, не эмфатическое) падает на глагол и тем самым глагол оказывается в рематической позиции, то он осмысляется, как правило, в общефактическом значении, например: *Он говорил о вас с профессором; Вы мне писали, не отпирайтесь* (А. С. Пушкин).

Если же фразовое ударение падает не на глагол и если, тем самым, глагол оказывается в теме, то омонимия глагола не снимается, и он может быть осмыслен и в актуально-длительном, и в общефактическом значениях[8].

3. Условия, препятствующие реализации общефактического значения

3.1. Выражение длительности, недискретности, некратности действия в значении самого глагола

Выше уже назывался один класс глаголов, никогда не имеющих общефактического значения. Это — бесприставочные моторно-некратные глаголы, обозначающие недискретное, непрерывное пере-

[8] Сказанное верно только для нейтрального контекста: т. е. для утвердительных предложений, вне сочинительных и противительных конструкций, с обычной интонацией. Для предложений с противительным или другим подобным контекстом сказанное совершенно теряет силу. Например, во фразе *Учитель проверял тетради, а не просто перелистывал их* и т. п. глагол имеет и актуально-длительное значение, хотя ударение (выделительное) падает именно на него.

мещение в пространстве, не ограниченное само по себе ни начальной, ни конечной точкой и поэтому немыслимое как отдельный факт в прошлом: *ехать, идти, катиться, ползти* и др. Это — единственный класс глаголов, о которых можно с полной уверенностью сказать, что они не имеют ни одного значения общефактического.

О других глаголах это можно утверждать с известной осторожностью. Так, в некоторых случаях трудно судить, различаются ли у глаголов актуально-длительное и нерезультативное значения, которое, в свою очередь, трудно отличить от узуального и потенциального значений. Это относится к глаголам, обозначающим состояние-свойство, типа *весить, зависеть* (в значении 'быть следствием'), *стоить:*

Огурец весил 200 граммов и *В те времена огурцы весили не менее 100 граммов каждый;*

Килограмм моркови стоил на рынке полтора рубля и *Когда-нибудь раньше салат весной стоил пять рублей?;*

Теперь размер урожая зависел только от количества внесенных удобрений и *Раньше размер урожая не зависел от погоды.*

Неясно, выражается ли значение свойства здесь только лексически или повторяется в видовом значении глагола.

Трудно сказать, различаются ли также видовые значения у глаголов со значением длительности типа *держаться* (*о запахе*), *длиться, продолжаться, сохранять* (*запах*), *сохраняться* (*о запахе*). Ср. следующие пары фраз:

В комнате еще сохранялся запах ее духов и *Раньше у этих духов запах сохранялся лучше*;

Спектакль продолжался, прерываемый аплодисментами и *В то суровое время спектакли не продолжались более двух часов.*

3.2. Выражение длительности, некратности в сирконстантах глагола

При наличии во фразе обстоятельств длительности *долго, длительно, продолжительно, всегда, всю жизнь* (*весь урок* и т. д.), *целый день* и т. д. глагол не может выражать общефактического значения: *Маляр целый день красил потолок; Всю жизнь Галя помогала другим людям.*

Обстоятельства одновременности также всегда решают видовую омонимию в пользу актуально-длительного (т. е. действия, которое происходит одновременно с другим) либо узуального. Это обстоятельства типа *в этот момент, в пять часов, в то время как, тут как-то* и т. д. Например: *В этот момент я писал письмо и не заметил, кто вошел; В пять часов он пил кофе.*

Обстоятельства неожиданности типа *сразу, внезапно, неожиданно* и т. д. мешают выражению общефактического, т. к. характеризуют протекание действия. Обычно во фразах с этими обстоятельствами глагол имеет узуальное значение: *Он внезапно бросался на пол и истош-*

но кричал; Мальчишки неожиданно перескакивали через забор и трясли яблоки.

То же самое можно сказать об обстоятельствах образа действия: *плохо, хорошо* и т. д. Поскольку они характеризуют то, как протекает действие, или обозначают свойство, умение, они мешают выражению общефактического значения: *Мальчик писал старательно и аккуратно. Его жена хорошо шила вечерние платья.*

Глагол в этих фразах имеет либо актуально-длительное либо потенциальное значение.

Все названные факторы, за исключением самого значения глагола, в известной мере условны: либо глагол имеет общефактическое значение, и тогда оно может быть реализовано при отсутствии препятствующих условий (или при наличии способствующих), либо его нет вовсе, и тогда оно не может быть реализовано даже при наличии благоприятствующего контекста.

Тем не менее рассмотрение условий реализации общефактического важно, т. к. раскрывает существенные семантические и грамматические аспекты самого общефактического значения.

4. Общефактическое значение у причастий

В заключение отметим еще одно обстоятельство. Действительные причастия прошедшего времени во многих случаях тоже могут выражать общефактическое значение — аналогичное тому, что и соответствующий глагол. Таким образом, причастия прошедшего времени различают те же пять значений, что и глагольные формы.

Совершенное прошедшее	*Пообедавший, прочитавший, написавший, решивший*
Несовершенное актуально-длительное	*Мальчик, решавший задачу, напряженно хмурился*
Общефактическое результативное	*Среди десятиклассников не обнаружилось ни одного человека, читавшего «Короля Лира»*
Общефактическое двунаправленное	*Человек, приносивший книгу, никому не был знаком*
Общефактическое нерезультативное	*Дети, болевшие корью, становятся невосприимчивыми к этой болезни*

ДИФФУЗНЫЕ ВИДО-ВРЕМЕННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ*

При исследовании семантики видо-временных форм в реальных текстах обнаруживается известное количество трудноинтерпретируемых случаев. Сюда относятся формы, имеющие не очевидные — канонические, а смешанные, промежуточные значения, либо значения, ситуативно «обогащенные» по сравнению с каноническими. В данной статье мы предлагаем анализ некоторых подобных случаев.

Прежде чем переходить к подробному рассмотрению типов диффузности, дадим вкратце сводку тех классических значений НСВ и СВ, которые понадобятся при анализе промежуточных явлений и будут как бы системой отсчета.

1. Значения НСВ

1. Актуально-длительное значение (действие, протекающее в ряд последовательных моментов наблюдения). Пример: *Смотри, он п е р е х о д и т улицу; Сейчас, сию минуту вы получите свой отменный, прекрасный кофе. И уже п о д а в а л а с наклоном головы полную пробирку* (В. Дудинцев).

2. Многократное значение (действие, которое происходило неоднократно, притом могло быть и просто прекращено, и «закончено», т. е. доведено до полного результата, и могло протекать в моменты наблюдения). Примеры: ...*Просторный двор, с которым связаны все игры моего детства, где мы и г р а л и, с с о р и л и с ь, п л а к а л и, м и р и л и с ь* (Н. Ильина). *В некоторых хозяйствах и с п о л ь з о в а л а с ь наемная рабочая сила.*

3. Узуальное значение, имеющее две разновидности: ('обычно, делать' и 'иметь свойство так делать'). В обоих случаях действие может быть представлено и 'в протекании', и 'в результате'.

Примеры типа 'обычно делать': *Со временем эта церемония вошла в привычку, мы ш л и туда <...>, у г о щ а л я — за удовольствие послушать правду* (Д. Гранин); *Вы пойдите на какую-нибудь боковую улицу / вы там этот самый фасон / найдете // Только он будет / на несколько крон дешевле // Потому что на большой улице / п л а т я т за ночной свет / за помещение / одним словом...* (Из записей РР).

Примеры типа 'иметь свойство так делать': *Справа от меня сидел некоторый человек Леха Хоботов, тот самый, у которого — по рассказам деда Авери — л е т а л а рука* (Ю. Коваль).

---

* Опубликовано в сб. «Проблемы структурной лингвистики. 1985» М., 1989, с. 83-95.

4. Общефактическое значение (ОФ). Упомянем здесь только ОФ результативное. Оно обозначает действие, которое имело результат в прошлом, причем момент окончания действия и начала существования результата является неопределенным, и неизвестно, сохранится ли результат или эффект действия до момента речи. Пример: *Вы когда-нибудь сдвигали с места этот шкаф? Эти часы чинили.*

5. Процессное значение[1]. Оно характеризует действие как длительное, но не разворачивающееся во времени. Назовем его условно действие 'в длительности'. В отличие от того действия, которое обозначается термином «актуально-длительное значение» ('действие, протекающее в ряд последовательных моментов наблюдения'), 'действие в длительности' не распадается на отдельные моменты, оно существует как целый отрезок, выделенными в нем могут быть только начальная и конечная точки. Пример: *Вчера я гулял долго (с трех до пяти). Завтра я буду гулять.*

6. Потенциальное значение 'мочь, уметь делать что-то'. Потенциальный НСВ означает, что названное действие уже (неоднократно) имело место и что на основании этого говорящий считает, что субъект действия и теперь может, умеет это делать. Пример: *А играет — убей меня гром, коли на свете еще кто-нибудь так играл, как Зобар* (М. Горький); *И они пригласили из соседнего магазина девушку / которая г о в о р и л а по-немецки//* (Из записей РР).

2. Значение СВ

Узуальное значение

Так же, как узуальное значение НСВ, имеет две разновидности — 'иногда / обычно делать' и 'иметь свойство так делать'.

Примеры типа 'иногда / обычно делать': *Ведь иногда случалось: в бою о п л о ш а л человек, р а с т е р я л с я, порой даже не сам, а подчиненные подвели командира, о т с т у п и л и, не в ы д е р ж а л и* (В. Карпов); *Муж у меня по магазинам не ходит — устает на работе... Иногда он придет домой, с я д е т на скамеечку под вешалкой и сам снять сапоги не может* (Т. Горбулина).

Примеры типа 'иметь свойство так делать': *Всегда она какое-нибудь старье наденет; Вечно он бестактность скажет.*

Это — далеко не полный перечень значений, выражаемых с помощью форм НСВ и СВ. Но именно на основе перечисленных значений возникают те смешанные случаи, о которых пойдет речь ниже.

[1] Частным случаем этого значения является процессно-фактическое или нерезультативное, о котором мы писали в [Гловинская 1982: 124-128].

3. Диффузность видо-временных значений

Термины «диффузность», «недискретность», «осциллирование» значений употреблялись в семантике применительно к лексическим значениям многозначного слова. Об этом явлении писали многие лингвисты (например, [Stern 1931: 190; Ullman 1951: 92 и т. д.]). Из более поздних работ отметим [Шмелев 1973: 128, 171; Апресян 1974: 179 и сл.]. В последней книге см. обзор предшествующих работ. Под этим подразумевается отсутствие четких границ между значениями многозначного слова, что проявляется в большом количестве промежуточных случаев, встречающихся в реальных текстах.

Грамматические, в частности, видовые и видо-временные формы, тоже многозначны. Их канонические, типовые значения выделяются обычно на основании ясных, контрастных, чистых случаев. В текстах же мы часто сталкиваемся с промежуточными значениями. При этом возможна, так сказать, непринципиальная диффузность, связанная или с недостатком контекста (тогда обычно говорят об омонимичности или многозначности фраз), или со специальным обыгрыванием сразу нескольких значений.

Пример омонимичного высказывания: *Когда он запел, страшно стало за него. Он б л е д н е л исступленной бледностью, лоб п о к р ы в а л с я испариной, вены в з д у в а л и с ь на лбу, горло н а п р я г а л о с ь, жилы в ы с т у п а л и на нем* (А. Вознесенский). Выделенные глаголы можно понять как минимум в двух значениях: 1) многократном ('данное действие происходило несколько раз в течение одного пения'); 2) актуально-длительном ('на наших глазах протекало одновременно несколько процессов').

Пример обыгрывания сразу двух значений: *Притча: приехал в город цирк, и афиши возвестили, что человек будет з а л е з а т ь в бутылку. Народу собралась целая сила, вынесли на арену бутылку, вышел и обещанный человек. Походил-походил, позалезал-позалезал — не залез. Ушел. Публика возмущаться, а ей: а кто вам обещал, что он залезет?* (Т. Набатникова). Глагол залезать в этом контексте может иметь, в частности, два разных видовых значения — актуально-длительное и общефактическое. В первом случае он означал бы лишь попытку залезть, это было бы действие, направленное к цели, но не достигшее ее. Во втором случае он означал бы действие результативное, квазисинонимичное СВ (ср.: *Вы будете выходить? Надо покупать пальто* и т. д.). Естественно, что интерес для слушающего представляет только второе осмысление, он и понимает глагол в общефактическом, но неожиданно для него оказывается, что имелось в виду первое значение, лишенное в данной ситуации прагматической ценности и потому исключенное сразу из его сознания.

В дальнейшем мы не будем заниматься такими случаями. Обратимся к принципиальной диффузности значений видовых и видо-

временных форм. Прежде всего, уясним общую логическую структуру диффузности сравнительно с многозначностью и неопределенностью.

Отдельные значения многозначной единицы в тексте реализуются по принципу «либо-либо» (либо одно, либо другое). Такова, например, реализация лексико-семантических вариантов слов. Это — наиболее ясный случай.

При неопределенности реализация происходит по принципу дизъюнкции («или»)[2]. Реализоваться может как любая отдельная часть толкования, так и обе вместе. Например, *портиться* = 'становиться хуже или плохим'. *Зерно портится при длительном хранении* значит и то, что оно становится хуже, и то, что оно становится плохим и может, кроме того, быть понято сразу в обоих смыслах.

Диффузность, или смешение, строится на принципе конъюнкции («и»). При этом можно отметить два общих типа диффузности, которые условно назовем «синкретизм» и «контаминация». При синкретизме имеет место слияние двух целых разных значений в одном — 'А' и 'В'. Этот тип диффузности впервые был отмечен для лексической семантики [Апресян 1974: 181]. При контаминации имеет место объединение двух неполных значений — часть одного и часть другого — ('А' минус 'а') и ('В' минус 'в'). По нашим сведениям, такой тип диффузности ранее не фиксировался.

Очевидно, что соединяться могут лишь такие типы значений,. которые не противоречат друг другу. Например, не возникает диффузных значений на основе актуально-длительного НСВ, обозначающего единичное действие, и многократного НСВ.

3.1. Тип первый — синкретизм

Синкретизм потенциального и узуального значений НСВ

Приведем пример: *Он мучился, обдумывая какой-нибудь житейский шаг, а Таня все р е ш а л а мигом* (В. Добровольский). *Решала мигом* значит 'умела решать мигом и обычно так делала'. Другой пример: *Хороший зритель с о з д а е т хороших режиссеров. И наоборот* (Д. С. Лихачев). Глагольная форма означает 'может создавать и обычно так и происходит'.

В целом сформулируем значение следующим образом: 'субъект действия умеет или может совершить данное действие и обычно это действие имеет место'. Нетрудно убедиться, что узуально-потенциальное значение полностью включает в себя толкование узуального и потенциального значений НСВ и притом не включает никаких дополнительных компонентов. Примеры: *Подобная пора никогда не з а б ы в а е т с я даже и стариками* (И. Забелла); *Похвалой и города*

[2] Подробнее об этом см. [Апресян 1974: 84-88, 140-142; 1980: 73, 104].

б е р у т (А. Ремизов); *Небольшая простуда, которую здоровый человек п е р е н о с и т с легкостью, для Горького могла оказаться гибельной* (Вс. Иванов); *Ч и т а л он, — в особенности когда было мало слушателей, — так, что леденящий, сухой трепет восторга наполнял все суставы* (Вс. Иванов); *Оказывается, не обязательно строить в стиле «тяп-ляп». Точность д о с т и г а е т с я металлической модульной опалубкой* (А. Вознесенский); *Сочиняя, о т к р ы в а е ш ь перед собой новые горизонты* (Т. Николаева). См. также пример из разговорной речи, где в диалоге чисто потенциальное осмысление глагола сменяется таким смешанным узуально-потенциальным.

В. А вы и г р а е т е /да?

А. Я раньше и г р а л а / а теперь я не и г р а ю //Я уже с музыкой давно покончила//

Остановимся на условиях возникновения смешанного значения такого типа.

а) Семантическая близость узуального и потенциального значений НСВ. Оба этих значения включают представление о неоднократном совершении действия. В этом кроется причина смешанных значений такого типа.

б) Характер глаголов, имеющих тенденцию выражать не чистое узуальное и чистое потенциальное, а именно смешанное значение. Смешанное значение возникает обычно в таких случаях, когда описывается действие, которое не все умеют совершать, или свойство, которым не все обладают. Если такое действие, свойство является для кого-нибудь типичным, обычным, то тем самым в нем содержится указание на то, что субъект действия умеет его выполнять.

в) Характер субъекта. Субъект должен быть «целесообразным» и контролировать свое действие. Препятствует совмещению значений «нецелесообразность» субъекта или, в случае его «целесообразности» — неконтролируемость действия. В этом случае его свойство интерпретируется не как потенциальное, а как постоянное; ср. *Земля вращается вокруг Солнца; Он хромает* [Glovinskaja 1992: 340]. Об отсутствии ясной границы между «вневременными» и неограниченно-кратными предикациями см. [Булыгина 1982: 51].

3.2. Тип второй — контаминация

Контаминация общефактического и актуально-длительного значений НСВ

Рассмотрим пример *Я только что отвечала на этот вопрос.* Что можно сказать о значении этой видо-временной формы?

Во-первых, речь идет о действии, которое имело место во вполне определенный момент наблюдения. Это сближает его с актуально-

длительным значением (ср. *Я вошел, когда она отвечала на этот вопрос*).

Во-вторых, обозначается действие результативное, о чем говорит возможная замена формой СВ (*ответила*). В этом его близость к общефактическому результативному (*Ты когда-нибудь отвечал на подобный вопрос?*).

В-третьих, известно, что действие завершилось результативно в неопределенный момент, что также сближает его с ОФ результативным.

Итак, контаминат обозначает действие, имевшее место в определенный момент в прошлом и завершившееся результатом в неопределенный момент в прошлом. Приведем примеры: *Тара слабовата. Не пойдет. Я говорю: Разве? Мне сейчас только ее у к р е п л я л и . Вот тот, с клещами, у к р е п л я л* (М. Зощенко); *Но какие-то доброхоты шепнули Володе, что дело не в этом: мол, папа барышни с н и м а л со сберкнижки большую сумму денег буквально за два дня до вывешивания списков* (Г. Щербакова); *Я как раз сейчас то же самое г о в о р и л а //; Он же п р е д л а г а л тебе это буквально минуту назад //; Я вам только сейчас н а л и в а л а //; Да / на всякий случай мне нужно взять у тебя сведения, когда ты в с т у п а л а в кооператив //* (из записей РР).

Во всех этих случаях глаголы допускают замену соответствующими формами СВ (*укрепили, снял, сказала, предложил, налила, вступила*).

Тем не менее, иногда форма НСВ здесь более предпочтительна для говорящего, чем форма СВ, в связи с его возможной неуверенностью в том, что результат действия сохранился до момента речи, или в связи с тем, что для его собеседника этого результата как бы вообще не существует. Например, *укрепляли тару,* а не *укрепили,* т.к. собеседник уже оценил тару как слабую, а *укрепили* означало бы, что тара крепкая. То же самое можно сказать о фразе *Я только что отвечала на этот вопрос.* Поскольку кто-то не слышал этого ответа или не счел его вообще ответом, говорящий предпочитает форму с менее определенной характеристикой результата.

Какие глаголы способны к образованию данного смыслового контамината? Естественно, что такое промежуточное значение может возникать не у всех глаголов, а только у тех, которые имеют общефактическое результативное (о классах таких глаголов см. [Гловинская 1982: 124 и сл.], см. также соответствующий раздел в данной книге) и актуально-длительное. Но и из таких глаголов не все допускают данный смысловой контаминат. Ср. *Он только что засыпал (делал уроки):* замена формой СВ *заснул (сделал)* невозможна. Пожалуй, легче всего подобный контаминат возникает у глаголов речи.

Весьма благоприятным условием для возникновения данного контамината является контекст наречий *только что, минуту назад, сейчас только* и подобных. Рассмотрим их подробнее. Они отличаются по смыслу от классических точечных обстоятельств типа *в пять часов* или *когда я вошел, он читал,* задающих определенный момент наблюдения, в который действие имеет место (действие синхронно точке отсчета). Обстоятельства *только что, только сейчас, минуту назад* означают следующее: '(1) в какой-то момент, предшествующий моменту речи и очень близкий к нему, действие имело место; (2) в момент речи действие не имеет места или говорящему не известно, имеет ли оно место или прекратилось'. Момент, в который действие имело место, представлен в этих обстоятельствах не таким, каким он характеризуется точечными обстоятельствами. Он не так точно фиксирован, как в этих последних. Но это и не любой неопределенный момент; уместнее всего его назвать п р и б л и з и т е л ь н ы м моментом.

Итак, первый из компонентов толкования задает момент наблюдения («синхронную» точку отсчета). Этим он согласуется с актуально-длительным осмыслением глагола и противоречит общефактическому осмыслению, хотя и не так строго, как истинно точечные обстоятельства. Второй компонент вводит представление о дискретности (а именно оно является семантической основой общефактического), т. е. «ретроспективную» точку отсчета[3], и это согласуется с общефактическим осмыслением глагола (ср. с выписанным выше контаминатом).

Как видим, и подобные наречия, и сам контаминат содержат в себе одновременно два момента наблюдения, две точки отсчета — синхронную и ретроспективную, что и приводит к диффузному значению.

Контаминация общефактического результативного и процессного

Один раз стащили мебель с третьего этажа, но машина не пришла. Затащили обратно. Потом опять с т а с к и в а л и (Из письма). Сходство с общефактическим результативным у этого глагола может быть подтверждено возможностью замены его на форму СВ (*стащили*). Но действие предстает как имеющее длительность. Фаза может быть расширена и за счет обстоятельства длительности (*долго стаскивали*), и за счет обстоятельства образа действия (*с трудом стаскивали*). И то, и другое невозможно при общефактическом, но характерно для процессного. В данном случае обозначается действие, кото-

[3] Термин «ретроспективный» применительно к рейхенбаховской точке отсчета в случае общефактического и СВ предложен в [Падучева 1986: 415]. Сам факт предшествования действия точке отсчета при общефактическом значении отмечен в [Scheljakin, Schlegel 1970: 67-143; Томмола 1986: 32]. См. также [Гловинская 1982: 126-128].

рое протекало в течение какого-то времени и завершилось результатом до момента речи.

Два рассмотренных контамината встречаются не в любых типах речи. Вряд ли они допустимы в научном или официально-деловом типе речи. В связи с тем, что время речи является в данном случае важной точкой отсчета, ориентированы они в основном на диалог.

3.3. Особый тип диффузности

В связи с обсуждавшимися понятиями синкретизма и контаминации рассмотрим один случай, казалось бы, близкий к ним, но, тем не менее, не относящийся ни к тому, ни к другому типу.

Речь идет о предикатах с довольно сложным значением, в основе которого лежат смыслы 'быть', 'существовать', 'иметь', с одной стороны, и 'узнать' — с другой. Это глаголы типа *выражаться в том, что...; ограничиваться тем, что...; оказываться, что...; подтверждаться; получаться, что...; сводиться к...* и т. д.

Приведем примеры: *Этот факт обнажает* (*обнажил*) *глубокое неблагополучие в системе школьного обучения; Более отдаленным подтекстом лермонтовского стихотворения оказывается* (*оказался*) *«Гогенлинден»; Тем самым подтверждается* (*подтвердилась*) *истина, что все вещи несовершенны; Программа кембриджцев сводится* (*свелась*) *в сущности к двум тезисам; Тогда, видимо, снимается* (*снимется*) *основное расхождение с другими сторонниками прибыли.* Прежде всего обращает на себя внимание глубокое сходство значений СВ и НСВ у этих глаголов. Истолкуем вначале формы СВ.

Более отдаленным подтекстом лермонтовского стихотворения оказался «Гогенлинден» = '(1) «Гогенлинден» является подтекстом стихотворения; (2) говорящий начал это знать и знает; (3) эта информация была неожиданной для говорящего'.

Тем самым подтвердилась истина, что все вещи несовершенны ='(1) существует истина, что все вещи несовершенны; (2) нечто сообщило ей новую силу в сознании говорящего (=начала иметь новую силу и имеет ее)'.

Программа кембриджцев свелась в сущности к двум тезисам = '(1) программа кембриджцев существует в некоторой форме; (2) после каких-то манипуляций (например, обобщение, упрощение) ее можно представить в виде двух тезисов (= начала быть равна двум тезисам)'.

Этот факт обнажил глубокое неблагополучие в системе школьного обучения = '(1) Имеет место глубокое неблагополучие...; (2) некоторый факт, связанный с (1), явился причиной того, что говорящий начал знать о неблагополучии'.

Первый компонент подобных толкований — пресуппозиция, в которой постулируется существование какой-то ситуации. Второй компонент включает в себя указание на начало или конец существования

некоторого события, связанного с этой ситуацией, в сознании говорящего. Грубо говоря, он отражает тот факт, что говорящий что-то узнал.

Толкование СВ прошедшего полностью входит в значение НСВ настоящего. Ведь и в тех случаях, когда используется форма настоящего времени, речь в сущности идет о прошлом факте. *Подтверждается истина* значит, что она уже подтвердилась, а не подтверждается в момент речи. Вместе с тем, использование этой формы вносит ощущение какой-то ориентации говорящего на момент речи. Мы предлагаем для формы НСВ настоящего добавочный сравнительно с СВ компонент 'говорящий хочет, чтобы слушающий представил себе, что он узнает это одновременно с говорящим в момент речи'. В целом оно выглядит следующим образом: *Тогда, видимо, снимается основное расхождение с... другими сторонниками прибыли* = '(1) существует расхождение; (2) говорящий узнал некую информацию, которая означает, что расхождение перестало существовать; (3) говорящий хочет, чтобы слушающий представил себе, что он узнает это одновременно с говорящим в момент речи'.

Наличие модальной рамки и вхождение в нее смысла 'в момент речи' подтверждается несочетаемостью этих форм с обстоятельствами «прошедшего времени»: нельзя сказать **Недавно подтверждается истина,* хотя можно *Теперь подтверждается истина...* Следовательно, в толковании НСВ должен быть компонент, противоречащий обстоятельству «прошедшего времени». В ассерции такого компонента нет, следовательно, он должен быть в составе модальной рамки[4].

Итак, ассерция толкования НСВ настоящего включает в себя «точечное» значение СВ. Модальная же рамка представляет узнавание как псевдопроцесс в момент речи (мы говорим о псевдопроцессе, т. к. все эти глаголы относятся к классу моментальных и не могут иметь актуально-длительного значения). Соединение в одном толковании точечного значения СВ и процессного НСВ не приводит, тем не менее, к синкретизму, т. к. эти элементы относятся к разным слоям смысла — один к ассерции, другой — к модальной рамке.

4. Ситуативно обусловленные модальные добавки

Перейдем к обсуждению ситуативно обусловленных модальных добавок к некоторым каноническим значениям.

[4] Если языковой элемент противоречит модальной рамке, это приводит к языковой неправильности [Апресян 1978: 144-145].

4.1. Модальные добавки к узуальному значению СВ и НСВ

1. Воображаемая последовательность действий как образец для подражания (прошедшее СВ). Приведем пример. *Что ты все в форме ходишь? П р и ш л а , с н я л а , п о в е с и л а в шкаф //* (из записей РР).

В этой фразе глагольные формы обозначают некую воображаемую последовательность действий, которую говорящий хотел бы видеть в действительности в качестве повторяющейся, типичной, обычной. Последовательность действий представлена как образец, как наглядный пример для подражания, повторения. Говорящий побуждает адресата поступать таким образом. Примеры: *Обедайте ребята, — кричали повара, — сдавайте эту валюту! Чего вам зря здесь сидеть? Охота была эту баланду хлебать. П о е х а л домой, в ы п и л как следует, з а к у с и л ; хорошо!* (М. Булгаков); *...времени у тебя сейчас больше свободного. Вы с Леной вдвоем. В любое время с е л а передохнуть и ч е р к н у л а мне хоть пару слов* (из письма).

2. Вмененное в обязанность и выполняемое обычно действие (будущее СВ). Пример: *Я его сама от всего освободила. Картошку п р и н е с е т , и все!* (Т. Колецкая). Толкование: 'должен сделать и обычно делает'.

3. Необходимое или вынужденное действие ('приходится так делать' — формы СВ будущего и НСВ настоящего с обобщенно-личным значением). Примеры: *На самом деле, с Эльдаром работать интересно — тут и п о с п о р и ш ь , и п о с с о р и ш ь с я , и п о к р и ч и ш ь* (интервью с композитором в «Советском экране»); *Она и в воскресенье не отдыхает, а руководит экскурсиями по Эрмитажу... Много верст и с х о д и ш ь по огромным залам, и все время надо удерживать внимание разношерстных слушателей* (Н. Ильина, из письма бабушки); *У л ы б а е ш ь с я каждому / только бы не выгнали //.*

Необходимость выполнять какое-то действие может в зависимости от ситуации оцениваться говорящим по-разному. В первом примере она оценивается положительно, во втором скорее отрицательно, во всяком случае, подчеркивается, что необходимость выполнения действия не зависит от желания говорящего.

Сходное значение могут выражать и формы императива СВ и НСВ. Пример: *Можно и так. С единственным условием: не попадайся. Увольняются рабочие — д е р ж и любой ценой. П о д п и с ы в а й наряд на выполнение завышенных объемом работ... Нужного диаметра трубы в ы м е н и в а й на шифер, шифер з а м е н я й рубероидом* (В. Франюк).

Формы императива НСВ могут здесь быть заменены формами СВ. Значение императива в данном случае — не побуждение, не совет, не инструктаж. Из общего контекста ясно, что говорящий с осуждением

рассказывает о типичных событиях, о необходимости поступать именно таким образом.

4. Условное действие, относительно которого говорящий уверен, что если оно будет происходить, то именно указанным образом (НСВ настоящее, СВ и НСВ будущее). Примеры: *Я так и не смогла ни разу заставить себя рассказывать. Да и какой смысл? Б у д е ш ь долго и подробно о б ъ я с н я т ь кому-то о себе, а потом, когда напишут, все равно п р и д е т с я ч и т а т ь что-то не то и не так о тебе написанное и и с п р а в л я т ь* (Р. Зеленая); *...все вот эти проекты / как бы они остроумны ни были / они упираются в одно / нужно сверлить / долбить стены всего вот этого громоздкого комплекса здания многоэтажного // И когда вы д о л б и т е все это / когда вы п р о д а л б л и в а е т е штукатурки с росписями / штукатурки с рельефами / ну / вы у н и ч т о ж а е т е тем самым значительную часть* (выступление реставратора в Эрмитаже).

Реально не предполагается совершать действие, названное формой будущего НСВ и СВ в первом примере. Не совершается в момент речи и действие, названное формой настоящего НСВ во втором примере. Это — действия воображаемые, но при этом не конкретные единичные действия, а типичные.

5. Действие, связанное с представлением о норме и оценке (узуальный НСВ). Сравним два примера: *Он безобразно со мной говорил. Так н е г о в о р я т с людьми* и *Так по-русски н е г о в о р я т.*

В первом случае не говорят, потому что нельзя, во втором — потому что неправильно. Первая оценка касается этической нормы, вторая — утилитарной нормы, причем обе отрицательные.

Прежде чем более подробно рассмотреть, за счет каких элементов контекста возникает данное различие, отметим, что ситуативно обусловленная прагматика узуального НСВ может быть весьма разнообразной с содержательной стороны, а сама оценка ситуации может быть как положительной, так и отрицательной. Ср.: *Такие дрова р у б я т именно колуном* (утилитарная норма, оценка положительная); *В таком платье на работу н е х о д я т* (эстетическая норма, оценка отрицательная); *Как мы детей воспитываем? С о о б щ а е м им, что принято, а что нет* (этическая норма, оценка возможна и положительная, и отрицательная, в зависимости от взглядов говорящего на воспитание).

Во всех этих случаях представление о норме и оценке возникает на базе узуального НСВ. В первых двух примерах можно отметить интересную роль анафорических указательных местоимений *так* в формировании разной прагматики. В высказывании *Так не говорят с людьми* местоимение *так* является отсылкой к слову — обстоятельству образа действия *безобразно*. В высказывании *Так по-русски не говорят* мы

сталкиваемся с другим *так* — метатекстовым. Метатекстовое *так* отсылает не к содержанию текстовой единицы, как первое *так*, а к ее форме, т. е. к тому, как она построена (в данном случае неправильно с точки зрения русского языка). *Так* метатекстовое употребляется только при глаголах речи, хотя и не любых.

Итак, в первых двух примерах прагматическая добавка, связанная с представлением о какой-то норме, формируется с помощью узуального НСВ, а более дифференцированная прагматическая характеристика оценки (хорошо — плохо, правильно — неправильно) вносится разными *так*.

4.2. Ситуативно обусловленная оценка, выражаемая удвоением глагольной формы

Об удвоенной форме глагола писали А. А. Шахматов, В. В. Виноградов, Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко. Шахматов называл это «усилительным подвидом». В. В. Виноградов относил такие случаи «скорее к области стилистических форм речи, к области экспрессивной фразеологии и синтаксиса» [Виноградов 1947: 526].

Удвоенные формы «усиливают» значение либо длительности действия, либо его многократности. Приведем примеры.

Длительность: *Завод строится и строится* (заголовок в газете); *Если спросить, какое мое главное тогда было чувство, то я назвал бы — удивление! Я удивлялся и удивлялся* (Вс. Иванов); *Деревенские бабы, дети выходили из земли со страшными, скорбными, изможденными лицами, шли, шли, искали его беззлобными, печальными глазами* (В. Гроссман); *И кто его только выдумал, тот футбол проклятый! Бьют и бьют от зари до зари* (К. Паустовский); *А он идет и идет.*

Многократность: *Так весь свой век... чемодан то укладывает, то раскладывает. Ездит и ездит, бог с ним совсем* (К. Паустовский); *Бегаешь и бегаешь по цехам //. Он убивает и убивает //. Печатали печатали / а теперь что-то не слышно о нем //* (из записей РР).

Возможно совмещение обоих значений: *Кто там? ...Приглушенный голос за дверью взмолился: — Звонишь, звонишь... Тальберг-Турбина тут? Телеграмма ей...* (М. Булгаков).

В сущности, удвоение форм является Magn'ом по параметрам длительности или многократности; о функции Magn см. [Мельчук 1974: 89-90]. Оценивая действие как имеющее высокую степень по этим параметрам, как превышающее норму, говорящий обязательно оценивает его и с точки зрения желательности-нежелательности. Выбор положительной или отрицательной оценки ситуационно обусловлен.

Удвоение формы 1 лица настоящего времени может использоваться и в других целях — как ответная реплика на побуждение со стороны собеседника к действию. Обозначается в этом случае либо готовность говорящего к сиюминутному действию (*Иду, иду. Бегу, бегу*),

к которому его побуждает собеседник, либо уже протекающее действие (— *Когда ты яйцо будешь варить? — Варю, варю. — Ты пишешь письмо? — Пишу, пишу*). Сам факт удвоения в этом случае является сигналом того, что в предшествующей реплике собеседника выражалось побуждение — эксплицитно или имплицитно. При этом обычно в ответе используется тот же глагол, что и в побудительном высказывании. На обычный вопрос *Что ты делаешь?* нельзя ответить удвоенной формой (**Варю, варю*). Но это становится возможным, когда в подтексте этого вопроса содержится желание спрашивающего, чтобы отвечающий занимался каким-то определенным действием. Если об этом желании известно отвечающему, он может употребить в ответе удвоенную форму соответствующего глагола: *Что ты делаешь? Пишу, пишу, успокойся.*

Возможно удвоение и формы повелительного наклонения НСВ. Оно означает, что говорящий побуждает адресата продолжать действие, которое тот прервал или собирается прервать. Например: *Сиди, сиди, куда ты пойдешь, слышишь, как бьет. Подождут они там моего донесения, а ты лучше чайничек вскипяти* (В. Гроссман).

Реже это может означать побуждение начать действие, которое, как известно говорящему, адресат собирается совершить: *Помогая Штруму снять пальто, старуха Наталья Ивановна сказала: — Иди, иди, ждет тебя* (В. Гроссман).

Удвоенная форма императива может быть использована только в диалоге как ответная реакция — на этот раз на намерение адресата (пусть непосредственно и не высказанной, но известное говорящему) прервать или, наоборот, начать действие. Ее не употребляют при первичном побуждении к неожиданному действию: **О чем я хочу тебя попросить — купи, купи хлеба.*

ВИДОВОЙ ИНВАРИАНТ КАК ФИКЦИЯ И КАК РЕАЛЬНОСТЬ

(НА МАТЕРИАЛЕ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ)*

Данная статья состоит из трех частей. В первой части предлагается определение инварианта и рассматриваются те положения лингвистической теории, которые могут быть полезны при решении вопроса об инварианте вообще. Во второй части дается анализ признаков, традиционно предлагавшихся на роль инварианта. В третьей части рассматриваются три кандидата на роль инварианта СВ, выдвинутые в последние десятилетия, уже в «посттрадиционный» период — 'начаться', 'измениться' и понятие предела в новом, широком смысле слова (т. н. относительный предел).

Проблема инварианта продолжает волновать лингвистов, и не только в связи с видом, но и в связи со всеми грамматическими категориями — числом, падежом и т. д. И это понятно, поскольку наличие инварианта делает наглядным «разумное» устройство языка и, кроме того, позволяет легко увидеть его системную организацию, существующие оппозиции, выведение частного из общего. Я уже не говорю о практических удобствах для преподавания языка как иностранного, когда можно сослаться на общее значение какой-то категории.

Прежде чем перейти к существу дела, уточним, что мы подразумеваем под инвариантом. Под инвариантом будем подразумевать тот компонент в значении (и, следовательно, толковании) языковой единицы, который присутствует в любом ее употреблении либо в своем изначальном (прототипическом) виде, либо в виде другого компонента, полученного из прототипического в определенных условиях по каким-то общим правилам.

При поиске инварианта практически для всех языковых категорий и понятий мы сталкиваемся с очень серьезными затруднениями. Поэтому назовем те лингвистические положения, которые, на наш взгляд, могут быть плодотворными при решении вопроса об инварианте вообще.

Прежде всего, это тезис о необходимости различать центр и периферию, который был введен еще в работах Пражского лингвистического кружка. За истекшие годы было обнаружено, что буквально каждое языковое явление, каждая языковая категория и каждое лингвистическое понятие каким-то образом должны различать центр и периферию. Оказалось, что почти все языковые понятия, которые бы-

---

* Опубликовано в сб. «Типология вида. Проблемы, поиски, решения» под названием «Инвариант совершенного вида в русском языке» (отв. ред. М. Ю. Черткова), М., 1998, с. 125-134.

ли введены в традиционной грамматике, ориентированы на центр, на классические, типовые, канонические случаи и не охватывают периферийных случаев (это касается таких категориальных понятий, как число, падеж, вид, таких научных понятий, как согласование или управление).

Это можно показать на целом ряде примеров, например, числа. Обычно оппозиция единственного/множественного числа описывается как различение смыслов 'один'/'больше одного'. Ради этого различения, можно сказать, и возникла категория числа. Вместе с тем, как хорошо известно, и форма единственного числа, и форма множественного числа могут иметь и не свое собственное значение, а как бы значение противоположного числа. Ср. известный пример *Советники водрузили на нос очки* (из статьи А. А. Зализняка и Е. В. Падучевой), где существительное *нос* имеет форму ЕД, хотя подразумевается более чем один нос. Ср. также «обратный» пример на т.н. «МН гиперболическое»: *Кто здесь кошельки разбрасывает?* — форма МН, хотя речь идет об одном кошельке, лежащем не на месте, и т. д.

Другим примером ориентировки традиционного понятия только на типичные, классические случаи является понятие согласования. Согласование обычно рассматривается в грамматике как вид подчинительной связи, при которой зависимое слово уподобляется главному в одноименных грамматических категориях. Типичный пример согласования — зависимость прилагательного от существительного: зависимое прилагательное должно уподобляться главному — существительному — в роде, числе и падеже (*деревянный стол*). В подавляющем большинстве случаев так и бывает. Между тем, существуют периферийные факты, когда согласование имеет частичный характер. В конструкции *два деревянных стола* прилагательное *деревянный* согласуется с существительным *стол* только в падеже и не согласуется в числе: прилагательное имеет форму МН, а существительное — форму ЕД (пример из [Иомдин 1990]). Тем самым процитированное определение согласования к данному примеру не подходит.

В подобных случаях, когда грамматическая дефиниция ориентирована только на типичные явления, но не охватывает периферийных, возможны два выхода. Либо надо построить более общее определение, чтобы можно было «натянуть» его не только на классические, но и на периферийные случаи; в частности, возможно преобразование канонического определения в определенных условиях по определенным правилам для описания особых случаев (в нашем случае это будет соответствовать ситуации инварианта). Либо необходимо построить независимые определения для канонического и для периферийных случаев (и это будет соответствовать ситуации, когда инварианта нет, а есть несколько вариантов).

Второй лингвистический результат, имеющий непосредственное отношение к данному вопросу, связан с аспектологическими разработками, оказавшимися в последнее время в центре внимания лингвистов. Прежде всего — это классификации глаголов (и классические — Ю. С. Маслова и З. Вендлера, и более поздние, построенные на их основе), а также более детальное (всестороннее) описание отдельных групп глаголов (например, работы, посвященные «моментальным» глаголам, перформативам, таксономическим классам глаголов и др.). Много внимания уделялось и частным видовым и видо-временным значениям, без детального описания которых невозможно ответить на вопрос об инварианте.

Наконец, важную роль играет то, что лексическая семантика вооружила грамматическую семантику представлением о значении как о сложной структуре с неоднородными частями: пресуппозициями и ассерцией, модальной рамкой, обязательными и факультативными элементами.

Обратимся теперь непосредственно к проблеме инварианта СВ.

Для описания инварианта СВ предлагалось сравнительно много признаков, которые можно условно разбить на две группы. Первая группа признаков — «законченность», «предельность» и «результативность» — фиксирует внимание на одном моменте в действии, на одной временно́й точке. Так, «законченность» оперирует понятием конца, «предельность» — понятием предела. В сущности, имеется в виду одно и то же, но второе понятие формулируется более эксплицитно. Как известно, предел обозначает такую точку, по достижении которой действие должно исчерпать себя и прекратиться. Признак «результативность», вводящий понятие результата, тоже обращается к той же точке, поскольку она одновременно является моментом возникновения результата. Последняя теория смотрит на данный момент с точки зрения того положения дел, которое является следствием действия, а первые две — с точки зрения фазы, предшествующей возникновению результата.

Необходимо подчеркнуть, что эти признаки на самом деле характеризуют не видовое значение СВ, а задают лексический класс глаголов, а именно, предельные глаголы. Предельные глаголы — это и есть то ядро, тот центр видового противопоставления, на которое ориентированы классические описания видового значения. Это значение является лексическим, поскольку понятие предела присутствует у предельных глаголов в толковании и СВ, и НСВ. Глаголы НСВ обозначают какое-то продвижение к этому пределу, по-разному в разных группах: либо постепенное накопление результата (*Небо светлеет*), либо временно́е приближение к нему (*Год заканчивается*), либо действие с целью достичь этой точки (*Ученик решает задачу*).

Два других признака — «точечность» и «целостность» — привлекают внимание не к какому-то одному моменту действия, а к фазовому характеру действия. Признак «точечности» выделяет два фазовых момента — начало и конец действия, которые, по мнению авторов этой теории, совпадают у глаголов СВ. «Целостность» говорит о существовании «начала, середины и конца, которые существуют совокупно» [Размусен 1891: 379]. Эти формулировки имеют более абстрактный, грамматический характер.

Однако равно как те, так и другие обычно опровергаются с помощью ряда примеров периферийного характера, показывающих, что ни один из этих признаков инвариантом не является. Для предельности опровергающим материалом служат, в частности, непредельные глаголы типа *увеличиваться*, которые в форме СВ обозначают действие, которое может продолжаться, для законченности — непарные глаголы начинательного способа действия типа *забе́гать*, которые обозначают моментальное начало действия, без предшествующей фазы, которая могла бы считаться «законченной» в момент начала действия. Что касается результативности, то этот признак нагляден только для определенного класса глаголов. Обычно на результат указывают такие глаголы, у которых в форме СВ ясно выражен перфективный элемент, и когда в языке имеется специальное слово для обозначения этого положения вещей. Тогда на результат можно, грубо говоря, показать пальцем: *сел* — следовательно, *сидит* (результатом является новое положение в пространстве), *заснул* — следовательно, *спит* (результат — новое состояние). Есть, однако, глаголы, для которых труднее сказать, в чем состоит результат, например, *Он прочел книгу* (результатом является, по-видимому, то, что теперь он знает, представляет или понимает содержание книги). Однако специального глагола для обозначения этого положения дел в русском языке нет, да и само существование результата более эфемерно, чем в предшествующих случаях: ср. нормальность *прочел, но ничего не понял* (*не помнит*) при невозможности **сел, но не сидит* или **заснул, но не спит*. Особенно трудно сказать, в чем состоит результат в случаях, когда форма СВ совсем не содержит перфективного элемента, как, например, при ограничительном способе действия (*Он поспал два часа*). Результатом является существование самого сна в течение двух часов, но это недостаточно наглядно.

Что же касается признаков, которые приближают нас к более абстрактному представлению о сути вида, то они тоже задают только определенные классы глаголов. «Точечность» (начало и конец действия совпадают) задает узкий класс мгновенно-моментальных глаголов типа *вспыхивать*, которые представляют действие как имеющее одновременно начало и конец. Другие глаголы СВ хорошо согласуются с идеей временно́й протяженности. Об этом говорит сочетае-

мость многих из них с наречиями типа *постепенно, медленно* (*постепенно прочел все книги, медленно подошел к окну*), показывающая, что начало действия может мыслиться как отстоящее от конца на большое временно́е расстояние.

Признак «целостность», вопреки распространенной иллюзии, тоже не охватывает всех глаголов; таковы, например, глаголы начинательного способа действия типа *забе́гать* 'начать бегать', *засуетиться* 'начать суетиться', указывающие на мгновенное начало действия и не содержащие представления о его середине и конце. О начинательных глаголах обычно говорится, что у них как одно целое представлен «приступ к действию», другими словами, целостность относится к начальной фазе действия (см. об этом, например, в [Авилова 1976; Крекич 1989; Бондарко 1990; Барентсен 1995]). Некоторые начинательные глаголы содержат указание на такую начальную фазу (ср. *постепенно зацвести <заснуть>*). Однако *забе́гать* и *засуетиться* представляют действие как начинающееся моментально, без какой бы то ни было начальной фазы (ср. невозможность **постепенно забегал <засуетился>*), поэтому они не имеют в своем значении того компонента, к которому могло бы быть применено понятие целостности.

Таким образом, относительно традиционных признаков для описания СВ можно сделать два следующих вывода: 1) они ориентированы только на типичные, яркие случаи (предельные глаголы) и не охватывают маргинальных, периферийных случаев. Исключение составляет «точечность», которая, в отличие от остальных, не покрывает как раз наиболее типичные случаи; 2) они ухватывают слишком большой кусок смысла, куда входит и лексическое, и грамматическое значения.

Чтобы можно было вычленить меньший кусок смысла и отделить грамматическое значение от лексического, необходимо располагать более тонким семантическим инструментом, чем признаки. Таким инструментом является стандартное толкование на метаязыке. Если толковать на стандартном метаязыке обе видовые формы глаголов, притом всех глаголов данного вида, притом для каждого видового и видо-временного значения отдельно, то компонент, общий для всех употреблений данного вида, будет инвариантом данного вида.

Для главного значения СВ в качестве инварианта на языке толкований предлагался элемент 'начать(ся)' [Wierzbicka 1967; Гловинская 1982], который в семантических работах толкуется следующим образом: '(1) в какой-то момент Р не существует; (2) в один из последующих моментов Р существует'.

Этот элемент в качестве инварианта СВ у некоторых лингвистов вызывал возражения, т. к. ошибочно отождествлялся с понятием начинательности (см., например, [Падучева 1996: 153]). Между тем, метаязыковое 'начать(ся)', хотя и очень близкое русскому слову *начать(ся)*, отличается от него, в частности, тем, что русское *начать(ся)*,

действительно, фиксирует внимание на начальной фазе всякого действия, в то время как метаязыковое 'начаться' может относиться к любой его фазе. Ср. *заснуть* 'начать спать' — начальная фаза; *продолжить Р* 'начать Р вновь после перерыва' [Апресян 1974] — продолжение; *перестать Р* 'начать не делать *Р*' [Щеглов 1964], *кончить Р* 'перестать делать Р в момент, когда Р начало существовать' — конечная фаза. В последнем случае элемент 'начать(ся)' встречается в толковании дважды. Как видим, он входит в толкование различных фазовых глаголов. В толковании же предельных глаголов — ядра видовой системы — этот элемент обычно встречается трижды: в инцептивном компоненте и дважды в составе элемента 'кончить' (*сделать новую крышу* — 'начать делать крышу, делать и начать не делать в момент, когда крыша начала существовать полностью').

Присутствие элемента 'начать(ся)' не всегда осознается интуитивно, особенно если он не стоит в вершине толкования. Например, в [Падучева 1996: 153] глаголы *сохранить, сберечь, сдержать* (*слово*), *выдержать* (*нагрузку*) приводятся как не содержащие данного компонента. На самом же деле они не могут быть истолкованы без его участия; однако в их толковании 'начать(ся)' либо появляется не на первой ступени семантического разложения, либо попадает в подчиненную пропозицию, либо прикрыт отрицанием и поэтому на первый взгляд не очевиден: ср. *сохранить* (*тайну*) = 'вести себя так, что тайна не начала быть известной', *сберечь* (*сокровище*) = 'приложив усилия, в результате продолжать иметь сокровище' (т. е. 'не начать не иметь'), *сдержать* (*слово*) = 'сделать то, что обещал' = 'сделать так, что начало существовать то, что обещал ', *выдержать* (*нагрузку*) = 'несмотря на нагрузку, продолжать быть в норме' (т. е. не начать быть не в норме) и т. д.

Можно с уверенностью утверждать, что не существует глаголов СВ, которые не включали бы в свое толкование элемента 'начать'. Он имеет весьма общее, абстрактное значение.

Рассмотрим еще два кандидата на роль инварианта СВ, получившие распространение в последнее время, — семантический элемент 'изменение' и признак «предельность» в новом, расширенном понимании.

Понятие изменения было предложено в работе [Antinucci, Gebert 1977: 19]. В этой работе компонент 'изменение' толкуется как 'состояние, которое не существует, а позднее существует' или, другими словами, 'переход этого состояния от несуществования к существованию'. Нетрудно заметить полное совпадение данного толкования с вышеприведенным толкованием элемента 'начать(ся)'. Естественно, возникает вопрос: какому же элементу оно соответствует — 'начать(ся)' или 'измениться'? И вообще, не все ли равно, каким метаязыковым элементом его обозначить?

На первый взгляд 'измениться' кажется более приемлемым в качестве универсального семантического свойства СВ, чем 'начать(ся)', в силу большей возможности быть интуитивно осознанным в значении формы СВ. Однако бóльшая наглядность элемента 'измениться' связана с тем, что он семантически богаче, чем 'начаться'. Он сам толкуется через 'начать(ся)'.

Действительно, измениться может только то, что уже существует; 'измениться' значит 'начать быть другим'. Будучи семантически более богатым, 'измениться' не охватывает всех глаголов СВ. С помощью 'изменить(ся)' можно описать ситуации типа *побледнеть* (изменилось свойство — интенсивность цвета объекта); *заснуть* (изменилось состояние объекта — раньше бодрствовал, теперь спит), *сесть* (изменилось положение в пространстве — сначала занимал одно положение, например, стоял или лежал, теперь — сидит) и под.

Имеются, однако, классы глаголов, которые не описывают изменение. Таковы, например, фазовые — начинательные и финитные глаголы. *Дождь начался* или *Дождь прекратился* не значит, что дождь изменился, а значит, что дождь начал иметь место ('начал существовать') или перестал иметь место ('перестал существовать'). Не описывают изменение также те каузативы, которые обозначают действие, создающее некоторый новый объект, например, *связать шапочку*. *Связать шапочку* не значит, что шапочка изменилась, это значит, что шапочка начала существовать. 'Начать существовать' нельзя представить через элемент 'измениться'. Существует целый ряд и других глаголов, не описывающих изменение.

На это обычно приводится возражение, что у глаголов создания итогом является новое состояние мира (см., например, [Падучева 1996: 88]): другими словами, мир без шапочки — это один мир, а мир с шапочкой — другой, изменившийся. В общелогическом смысле это, конечно, верно, но по отношению к языку — весьма сомнительно. Конкретный глагол описывает только некоторую определенную ситуацию, а не фиксирует состояние мира вообще, и толковать его мы можем только с точки зрения этой ситуации, а не мира в целом. Говоря *Она связала шапочку,* мы делаем утверждение только о шапочке, а не о мире. Представление о мире не только не может входить в толкование соответствующего глагола, оно не является даже прагматической импликатурой, возникающей при использовании такой формы у всех носителей языка, это — чисто логический вывод (который делают лингвисты для обоснования своего словоупотребления).

Понятие «предела в самом широком смысле слова», в отличие от традиционного «внутреннего предела» (см. выше) было предложено А. В. Бондарко, см., например, [Бондарко 1986]. Под ним подразумевается указание на некую временну́ю границу действия. О том, что характерная особенность видовой корреляции состоит в указании гра-

ницы действия, писали также ранее Р. Якобсон и А. Богуславский [Якобсон 1985: 146; Bogusławski 1972]. Если эксплицировать понятие границы, то окажется, что в своем основном, пространственном значении *граница* — это точка или линия, где одно пространство кончается, а другое начинается. Понятие временно́й границы является метафорой по отношению к этому основному значению. Оно содержит указание на момент времени, когда кончается одна ситуация и начинает существовать другая ситуация, например, граница между весной и летом, днем и ночью и т. д. Элемент 'начать(ся)' тем самым входит в понятие 'граница', однако, как видим, 'граница' имеет более богатый смысл, чем 'начать(ся)', т. к. указывает на две самостоятельные сущности, которые она разделяет (в какой-то момент кончилось Р, в следующий момент началось P_1). Между тем форма СВ ориентирована только на одну ситуацию — P_1, на возникновение которой она указывает и ничего не сообщает о предшествующей ей ситуации, кроме того, что это было не P_1. Употребление термина «граница» по отношению к СВ тем самым приводит к двойному смещению — во-первых, используется слово русского языка в своем метафорическом значении, во-вторых, оно используется не совсем так, как в языке, поскольку должно соответствовать только такому случаю, когда Р — это не конкретная самостоятельная ситуация, а только отсутствие P_1. Именно эта последняя ситуация и эксплицируется с помощью толкования 'начаться'. Таким образом, понятие границы (т. е. предела в широком смысле слова) является неточной метафорой, но не инвариантом СВ в строгом смысле слова.

Подытоживая различные предложения для инварианта СВ, можно отметить, особенно для последних трех подходов, понятийное тождество или близость при различии формулировок. При этом показательно, что при назывании инварианта предпочтение неизменно отдается более богатым семантически словам, чем то понятие, которое требуется обозначить с их помощью. Повидимому, это естественно, т. к. связано с тем, что осознать и вычленить интуитивно такой маленький элемент в тех случаях, когда он не находится в вершине толкования, невозможно. Его можно продемонстрировать только с помощью семантического разложения — толкования глагольной формы СВ. Более богатый семантически элемент легче и осознать самому и дать почувствовать другому. Однако при этом теряется универсальность, которой должен обладать инвариант. Признанию же 'начать', как уже говорилось, мешает неправильное отождествление его с начинательностью.

Коснемся еще одного вопроса, связанного с инвариантом, который по отношению к СВ никогда не ставится и не рассматривается, в отличие от НСВ. Вопрос состоит в следующем: входит ли элемент 'начать' во все частные значения СВ? Судя по всему, входит.

Наиболее простой случай — потенциальное значение 'субъект может выполнить действие': *Он поднимет любую тяжесть.* Это высказывание значит, что на основании какой-то информации (например, по виду человека) говорящий предполагает, что некто может выполнить какое-то действие. Легко видеть, что в толкование потенциального значения форма СВ входит на первом же шаге.

Несколько сложнее обстоит дело с узуальным значением, которое имеет две разновидности. Первая, выражаемая формой прошедшего времени, указывает на узуальное действие: *Придет такой усталый, сядет, сам снять сапоги не может.* Здесь повторяется не одно действие, а целый блок действий, их последовательность. Об этом говорит то, что форма в этом значении, в отличие от НСВ, может употребляться только в сочинительной конструкции, только при обозначении какой-то последовательности действий (ср. нормальность с НСВ *Он приходит очень усталый* и невозможность с СВ **Придет очень усталый* в узуальном значении). Таким образом, квантифицируется вся последовательность, а каждое действие в ней обозначается глаголом СВ.

Вторая разновидность узуального действия выражается формой будущего СВ и имеет значение свойства: *Вечно он меня перебьет; Обязательно она глупость ляпнет.* В значение свойства, во-первых, входит указание на то, что действие неоднократно происходило (вопрос о том, присутствует ли в этом компоненте форма СВ, нуждается в специальном изучении). Во-вторых, это значение включает потенциальный компонент 'говорящий на этом основании считает, что субъект может сделать это и впредь'. Сюда, как и в толкование потенциального значения, входит форма СВ.

Таким образом, можно думать, что главное значение СВ входит во все его частные значения, хотя семантика узуальности СВ еще нуждается в дополнительном изучении.

В заключение подчеркну, что в статье речь идет об инварианте, который может быть обнаружен только с помощью научной процедуры, связанной с построением толкования. Толкование является объектом, имеющим самостоятельную теоретическую ценность, поскольку именно на его основе можно объяснить взаимодействие видовой семантики и элементов контекста.

Если же говорить о практической стороне дела, например, о преподавании русского языка как иностранного, то предпочтительными представляются как раз более богатые понятия, например, 'измениться', хотя они и не охватывают всех без исключения случаев. Их легче воспринять интуитивно и научить воспринимать другого.

РУССКИЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ И ВИД ГЛАГОЛА*

В данной статье исследуется то влияние, которое категория вида оказывает на поведение глаголов, обозначающих речевые акты (РА), и которое представляет интерес именно с точки зрения теории РА. Предметом описания служат глаголы, являющиеся названиями РА в русском языке. Некоторые из них являются перформативами, т. е. сами используются при осуществлении РА (*клянусь, обещаю*), другие имеют лишь дескриптивную функцию (*расспрашивать, шутить*). Рассмотрим некоторые случаи такого влияния.

1. Иллокутивные и перлокутивные эффекты речевых действий в русском языке

Одним из наименее ясных понятий теории РА является понятие перлокуции. Перлокутивный акт, по Остину, отличается от иллокутивного тем, что он оказывает реальное воздействие на адресата и имеет реальный результат. Иллокутивный же акт имеет лишь конвенциональные последствия. Например, иллокутивным эффектом *Я обещаю* будет связанность говорящего его обещанием [Austin 1965: 120-163]. Перлокутивным эффектом этого высказывания, очевидно, будут те чувства, которые оно вызовет у адресата (радости, огорчения, уверенности и т. д.), либо те поступки, которые он совершит, услышав обещание. Поскольку характер реакции зависит, как писал в другой связи Л. Блумфилд, от всей истории жизни говорящего и слушающего [Блумфилд 1968: 37], очевидно, что перлокутивные эффекты являются весьма разнообразными и иногда неожиданными. Поэтому существует мнение, что сравнительно точно определяется лишь иллокутивная сила; что же касается перлокутивного эффекта, то из-за его обусловленности многими прагматическими факторами о нем можно говорить лишь предположительно [Хоанг Фе 1985: 402]. На этом, а также на некоторых других основаниях изучение перлокутивных актов иногда вообще не считается задачей лингвистики [Leech 1983: 203; 9, 12]. См. об этом также в [Богданов 1990: 38-41].

С другой стороны, в работах по теории РА приводятся примеры чисто языковых перлокуций. У Остина встречаем: *He persuaded me to shoot her* 'Он уговорил меня застрелить ее' [Austin 1965: 101]. З. Вендлер приводит примеры перлокутивных глаголов: *convince* 'убедить' и *deter* 'удержать' [Вендлер 1985: 240]. Такие глаголы обозначают реальный результат: если уговорил застрелить, значит, адресат либо застрелил,

* Опубликовано в сб. «Логический анализ языка. Модели действия». М., 1992: 123-130.

либо согласился это сделать. Но известны лишь единичные примеры перлокутивных глаголов (далее — перлокутивы). В работах по теории РА основное внимание уделяется иллокутивным глаголам (далее — иллокутивы). Возможно, это связано со спецификой английского языка.

В русском языке существует достаточно много перлокутивов. Эти глаголы обозначают речевой акт с реальным, достигнутым результатом, притом запланированным заранее. При этом граница между иллокутивами и перлокутивами проходит обычно внутри видовых пар: в форме НСВ (в нерезультативных значениях) глагол является иллокутивом, а в форме СВ — перлокутивом. Специфика таких пар обнаруживается, например, из сравнения *просить — попросить* и *упрашивать — упросить*. В первой паре обе формы обозначают речевое действие, имеющее целью сделать так, чтобы адресат выполнил или согласился выполнить то, чего хочет говорящий. Во второй паре форма НСВ *упрашивать* обозначает также подобное действие говорящего. *Упросить* же помимо указания на действие говорящего содержит и указание на реальный результат этого действия, т. е. на реакцию слушающего, состоящую в том, что он согласился выполнить или выполнил то, чего хотел говорящий. Поэтому можно сказать: *Он попросил меня выступить на вечере, но я отказался,* — и в то же время невозможно: **Он упросил меня выступить на вечере, но я отказался.*

Пары второго типа чаще всего можно встретить среди «просьб», «убеждений», «уговоров». Глаголы НСВ в этих парах обозначают иллокутивный акт, имеющий определенную перлокутивную цель. Перлокутивная цель может состоять в воздействии на чужую волю (большинство «просьб» и «уговоров»), на чужое сознание («объяснения», «убеждения», «уверения»), на чужое состояние (примеры: *запугивать — запугать, подбадривать — подбодрить, успокаивать — успокоить, утешать — утешить*), на чужие чувства (например, *умолять — умолить*). В отличие от глаголов НСВ глаголы СВ в перечисленных группах являются перлокутивными: они сообщают, что цель достигнута — воздействие на чужую волю, сознание, состояние оказано и получен искомый результат. Приведем примеры таких пар.

«Просьбы»: *вымаливать — вымолить, выклянчивать — выклянчить, выпрашивать — выпросить, выцыганивать — выцыганить, отпрашиваться — отпроситься, умолять — умолить, упрашивать — упросить*. В «просьбах» цель состоит в том, чтобы адресат сделал или согласился сделать то, что хочет говорящий. Все просьбы, перечисленные выше, в форме СВ имплицируют выполнение адресатом того, что хотел говорящий, либо его согласие выполнить это. Ср.: *На днях Краевский, услышав, что я без денег, упросил меня покорнейше взять у него пятьсот рублей взаймы* (Ф. Достоевский). Это высказывание означает, что в результате усиленной просьбы деньги взяты взаймы. *Он*

выпросил у товарища сигарету значит, что он настойчиво просил сигарету и товарищ дал ему ее. *Мальчик отпросился с урока* значит, что мальчик просил разрешения уйти с урока, получил это разрешение и, возможно, ушел.

«Убеждения» и «уговоры»: *агитировать — сагитировать, вербовать — завербовать, внушать — внушить, настаивать (на своем) — настоять, отговаривать — отговорить, подбадривать — подбодрить, подбивать — подбить, подговаривать — подговорить, подначивать — подначить, разубеждать — разубедить, убеждать — убедить, уговаривать — уговорить, уламывать — уломать, урезонивать — урезонить, успокаивать — успокоить, утешать — утешить.* Эти РА имеют следующую цель — сделать с помощью слов так, чтобы адресат начал думать, делать либо согласился делать то, что говорящий считает правильным. Форма СВ этих глаголов означает не только то, что говорящий произвел данный РА, но и то, что в результате адресат начал думать, делать либо согласился делать то, что считает правильным говорящий. Поэтому невозможно сказать: **Он отговорил меня ехать в Ленинград, но я все равно поехал.*

«Вопросы»: *выведывать — выведать, выпытывать — выпытать, выяснять — выяснить, дознаваться — дознаться, допытывать(ся) — допытать(ся), расспрашивать — расспросить, узнавать у... — узнать.* Целью «вопросов» является получение от адресата ответа. Формы СВ в подобных парах означают не только то, что вопрос был задан, но и то, что от адресата был получен ответ, притом во многих случаях содержащий информацию, интересующую спрашивающего. *Он выведал все у ребенка* значит, что на его вопросы ребенок дал ответы, содержащие нужные для него сведения.

«Уверения»: *уверять — уверить.* Цель «уверений» — сделать с помощью слов так, чтобы адресат поверил говорящему. *Уверил* означает, что эта цель достигнута и что адресат верит говорящему. Было бы невозможно сказать: **Он уверил меня, что женится, но я по-прежнему сомневаюсь в этом.*

«Объяснения»: *вдалбливать — вдолбить, втолковывать — втолковать.* Цель «объяснений» состоит в том, чтобы адресат понял нечто. Названные глаголы в форме СВ имплицируют понимание адресата, достигнутое в результате осуществления РА.

«Аппелятивы»: *вызывать — вызвать, подзывать — подозвать.* Эти глаголы обозначают побуждение адресата переместиться в то место, где находится говорящий. Формы СВ означают, что РА совершен и адресат переместился в указанное место. Из *Его вызвали на завод* следует, что он отправился на завод; из *Она подозвала меня к себе* следует, что я подошел к ней, и т. д.

Все пары, о которых шла речь выше, за исключением *вызывать — вызвать,* относятся к одному и тому же стандартному типу видового

семантического противопоставления 'действовать с целью' — 'цель реализована' (по классификации, данной в [Гловинская 1982: 89-91] и уточненной в [Гловинская 1986б: 154-160], где подробно рассмотрена структура толкования таких глаголов, см также наст. книгу). Как показано в [Апресян 1986: 64-65], толкование формы СВ в этих случаях полностью включает в себя толкование формы НСВ в качестве пресуппозиции. Толкование СВ имеет вид 'действовать с целью; цель реализована'.

Что касается пары *вызывать — вызвать*, то она отличается от подобных случаев тем, что форма НСВ не имеет актуально-длительного и процессного значений (невозможно **Он долго вызывал ее в Москву, но так и не вызвал*). Форма НСВ, как и СВ, может иметь результативное значение, притом перлокутивное. *Кто вызывал ее в Москву?* можно употребить в том случае, если она приехала или приезжала в Москву, т. е. если перлокутивный эффект вызовы имел место. В этом случае оба члена пары являются перлокутивами.

В связи с обсуждаемым вопросом интерес представляют еще две нестандартные пары, относящиеся к «предсказаниям»: *пророчить — напророчить* и *каркать — накаркать* (перлокутивами в них являются формы СВ), а также глагол *сглазить*. *Пророчить* означает 'говорить, что некоторое не очевидное для других положение вещей будет иметь место'. *Пророчить* можно и хорошее, и плохое: *Ей пророчили блестящую карьеру певицы; Ему пророчили поражение на выборах. Напророчить* — значит 'пророчить плохое и этим вызвать его к жизни'. Ср. у А. Ахматовой: *Я сказала, смеясь, напророчишь / Нам обоим, пожалуй, беду*. В таком же смысле употребляется глагол *накаркать*. *Накаркал* говорят в ситуации, когда человек предсказывал плохое (=*каркал*) и этим вызвал плохое к жизни. *Сглазить* в значении РА означает 'с уверенностью сказать, что будущее желательное для кого-то событие произойдет, этим как бы вспугнуть его, в результате хорошее событие не происходит'. Все эти глаголы отражают языковое представление о магической силе слова. Во всех трех случаях речь идет о реальном результате РА; тем самым мы имеем дело с перлокуцией, хотя и необычной в некоторых отношениях. Во-первых, создание данного эффекта не входит в намерения говорящего. Иллокутивные цели его высказывания могут быть различными: сделать сообщение, предупредить, посетовать, похвалиться и проч. Реальный же эффект является следствием неосторожного обращения говорящего со словом, пренебрежения к его магической силе. Во-вторых, реальный результат связан не с реакцией адресата на слова говорящего, а с реакцией некоей таинственной, мистической силы.

Не все глаголы, относящиеся к РА, являются в СВ перлокутивами (см., например: *просить — попросить, спрашивать — спросить, объяснять — объяснить*). Поэтому возникает естественный вопрос: каковы

те особенности лексического значения глагола, которые способствуют его переходу из иллокутивов в перлокутивы при смене НСВ на СВ? Ответить на этот вопрос можно, сопоставив внутри одного и того же РА пары глаголов, ведущие себя в этом отношении по-разному.

Ср., например, толкования глаголов *просить* и *умолять*[1]. Эти глаголы содержат общую для всех просьб ассерцию '*X* говорит, что он хочет, чтобы *Y* сделал *P*'. Оба глагола имеют пресуппозиции двух типов. Пресуппозиции типа 1 характеризуют отношение *X*-а к *P*. Пресуппозиции типа 2 отражают то, как в сознании *X*-а связываются между собой *Y* и *P*. Компоненты толкования типа 3 образуют ассерцию, типа 4 — мотивировку РА.

Просить: Прошу, купи хлеба по дороге; X просит Y-а, чтобы Y сделал P=

'(1) *X* хочет, чтобы было *P;*

(2) *X* считает, что *Y* может сделать, чтобы было *P;*

(2′) *X* не считает, что *Y* обязан делать *P;*

(3) *X* говорит, что он хочет, чтобы *Y* сделал *P;*

(4) *X* говорит это, потому что он хочет, чтобы *Y* сделал *P*'.

Попросить: Мальчик попросил у меня карандаш. Толкование СВ отличается от приведенного лишь тем, что элемент 'говорил' в двух последних компонентах меняется на 'сказал'.

Умолять[2]*: Мать умоляла декана не исключать ее сына из института; X умоляет Y-а, чтобы Y сделал P=*

'(1) *X* очень хочет, чтобы было *P;*

(1′) *X* сам не может сделать, чтобы было *P;*

(1″) *X* ощущает, что *P* важно для жизни или хорошего самочувствия *X*-а;

(1‴) *X* испытывает отчаяние при мысли, что не будет *P*;

(2) *X* считает, что *Y* может сделать, чтобы было *P*;

(2′) *X* знает, что *Y* не обязан делать *P*;

(2″) *X* знает, что *Y* не хочет делать *P* или что *Y*-у трудно сделать *P*;

(3) *X* говорит, что он хочет, чтобы *Y* сделал *P*;

(3′) *X* говорит это так, чтобы *Y* представил себе важность *P* для *X*-а или сжалился над *X*-м и сделал *P*;

---

[1] Глагол *просить* неоднократно описывался в семантической литературе и в работах по теории РА. Мы опираемся на имеющиеся толкования. Принципиальная структура толкования РА (пресуппозиция — ассерция — мотивировка) и некоторые конкретные идеи заимствованы нами из [Wierzbicka 1987]. Сами же толкования в целом выполнены в традиции Московской семантической школы.

[2] Предлагаемое толкование ориентировано на «чистое» употребление РА *умолять*. Оно не соответствует «смазанному» употреблению глагола *умолять* в разговорной речи (*Умоляю не опаздывать в кино*).

(4) *X* говорит это, и говорит таким образом потому, что хочет, чтобы *Y* представил себе важность *P* для *X*-а или сжалился над *X*-м и сделал *P'*.

Умолить: Мать с трудом умолила ее не выходить замуж за старика. Толкование СВ полностью включает в себя толкование НСВ в качестве пресуппозиции (*умолила* значит, что *умоляла*) и дополнительно содержит перлокутивный компонент '*Y* представил себе важность *P* для *X*-а или сжалился над *X*-м и сделал *P* либо согласился сделать *P'*.

Таким образом, *умолять* отличается от *просить* интенсивностью желания: чрезвычайной важностью того, о чем просят; неспособностью самого говорящего выполнить желаемое, в то время как просить можно и о том, что человек в состоянии выполнить сам; тем, что говорящий находится в особом эмоциональном состоянии; тем, что адресат по каким-то причинам не хочет выполнить просьбу, и тем, что говорящий хочет воздействовать на чувства адресата, чтобы реализовать свою основную цель. Важно именно то, что говорящему приходится преодолевать сопротивление адресата, воздействовать на него.

Все остальные «просьбы», имеющие в СВ статус перлокутива, содержат указание на воздействие говорящего на адресата. *Вымолить, выклянчить, выпросить, выцыганить, умолить, упросить* отражают преодоление говорящим невнимания или сопротивления со стороны адресата и значат 'добиться со стороны адресата нужной для говорящего реакции в результате усиленной словесной обработки адресата'. *Отпроситься* — значит 'попросить разрешения не участвовать в каком-то запланированном мероприятии, обосновать эту просьбу и в результате получить разрешение'. В этом случае воздействие на адресата (имеющего, кстати, более высокий социальный статус, чем у говорящего) связано с обоснованием просьбы.

Из просьб, кроме *просить*, не являются перлокутивными в СВ лишь *апеллировать* и *ходатайствовать*. Идеи специального воздействия на адресата они не содержат.

Из «вопросов» примерно половина образует пары типа «перлокутив — иллокутив». К ним не относятся следующие глаголы: *вопрошать — вопросить, запрашивать — запросить, любопытствовать — полюбопытствовать, осведомляться — осведомиться, переспрашивать — переспросить, приценяться — приценяться, справляться — справиться, спрашивать — спросить.* Перлокутивные вопросы предполагают более интенсивное осуществление РА, чем неперлокутивные. В некоторых случаях говорящему приходится преодолевать нежелание адресата сообщать искомую информацию: *выведывать, выпытывать, дознаваться, допытываться. Расспрашивать* предполагает у говорящего желание получить более подробную информацию, чем просто *спрашивать. Опрашивать* подразумевает многих адресатов.

Все «убеждения» и «уговоры» имеют целью оказание воздействия на адресата, и лишь два глагола из всей группы не являются в СВ перлокутивами. Это — *аргументировать* и *мотивировать*. Показательно, впрочем, что валентности адресата они не содержат. За пределами обсуждения остаются *увещевать* и *пропагандировать*, не имеющие вообще СВ.

Из «объяснений» выделим те, у которых есть валентность адресата: *вдалбливать, втолковывать, объяснять, пояснять, разжевывать, разъяснять, растолковывать*. Все они содержат указание на интеллектуальное воздействие на адресата — '*X* говорит *Y*-у о *P* то, что может сделать *P* понятным для *Y*-а'. Четыре глагола — *вдалбливать, втолковывать, разжевывать, растолковывать* — обозначают ситуацию, когда процесс понимания со стороны адресата идет с трудом. При этом два глагола с приставкой *раз-* имеют в фокусе всестороннее представление *P*, что связано с семантикой приставки, а два глагола с приставкой *в-* концентрируют внимание на внедрении в сознание адресата, что, в свою очередь, обусловлено иллятивным значением приставки *в-*. Именно эти два последних глагола и относятся к перлокутивным парам. *Вдолбил, втолковал* имплицирует достигнутое, хотя и с трудом, понимание со стороны адресата, а *разжевал, растолковал* — нет.

Итак, соотношение иллокутив (НСВ) — перлокутив (СВ) характерно для глаголов, обозначающих усиленное воздействие на адресата со стороны говорящего. Не случайно среди приказов нет ни одной такой пары: ведь приказы предполагают, что адресат обязан выполнить требование говорящего и нет необходимости специально воздействовать на него.

Отмеченная регулярность является лишь тенденцией, но не законом. Возможны исключения: с одной стороны, перлокутивными могут быть глаголы, не обладающие данным компонентом (*узнать у*); с другой стороны, глаголы, обладающие им, могут не быть в СВ перлокутивами (*поклясться*).

Интересно, что принадлежность членов видовой пары к разным типам РА отражается на их способности вводить прямую речь. Такой способностью обладают только иллокутивы, но не перлокутивы: *«Вам необходимо поехать летом в Крым», — убеждал* (**убедил*) *он меня; «Дайте воды», — умоляли* (**умолили*) *заключенные*. Это связано с тем, что компонент '*X* говорит', в сферу действия которого попадает прямая речь, только в форме НСВ входит в ассерцию, в форме же СВ он относится к пресуппозиции (о структуре толкований см. выше), которая не может управлять элементами контекста.

2. Члены видовой пары — разные РА

Члены видовой пары могут относиться к разным РА. Рассмотрим пару *просить — попросить*. Перформативно в значении чистой просьбы употребляется только форма НСВ: *Прошу вас помочь моему сыну; Мы очень просим вас выступить на вечере.* В значении просьбы невозможен перформатив СВ: **Попрошу* (**Я попросил бы*) *вас помочь моему сыну. Попрошу* обозначает только требование, а не просьбу: *Попрошу предъявить документы.* Данным обстоятельством объясняется разная сочетаемость форм СВ и НСВ этого глагола: возможно *Очень прошу вас* и невозможно **Очень попрошу вас.* В первом случае наречие *очень* относится к компоненту 'хотеть'. *Очень прошу* значит 'Говорю, что очень хочу' (см. выше толкование *просить*). «Требования» же, к которым относится и *попрошу,* вообще не сочетаются с наречиями высокой степени. Невозможно **Очень требую.* «Требования» имеют пресуппозицию '*X* считает, что *Y* должен сделать то, что хочет *X*' и ассерцию '*X* говорит, что адресат должен сделать это'. Причиной, по которой выполняются требования в отличие от просьбы, является не интенсивность желания говорящего, а обязанность адресата.

Литература

[Авдеев 1975] — Авдеев Ф. Ф. О месте исторического настоящего в системе грамматических значений времен современного русского языка // Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975. — С. 138-150. — (Изв. Воронежского пед. ин-та; т. 146).

[Авилова 1976] — Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. — М., Наука, 1976. — 328 с.

[Аксаков 1860] — Аксаков К. С. Опыт русской грамматики, ч. I. — М., 1860. — 176 с.

[Аксаков 1875] — Аксаков К. С. Критический обзор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева // Полное собр. соч. М., 1875. — Соч. филологические, т. 2, ч. I. — С. 539-540.

[Аникина 1964] — Аникина А. Б. Наречие в сочетании с глаголом // Вестник МГУ. — сер. филол. журн. — 1964. — № 4. — С. 35-44.

[Апресян 1967] — Апресян Ю. Д. Экспериментальные исследования семантики русского глагола. — М., 1967. — 251 с.

[Апресян 1974] — Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — М., Наука, 1974. — 367 с.

[Апресян 1978] — Апресян Ю. Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // Text. Język. Poetyka: Zbiór studiów / red. M. R. Mayenova. — Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, Wyd. Polsk. Akad. Nauk, 1978. — С. 129-152.

[Апресян 1979] — Апресян Ю. Д. Английские синонимы и синтаксический словарь // Апресян Ю. Д., Ботякова В. В., Латышева Т. З. и др. Англо-русский синонимический словарь. — М., Русский язык, 1979. — С. 500-543.

[Апресян 1980] — Апресян Ю. Д. К формальной модели семантики: правила взаимодействия значений // Представление знаний и моделирование процессов понимания. — Новосибирск: ВЦ СОАН, 1980. — С. 47-78.

[Апресян 1980а] — Апресян Ю. Д. Принципы семантического описания единиц языка // Семантика и представление знаний. — Тарту, 1980. — С. 3-24 — (Ученые. зап. / Тартуский гос. ун-т; № 519).

[Апресян 1980б / 1995] — Апресян Ю. Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл⇔Текст» // Wiener Slawistischer Almanach. — 1980. — В. 1. — 119 с. Также // Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 8-101.

[Апресян 1986] — Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // ВЯ. — 1986. — № 2. — С. 57-70.

[Апресян 1988 / 1995] — Апресян Ю. Д. Глаголы моментального действия и перформативы // Русистика сегодня. Язык: система и функционирование. М., 1988. Также // Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 219-241.

[Апресян 1995] — Апресян Ю. Д. Проблема фактивности: *знать* и его синонимы // Избранные труды. Том. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 405-433.

[Апресян 1995а] — Апресян Ю. Д. Трактовка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре // The Language and Verse of Russia — Язык и стих в России. Сборник в честь Дина. С. Ворта к его 65-летию. М., 1995. — С. 31-41.

[Апресян 1997] — Апресян Ю. Д. Лингвистическая терминология Словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Под общим рук. Ю. Д. Апресяна. М., 1997, XVI-XXXVIII.

[Арутюнова 1976] — Арутюнова Н. Д. Референция имени и структура предложения // ВЯ. — 1976. — № 2. — С. 24-35.

[Арутюнова 1982] — Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Логика и лингвистика (Проблемы референции). — М., 1982. — С. 5-40. — (Новое в зарубежной лингвистике; вып. 13).
[Балашова 1979] — Балашова Л. И. Глаголы, обозначающие переход от одного состояния в другое с нарастанием признака (на материале глаголов со значением изменения параметров): Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. — М., 1979. — 16 с.
[Барентсен 1978] — Барентсен А. А. Наблюдения над функционированием союза *пока* // Dutch contributions to the eighth International Congress of Slavists. — Lisse, 1978. — С. 57-159.
[Барентсен 1995] — Барентсен А. Трехступенчатая модель инварианта современного вида в русском языке // Семантика и структура славянского вида, I (отв. ред. С. Кароляк). Kraków, 1995. С. 1-26.
БАС — Словарь современного русского литературного языка / АН СССР, Ин-т русск. яз. — М.—Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1956-1965. — Т. 1-17.
[Бахтин 1979] — Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979.
[Белошапкова 1977] — Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов. — М., Высш. школа, 1977. — 248 с.
[Белошапкова 1978] — Белошапкова В. А. Минимальные структурные схемы русского предложения // Русск. яз. за рубежом. — 1978. — № 5. — С. 55-59.
[Бидер, Большаков, Еськова 1978] — Бидер И. Г., Большаков И. А., Еськова Н. А. Формальная модель русской морфологии / ИРЯЗ АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. — Вып. III. — М., 1978. — 48 с.
[Блумфилд 1968] — Блумфилд Л. Язык. М., 1968.
[Богданов 1990] — Богданов В. В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Учебное пособие. Л.: ЛГУ, 1990.
[Богуславский 1963] — Богуславский А. Перфективные глаголы в русском языке // Slavia. — XXXII. — 1963а. — № 1. — С. 17-35.
[Богуславский 1980] — Богуславский И. М. О понятии сферы действия предикатных слов // Изв. Ан СССР. Сер. лит. и яз. — 1980 — т. 39, № 4. — С. 359-368.
[Богуславский 1984] — Богуславский И. М. Словарная статья *понимать* // И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984. С. 623-633.
[Бодуэн де Куртене 1963] — Бодуэн де Куртенэ И. А. Введение в языковедение // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по языкознанию. — М., Наука, 1963. — Т. II. — С. 246-293.
[Бондарко 1959] — Бондарко А. В. Настоящее историческое в славянских языках с точки зрения глагольного вида // Славянское языкознание. — М., 1959. — С. 48-58.
[Бондарко 1962] — Бондарко А. В. Система глагольных времен в современном русском языке // ВЯ. — 1962. № 3. — С. 27-37.
[Бондарко 1967] — Бондарко А. В. К проблематике функционально-семантических категорий (глагольный вид и аспектуальность в русском языке) // ВЯ. — 1967. — № 2. — С. 18-31.
[Бондарко 1971] — Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). — М., Просвещение, 1971. — 239 с.

[Бондарко 1973] — Бондарко А. В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений // Функциональный анализ грамматических категорий. — Л. 1973. — С. 5-31.
[Бондарко 1978] — Бондарко А. В. О категориальных значениях видов русского глагола // Семантика и функционирование категории вида русского языка. — Тарту, 1978. — С. 3-9. — (Ученые зап. / Тартуский гос. ун-т; вып. 439).
[Бондарко 1983] — Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. — Л.: Наука, 1983. — 208 с.
[Бондарко 1984] — Бондарко А. В. Функциональная грамматика. — Л.: Наука, 1984. — 133 с.
[Бондарко 1985] — Бондарко А. В. К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. — М., 1985. — С. 16-29.
[Бондарко 1986] — Бондарко А. В. Семантика предела // ВЯ. — 1986. — № 1. — С. 14-25.
[Бондарко 1990] — Бондарко А. В. О значениях видов русского глагола // ВЯ. — 1990. — № 4.
[Бондарко 1996] — Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. — СПб. 1996.
[Бондарко, Буланин, 1967] — Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. — М.—Л.: Просвещение, 1967. — 192 с.
[Брызгунова 1980] — Брызгунова Е. А. Интонация в бессоюзных соединениях предложений // Русская грамматика. — Синтаксис. — М., 1980. — Т. II. — С. 650-656.
[Булыгина 1980] — Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. — М., 1980. — С. 320-355.
[Булыгина 1982] — Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. — М., 1982. — С. 7-85.
[Булыгина 1983] — Булыгина Т. В. Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказывания // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках: Материалы заседания комиссии по изучению грамматического строя слав. яз. МКС, Москва, 9-11 декабря 1981 г. — М., 1983. — С. 20-39.
[Булыгина, Шмелев 1997] — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М., 1997.
[Быкова 1958] — Быкова Л. А. Несоотносительные глаголы несовершенного вида в современном русском языке // Ученые зап. / Харьковский ун-т. — Труди філол. фак. — 1958. — 99. — Т. 6. — С. 113-133.
[Вендлер 1985] — Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. — С. 238-250.
[Виноградов 1947] — Виноградов В. В. Русский язык. — М.-Л., Учпедгиз, 1947. — 783 с.
[Всеволодова 1975] — Способы выражения временных отношений в современном русском языке. — М., Изд-во МГУ, 1975. — 283 с.
[Всеволодова 1979] — О семантическом согласовании глаголов и именных темпоральных распространителей // ВЯ. — 1979. — № 1. — С. 103-113.
[Всеволодова 1983] — Всеволодова М. В. Категория именной темпоральности и закономерности ее речевой реализации: Дисс. ... д-ра филол. наук. — М., 1983. — Т. I. — 458 с.
[Гак 1985] — Гак В. Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. — М., 1985. — С. 5-15.
[Гаспаров 1978] — Гаспаров Б. М. Аспектуальные значения неопределенно-предицируемых предложений в русском языке // Семантика и функциониро-

вание категории вида русского языка. — Тарту, 1978. — С. 64-88. (Ученые зап. / Тартуский ун-т; вып. 439).
[Гловинская 1977] — Гловинская М. Я. О некоторых трудностях в изучении семантики видов // Болгарская русистика. — 1977. — № 3. — С. 35-44.
[Гловинская 1981] — Гловинская М. Я. Общефактическое значение несовершенного вида (формы прошедшего времени) // Проблемы структурной лингвистики. 1978. — М., 1981. — С. 108-125.
[Гловинская 1982] — Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. — М., Наука, 1982. — 155 с.
[Гловинская 1983] — Гловинская М. Я. Специфические значения некоторых глагольных форм в разговорной речи // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. — М., 1983. — С. 119-141.
[Гловинская 1983а] — О соотношении частных видовых значений с главными значениями видов // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. Материалы заседания комиссии по изучению грамматического строя славянских языков МКС. М., 1983. — С. 53-59.
[Гловинская 1984] — Гловинская М. Я. К понятию чисто видовой пары // Проблемы структурной лингвистики. 1982. — М., 1984. — С. 24-34.
[Гловинская 1986а] — Гловинская М. Я. Теоретические проблемы видовременной семантики русского глагола. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1986.
[Гловинская 1986б] — Гловинская М. Я. Теоретические проблемы видовременной семантики русского глагола: Дисс. ... докт. филол. наук. — М., 1986.
[Гловинская 1989] — Гловинская М. Я. Диффузные видо-временные значения // Проблемы структурной лингвистики. 1985. (ред. В. П. Григорьев). — М., 1989. — С. 83-95.
[Гловинская 1992] — Гловинская М. Я. Русские речевые акты и вид глагола // Логический анализ языка. Модели действия (ред. Н. Д. Арутюнова). — М., 1992.
[Гловинская 1996] — Гловинская М. Я. Две загадки praesens historicum // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. — М., 1996. — С. 451-457.
[Гловинская 1998] — Гловинская М. Я. Инвариант совершенного вида в русском языке // Типология вида. Проблемы, поиски, решения (ред. М. Ю. Черткова). — М., 1998.
[Гловинская 1999] — Гловинская М. Я. Аспектуальные корреляции на периферии видовой системы // Die grammatischen Korrelationen (Hrsg. Branko Tošović). Graz, 1999. — С. 245-256.
[Головин 1950] — Головин Б. Н. О видовых и внутривидовых грамматических значениях современных русских глаголов // Ученые зап. / Вологодский пед. ин-т. — 1950. — Т. 7. — С. 249-287.
[Грайс 1985] — Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Лингвистическая прагматика. — М., 1985. — С. 217-237. — (Новое в зарубежной лингвистике; вып. XVI).
[Грамматика-60] — Грамматика русского языка. — Т. I. — Фонетика и морфология. — М., Изд-во АН СССР, 1960. — 719 с.
[Грамматика-70] — Грамматика современного русского языка. — М., Наука, 1970. — 767 с.
[Грамматика-80] — Русская грамматика. Том I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — М., Наука, 1980. — 783 с.

[Гуляницкий 1976] — Гуляницкий Л. Глаголы «обратимого» действия // Russian Language Journal. — 1976. — Vol. 30. — № 106. — P. 9-15.
[Гуляницкий 1977] — Гуляницкий Л. Общефактическое значение глаголов несовершенного вида (по поводу статьи О. Рассудовой) // Russian Linguistics. — 1977. — Vol. 3. № 3-4. — S. 293-297.
[Гэрей 1962] — Гэрей Г. Б. Глагольный вид во французском языке // Вопросы глагольного вида. — М., 1962. — С. 345-354.
[Долинина 1985] — Долинина И. Б. Функциональная грамматика и содержательная классификация грамматических категорий // Проблемы функциональной грамматики. — М., 1985. — С. 132-141.
[Дольская 1964] — Дольская С. Я. О значении повторяемости в русском глаголе // Ученые зап. / Горьк. ун-т. — 1964. — Вып. 65. — С. 40-50.
[Емельянова 1974] — Емельянова С. А. Вариантные формы видов в современном русском языке: Автореф. ... дисс. ... канд. филол. наук. — Ташкент. — 1974. — 21 с.
[Есперсен 1958] — Есперсен О. Философия грамматики. — М., Изд-во иностр. лит-ры, 1958. — 404 с.
[Еськова, Мельчук, Санников 1971] — Еськова Н. А., Мельчук И. А., Санников В. З. Формальная модель русской морфологии / ИРЯЗ АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. — М., 1971. — 71 с.
[Жолковский 1964] — Жолковский А. К. Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика. — 1964. — Вып. 8. — С. 67-103.
[Зализняк 1977] — Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. — М., Русский язык, 1977. — 879 с.
[Зализняк 1987] — Зализняк Анна А. О типах взаимодействия семантических признаков // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987.
[Зализняк, Падучева 1974] — Зализняк А. А., Падучева Е. В. О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // Информационные вопросы семантики, лингвистики и автоматического перевода. — 1974. — Вып. 4. — С. 30-35.
[Золотова 1982] — Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., Наука, 1982. — 367 с.
[Иомдин 1990] — Иомдин Л. Л. Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования. М., 1990.
[Иорданская 1970] — Иорданская Л. Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. — М., 1970. — Вып. 13. — С. 3-26.
[Иорданская 1984] — Иорданская Л. Н. Словарная статья «бояться» // Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики / Wiener Slawistischer Almanach. — 1984. — В. 14. — С. 158-162.
[Исаченко 1960] — Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. — Ч. II. — Братислава, Изд-во Словацкой Ак. наук, 1960. — 577 с.
[Калабухова 1980] — Калабухова Г. А. Наглядно-примерное значение совершенного вида при отрицании // Функциональный анализ грамматических единиц: Сб научных трудов. — Л., 1980. — С. 52-64.
[Клобуков 1979] — Клобуков Е. В. Теоретические проблемы русской морфологии. М., Изд-во МГУ, 1979. — 96 с.

[Князев 1989] — Князев Ю. П. Акциональность и статальность. Их соотношение в русских конструкциях с причастиями на *-н, -т*. München, 1989. — 271 с.

[Козинцева 1991] — Козинцева Н. А. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями. Л., 1991.

[Кошмидер 1962] — Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. — М., 1962. — С. 105-167.

[Крекич 1989] — Крекич Й. Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Изменения значений. — Танкёньвкиадо, Будапешт, 1989.

[Кржижкова 1962] — Кржижкова Е. Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке // ВЯ, № 3. — с. 17-26.

[Кржижкова 1966] — Кржижкова Е. Темпорально-квантитативная детерминация глагола // Československá rusistika. — 1966. — Roč. XI. — С. 2. — S. 86-93.

[Кузнецов 1949] — Кузнецов П. С. К вопросу о praesens historicum в русском литературном языке // Докл. и сообщения филол. ф-та МГУ. — 1949. — Вып. 8. — С. 24-36.

[Курилович 1962] —Курилович Е. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. — М., 1962. — С. 175-230.

[Левин 1941] — Левин В. Д. Имена действия в русском языке // Ученые зап. Ивановского гос. пед. ин-та. Факультет русского языка и литературы. — Т. 1, вып. 2. — Иваново, 1941.

[Леннгрен 1974] — Леннгрен Л. К анализу глаголов типа *завaливать* // Scando-Slavica. — 1974. — XX. — С. 129-147.

[Ломов 1977] — Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1977. — 140 с.

[Мазон 1958] — Мазон А. Вид в славянских языках (Принципы и проблемы). — М., Изд-во АН СССР, 1958. — 13 с. — (Доклады / IV Международный съезд славистов).

[Мазон 1962] — Мазон А. Употребление видов русского глагола // Вопросы глагольного вида. — М., 1962. — С. 93-104.

[Мартынов 1985] — Мартынов В. В. Функциональная грамматика и категории языка // Проблемы функциональной грамматики. — М., Наука, 1985. — С. 155-161.

МАС — Словарь современного русского языка в 4 томах. — М.—Л., Русский язык, 1981-1984.

[Маслов 1948] — Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1948. Т. VII. — С. 303-316.

[Маслов 1958] — Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. — М., Изд-во Акад. наук СССР, 1958. — 39 с.

[Маслов 1959] — Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. — М., 1959. — С. 157-202.

[Маслов 1962] — Маслов Ю. С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. — М., 1962. — С. 7-32.

[Маслов 1965] — Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. — Л., 1965. С. 53-80.

[Маслов 1975] — Маслов Ю. С. Русский глагольный вид в зарубежном языкознании // Вопросы русской аспектологии. — Воронеж, 1975. — С. 28-47. — (Изв. Воронежск. гос. пед. ин-та, т. 146).

[Маслов 1977] — Маслов Ю. С. Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет // Вопросы русской аспектологии. II. — Тарту, 1977. — С. 23-46. — (Ученые зап. / Тартуский гос. ун-т; вып. 434).
[Маслов 1978] — Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. — Л., 1978. — С. 4-43.
[Маслов 1984] — Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. — Л., Изд-во ЛГУ, 1984. — 252 с.
[Маслов 1984а] — Маслов Ю. С. Типология славянских видо-временных систем и функционирование форм претерита в «эпическом» повествовании // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. — Л., 1984. — С. 22-42.
Материалы к толково-комбинаторному словарю русского языка 1970-1976: Предварительные публикации проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике. — М., Институт русского языка АН СССР. — Вып. 2, 4, 7, 23, 26, 28, 29, 34, 35, 37, 38, 42, 63, 80, 85.
[Мелиг 1985] — Мелиг Х. Р. Семантика предложения и семантика вида в русском языке // Современная зарубежная русистика. — М., 1985. — С. 227-250. — (Новое в зарубежной лингвистике, вып. XV).
[Мелиг 1991] — Мелиг Х. Р. Экзистенциальные и экспликативные вопросы // Russian Linguistics. — V. 15. — 1991. — P. 117-125.
[Мелиг 1997] — Мелиг Х. Р. Вид и референциальный статус глагольной предикации в тексте // Семантика и структура славянского вида, II (отв. ред. Ст. Кароляк). — Kraków, 1997. — С. 159-182.
[Мельчук 1974] — Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл⇔Текст». Семантика, синтаксис. М., 1974.
[Мельчук 1985] — Мельчук И. А. Семантические этюды. 1. 'Сейчас' и 'теперь' в русском языке // Russian Linguistics, 1985, Vol. 9, Nos. 2-3, 257-279.
[Мельчук и Жолковский 1984] — Мельчук И. А. и Жолковский А. К. Толково-Комбинаторный Словарь современного русского языка. Вена, 1984.
[Милославский 1975] — Милославский И. Г. О соотношении номинативных и синтагматических свойств языкового знака // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1975. — С. 351-361.
[МП и ПЛ 1964] — Машинный перевод и прикладная лингвистика. — 1964. — Вып. 8.
[Мучник 1956] — Мучник И. П. О видовых корреляциях в системе спряжения глагола в современном русском языке // ВЯ. — 1956. — № 6. — С. 92-106.
[Мучник 1971] — Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском языке. — М., Наука, 1971. — 298 с.
[Некрасов 1865] — Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. — СПб.: 1865. — 313 с.
[Ожегов 1968] — Ожегов С. И. Словарь русского языка. — Издание 7-е. — М., Русский язык, 1968.
[Остин 1986] — Остин Дж. Л. Слово как действие // Теория речевых актов. — М., 1986. — С. 22-131. — (Новое в зарубежной лингвистике; вып. XVII).
[Падучева 1985] — Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. — М., Наука, 1985. — 271 с.
[Падучева 1986] — Падучева Е. В. Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1986. — № 5. — С. 413-424.
[Падучева 1996] — Падучева Е. В. Семантические исследования. М., 1996.
[Панов 1966] — Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР. — Т. I. — Индоевропейские языки. — М., Наука, 1966. — С. 55-122.
[Панов 1967] — Панов М. В. Русская фонетика. М., Просвещение, 1967. — 438 с.

[Петров 1985] — Петров А. В. Залоговая семантика в отглагольных именах русского языка. Автореф. ... дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1985. — 16 с.
[Пешковский 1913] — Пешковский А. М. Е. К. Тимченко Функции генетива в южнорусской языковой области. Варшава, 1913 (рецензия) // Изв. Отделения яз. и словесности Имп. Академии наук. — 1915. — Т. XX. — кн. 3. — 22 с.
[Пешковский 1935] — Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — 5-е изд. — М., Учпедгиз, 1935. — 542 с.
[Пицкова 1982] — Пицкова Л. П. Грамматическая категория вида в современном французском языке. — М., Высшая школа, 1982. — 160 с.
[Поливанов 1934] — Поливанов Е. Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. — Ташкент: Госиздат УзССР, 1934. — 182 с.
[Поспелов 1948] — Поспелов Н. С. О значении форм прошедшего времени на -л в современном русском литературном языке // Ученые зап. / Моск. гос. ун-т. — Труды кафедры русск. яз. — М., 1948. — Вып. 128. — Кн. I. — С. 104-126.
[Поспелов 1966] — Поспелов Н. С. О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в современном русском языке // ВЯ. — 1966. — № 2.
[Потебня 1958] — Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. — М., Изд-во АН СССР. — 1958. — Т. I-II.
[Размусен 1891] — Размусен Л. П. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках // Журн. м-ва нар. просвещ. — 1891. — июнь. — С. 376-418.
[Рассудова 1968] — Рассудова О. П. Употребление видов глагола в русском языке. — М., Изд-во МГУ, 1968. — 140 с.
[Рассудова 1982] — Рассудова О. П. Употребление видов глагола в современном русском языке. — 2-е изд. — М., Русский язык, 1982. — 149 с.
[Русская разговорная речь 1973] — Русская разговорная речь (отв. ред. Е. А. Земская). М., 1973. — С. 485.
[Селиверстова 1982] — Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. — М., Наука, 1982. — С. 86-157.
Семантика и структура славянского вида (отв. ред. Ст. Кароляк), 1. — Kraków, 1995; 2. — Kraków, 1997.
[Сигалов 1963] — Сигалов П. С. Русские инхоативные глаголы. — Автореф. ... дисс. ... канд. филол. наук. — Л., 1963. — 19 с.
[Синтаксис и семантика 1981] — Syntax and Semantics. — Vol. 14. — Tense and Aspect. — N. Y., London, Toronto etc.: Academic Press, 1981. — 301 p.
[Славянский вид 1985] — The Scope of Slavic Aspect. — Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1985. — 295 p.
[Слюсарева 1985] — Слюсарева Н. А. Функциональная грамматика и когнитивность морфологии // Проблемы функциональной грамматики. — М., 1985. — С. 56-64.
[Снопкова 1973] — Снопкова С. И. Варианты глаголов несовершенного вида в их соотношении с семантикой глагольного слова // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. — М., 1973. — С. 232-246. — (Сб. трудов / Московский гор. пед. ин-т им. В. И. Ленина).
[Снопкова 1976] — Снопкова С. И. Из наблюдений над функционированием вариативности образований несовершенного вида в современном русском языке // Вопросы теории и методики изучения русского языка. — Казань. — 1976. — С. 35-41. — (Ученые зап. / Казанский пед. ин-т; вып. 161. — Сб. II).
[Соколовская 1979] — Соколовская К. А. Виды глагола и контекст (К характеристике типовых аспектуальных контекстов). — Автореф. ... дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1979. — 21 с.

[Спагис 1961] — Спагис А. А. Об употреблении глаголов несовершенного вида для обозначения повторяющихся действий // Русский язык для студентов-иностранцев. — М., 1961. — С. 133-146.
[Спагис 1969] — Спагис А. А. Парные и непарные глаголы в русском языке. М., Просвещение, 1969. — 339 с.
[Станков 1976] — Станков В. Конкуренция на глаголните видове в българския книжовен език. — София, 1976.
[Стеблин-Каменский 1974] — Стеблин-Каменский М. И. Изоморфизм и фонологическая метафора // Спорное в языкознании. — Л., 1974.
[Теленкова 1964] — Теленкова М. А. К вопросу о лексических и грамматических значениях глагольных приставок в современном русском языке // Современный русский язык. М., 1964. — С. 205-222. — (Ученые зап. / Моск. гор. пед. ин-тим. В. И. Ленина; № 216).
[Телин 1978] — Телин Н. Б. О семантике видов в русском языке // Доклады / VIII Междунар. съезд славистов. — Загреб—Любляна, 1978.
Типология вида. Проблемы, поиски, решения (отв. ред. М. Ю. Черткова). — М., 1998. — 524 с.
[Типология-1983] — Типология результативных конструкций (результатив, пассив, перфект). — Л., Наука, 1983. — 263 с. (ред. В. П. Недялков).
[Тихонов 1962а] — Тихонов А. Н. К вопросу о чистовидовых приставках в современном русском языке // Исследования по русскому языку. — Самарканд, 1962. — С. 32-57. — (Труды / Самаркандский гос. ун-т; нов. сер. — вып. 118).
[Тихонов 1962б] — Тихонов А. Н. Чистовидовой префикс по- в русском языке // Исследования по русскому языку. — Самарканд, 1962. — С. 65-101. — (Труды / Самаркандский гос. ун-т; нов. сер. — вып. 118).
[Тихонов 1964] — Тихонов А. Н. Чисто видовые приставки в системе русского видового формообразования // ВЯ. — 1964. — № 1. — С. 42-52.
[Тихонов 1965] — Тихонов А. Н. Члены видовых корреляций — грамматические формы одного слова // Филол. науки. — 1965. — № 2. — С. 93-104.
[Тихонов 1968] — Тихонов А. Н. Чистовидовая приставка у- в современном русском языке // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. — Самарканд, 1968. — № 1. — С. 152-160.
[Тихонов 1970] — Тихонов А. Н. Изучение видов русского глагола в узбекской школе. — Ташкент: Укитувчи, 1970. — 135 с.
[Томмола 1986] — Томмола Х. Аспектуальность в финском и русском языках. — Helsinki, 1986. — 344 с. — (Neuvostoliittoinstituutin, Vuosikirja; № 28).
[Трубецкой 1960] — Трубецкой Н. С. Основы фонологии. — М., Изд-во иностр. лит., 1960. — 372 с.
[Улуханов 1966] — Улуханов И. С. Глаголы на *-еть* в современном русском языке (О продуктивности и регулярности словообразовательного типа) // Развитие современного русского языка. — М., 1966. — С. 127-141.
[Улуханов 1977] — Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке. — М., Наука, 1977. — 256 с.
[Ушаков 1940] — Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. — М., 1934-1940. — тт. 1-4.
[Филатова-Хелльберг 1975] — Филатова-Хелльберг Е. Вид глагола и широкий контекст // Scandoslavica. — 1975. — Т. 21. — С. 85-98.
[Фортунатов 1903] — Фортунатов Ф. Ф. О залогах русского глагола // Изв. Отделения русск. яз. и словесности Академии наук. — 1903. — Т. IV. — кн. 4.
[Фортунатов 1956] — Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Общий курс // Избранные труды. — Т. I. — М., Учпедгиз, 1956. — С. 23-199.

[Фреге 1977] — Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. — М., 1977. — Вып. 8. — С. 181-210.
[Фуксман 1973] — Фуксман А. А. Признак наличия/отсутствия связи с настоящим временем при функционировании формы будущего несовершенного в современном русском языке // Функциональный анализ грамматических категорий: Сб. научн. тр. — Л., 1973. — С. 91-102.
[Хализева 1976] — Хализева В. С. Сопоставительный семантический анализ глаголов начала // Русск. яз. за рубежом. — 1976. — № 4. — С. 74-77.
[Хоанг Фе 1985] — Хоанг Фе. Семантика высказывания // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1985. — Вып. XVI.
[Холодович 1963] — Холодович А. А. О предельных и непредельных глаголах (по данным корейского и японского языков) // Филология стран Востока. — Л., 1963. — С. 3-11.
[Храковский 1985] — Храковский В. С. Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. — М., 1985. — С. 65-74.
Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова. М., 1996.
[Шахматов 1952] — Шахматов А. А. Из трудов по современному русскому языку. — М., Учпедгиз, 1952. — 271 с.
[Шведова 1960] — Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. — М., Изд-во АН СССР, 1960. — 377 с.
[Шведова 1980] — Шведова Л. Н. Конкуренция конкретно-фактического и общефактического значений глагольных видов в современном русском языке: Автореф. ... дисс. ... канд. филол. наук. М., 1980. — 21 с.
[Шведова 1984] — Шведова Л. Н. Трудные случаи функционирования видов русского глагола (к проблеме конкуренции видов). — М., Изд-во МГУ, 1984. — 106 с.
[Шведова 1985] — Шведова Н. Ю. Один из возможных путей построения функциональной грамматики русского языка // Проблемы функциональной грамматики. — М., 1985. — С. 30-36.
[Шелякин 1975] — Шелякин М. А. Основные проблемы современной русской аспектологии // Вопросы русской аспектологии. — Воронеж, 1975. — С. 5-27. — (Изв. Воронежск. гос. пед. ин-та; т. 146).
[Шелякин 1976] — Шелякин М. А. Аспектуальное употребление глаголов сообщения в русском языке (к проблеме синонимии видов) // Научн. докл. высш. школы. Сер. филол. науки. — 1976. — № 3. — С. 56-64.
[Шелякин 1978] — Шелякин М. А. Предельные и непредельные глаголы несовершенного вида // Вопросы русской аспектологии. — Тарту, 1978. — С. 43-63. — (Ученые зап. / Тартуский гос. ун-т; вып. 439).
[Шелякин 1980] — Шелякин М. А. О спорных вопросах видо-временной системы современного русского глагола // Труды по русской и славянской филологии. — Тарту, 1980. — С. 3-23. — (Ученые зап. / Тартуский гос. ун-т; вып. 524).
[Шелякин 1985] — Шелякин М. А. О единстве функционального и системного описания грамматических форм в функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики. — М., 1985. — С. 37-48.
[Широкова 1971] — Широкова А. Г. Некоторые замечания о функциональных границах вида в русском и чешском языке // Исследования по славянскому языкознанию: Сборник в честь шестидесятилетия профессора С. Б. Бернштейна. — М., 1971. — С. 292-298.
[Шмелев 1958] — Шмелев Д. Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // ВЯ. — 1958. — № 6. — С. 63-75.

[Шмелев 1959] — Шмелев Д. Н. О значении вида в повелительном наклонении // Русск. яз. в школе. — 1959. — № 4. — С. 13-17.
[Шмелев 1960] — Шмелев Д. Н. Абсолютное и относительное употребление форм времени русского глагола // Русск. яз. в нац. школе. — 1960. — № 6. — С. 3-10.
[Шмелев 1961] — Шмелев Д. Н. Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке // Русск. яз. в школе. — 1961. — № 5. — С. 50-55.
[Шмелев 1973] — Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики: (На материале русского языка). М., Наука, 1973.
[Шмелев 1977] — Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. — М., Наука, 1977. — 165 с.
[Щеглов 1964] — Щеглов Ю. К. Две группы слов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. — 1964. — Вып. 8. — С. 50-60.
[Щерба 1947] — Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. — М.—Л., Акад. пед наук РСФСР, 1947. — 96 с.
[Якобсон 1962] — Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. — М., 1962. — С. 95-113.
[Якобсон 1985] — Якобсон Р. О. К общему учению о падеже // Избранные работы. — М., Прогресс, 1985. — С. 133-175.
[Якобсон 1985а] — Якобсон Р. О. О структуре русского глагола // Избранные работы. М., Прогресс, 1985а. — С. 210-222.
[Якобсон 1985б] — Якобсон Р. О. Морфологические наблюдения над славянским склонением // Избранные работы. М., Прогресс, 1985б. — С. 176-197.
[Якобсон и др. 1962] — Якобсон Р., Фант Г. М. и Халле М. Введение в анализ речи // Новое в лингвистике. — Т. 2. — М., 1962. — С. 173-230.
[Якобсон и Халле 1962] — Якобсон Р., Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике // Новое в лингвистике. — Т. 2. — М., 1962. — С. 231-278.
[Antinucci, Gebert 1977] — Antinucci F., Gebert L. Semantyka aspektu czasownikowego // Studia gramatyczne 1 (Ossolineum), Warszawa. 1977.
[Austin 1965] — Austin J. L. How to do things with words. — N. Y., 1965.
[Barentsen 1984] — Barentsen A. A. Notes on 'praesens pro futuro' in modern Russian // Signs of Friendship. To Honor A. G. F. van Holk, Slavist, Linguist, Semiotician. Amsterdam, Rodopi, 1984. — P. 30-54.
[Bareš 1956] — Bareš K. O konkurenci vidů v českém a ruském jazyce // Časopis pro slovanské jazyky. — 1956. — № 4. — С. 566-579.
[Barnetová 1968] — Barnetová V. K syntaktické funkci slovesného vidů // O ruském slovese. — Praha, 1968. — C. 51-80 / Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české. III.
[Bogusławski 1972] — Bogusławski A. К вопросу о семантической стороне глагольных видов // Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 4. Jezykoznawstwo / Prace na VII międzynarodowy kongres slawistów. — Warszawa, Państw. wyd-wo naukowe, 1972. — С. 227-232.
[Bogusławski 1981] — Bogusławski A. On Describing Accomplished Facts with Imperfective Verbs // The Slavic Verb: An Anthology Presented to Hans Christian Sørensen 16-th December 1981. Copenhagen, 1981. — P. 34-40.
[Brugman, Delbruck 1897] — Brugman K., Delbruck B. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. IV. 2. Strassburg, 1897.
[Brunot 1922] — Brunot F. La pensée et la langue. — Paris, 1922. — 954 p.

[Chaput 1985] — Chaput P. R. On the Question of Aspectual Selection in Denials // The Scope of Slavic Aspect. — Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1985. — P. 224-233.

[Chomsky 1972] — Chomsky N. Some empirical Issues in the Theory of Transformational Grammar // Goals of Linguistic Theory. — N. Y., 1972. — P. 63-130.

[Comrie 1976] — Comrie B. Aspect. London—New York—Melbourne, Cambridge University Press, 1976. — 142 p.

[Comrie 1985] — Comrie B. Tense. — Cambridge—London etc.: Cambridge University Press, 1985. — 139 p.

[Dahl 1974] — Dahl Ö. Some suggestions for a logic of aspects // Slavica Gothoburgensia. 1974. — № 6.

[Daneš 1971] — Daneš F. Pokus o strukturní analyzu slovesných vyznamů // Slovo a slovesnost. — 1971. — № 3. — S. 193-207.

[Daneš 1971] —Daneš F. K struktuře slovesných významů // Jaz. stúdie. XII. Peciarov sbornik. — Bratislava, 1974.

[Dostál 1954] — Dostál A. Studie o vidovém systému v staroslověnštině. — Praha, Státni ped. naklad, 1954. — 681 s.

[Dowty 1979] — Dowty D. R. Word Meaning and Montegue Grammar. The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and Montegue's PTQ // Synthese Language Library. — Dordrecht, 1979. — Vol. 7.

[Eckert 1985] — Eckert E. Repetitive Contexts // The Scope of Slavic Aspect. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1985. — P. 169-180.

[Fillmore 1969] — Fillmore Ch. J. Types of Lexical information // Studies in Syntax and Semantics. — Dordrecht, Reidel, 1969. — P. 109-137.

[Forsyth 1970] — Forsyth J. A Grammar of Aspect. Usage and Meaning in the Russian Verb. — Cambridge, University Press, 1970. — 386 p.

[Gak 1974] — Gak V. G. Essai de grammaire fonctionelle du français. — M., 1974.

[Galton 1976] — Galton H. The main functions of the Slavic Verbal Aspect. — Skopje, Macedonian Academy of Sciences and Arts, 1976. — 307 p.

[Glovinskaja 1992] — Glovinskaja Marina Ja. On a Dictionary of Russian Verb. Aspecto-Temporal Meanings. Euralex'92. Proceedings I-II. Part II // Studia translatologica, ser. A, vol. 2. Tampere 1992. — S. 337-344.

[Grice 1975] — Grice H. P. Logic and Conversation // Speech Acts. — N. Y., San Francisco, London: Academic Press, 1975. — P. 41-58. — (Syntax and Semantics; Vol. 3).

[Grochowski 1980] — Grochowski M. Pojęcie celu. Studia semantyczne. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1980. — 127 s.

[Grzegorczykova 1973] — Grzegorczykova R. Problemy kwantyfikacji w grupie werbalnej // Liczba, ilość, miara: Materiały conferencji naukowej w Jadwisinie, 11-13 V 1971. — Wrocław, 1973. — S. 83-99.

[Hulanicki 1973] — Hulanicki L. The Actional Perfect in Russian // Slavic and East European Journal. — 1973. — Vol. 17. — № 2. — P. 174-183.

[Isačenko 1962] — Isatschenko A. Die Russische Sprache der Gegenwart. 1. Formenlehre. — Halle, Niemeyer, 1962. — 706 s.

[Johnson 1981] — Johnson M. R. A Unified Temporal Theory of Tense and Aspect // Tense and Aspect. — N. Y., London, etc.: Academic Press, 1981. — P. 145-175 (Syntax and Semantics, vol. 14).

[Karcevskij 1927] — Karcevskij S. Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique. — Prague, Plamja, 1927. — 167 p.

[Koschmieder 1962] — Koschmieder E. Primäre und secundäre Funktionen // Die Welt der Slaven. — 1962. — VII. — № 4. — S. 409-422.
[Koschmieder 1965] — Koschmieder E. Beiträge zur allgemeinen Syntax. — Heidelberg: Winter, 1965. — 224 S.
[Křižková 1961] — Křižková H. Ke konkurenci vidů v ruštině a v češtině // Československá rusistika. — 1961. — № 1. — S. 32-39.
[Kučera 1985] — Kučera Henry. Aspect in Negative Imperatives // The Scope of Slavic Aspect. — Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1985. — P. 118-128.
[Lacoff 1966] — Lacoff George. Stative adjectives and verbs in English // Mathematical linguistics and automatic translation. Report N NSF—17 to the National Science Foundation. — Cambridge (Mass.), 1966.
[Lacoff 1968] — Lacoff G. On the Nature of Syntactic irregularity. — Indiana University diss. — 1968. — 207 p.
[Leech 1983] — Leech G. N. Principles of pragmatics. — L.—N. Y., 1983.
[Lehmann 1980] — Lehmann V. Kontextuelle Aspekt- und Tempussemantic im Russischen // Slavistische Linguistik 1979. — München, 1980. — S. 94-115.
[Lehmann 1981] — Lehmann V. Aspektpartner und aspektuelle Verbgruppen im Russischen // Slavistische Linguistik 1980. — München, 1981. — S. 74-94.
[Lehmann 1988] — Lehmann V. Der russische Aspekt und die lexikalische Bedeutung des Verbs // «Zeitschrift für slavische Philologie», XLVIII. 1. 1988. — S. 170-181.
[Leinonen 1982] — Leinonen M. Russian aspect, «temporal'naja localizacija», and definiteness/indefiniteness. — Helsinki, Institute of the Cultural Relations between Finland and USSR, 1982. — 308 p. — (Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja 27).
[Lönngren 1973] — Lönngren L. О противопоставлении аористического и перфектного значений у русского глагола // Scando-Slavica. — 1973. — T. XIX. — C. 103-110.
[Lubensky 1985] — Lubensky S. The Aspectual Properties of Verba Percipiendi // The Scope of Slavic Aspect. — Columbus, Ohio, Slavic Publishers, 1985. — P. 76-93.
[Lyons 1967] — Lyons J. A. Note on Possessive, Existential and Locative Sentences. — Foundations of Language. — 1967. — № 4.
[Lyons 1977] — Lyons J. A. Semantics, vol. 1-2. — Cambridge—L.—N.Y.—Melbourne, Cambridge University Press, 1977. — 897 p.
[Lyons 1982] — Lyons J. Deixis and Subjectivity: Loquor, ergo sum? // Speech, Place, and Action. — N. Y., etc., 1982. — P. 101-125.
[Maslov 1981] — Maslov Ju. S. Functional Completeness and Morphological Regularity of the Aspectual Paradigm // The Slavic Verb: An Anthology Presented to Hans Christian Sørensen 16-th December 1981. Rosenkilde and Bagger. Copenhagen, 1981. — P. 103-106.
[Mathesius 1938] — Mathesius V. O konkurenci vidů v českém vyjadřování slovesném // Slovo a slovesnost. — 1938. — T. 4. — S. 15-19.
[Mazon 1914] — Mazon A. Emplois des aspects du verbe russe. — Paris, E. Champion, 1914. — 257 p.
[McCawley 1968] — McCawley J. D. The role of semantics in a grammar // Universals in linguistic theory. — N. Y., 1968. — P. 125-169.
[Miller 1970] — Miller J. E. Stative Verbs in Russian // Foundations of Language. — 1970. — № 6. — P. 488-504.
[Mourelatos 1981] — Mourelatos A. P. D. Events, Processes, and States // Tense and Aspect. — N. Y., 1981. — P. 191-212 — (Syntax and Semantics; vol. 14).

[Nowak-Frankowska 1975] — Nowak-Frankowska M. Z dystrybucji określników temporalnych. Określnik temporalny a kratność czasownika // Polonica. — Wrocław, Ossolineum. — 1975. — № 1. — S. 133-166.

[Reichenbach 1947] — Reichenbach H. Elements of symbolic logic. N. Y., McMillan, 1947. — 437 p.

[Růžička 1952] — Růžička R. Der russische Verbalaspect // Russischunterricht. — 1952. — 5. — № 4.

[Scheljakin, Schlegel 1970] — Scheljakin M. A., Schlegel H. Der Gebrauch des russischen Verbalaspects. T. I. Theoretische Grundlagen. Lehrbriefe für das Fernstudium der Lehrer, herausgegeben von der Pädagogische Hochschule Potsdam. Potsdam, 1970. — 269 S.

[Searle, Vandervecken 1985] — Searle J. R., Vandervecken D. Foundations of illocutionary logic. — Cambridge, etc., 1985.

[Seuren 1974] — Seuren A. M. Introduction // Semantic syntax. — Oxford, 1974. — P. 1-27.

[Smith 1981] — Smith C. S. Semantics and Syntactic Constraints on Temporal Interpretations // Tense and Aspect. — N. Y., etc., Academic Press, 1981. — P. 213-238. — (Syntax and Semantics; vol. 14).

[Stern 1931] — Stern G. Meanings and change of meaning. — Göteborg, 1931.

[Tedeschi 1981] — Tedeschi Philip I. Some Evidence for a Branching — Futures Semantic Model // Tense and Aspect. — N. Y. — London, etc., Academic Press, 1981. — P. 239-269. — (Syntax and Semantics; vol. 14).

[Timberlake 1982] — Timberlake A. Invariance and the Syntax of Russian Aspect // Tense — Aspect: Between Semantics and Pragmatics. — Amsterdam — Philadelphia, 1982. — P. 305-331.

[Timberlake 1985] — Timberlake A. Reichenbach and Russian Aspect // The Scope of Slavic Aspect. — Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1985. — P. 153-168.

[Townsend 1985] — Townsend Ch. E. Can Aspect Stand Prosperity? //The Scope of Slavic Aspect. — Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1985. — P. 286-295.

[Ullman 1951] — Ullman S. Words and their use. — N. Y., 1951.

[Vendler 1967] — Vendler Z. Verbs and times //Linguistics in Philosophy. — New York, Cornell University Press, 1967. — P. 97-121.

[Veyrenc 1965] — Veyrenc J. Un problème des formes concurentes dans l'économie de l'aspect verbal en russe: imperfectifs seconds // Slavica. — Debrecen, 1965. № 5.

[Veyrenc 1968a] — Veyrenc J. Aspect et synonimie syntaxique //Communications de la Délégation Française et de la Délégation Suisse / VI-ème Congrès International des Slavistes. Paris, Institut d'Etudes Slaves, 1968a. — P. 143-155.

[Veyrenc 1968б] — Veyrenc J. La syntaxe contradictoire du Présent perfectif en russe moderne // Les langues modernes. — 1968б. — Mai—juin. — P. 360-369.

[Veyrenc 1980] — Veyrenc J. L'imperatif russe et les systčmes de l'énonciation // Études sur verbe russe. Paris, 1980.

[Vlach 1981] — Vlach F. The Semantics of the Progressive // Tense and Aspect. — N. Y., London, etc: Academic Press, 1981. — P. 272-292 (Syntax and Semantics; vol. 14).

[Wierzbicka 1967] — Wierzbicka A. On the Semantics of the Verbal Aspect in Polish // To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday. — The Hague—Paris, Mouton, 1967. — P. 2231-2243.

[Wierzbicka 1972] — Wierzbicka A. Semantic Primitives. — Frankfurt, Athenäum, 1972. — 235 p.

[Wierzbicka 1980] — Wierzbicka Anna. Lingua mentalis. The Semantics of Natural Language. — Sydney, N. Y., etc.: Academic Press, 1980. — 367 p.
[Wierzbicka 1987] — Wierzbicka A. English speech act verbs. A semantic dictionary. — Sydney, etc., 1987.
[Wüllner 1827] — Wüllner F. Die Bedeutung der Sprachlichen Casus und Modi. — Münster, 1827.

Указатель лексем

абсолютно, 9; 10; 100
агитировать, 279
апеллировать, 282
аргументировать, 283
арест, 59
бежать, 25; 94; 166; 248
белеть, 141; 166
белеться, 29
белить, 29; 141
беременная, 38
беречь, 107
беситься, 110; 111; 118; 119
беспокоить, 118
беспокоиться, 111; 118; 119; 243
бить, 49
благодарить, 243
бледнеть, 94
блуждать, 243; 244
бодрствовать, 244
болеть, 11; 27; 29; 63; 85; 212; 244; 245
больше, 79; 80
бояться, 20; 80; 81
брать, 63; 181; 212; 236
бредить, 244
бриться, 28
бродить, 243; 244
бросать, 12; 139; 237; 242
бросить, 139
будить, 105; 107
бывать, 247
быть, 24; 49
вбивание, 59
вбивать, 98; 132
вбить, 98; 132
ввинчивание, 59
вдаваться, 50; 114
вдалбливать, 106; 279; 283
вдаться, 50; 114
вдолбить, 106; 279; 283
вдох, 60
вдруг, 19; 22
ведь, 197; 209
вербовать, 279
верить, 25; 30; 111
веселить, 117; 118
веселиться, 29
весить, 253
вести, 114
весь, 248
вечно, 78; 205
взбеситься, 110; 118; 119
взвесить, 105; 107
взвешивать, 105; 107
взволноваться, 111
вздрогнуть, 8; 13
взойти, 95
взорваться, 13
взыскание, 58
взыскивание, 58
видеть, 12; 18; 24; 28; 116; 118; 119
вилять, 247
виниться, 243
висеть, 20; 244
вколачивать, 106
вколотить, 106
владеть, 30
внезапно, 110; 253
вникать, 242
внушать, 106; 279
внушить, 106; 279
водить, 63; 212
возбудить, 107
возбуждать, 107
возвещать, 243
возводить, 57
возвратить, 99
возвратиться, 94; 99
возвращать, 99
возвращаться, 94; 99
возвращение, 60
возвышаться, 166; 243
возглавить, 8; 108; 111; 120; 132; 134
возглавлять, 108; 111; 112; 120; 132; 134; 243
воздвигать, 57
возмутить, 117
возмущать, 117
возмущаться, 243
возненавидеть, 24; 111; 118; 119
вознестись, 113; 114
возникать, 91
возникновение, 60
возникнуть, 91
возноситься, 113; 114
возражать, 243
возрасти, 8; 9
возьми и, 199
войти, 95
волноваться, 20; 111; 243
воображать, 108; 111; 112
вообразить, 108; 111
воплотить, 115
воплощать, 115
воплощение, 60
вопросить, 282
вопрошать, 243; 282

восклицать, 191
воскресать, 11
воскреснуть, 11
воспевать, 243
воспользоваться, 108; 109
восславлять, 243
восторгаться, 120
восхитить, 117
восхититься, 117; 119; 120
восхищать, 117
восхищаться, 117; 119; 120
в противном случае, 172
впускать, 125; 126
впустить, 125; 126
врать, 243
врезаться, 50; 51; 112; 113; 119
вряд ли, 160
все, 205; 248
всё, 19; 22
всегда, 65; 78; 205; 209; 213; 253
вспотеть, 118; 119
вспыхивать, 20
вспыхнуть, 13
вставать, 11; 99
встать, 11; 99
встревожиться, 111
встретить, 137
встретиться, 115; 120
встреча, 60
встречать, 50; 137
встречаться, 115; 120; 234
всучивать, 106
всучить, 106
всходить, 95
всю жизнь, 253
всякий, 248
всякий раз, 205
втаскивать, 98; 104
втащить, 98; 104
втереться, 106
втираться, 106
в то время как, 253
втолковать, 106; 279; 283
втолковывать, 106; 242; 279; 283
входить, 95
вы, 209
выбивать, 106
выбиваться, 107; 113
выбирать, 107
выбить, 106
выбиться, 107; 113
выбрать, 107
выведать, 279
выведывать, 279; 282
вывести, 107; 114
выводить, 107; 114
выдаваться, 120
выделить, 111
выделиться, 115; 120
выделять, 111; 112
выделяться, 115; 120; 243
выдержать, 273
выдох, 60
выезжать, 242
вызвать, 279; 280
выздоравливать, 92; 166
выздороветь, 92
выздоровление, 58
вызывать, 279; 280
выиграть, 136; 172
выигрывать, 136
выйти, 95
выкапывать, 145
выклянчивать, 278
выклянчить, 278; 282
выкопать, 145
вылетать, 242
вымаливать, 278
вымолить, 278; 282
вынуждать, 166
выпить, 41
выпрашивать, 278
выпросить, 278; 282
выпускать, 125; 126
выпустить, 125; 126
выпытать, 106; 279
выпытывать, 106; 279; 282
выражаться, 262
вырасти, 102
выследить, 103; 107
выслеживать, 103; 107
выслуживаться, 107
выслужиться, 107
высокий, 9
высохнуть, 45; 92
выстирать, 47
выступать, 50; 115; 243
выступить, 50; 115
высушить, 45
высыхать, 92
выходить, 95; 230; 242
выцыганивать, 278
выцыганить, 278; 282
выяснить, 107; 279
выяснять, 107; 279
в этот момент, 110; 213; 253
вязать, 54
гаснуть, 29
гладить, 116; 243
глубокий, 9
глумиться, 120
глупеть, 94
глядеть, 116
гниение, 59
гнилой, 60
говаривать, 246; 247
говорить, 24; 63; 66; 67; 182; 212; 243

гореть, 29
гравировка, 60
грезить, 20
грустнеть, 94
гудок, 58
давать, 63; 127; 212; 237; 238
давно, 79
дать, 127
дважды, 78
двукратно, 78
дежурить, 245
делать, 23; 24; 28; 29; 85; 96; 97; 98
держаться, 253
держи карман шире, 174
длинный, 9
длительно, 253
длиться, 253
добиваться, 103; 106; 242
добиться, 103; 106
довести, 114
доводить, 114
доехать, 170
дождаться, 103; 106
дожидаться, 103; 104; 106
дознаваться, 279; 282
дознаться, 279
дойти, 113
доказать, 103; 104; 106
доказывать, 103; 104; 106; 242
долго, 19; 25; 253
донашивать, 53
доносить, 53
допускать, 125; 126
допустить, 125; 126
допытать(ся), 279
допытывать, 279
допытываться, 279; 282
достать, 38
доходить, 113; 243
дробильный, 61
дробленый, 61
дрожать, 247
думать, 118
думать о..., 30; 118
думать, что..., 27; 30; 118; 166
дурнеть, 94
дыхательный, 60
дядя, 38
едва не, 19
ездить, 63; 67; 212
если, 74; 205
есть, 41
ехать, 94; 253
еще недавно, 19
жаждать, 20
жалеть, 117; 244
ждать, 24
же, 197; 209
желать, 20
желтеть, 10
желтый, 9
женатый, 38
женитьба, 59
жив, 11
жить, 238; 245
забегать, 272
заболевать, 11; 92
заболеть, 11; 92
заботиться, 116; 244
забывать, 92; 99
забыть, 92; 99
заваливать, 112; 243
завалить, 112
заведовать, 120
завербовать, 279
завести, 114
зависеть, 30; 31; 253
заводить, 114
загнивание, 59
загораживать, 99; 114; 166; 243
загораться, 8
загореться, 8
загородить, 99; 114
загромождать, 112; 113; 166; 243
загромоздить, 112; 113
загрязниться, 92
загрязняться, 92
задабривать, 106
задобрить, 106
задыхаться, 248
зазвать, 106
зазывать, 106
заинтересовать(ся), 111; 118
зайти, 95
заканчивать, 136
заквасить, 47; 93
заквашивать, 47; 93
закисать, 93
закончить, 136
закрывать, 39; 112; 114; 139; 181; 236; 243
закрыть, 112; 114; 139
замерзать, 29; 92; 133; 166
замерзнуть, 92; 133
замечать, 25
заниматься, 115
заняться, 115
запаковать, 146
запаковывать, 146
запеть, 7; 13
заполнить, 113
заполнять, 113; 243
запрашивать, 282
запросить, 282
запугать, 106; 278
запугивать, 106; 278

заслонить, 114
заслонять, 114; 243
заснуть, 8; 11; 34; 35; 36; 39; 136; 137; 272; 273; 274
засохнуть, 92; 93; 131
заставить, 104; 107
заставлять, 104; 107; 166
застегивать, 248
застилать, 114; 243
застлать, 114
засуетиться, 7; 13; 272
засыпáть, 8; 11; 39; 40; 41; 136; 137
засыхать, 92; 93; 131
затихать, 93
заходить, 95
зацвести, 8; 13; 272
зацветать, 8
защита, 59; 60
защитить, 60; 107
защищать, 60; 107
заявить, 68; 216
звенеть (безл.), 63; 212
здравствуйте, 174
знать, 20; 25; 27; 30
зрелый, 60
играть, 67
идти, 24; 94; 95; 114; 166; 248; 253
изготавливать, 100
изготовить, 100
издеваться, 120
изменить, 113
изменять, 113
измерить, 145
измерять, 145
измываться, 120
изредка, 78
изучать, 53; 107
изучить, 53; 107
иначе, 172
иногда, 20; 65; 205; 213
интересовать(ся), 111; 118
искать, 106; 107; 145; 237; 238; 244
искусать, 24
исполнить, 99
исполнять, 99
испытание, 60
исчезать, 91
исчезнуть, 91; 170
каждый, 248
каждый день, 78
каждый раз, 205
казаться, 116
казнь, 60
как, 198
как?, 209
как же, 174
как правило, 65; 213
какой-нибудь, 205
как-то раз, 19; 20
каркать, 280
касаться, 243
кататься, 243; 244
катиться, 253
кивнуть, 40
кипячение, 59
клясться, 277
когда, 74; 205
колебаться, 247
колоть, 25
кольнуть, 25
командовать, 120
кончать, 12; 136
кончаться, 113; 136
кончить, 14; 170; 273
кончиться, 113; 136
копать, 145
краснеть, 94; 166
крепкий, 9
крепнуть, 10
кричать, 191
купание, 61
купаться, 61
купить, 41
кусать, 59
лгать, 12; 194
легко, 213
лежать, 11; 20; 24; 29; 244
лезть, 94
лет, 58
летательный, 60
летать, 247
лететь, 94
лечь, 9; 11; 100
ловить, 24; 103; 105; 106; 107; 237; 242
ложиться, 11; 39; 100
льстить, 117
любить, 20; 24; 25; 30; 111; 118; 119; 243
любой, 205; 248
любопытствовать, 282
мало-помалу, 13
махать, 247
медленно, 13; 40; 94; 272
мелеть, 10
мелкий, 9
менять, 107
мерещиться, 116; 243
мерить, 145
мертв, 11
мертвый, 38
мечтать, 20
мигнуть, 77
минуту назад, 261
многие, 248
молотильный, 61
молоченый, 61
морозить, 63; 212
мостильный, 61

мотивировать, 283
мощеная, 61
навек(и), 122
навечно, 122
нависать, 113; 114
нависнуть, 113; 114
навсегда, 122
надевать, 99
надеть, 9; 99
надолго, 122
назревание, 59
найти, 106; 107; 145
наказание, 58
наказывание, 58
накаркать, 280
наклонить, 100
наклонять, 100
нанесение, 60
нанизывание, 59
написать, 13; 28; 43; 99; 104
напророчить, 280
насладиться, 108; 116; 119; 135
наслаждаться, 108; 116; 119; 135; 244
насмехаться, 120
насовсем, 122
наставать, 91
настаивать, 107; 279
настать, 91
настоять, 107; 279
наступать, 60; 91
наступить, 60; 91
наступление, 59; 60
насытиться, 93
насыщаться, 93
находить, 25; 52; 106; 107; 145
начать, 14; 91; 170; 272
начаться, 87; 91; 113; 272; 274
начинать, 12; 91
начинаться, 91; 113
не, 110
некоторые, 248
ненавидеть, 30; 111; 118; 119; 243
ненадолго, 122
неожиданно, 253
непременно, 205
несколько раз, 78
ни в коем случае, 205
низкий, 9
никакой, 248
никогда, 205
ни один, 248
нищание, 59
ночевывать, 247
нравиться, 20; 117; 119
ну, 72
(ну) хорошо, 72
обдумать, 107
обдумывать, 107
обедать, 63; 212
обеднение, 60
обеспокоить, 118
обеспокоиться, 111; 118; 119
обещать, 277
обидеть, 108; 117
обидеться, 108; 119
обижать, 108; 117
обижаться, 108; 119; 243
обладать, 30
обмануть, 106
обманывать, 106
обменять, 107
обнажать, 262
обнажить, 262
обнаруживать, 115
обнаружить, 115
обнимать, 108; 109; 115
обнять, 108; 109; 110; 115
обожествить, 111
обожествлять, 111
обойти, 114
оборваться, 113
обрабатывать, 100
обработать, 100
образование, 60
обратить, 107
обращать, 107
обрываться, 113
обучение, 60
обходить, 114
объяснить, 107; 280
объяснять, 107; 242; 280; 283
обыск, 60
обычно, 65; 213
обязательно, 78; 205
огорчать, 117
огорчаться, 117
огорчить, 117
огорчиться, 117
ограничиваться, 262
один за другим, 248
однажды, 19; 20
оказаться, 262
оказываться, 262
окольцовывать, 248
окончательно, 163
окрасить, 96
окраситься, 96
окраска, 60
окрашивать, 96
окрашиваться, 96
окружать, 100
окружить, 100
окутать, 100
окутывать, 100
омрачаться, 93
омрачиться, 93
операция, 60
опошлиться, 93
опошляться, 93
опоясать, 114
опоясывать, 114
опрашивать, 282

опрокидывать, 100
опрокинуть, 100
опускать(ся), 100
опустить(ся), 100
осведомиться, 282
осведомляться, 282
осветительный, 60
оскорбить, 117
оскорблять, 117
оскудевать, 93
оскудеть, 93
ослабевать, 93; 246
ослабеть, 93
ослепить, 109
ослеплять, 109
осматривать, 100
осмотреть, 100
осмыслить, 103; 107
осмыслять, 103; 107
основать, 107
основывать, 107
оставаться, 80; 81
останавливать, 100
останавливаться, 100; 136
остановить, 100
остановиться, 100; 136
остаться, 80; 81
отвердевать, 93
отвердеть, 93
отвечать, 191
отвыкать, 182; 242
отгадать, 104; 106
отгадывать, 103; 106
отговаривать, 106; 279
отговорить, 106; 279
отдавать, 181; 236
отделить(ся), 100
отделять(ся), 100
отдохнуть, 105; 107
отдыхать, 105; 107; 245
отец, 38
открывать, 100; 181; 236
открываться, 100; 114
открыть, 100
открыться, 100; 114
откусить, 100
откусывать, 100
отламывать, 100
отличаться, 120
отломить, 100
отнять, 38
отобедать, 24
отогреваться, 93
отогреться, 93
отойти, 95; 114
отправляться, 159
отпрашиваться, 278
отпроситься, 278; 282
отпускать, 126
отпустить, 126
отставание, 60
оттаивать, 92; 94; 166
оттаять, 92; 94
отходить, 95; 114
отыскать, 104; 106
отыскивать, 104; 106
очнуться, 8
ощутить, 117; 119
ощущать, 12; 117; 119; 243
падать, 11; 101
паковать, 146
пахнуть, 24
певец, 58
перевезти, 100
перевернуть(ся), 100
перевозить, 100
переворачивать(ся), 100
передвигать, 100
передвинуть, 100
переезжать, 100
переехать, 100
перейти, 100; 114
перемещение, 60
переодевать(ся), 100
переодеть(ся), 100
переспрашивать, 282
переспросить, 282
переставать, 40; 91
перестать, 91; 273
переходить, 100; 114
перечитать, 100
перечитывать, 100; 248
писать, 25; 28; 43; 99; 104
пить, 41
плавать, 63; 67; 212; 244; 247
плакать, 24
плевать, 247
плотничать, 24
плохо, 213; 254
плыть, 94
побежать, 7; 170
побить, 49
поблагодарить, 68; 216
побледнеть, 94; 274
поболеть, 85
побриться, 28
поверить, 111
повернуть, 113
поворачивать, 113
повысить, 9; 102
повыситься, 9; 101; 131
повышать, 102
повышаться, 101; 131
погибнуть, 172
погладить, 116
поглупеть, 94
поглядеть, 116

погореть, 172
погружать, 98; 133
погружаться, 42
погрузить, 98; 133
погрузиться, 42
погрустнеть, 94
подбадривать, 107; 278; 279
подбивать, 106; 279
подбирать, 100
подбить, 106; 279
подбодрить, 107; 278; 279
подвести, 114
подводить, 114
подговаривать, 106; 279
подговорить, 106; 279
поддержать, 118
поддерживать, 118
подевать, 248
подзывать, 279
подначивать, 279
подначить, 279
поднимать, 100; 102
подниматься, 100; 114
поднять, 68; 100; 102; 215
подняться, 100; 114
подобрать, 100
подозвать, 279
подойти, 95; 114
подплывать, 136
подплыть, 136
подскакивать, 102
подскочить, 102
подстрекать, 244
подтвердиться, 262
подтверждаться, 262; 263
подтягивать(ся), 100
подтянуть(ся), 100
подумать, 118
подурнеть, 94
подходить, 95; 114
пожалеть, 117
позаботиться, 116
поймать, 24; 103; 105; 106; 107
пойти, 170
показать, 108
показаться, 116
показывать, 108
поклясться, 283
покорить, 109
покорять, 109
покраснеть, 94
покрывать, 113; 166; 243
покрыть, 113
покупать, 41
полагать, 23; 24; 30; 166
ползти, 94; 253
полностью, 19; 250
получаться, 262
получить, 40
пользоваться, 108; 109
польстить, 117
полюбить, 111; 118; 119
полюбопытствовать, 282
по мере того как, 77
померещиться, 116
понемногу, 13
понижать, 102
понижаться, 102
понизить, 102
понизиться, 102
понимать, 30; 111; 112
понимать что-л., 112
понимать, что..., 112
понравиться, 117; 119
понять, 111; 119
попросить, 180; 231; 278; 280; 281; 284
попытаться, 108; 116; 119
попытка, 60
порой, 20; 78
пороть (глупости), 194
портиться, 258
порча, 60
порывисто, 110
посетить, 45
посещать, 45; 61
посещаться, 61
посещение, 61
посмеяться, 120
посмотреть, 180; 231
постепенно, 13; 28; 37; 38; 89; 94; 272
постоянно, 78
постоять, 24
построить, 57; 99
поступать, 106
поступить, 106
потеть, 118; 119
потолстеть, 102
поцеловать, 41
починить, 30
почувствовать, 117
почудиться, 116
почуять, 117
появиться, 91; 100
появляться, 91; 100
пояснять, 283
править, 120
превратиться, 93
превращаться, 93
предлагать, 238
предотвратить, 107
предотвращать, 107
предупредить, 180; 231

предупреждать, 180; 231
предъявить, 115
предъявлять, 115
презирать, 30
прекрасно, 72
прекратиться, 91; 274
прекращать, 12
прекращаться, 91
пренебрегать, 108
пренебречь, 108
преобладать, 30
препятствовать, 154; 166
прерывать, 12
преувеличивать, 194
прибегать, 20
приближать, 102
приближаться, 94; 100; 101
приблизить, 102
приблизиться, 94; 100; 101
привести, 114
приводить, 18; 52; 114
придумать, 107
придумывать, 107
приезжать, 242
признавать, 111; 112
признать, 111
прийти, 25; 55
прикрепить, 100
прикреплять, 100
прилетать, 242
приносить, 18; 20; 52; 181; 236
принудить, 106
принуждать, 106; 166
приобрести, 100
приобретать, 100
приохотить, 107
приохочивать, 107
приспосабливать, 107
приспособить, 107
присутствовать, 24
приходить, 18; 20; 25; 52; 55; 181; 234; 236; 242
приціниваться, 282
приціниться, 282
пробить, 49
пробовать, 166; 237; 244
провоцировать, 106
проглатывать, 248
продвигаться, 102
продвинуться, 102
продолжать, 12; 14; 19; 22; 40; 127; 143
продолжаться, 253
продолжительно, 253
продолжить, 127; 143; 273
проживать, 245
проиграть, 172
пройти, 93; 95; 114
пропагандировать, 283
пропасть, 172
пропускать, 125; 126
пропустить, 125; 126
пророчить, 280
просить, 180; 231; 278; 280; 281; 282; 284
просыпаться, 39
проходить, 93; 95; 114
процарствовать, 28
прочесть, 180; 231
прочитать, 8; 98; 104
прыгать, 94; 247
прятать, 107
пугаться, 245
пускать, 125
пустить, 125
пытаться, 108; 116; 119; 166; 237; 244
работать, 29
равняться, 30; 31; 85; 127
радоваться, 20
разбег, 60
разбудить, 105; 107
разбухать, 102
разбухнуть, 102
развеселить, 117; 118
разгадать, 106
разгадывать, 106
разгораться, 85
разгореться, 85
раздавать, 100
раздать, 100
раздуваться, 102
раздуться, 102
разжевывать, 283
размышлять, 63; 212
размягчаться, 93
размягчение, 60
размягчиться, 93
разойтись, 95
разрезать, 100; 139
разубедить, 279
разубеждать, 279
разузнавать, 107
разузнать, 107
разъяснять, 283
разыскать, 107
разыскивать, 107
раскрывать(ся), 100
раскрыть(ся), 100
рассвести, 28
рассердить, 118
рассердиться, 111; 119
рассказать, 100
рассказывать, 100
расспрашивать, 100; 277; 279; 282

расспросить, 100; 279
расстегивать, 248
рассчитать, 100
рассчитывать, 100
расти, 63; 102; 182; 212
растолковать, 107; 283
растолковывать, 107; 283
расходиться, 95
расширить, 102
расшириться, 8; 9; 102; 134
расширять, 100; 102
расширяться, 102; 134; 182; 246
редко, 78
рехнуться, 24
решать, 103; 104; 106; 242
решить, 68; 103; 106; 215
рисовать, 29
роды, 59; 61
рождение, 59; 61
розыск, 60
руководить, 120
сагитировать, 279
садиться, 11; 39; 42; 100
самый, 205
сберечь, 273
свержение, 59
свернуть(ся), 100
свертывать(ся), 100
свестись, 262
светать, 28
светить, 29
сводиться, 262
связать(ся), 100
связывать(ся), 100
сглазить, 280
сдавать, 106
сдать, 106
сделать, 24; 28; 85; 96; 97; 98; 134
сдержать, 273
сейчас, 53
сейчас только, 261
сердить, 118
сердиться, 111; 119
сесть, 9; 11; 39; 42; 100; 274
сжатие, 58
сидеть, 11; 20; 244
сиживать, 141; 246; 247
сирота, 38
сказать, 24
склонить, 103; 106
склонять, 103; 106
скрывать, 115
скрыть, 115
слабый, 9
слышать, 12; 18; 28; 116; 118; 119; 182; 243
смеркаться, 63; 212
смерть, 58
смеяться, 120
смотреть, 63; 180; 182; 212; 231; 243
смягчать, 96
смягчить, 96
снижать, 100
снижаться, 94
снизить, 100
снизиться, 94
снимать, 248
сниматься, 262; 263
сняться, 262
собирать(ся), 100
соблазнить, 106
соблазнять, 106
собрать(ся), 100
совершенно, 9; 10; 100
совсем, 9; 10; 19; 40; 100; 163
согреваться, 92; 93
согреться, 92; 93
содержать, 24
соединить(ся), 100
соединять(ся), 100
создать, 40
сойти, 95
сократиться, 102
сокращаться, 102
сооружать, 57
соответствовать, 30; 31; 85
сохранить, 115; 273
сохранять, 115; 253
сохраняться, 253
спать, 11; 27; 29; 244; 245
справиться, 282
справляться, 282
спрашивать, 280; 282
спровоцировать, 106
спросить, 280; 282
спрятать, 107
спускать, 93
спустить, 93
сразу, 253
ссориться, 244
становиться, 37; 100
стараться, 166
стать, 37; 38; 100
стирать, 47
стоить, 253
стоять, 11; 20; 24
строить, 23; 57; 99
сужать, 102
сужаться, 102
сузить, 102
сузиться, 102
существовать, 24; 31
сходить, 95
считать, 23; 166
сшить, 98; 233

съесть, 41
так, 265; 266
так и, 174
такой, 174; 205
танцевать, 29
таять, 29
толстеть, 102
только сейчас, 261
только что, 261
тонуть, 248
трахнуть, 24
тревожиться, 111
трехкратно, 78
трижды, 78
трогать, 108; 116; 132; 182; 243
тронуть, 108; 116; 132
трястись, 247
тут как-то, 253
ты, 209
убедить, 106; 132; 279
убеждать, 106; 132; 242; 279
уберегать, 107
уберечь, 107
убийство, 59
убрать, 99
уважать, 63; 212
увеличивать, 102; 103
увеличиваться, 12; 102; 182
увеличить, 102; 103
увеличиться, 8; 102
уверить, 106; 138; 279
уверять, 106; 138; 244; 279
увещевать, 283
увидеть, 8; 24; 116; 118; 119; 216
увлажнить, 96
увлажнять, 96
увлекаться, 111; 112; 119
увлечься, 111; 119
увядание, 60
угасать, 93; 94
угаснуть, 93; 94
углубиться, 9; 93
углубляться, 93
уговаривать, 106; 134; 237; 242; 279
уговорить, 106; 134; 279
удалить, 102
удалиться, 101
удалять, 102
удаляться, 101
удар, 59
ударить, 41; 59
ударять, 41; 59
удивить, 117
удивлять, 117
удлинить, 9
удлиниться, 9; 102
удлиняться, 12; 102
уезжать, 242
уже, 156
узнавать, 107; 279
узнать, 107; 279; 283
уйти, 170
укус, 59
укусить, 59
уламывать, 279
улетать, 242
уломать, 279
улучшать, 102
улучшаться, 101; 166
улучшение, 60
улучшить, 102
улучшиться, 101
уменьшать, 102
уменьшаться, 102
уменьшить, 9; 102
уменьшиться, 9; 102
умереть, 9; 11; 24; 37; 38; 39; 136; 137
умирание, 58
умирать, 11; 24; 37; 39; 136; 137; 248
умолить, 106; 237; 278; 282
умолять, 106; 237; 244; 278; 281; 282
уносить, 181; 236
упаковать, 146
упаковывать, 146
упасть, 9; 11; 101
управлять, 63; 212
упрашивать, 106; 278
упросить, 106; 278; 282
урезонивать, 279
урезонить, 279
ускорить(ся), 9
услыхать, 216
услышать, 8; 116; 118; 119
уснуть, 40
успокаивать, 96; 107; 242; 278; 279
успокоить, 96; 107; 278; 279
устаревать, 246
устраивать, 53
устроить, 53
усыпить, 107
усыплять, 107; 242
утешать, 107; 242; 278; 279
утешить, 107; 278; 279
утолститься, 102
утолщаться, 102
утоньшить(ся), 9
уходить, 181; 236; 242
ухудшать, 102
ухудшаться, 101; 166
ухудшить, 102
ухудшиться, 101
учение, 60

хаживать, 141; 246; 247
хлопать, 59
хлопнуть, 13; 59
хлопок, 59
ходатайствовать, 282
ходить, 24; 64; 213; 247
хорошо, 213; 254
хотеть, 20
худеть, 32
царствовать, 24; 28
цвести, 245
целиком, 250
целовать(ся), 247
целый день, 253
часто, 20; 65; 78; 205; 213
чинить, 29; 30
читать, 8; 54; 66; 98; 104; 180; 231
чтец, 58
что?, 209
чувствовать, 12; 21; 117; 243; 244
чудиться, 116; 243
чуть не, 19
чуять, 117
шагать, 248
шептать, 191
шить, 23; 98; 233
шутить, 194; 277
щупать, 243
этот, 250

Указатель терминов

абсолютный предел, 10
агентивные глаголы, 31
активность-неактивность субъекта, 31
активные глаголы, 29; 31
актуально-длительное значение НСВ, 4; 15-18; 20; 23; 25; 26; 31; 34; 39; 41; 46; 50-54; 64-66; 74; 82; 106; 111; 112; 127; 130; 131; 145; 163; 164; 179; 200; 213; 217; 230; 233; 234; 237-241; 245; 246; 248-258; 280
ассерция, 36; 48; 105; 122; 123; 126; 281; 283; 284
безличные глаголы, 212
близкое будущее, 155; 157; 158
будущее СВ для обозначения внезапно наступившего действия в прошлом, 198; 199
будущее СВ о прошлом факте как удивительном, неожиданном, 175; 197
видовая граммема, 16; 51
видовая пара, 39; 49; 55; 96; 118; 119
видовое значение глагола, 28; 36; 46; 56; 57; 61; 89; 137
видовое значение члена видовой пары, 136; 146
видовые инварианты см. инвариант
внешний предел, 8; 54
внутренний предел, 8; 24; 274
временная граница, 10; 157; 264; 275
временная локализация (локализованность), 200; 201
временной дейксис, 158; 216; 217; 218; 229
временные локализаторы, 179; 181
вторичная имперфективация, 139
газетно-публицистический тип речи, 228
гиперболическое множественное, 197
гипотетически-негативное значение СВ, 70
глаголы активного восприятия, 116
глаголы активного действия, 29
глаголы в предельном употреблении, 14; 91
глаголы говорения, 191; 194
глаголы движения, 23; 164
глаголы деятельности, 25; 26
глаголы достижения, 25; 26
глаголы интенсиональной семантики, 194; 196
глаголы исполнения, 25; 26
глаголы мгновенного действия, 8; 13
глаголы моментального действия, 40
глаголы пассивного восприятия, 116
глаголы передачи информации, 243
глаголы перемещения, 95; 166; 191; 242
глаголы речи, 23; 192; 260
глаголы состояния, 25; 26
глаголы физического действия, 164
глаголы чувства, 23
глаголы эмоционального состояния, 117
гномическое время, 200
гномическое значение НСВ, 201
гномичность, 35; 127
гомогенные ситуации, 26
граммема времени, 51
граммема наклонения, 51
данное, 235
действительный залог, 51; 54
действие, 26; 27
делимитативные глаголы, 123
делимитативы, 13
денотативный статус, 37; 64; 213
деятельность, 27; 116
динамические активные действия-события, 29
динамические активные процессы, 29
динамические активные события, 29
динамические глаголы, 29
динамические значения, 112
динамические неактивные процессы, 29
динамические неактивные события, 29
динамические ситуации, 26; 29
динамическое употребление, 109
дискретность действия, 182; 245; 246; 248; 250; 261
длительное значение НСВ, 238
длительное нерезультативное действие, 17

длительность, 16; 19; 28; 57; 122; 244; 266
длительность действия, 182
достижения, 28; 212
единичное действие, 187; 193; 258
живописное настоящее, 222
живописный компонент, 162
законченность, 7; 8; 11; 14; 270
запланированное будущее, 33
изобразительность, 161; 184; 228
изобразительный компонент, 161
изъявительное наклонение, 54
иллокутивная сила, 277
иллокутивная функция, 192; 193
иллокутивные глаголы, 278
иллокутивный акт, 37; 277; 278
иллокутивы, 278; 282; 283
иллятивное значение, 283
импликатура, 175
инвариант, 7; 17; 31; 46; 127; 130; 135; 146; 150; 184; 268-277
инвариант СВ, 10; 268; 270; 272; 273; 275
инвариантное значение, 7; 14; 16; 17; 127
ингрессивный подтип начинательного способа действия, 119
инклюзивные обстоятельства, 25; 26; 43; 179
интенсиональные глаголы, 104
интерпретационные глаголы, 108
интерпретационный (смысловой) подход к изучению видов, 6; 34
интерпретационный подход, 37
инфинитив СВ, 215
инхоативные глаголы, 92
инхоативный тип, 120
итеративизация глагола, 142
каузативное значение, 112
каузативность, 131
каузативные глаголы, 23; 91; 95; 97; 102; 103; 130; 132
качественные прилагательные, 9
квазисинонимические ряды, 226
квазисинонимичность, 149
кванторные слова, 205; 207; 209
коммуникативная организация высказывания, 37
конец, 7; 8; 12; 13; 91; 182
конкретно-процессное значение НСВ, 52
конкретно-процессуальное значение НСВ, 25
конкретно-референтный статус, 64; 213
конкретно-фактическое значение СВ, 4; 14; 34; 46; 51; 53; 54; 74; 90; 127; 129; 131; 221; 230
конкуренция видов, 149; 221; 226
контактно-двигательные глаголы, 108; 116; 243
контаминация, 258; 259; 261
контролируемое действие, 32; 33
контролируемое положение вещей, 31; 32
контролируемость, 32; 33
контролируемые действия, 32
кратность, 207
кратность действия, 182; 205; 207; 245; 246; 248; 249; 250
лексическая функция, 11
лексическое значение видовой пары, 97; 133; 135; 136
лексическое значение глагола, 9; 28; 46; 56; 57; 61; 89; 90; 130; 132; 133; 134; 136; 193; 208; 236; 237; 281
лексическое значение глагольной основы, 57
лексическое значение отглагольного существительного, 135
лексическое значение члена видовой пары, 136; 137
локализованность во времени, 19; 20; 200; 231
маркированный член оппозиции, 18; 19
мгновенность, 28; 94
мгновенные ситуации, 28
ментальные глаголы, 164
метатекст, 218
метатекстовая функция, 148; 192; 217; 218; 221; 226
многократное действие, 187
многократное значение НСВ, 15; 107; 145; 210; 220; 255; 258
многократный способ действия, 141
множественность, 35
модальная рамка, 36; 48; 86; 161; 162; 174; 185; 186; 226; 227
момент, 8; 176; 177; 233
момент наблюдения, 52; 85; 121; 200; 240
момент речи, 121; 162; 185; 200; 218

моторно-кратные глаголы, 23; 182; 243; 244; 247
моторно-некратные глаголы, 23; 63; 67; 164; 182; 212; 239; 244; 252
наблюдатель, 113; 114; 163; 187; 218; 219
наглядно-примерное значение, 74
намеренное действие, 31
намеренность, 32
наречия полной степени признака, 10
настоящее воображаемое, 161; 163; 222
настоящее запланированного будущего, 33; 155; 156; 186
настоящее историческое значение НСВ, 16; 20; 21; 43; 45; 74; 109; 112; 114; 142; 143; 145; 160-163; 175; 183-188; 199; 200; 222; 228
настоящее намерения, 155
настоящее намеченного действия, 156
настоящее НСВ интерпретационное, 175; 193; 199
настоящее НСВ непосредственно предшествующего действия, 175; 191; 199
настоящее НСВ о прошлом факте как неслучайном, типичном, 175
настоящее НСВ предстоящего действия, 155
настоящее НСВ экспозиционное, 175; 194; 199
настоящее профетическое, 33; 153
настоящее эмоциональной актуализации, 175; 196; 197; 227
научный тип речи, 227
начало, 12; 13; 40; 91; 182
начинательное значение, 7
начинательность, 7; 34; 35; 36; 271
начинательный способ действия, 21; 108; 118; 119; 120; 121; 122; 123; 143; 271; 272
неагентивные глаголы, 31
неактивные глаголы, 29
неволевые глаголы, 31
негомогенные ситуации, 26
нединамические ситуации, 26; 27
недлительность, 12; 28; 57
некаузативные глаголы, 91; 101; 131
неконтролируемое действие, 32
неконтролируемое положение вещей, 31; 32
ненамеренное действие, 31
ненамеренность, 32
неодушевленность, 31
неопределенность действия, 182
неопределенные обстоятельства времени, 181
непарные начинательные глаголы, 13
непредельные глаголы, 8; 10; 12; 14; 100; 101; 131
непредельные прилагательные, 9; 10
непредельные процессы, 102
непрерывность действия, 182
непроизвольное действие, 31; 32
непротяженность, 12
нерезультативное значение, 253
нестандартное видовое соотношение, 137; 138
нестандартное лексическое соотношение, 138
нестандартные видовые пары, 143; 280
неточечное значение СВ, 42
нецелевые глаголы, 31
нецеленаправленное действие, 31; 33; 103; 164
нецеленаправленность, 32
нецеленаправленные глаголы, 31; 91; 95; 130
нецеленаправленные каузативы, 96; 103; 117
нецеленаправленный процесс, 32
нецелесообразно действующий субъект, 211
новое, 235
область действия, 36
обобщенно-личное значение, 209
обстоятельства времени, 42
обстоятельства длительности, 25; 26; 43; 143; 253
обстоятельства точечности, 25; 26; 94
общефактическое двунаправленное значение НСВ, 178; 180-182; 200; 231; 234; 235-238; 240-243; 247; 254
общефактическое значение НСВ, 12; 15-17; 51; 90; 107; 145; 175; 178; 183; 199; 200; 217; 220; 221; 230-232; 234; 237-239; 241; 243; 244; 246-254; 256; 257
общефактическое нерезультативное значение НСВ, 178; 231; 237-239; 240; 242; 243; 245; 253; 254

общефактическое результативное значение НСВ, 178; 181: 182; 200; 231; 233; 238-248; 254; 256; 257
ограничительный способ действия, 108; 120; 123; 143
одновидовой глагол, 49
одушевленность, 31
определенность действия, 182
отглагольные имена, 61
отглагольные прилагательные, 60; 61
отглагольные существительные, 57-61; 135
отдаленное будущее, 157; 158
относительный предел, 10
официально-деловой тип речи, 228
параметрические прилагательные, 9
партикуляризация, 208
пердуративные глаголы, 124
пердуративный способ действия, 43
пердуративы, 13
перемещающийся наблюдатель, 114
пересказ, 4; 148; 216; 217; 218; 219; 220; 221; 222; 223; 225; 226; 229
пересказывательная функция, 148; 217; 219; 222
перлокутивные глаголы, 277; 278
перлокутивный акт, 277
перлокутивы, 278; 280; 281; 282; 283
перлокуция, 277; 280
перфектное значение, 113; 177
перформативы, 277
перцептивные глаголы, 108
повелительное СВ для обозначения внезапно наступившего действия в прошлом, 198
повторная дескрипция, 4; 148; 216; 226; 229
постоянно-непрерывное значение НСВ, 52
потенциально-узуальное значение НСВ, 210
потенциальное значение, 65; 66; 67
потенциальное значение НСВ, 15; 62; 63; 64; 65; 107; 210; 211; 254; 256
потенциальное значение СВ, 15; 51; 67; 68; 69; 214
потенциальные действия, 210
правила модификации инвариантного видового значения, 130; 131
прагматическая импликатура, 122; 274
предел, 8; 9; 10; 16; 24; 54; 274
предельное прилагательное, 10
предельность, 7; 8; 9; 10; 11; 12; 14; 23; 97; 100; 131; 270; 271; 273
предельность глагола, 10
предельные глаголы, 8-10; 14; 25; 40; 87; 91; 100; 103; 248; 270; 271; 272
предельные каузативные глаголы, 130
предельные каузативы, 99
предельные некаузативные глаголы, 130; 131
предельные прилагательные, 9
предстоящее действие, 148; 153; 160; 163; 174; 175; 226
пресуппозиция, 36; 48; 105; 173; 280; 281; 283; 284
претерит, 19; 84
претеритальный НСВ, 191
префиксация, 139
привативная оппозиция, 18
признаковый подход, 34
признаковый подход к изучению видов, 6
природные процессы, 63; 121; 165; 212
приставочные видовые пары, 138
произвольное действие, 31; 32
профетическое значение, 33; 153; 154; 164
процессность, 19; 239
процессно-фактическое значение НСВ, 164; 239
процесс, 25-29
процессы, лишенные внутреннего предела, 24
прошедшее НСВ в значении «сказового» действия, 175; 187
прошедшее НСВ общефактическое, 175; 178
прошедшее НСВ предстоящего действия, 168
прошедшее профетическое, 153
прошедшее СВ, 175
прошедшее СВ в значении близкого будущего, 153; 154; 169; 170; 228
прошедшее СВ в значении иронического отрицания будущего действия, 153; 172
прошедшее СВ в значении неизбежного будущего, 153; 171; 227
путативные глаголы, 23
разговорная речь, 228
результат, 11

результативное недлительное действие, 17
результативность, 7; 11; 12; 14; 17; 34; 35; 57; 270; 271
рема, 183; 209; 235; 252
речевые акты, 138; 217; 277
семантическая область действия, 37
семантическая сочетаемость единиц, 37
семантический инвариант, 4; 38; 45; 150
семантически слабый элемент значения, 175
синкретизм, 258
синонимия видов, 149
синтаксическая зависимость, 37
синтаксическая сочетаемость единиц, 37
скрытая семантика, 226
скрытые грамматические категории, 149
слабый элемент значения, 180
словоизменительная категория, 144; 146
смысловой подход, 34
смысловой подход к описанию видов, 34
собирательная множественность, 35
событие, 26-30
состояние, 27; 28
способы действия, 21; 28; 139; 143
статальное значение, 109; 110; 112; 113; 119
статальное обстоятельство, 110
статальное употребление, 109
статальные глаголы, 108; 119; 182; 243
стативное значение, 49; 119
стативность, 30; 31; 165
стативные глаголы, 8; 30; 31
стативы, 108
статические ситуации, 29
страдательный залог, 51
суммарное значение СВ, 76; 77; 78
суффиксальная имперфективация, 55; 119
сценическое настоящее, 142
тема, 183; 235; 252
тематические гласные, 141
толковательное описание видов, 37
толковательный подход, 35
тотальность, 14
точечное значение СВ, 4; 23; 39; 40; 42; 46; 53; 74; 90; 129; 181; 230; 234
точечность, 7; 12; 14; 18; 25; 26; 40; 43; 94; 121; 233; 271; 272
точка отсчета, 83; 84; 200; 219
третичный дейксис, 218
узуальное значение НСВ, 15; 17; 64; 73; 74; 107; 145; 179; 189; 200-202; 205-207; 209; 210; 213; 220; 227; 234; 253; 255; 259; 276
узуальное значение СВ, 15; 74; 78; 201-203; 206; 209; 256; 264; 276
узуальность, 35
узуальные действия, 200
условное значение СВ, 73
фазовые глаголы, 12; 13; 19; 22; 40; 41; 59; 91; 191; 252; 273
фактитивные глаголы, 23
фактическое значение СВ, 90
факультативный элемент значения, 175
фреквентативное значение НСВ, 15
художественное повествование, 229
целевые глаголы, 31; 32
целенаправленное действие, 31; 33; 96; 103; 104; 106; 107; 126; 132; 156; 164; 165; 166
целенаправленность, 32; 131
целенаправленные глаголы, 31; 33; 91; 99; 130; 164; 166
целенаправленные каузативы, 96; 103
целенаправленный процесс, 32
целесообразно действующий субъект, 211
целесообразный субъект, 62
целостность, 7; 13; 14; 18; 19; 271; 272
цель, 32; 85
чистовидовые пары, 55; 118; 119; 137-140; 142; 143; 144; 145
чистовидовые приставочные пары, 143
эквиполентная оппозиция, 17
Accomplishments, 25
Achievements, 25
Activities, 25
beginning, 40
praesens historicum, 184
praesens propheticum, 155; 156
praeteritum propheticum, 169
States, 25

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ... 3

Принципы изучения семантики видов и видовых противопоставлений ... 6
1. Признаковый подход к описанию видов ... 7
1.1. Вопрос об инварианте в значениях видов ... 7
1.1.1. Интерпретация значений СВ ... 7
1.1.2. Интерпретация значений НСВ ... 14
1.2. Соотношение СВ и НСВ на основе различительных признаков ... 17
1.2.1. Отдельные признаки как основа описания соотношения видов ... 17
1.2.2. Набор дифференциальных признаков как основа описания соотношения видов ... 19
2. Семантические классификации глаголов, существенные для изучения семантики видов ... 23
2.1. Классификация Ю. С. Маслова ... 24
2.2. Классификация З. Вендлера и ее развитие ... 25
2.3. Классификация Ф. Данеша ... 29
2.4. Некоторые аспектуально значимые признаки ... 30
3. Интерпретационный (смысловой) подход к описанию видов ... 34
4. Цель и принципы работы ... 46
4.1. Метод исследования ... 46
4.1.1. Толкование как основной прием описания ... 46
4.1.2. Лингвистический эксперимент ... 48
4.2. Единица описания ... 49
4.3. Форма толкуемого глагола ... 51
4.4. Выбор контекстов ... 52
4.5. Материал ... 55

Некоторые трудности изучения семантики видов ... 56
1. О трудности разделения видового и лексического значения глагола в глагольной словоформе ... 56
1.1. Рефлексы вида в отглагольных существительных ... 57
1.2. Рефлексы вида в отглагольных прилагательных ... 60
2. О трудности «локализации» значений, выражаемых видовременной формой ... 61
2.1. Потенциальное значение НСВ — лексическое или видовое? ... 62
2.2. Потенциальное значение СВ — значение вида vs. значение времени и инфинитива? ... 67
2.3. Синтаксически связанные модальные значения СВ — значения вида или синтаксической конструкции? ... 70
2.3.1. Гипотетически-негативное значение ... 70
2.3.2. Условное значение ... 73
3. О трудности разделения значения вида и лексического контекста ... 76
3.1. Есть ли у СВ «суммарное значение»? ... 76

www.ruslang.ru

3.2. Обманчивая идентичность контекстов при разных видах ... 79

Семантические типы видового противопоставления ... 82
1. Вводные замечания ... 82
2. Исходные и промежуточные понятия в толкованиях ... 83
3. Стандартные типы видового противопоставления ... 90
3.1. Первый тип: 'начинать(ся)' — 'начать(ся)' ... 91
Подтип А ... 91
Подтип Б ... 96
3.2. Второй тип: 'становиться' — 'стать'. ... 100
3.3. Третий тип: 'действовать с целью' — 'цель реализована' ... 103
Подтип А ... 106
Подтип Б ... 107
3.4. Четвертый тип: 'быть в состоянии' — 'начать быть в состоянии и быть в нем' ... 108
Подтип А ... 110
Подтип Б ... 115
Промежуточный подтип ... 116
Периферийный характер четвертого типа ... 118
Семантические отличия формы СВ данного аспектуального типа от способов действия ... 120
3.5. Заключительные замечания о стандартных типах видового противопоставления ... 125
4. Некоторые случаи нестандартного видового противопоставления ... 125
5. Некоторые теоретические выводы из рассмотренного материала ... 127
5.1. Вопрос о видовых инвариантах ... 127
5.2. Соотношение СВ и НСВ по большей / меньшей смысловой сложности ... 131
5.3. Лексическое значение глагола ... 132
5.4. К понятию чистовидовой пары ... 138
5.5. К вопросу о словоизменительном характере категории вида ... 144

Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм: основные классы частных видо-временных значений ... 148
1. Вводные замечания ... 148
2. Грамматические способы выражения значения 'предстоящее действие' ... 153
2.1. Предстоящее действие, выражаемое формами будущего времени обоих видов ... 153
2.2. Настоящее НСВ предстоящего действия ... 155
2.3. Прошедшее НСВ предстоящего действия ... 168
2.4. Прошедшее СВ в значении близкого будущего (praeteritum propheticum) ... 169
2.5. Прошедшее СВ в значении неизбежного будущего ... 171
2.6. Прошедшее СВ в значении иронического отрицания будущего действия ... 172
3. Грамматические способы выражения значения 'действие в прошлом, достигшее результата' ... 175
3.1. Прошедшее СВ ... 176

3.2. Прошедшее НСВ общефактическое 178
3.3. Настоящее историческое 183
3.4. Прошедшее НСВ в значении «сказового» действия 187
3.5. Настоящее НСВ непосредственно предшествующего действия 191
3.6. Настоящее НСВ интерпретационное 193
3.7. Настоящее НСВ экспозиционное 194
3.8. Настоящее НСВ о прошлом единичном факте как неслучайном, типичном (настоящее эмоциональной актуализации) 196
3.9. Будущее СВ о прошлом факте как удивительном, неожиданном 197
3.10. Будущее СВ или повелительное наклонение СВ (квазиимператив) для обозначения внезапно наступившего действия в прошлом 198
4. Грамматические способы обозначения узуальных и потенциальных действий 200
4.1. Узуальные действия 200
4.1.1. Понятие локализованности во времени 200
4.1.2. Узуальное значение НСВ 201
4.1.3. Узуальное значение СВ 202
4.1.4. Сопоставление прошедшего и будущего СВ в узуальном значении 203
4.1.5. Различие между узуальным СВ и узуальным НСВ 206
4.1.6. Контекстные условия реализации узуального значения 209
4.2. Потенциальные действия 210
4.2.1. Потенциальное значение НСВ 210
4.2.2. Потенциальное значение СВ 214
5. Грамматические способы обозначения действия при повторной дескрипции (пересказе текстов) 216
5.1. Типы пересказа и временной дейксис 216
5.2. Литературный пересказ-повествование 219
5.3. Изображение событий как фактов прошлого 220
5.4. Изображение событий как фактов настоящего 221
5.5. Изображения событий как фактов будущего 222
5.6. Сценические ремарки 223
5.7. Заголовки (подзаголовки) 224
6. Заключительные замечания 226

Общефактическое значение несовершенного вида (формы прошедшего времени) 230
1. Значение общефактического несовершенного 231
1.1. Три разновидности общефактического значения 231
1.2. Распределение трех значений общефактического по семантическим классам глаголов 240
1.3. Семантическая основа общефактического 244
2. Языковые условия, благоприятствующие реализации общефактического значения 246
2.1. Выражение дискретности, кратности в значении самого глагола 246

2.2. Выражение значения дискретности, кратности, неопределенности актантами глагола 248
2.3. Выражение значения дискретности, кратности, неопределенности сирконстантами глагола 250
2.4. Типы предложения, благоприятные для реализации общефактического значения 251
2.5. Фактор актуального членения 252
3. Условия, препятствующие реализации общефактического значения 252
3.1. Выражение длительности, недискретности, некратности действия в значении самого глагола 252
3.2. Выражение длительности, некратности в сирконстантах глагола 253
4. Общефактическое значение у причастий 254

Диффузные видо-временные значения 255
1. Значения НСВ 255
2. Значение СВ 256
3. Диффузность видо-временных значений 257
3.1. Тип первый — синкретизм 258
3.2. Тип второй — контаминация 259
3.3. Особый тип диффузности 262
4. Ситуативно обусловленные модальные добавки 263
4.1. Модальные добавки к узуальному значению СВ и НСВ 264
4.2. Ситуативно обусловленная оценка, выражаемая удвоением глагольной формы 266

Видовой инвариант как фикция и как реальность (на материале совершенного вида в русском языке) 268

Русские речевые акты и вид глагола 277
1. Иллокутивные и перлокутивные эффекты речевых действий в русском языке 277
2. Члены видовой пары — разные РА 284

Литература 285

Указатель лексем 300

Указатель терминов 309

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ГЛОВИНСКАЯ
Марина Яковлевна

МНОГОЗНАЧНОСТЬ
И СИНОНИМИЯ
В ВИДО-ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ
РУССКОГО ГЛАГОЛА

Редактор — С.О. Савчук
Организация издания — А.А. Шумейко

Издание осуществлено совместно
издательствами «Азбуковник» и «Русские словари»
ruslo@mail.sitek/net.
Лицензия ЛР № 065808 от 14 апреля 1998 г.

ISBN 5-93259-020-3
9 785932 590201 >

Подписано в печать 15.09.01 г.
Печать офсетная. Формат 84x108/32.
Объем 16,8 усл.п.л. Тираж 1000 экз.
Заказ № 646.

Московская типография № 2 Министерства по делам
печати, информации и телерадиокоммуникаций.
Тел. 282-24-91.
129085, Москва, пр. Мира, 105.